

DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1

ISSN 2313-6197 (Online)
ISSN 2308-152X (Print)

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2018. Том 6, № 1

ZOLOTOORDYNSKOE OBOZRENIE=
GOLDEN HORDE REVIEW
2018. Vol. 6, no. 1

Научный журнал

Academic Journal

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ГБУ «Институт истории
им. Ш. Марджани Академии наук
Республики Татарстан»

FOUNDER:

State Institution
«Sh.Marjani Institute of History
of Tatarstan Academy of Sciences»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77–54682 от 9 июля 2013 г.
выдано Роскомнадзором

Certificate of registration in the mass media
ПИ № ФС77–54682 given by Roskomnadzor
on 9 July 2013

Журнал основан в апреле 2013 г.

Journal was founded in April 2013

Выходит 4 раза в год

Published 4 times a year

РЕДАКЦИЯ:

420014, г. Казань, Кремль, подъезд 5 (юррид.)
420111, г. Казань, ул. Батурина, 7
Тел./факс (843) 292 84 82 (приемная),
292 00 19

EDITORIAL OFFICE:

420014, Kazan, Kremlin, entrance 5 (juridical)
420111, Kazan, Baturin Str., 7
Tel./Fax (843) 292 84 82 (reception),
292 00 19

Подписной индекс в каталоге
«Каталог Российской Прессы» – **31999**

Subscription index in the «Catalogue
of the Russian Press» – **31999**

ЖУРНАЛ ИНДЕКСИРУЕТСЯ В:

Scopus
Emerging Sources Citation Index (ESCI)
Directory of Open Access Journals (DOAJ)
Ulrich's Periodicals Directory
Российский индекс научного
цитирования (РИНЦ), РГБ
AcademicKeys, ResearchBib, WorldCat
Научная электронная библиотека
открытого доступа КиберЛенинка
Google Scholar, СОЦИОНЕТ

THE JOURNAL IS INDEXED BY:

Scopus
Emerging Sources Citation Index (ESCI)
Directory of Open Access Journals (DOAJ)
Ulrich's Periodicals Directory
Russian Science Citation
Index Database, RSL
AcademicKeys, ResearchBib, WorldCat
Scientific Electronic Open Access
Library CyberLeninka
Google Scholar, SOCIONET

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (список научных журналов ВАК МОиН РФ)

<http://goldhorde.ru>

E-mail: mail@goldhorde.ru

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан», 2018

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

И.М. Миргалеев, к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Р.С. Хакимов, д.и.н., директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, вице-президент АН РТ, академик АН РТ, председатель редакционного совета (Казань, Российская Федерация)

В.В. Трепавлов, д.и.н., главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений (Москва, Российская Федерация)

И.В. Зайцев, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН и Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Д.В. Колодзейчик, Ph.D. (история), профессор, директор Института истории Варшавского университета (Варшава, Польша)

Никола Ди Козмо, Ph.D. (история), профессор истории Восточной Азии, Институт перспективных исследований (Принстон, Нью Джерси, США)

Тимоти Мэй, Ph.D. (история), профессор истории Центральной Евразии, университет Северной Джорджии (США)

Джудит Колбас, Ph.D., адъюнкт-профессор истории, университет Майами (Оксфорд, Огайо, США)

Иштван Вашари, Ph.D. (история), профессор Университета им. Лоранда Этвеша (Будапешт, Венгрия)

Чарльз Гальперин, Ph.D. (история), научный сотрудник Института исследований России и Восточной Европы, Индианский университет (Блумингтон, США)

М.Г. Крамаровский, д.и.н., ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, куратор центрально-азиатских коллекций (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

А.А. Горский, д.и.н., профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)

Мария Иванич, Ph.D. (история), профессор, руководитель кафедры алтаистики и тюркологической исследовательской группы Академии наук Венгрии, Университет Сегеда (Сегед, Венгрия)

Д.М. Исхаков, д.и.н., главный научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

В.Н. Настич, к.и.н., заведующий отделом письменных источников Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Р.Ю. Почекаев, к.ю.н., профессор, заведующий кафедрой юридического факультета Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

К.З. Ускенбай, к.и.н., заведующий отделом древней и средневековой истории Казахстана и сопредельных стран Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК (Алматы, Казахстан)

Б.В. Черкас, д.и.н., старший научный сотрудник Института истории Украины НАН Украины (Киев, Украина)

Ильяс Кемалоглу, Ph.D. (история), доцент исторического отделения Университета изящных искусств им. Мимара Синана (Стамбул, Турция)

Г.В. Владимиров, Ph.D. (история), главный эксперт Министерства культуры Болгарии (София, Болгария)

Александр Узелац, Ph.D. (история), научный сотрудник Института истории (Белград, Сербия)

РЕДАКЦИЯ

Редакторы английских текстов: **Роман Хаутала**, Ph.D. (история), старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; доцент исторического отделения гуманитарного факультета университета Оулу (Оулу, Финляндия); **Стивен Поу**, аспирант (средневековая история), Центрально-Европейский университет (Будапешт, Венгрия)

Литературный редактор: **Аксанов Анвар Васильевич**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Корректор: **Сайфетдиновна Эльмира Гаделзяновна**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор, ответственный секретарь: **Гиниятуллина Люция Сулеймановна**, младший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

CHIEF EDITOR

I.M. Mirgaleev, Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

R.S. Khakimov, Dr. Sci. (History), Director, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (TAS), Vice-president of TAS, Academician of TAS (Kazan, Russian Federation)

V.V. Trepavlov, Dr. Sci. (History), Chief Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Chief of the Center of History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations (Moscow, Russian Federation)

I.V. Zaytsev, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

D.V. Kołodziejczyk, Ph.D. (History), Professor, Director of the Institute of History, University of Warsaw (Warsaw, Poland)

Nicola Di Cosmo, Ph.D. (History), Professor of East Asian History, Institute for Advanced Study (Princeton, New Jersey, USA)

Timothy May, Ph.D. (History), Professor of Central Eurasian History, University of North Georgia (USA)

Judith Kolbas, Ph.D., Adjunct Professor of History, Miami University (Oxford, Ohio, USA)

István Vásáry, Ph.D. (History), Professor, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary)

Charles J. Halperin, Ph.D. (History), Research Associate, Russian and East European Institute, Indiana University (Bloomington, USA)

M.G. Kramarovsky, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Oriental Department, State Hermitage Museum, Curator of Central Asian Collection (St. Petersburg, Russian Federation)

A.A. Gorsky, Dr. Sci. (History), Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Mária Ivanics, Ph.D. (History), Professor, Head of the Department of Altaic Studies and Turcological Research Group of the Hungarian Academy of Sciences, University of Szeged (Szeged, Hungary)

D.M. Iskhakov, Dr. Sci. (History), Chief Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

V.N. Nastich, Cand. Sci. (History), Head of the Department of Oriental Written Sources, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

R.Yu. Pochekaev, Cand. Sci. (Jurisprudence), Professor, Law Faculty, St. Petersburg branch of the National Research University «Higher School of Economics» (St. Petersburg, Russian Federation)

K.Z. Uskenbay, Cand. Sci. (History), Head of the Department of Ancient and Medieval History of Kazakhstan and neighboring countries, Shoqan Valikhanov Institute of History and Ethnology under the Scientific Committee of the Ministry of Science and Education of the Republic of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan)

B.V. Cherkas, Dr. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv, Ukraine)

Ilyas Kemaloğlu, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of History, Faculty of Natural Sciences and Literature, Mimar Sinan Fine Arts University (Istanbul, Turkey)

G.V. Vladimirov, Ph.D. (History), Chief Expert, Ministry of Culture of Bulgaria (Sofia, Bulgaria)

Aleksandar Uzelac, Ph.D. (History), Research Fellow, Institute of History (Belgrade, Serbia)

EDITORIAL OFFICE

English texts editors: **Roman Hautala**, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences; Docent, Historical branch at the Faculty of Humanities, University of Oulu (Oulu, Finland); **Stephen Pow**, Ph.D. candidate (History/Medieval Studies), Central European University (Budapest, Hungary)

Literary editor: **Anvar V. Aksanov**, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Corrector: **Elmira G. Sayfetdinova**, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Technical editor, Executive secretary: **Lyutsiya S. Giniyatullina**, Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Рочкаев Р.Ю. “King” Godan: Status of the Ruling Chinggisid in Mongolian and Tibetan Sources	6
Uli Schamiloglu. The Rise of Urban Centers in the Golden Horde and the City of Ükek	18
Мари Фаверо. Как султан мамлюков обращался к хану Золотой Орды. Формуляр писем и правила их составления	41
Нуриева Ф.Ш., Сайфетдинова Э.Г. Религиозный трактат «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари (1358 г.) как источник по истории духовной культуры Золотой Орды	85
Никитин А.П. Письменные памятники об игуменах Червленого яра в XIV веке	101
Воротынцев Л.В. «Люди из Черкас»: «ордынские казаки» и «служилые татары» лесостепного пограничья (конец XIV–XV вв.)	107
Рустемов О.Д. Процессы формирования крымскотатарского литературного языка в XV–XVII вв.	123
Татауров С.Ф. Кучумовичи в Тарском Прииртышье и штурм города Тары в 1634 году	134

Дискуссии

Петров П.Н., Кравцов К.В., Гумаюнов С.В. Монеты Сарая первой половины 660-х гг.х. / 1260-х гг.	145
--	-----

Рецензии

Маслюженко Д.Н. Рецензия на книгу: Трепавлов В.В., Беляков А.В. Сибирские царевичи в истории России	159
--	-----

Наследие

Хамидова Ч.И. Рашид ад-дин. Шуаб-и панджгана. 2. Монголы и тюрки (4)	168
Миргалеев И.М., Абызова Р.Р. Шихабетдин Марджани о Золотой Орде	181
Гулевич В.П., Хаутала Р. Малоизвестный источник о посольстве Сигизмунда Люксембургского в Каффу 1412 г.	199

Хроника

Гиниятуллина Л.С. Научный семинар «Новые источники по средневековой тюрко-татарской истории: новые находки, интерпретация, перспективы исследований» (Казань, 6 декабря 2017 г.)	212
---	-----

CONTENTS

Articles

Pochekaev R.Yu. “King” Godan: Status of the Ruling Chinggisid in Mongolian and Tibetan Sources	6
Schamiloglu U. The Rise of Urban Centers in the Golden Horde and the City of Ükek	18
Favereau M. How the Mamluk Sultan Addressed the Golden Horde’s Khan. The Form of Letters and Rules for Their Compilation	41
Nurieva F.Sh., Sayfetdinova E.G. The Religious Treatise “Nahj al-Faradis” by Mahmud al-Bulgari (1358) as a Source on the History of the Golden Horde’s Spiritual Culture	85
Nikitin A.P. Written Records about Hegumens of Chervleny Yar in the 14 th century	101
Vorotyntsev L.V. The “People from Cherkasy”: The “Horde’s Cossacks” and “Serving Tatars” of the Forest-Steppe Borderlands (late 14 th –15 th centuries)	107
Rustemov O.D. The Formation of the Crimean Tatar Literary Language in the 15 th –17 th centuries	123
Tataurov S.F. The Kuchumovichi in Tara’s Cis-Irtysh Region and Storming the City of Tara in 1634	134

Discussions

Petrov P.N., Kravtsov K.V., Gumayunov S.V. The Coins of Saray in the first half of the 660s AH / 1260s AD	145
--	-----

Reviews

Maslyuzhenko D.N. Review of the Book: Trepavlov V.V., Belyakov A.V. <i>Sibirskie tsarevichi v istorii Rossii</i> [The Siberian Princes in the History of Russia]	159
---	-----

Legacy

Khamidova Ch.I. Rashid al-Din. <i>Shu’ab-i Panjganah</i> . 2. The Mongols and Turks (4)	168
Mirgaleev I.M., Abyzova R.R. Shihabutdin Marjani on the Golden Horde	181
Gulevich V.P., Hautala R. A Little-known Source on the Embassy of Sigismund of Luxemburg to Caffa in 1412	199

Chronicle

Giniyatullina L.S. The Research Seminar “New Sources on the Medieval Turkic-Tatar History: New Findings, Interpretation, Prospects for Research” (Kazan, December 6, 2017)	212
---	-----

СТАТЬИ

УДК 94(515+517)

DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.6-17

**“KING” GODAN: STATUS OF THE RULING CHINGGISID
IN MONGOLIAN AND TIBETAN SOURCES*****R.Yu. Pochekaev**

*National Research University Higher School of Economics
St. Petersburg, Russian Federation
ropot@mail.ru*

Research objectives: Analyzing characteristics of the legal status of Prince Godan, son of Ögedei Khan, who was often mentioned in different imperial, Tibetan, and late medieval Mongolian sources; clarifying the reasons why he was given the title of khan in some sources, though he never possessed this title. The author attempts to define the status, level of power, and real position of Godan among the Chinggisids and in the political structure of the Mongol Empire.

Research materials: The basis for research comprises three groups of historical sources – Mongolian imperial historiography (works of Juwayni and Rashid al-Din, “Yuan shih”, etc.), Tibetan historical works (“The Blue Annals”, “Pagsam-jonsan”, “Debter-chjamtso”), and late medieval Mongolian chronicles created under the influence of Tibetan Buddhist historiography (“Golden Tale”, “Crystal Mirror”, “Yellow History”, “White History”, “Jewel beads”, etc.). The author also used the works of specialists on Mongolian and Tibetan historiography (such as Sh. Bira, R.E. Pubaev, Yu.N. Rerikh, A.D. Tsendina) as well as the works of researchers of political and religious history of the Mongol Empire (such as V.L. Uspenskiy, H. Franke, C.P. Atwood, etc.).

The novelty of the study: It offers a systematization of historical sources of different origins to clarify some aspects of the political biography of Prince Godan, identifying his legal status as a Chinggisid and the ruler of an ulus. At the same time, the author tries to not refute sources with contradicting statements but to clarify the reasons behind such contradictions and to find information which could clarify and complement the data of other sources.

Research results: The author tries to systematize different sources on the status of Prince Godan as one of the key political figures in the history of the Mongol Empire from the 1240s to the beginning of the 1250s and the ruler of a large ulus with substantial level of power, which could be compared with that of rulers of the Golden Horde, the Chaghadaid Ulus, etc. Also, the reasons behind the brief existence of Godan’s ulus and loss of his status already by the time of his direct descendants are analyzed.

Keywords: Mongol Empire, Tibet, prince Godan, religious policy of the Chinggisids, Mongolian historiography

For citation: Pochekaev R.Yu. “King” Godan: Status of the Ruling Chinggisid in Mongolian and Tibetan Sources. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018. Vol. 6, no. 1, pp. 6–17. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.6-17

---

* The research for this article was funded by a grant from the National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg, Grant № 18-IP-01.

Introduction

Among the numerous Chinggisids prince Godan¹ belong to persons who are widely presented in different sources on the history of the Mongol Empire, as well as its relations with China and Tibet. His name is mentioned more than once in Mongolian imperial historiography, Tibetan chronicles and in late medieval Mongolian historiography of the 17th–19th cc.

At the same time, Godan didn't attract an interest of researchers. Only several works have been devoted to his person and activity including several encyclopedic articles and works on Mongol-Tibetan relations in the 13th c. [e.g. 2, p. 321; 38]. The only article which, as we know, was devoted directly to Godan was written by A.D. Tsendina who concentrated on several questions of different evaluations of this prince in Persian and Chinese sources of the 13th–14th cc. and Mongolian chronicles of the 17th–19th cc. The conclusion of researcher was that "Godan was never a central figure in the Mongolian history of the 13th century", the ruler of "peripheral lands between China, Mongolia and Tibet", and his wars "were neither large-scale nor significant ones" [30, p. 245; see also: 19, p. 265].

This article is an attempt to clarify why such "insignificant" Chinggisid, nevertheless, was presented so often in sources of different origin since 13th to 19th cc. and why he was mentioned in some sources with the title of khan or king. To answer these questions we need to analyze different types of sources about Godan, systematize their information and understand what was his real role as representative of the ruling dynasty of the Mongol Empire and the ruler of own ulus. To our mind, such clarification could also add some valuable knowledge of the ruling system of the Mongol Empire in the mid-13th c.

Godan in the Mongolian imperial historiography

The first mention of Godan in the Mongol imperial historiography is dated by 1225 when he with his elder brother Guyuk took part in the Chinggis Khan's expedition against the Tangut Kingdom: both of them were sent back with gifts given by their uncle Tolui, the nominal owner of the conquered lands by authority of Chinggis Khan himself [27, p. 536–537]. As we can see, the prince who was born in 1206 or 1208, began to participate in military campaigns of the Mongol Empire in very young age.

But his real military career began in 1235, at once with his brother Guyuk, Batu, the ruler of the Golden Horde, and Möngke, the future khan of the Mongol Empire. But if they were together directed to the Western campaign, Godan received own army for the military operations against the Jin and Southern Sung empires.

Chinese dynastic histories "Yuan shih" and "Sin Yuan shih" contain a valuable information on the campaign of Godan in north-west China although their compilers were not interested in glorification of the descendant of Ögedei. It makes us to suppose that Godan, in fact, was not so "insignificant" person as well as his wars.

The military power of Godan was strengthened by his father who give him personal military troops as permanent subjects. So, a thousand of Jalayir warriors un-

---

¹ His name in different sources and, correspondingly, in research works is written in different forms: Kután, Kōdōn, Ko-duang, etc. In this article we use the form accepted by one of the most competent specialists in the Mongolian historiography, A.D. Tsendina. Nevertheless, his name as well as other names in citations will be used in form as they are cited.

der the command of Doladai ba'urchi was given by Ögedei Qa'an (r. 1229–1241) to Godan. And then, after the death of Tolui (1232), two thousand of his soldiers from the Suldus and Sunit tribes were given to Godan in spite of objection of Tolui's sons [27, p. 72, 612–613, 793].

In 1235, Godan took Gunchang and captivated its general Wang Shixian, spared his life and take him at his service. Several months ago he entered the Myangzhou and killed its governor Gaotzia [16, p. 256; 18, p. 170]. According to “Sin Yuan shih”, Ögedei at the end of 1235 ordered Godan to proclaim edict on the surrender of more than 20 district cities of Jin [22, p. 113]. Next year Godan with Wang Shixian conquered several districts in Shu province, executed commander Tsao Yu-weng² and took Chengdu in the Sichuan province. In 1236–1239 prince fought against Sung and conquered Sichuan completely [16, p. 260–261, 271; 18, p. 173, 175].

During his campaign Godan more than once took part in *quriltai* where his father Ögedei distributed new territories among the Chinggisids. Prince also was granted with new possessions along with such significant relatives (*chu-wangs*) as Chaghatai, Khojin-beqi and Alakhai (daughters of Chinggis Khan), etc. [16, p. 260; 18, p. 172–173].

In 1239, Godan returned to the territories conquered earlier and received from his father Ögedei Khan the ulus on the territory of former Tangqut Kingdom (provinces Gansu and Liangzhou). By his own will he appointed Wag Shixian a commander-in-chief over 20 districts of Jinzhou and after his death in 1243 handed his position to his son Wang Dacheng [16, p. 296].

After the death of Ögedei (1241) most part of his high officials were subjected to repressions and some of them had to run away. Chinqai, the “chief vizier” of Ögedei, and emir Mahmud Yalavach fled to Godan who granted them asylum and rejected all requests of his mother Töregene to give them up [1, p. 241–242; 27, p. 800–801]. To our mind it was a demonstration of his independent policy and at the same time of his discontent with the preference which Töregene gave to his elder brother Guyuk.

Sudden death of Töregene (1246) resulted in repressions against her favorites, and Godan played an important part in these developments. As he was ill, he spread a rumor that the cause of his illness was a witchery of Fatima, a chamberlain of Töregene. Soon after that his brother Guyuk received information on the death of Godan. Fatima was prosecuted, tortured and put to death with her retainers [1, p. 245; 27, p. 802–803]. Godan himself after the execution of Fatima enigmatically “revived” and soon arrived to Mongolia with his sons to take part in the *quriltai* where elections of a new khan should take place [1, p. 249].

Godan proposed own candidature for the throne “because his grandfather had once made a reference to him” [1, p. 251]. We don't know the details of this “reference” except the above-mentioned fact of granting Guyuk and Godan in 1225 during the Tangqut campaign. But several scholars suppose that Chinggis Khan

---

² This episode was fixed even in the Manchu history of the Yuan dynasty “History of the Celestial Empire” written in the 17th c. [20, p. 66].

designated Godan a heir of Ögedei at the throne of the Mongol Empire (as appointed Ögedei himself as his own successor) [4, p. 553]³.

However, Godan's candidature was rejected by the participants as he was "somewhat sickly" and chose was fixed upon his elder brother Guyuk [1, 251]⁴. Nature of Godan's illness is not determined in the Mongol imperial historiography, and we could find details in other sources.

Since Guyuk ascending the throne and until 1251 Godan was not mentioned in the Mongol imperial sources, there is a reason to suppose that he might die already in 1247 [2, p. 321]. But then his name is mentioned again in the beginning of the 1250s.

Godan didn't attend at the *quriltai* where Möngke, the elder son of Tolui, was elected a khan: according to Rashid al-Din, he was presented by his son Mönggätü [27, p. 828]. After his ascension, Möngke Khan dispersed all troops of Ögedei's descendants "except those who belonged to Kötän", as "he had always been friendly" to him. The new monarch also confirm the status of Godan as the ruler of Tangqut *yurt* [27, p. 608, 623].

After 1251, Godan is never mentioned in the Mongol imperial historical sources as living person.

Godan in Tibetan sources

Tibetan sources mention Godan at the first time in 1239 or 1240 when he sent a detachment under command of Dorta Darkhan (*tarqan*) into Central Tibet [7, p. 312; 29, p. 76]. A.D. Tsendina considers this expedition as an attempt of Godan to find competent and famous leader who could negotiate with him and inform about Buddhism [31, p. 123; 33, p. 129]. But this position was criticized by another researchers [e.g. 38, p. 112]. In fact, the actions of Dorta were more warlike than diplomatic, and his cruelty became a reason of giving him in Tibetan historiography the nickname "Black Dorta" [24, p. 167, n. 304].

However, powerful representatives of Tibetan Buddhist clergy preferred to surrender and begin negotiations with Dorta and informed him that the most famous leader of Tibet was Kunga Gyaltsen, better known as Sakya Pandita, the head of Sakya religious school [23, p. 181; 26, p. 143; 29, p. 76]. In 1244, Godan invited Sakya Pandita to his court, and this invitation later served a base for Tibetan legend on the prophesy allegedly made by Pandita's uncle and preceptor in 1216 that he would be invited by the Mongol leader and it would contribute to the flourishing of Buddhism [9, p. 214, n. 11; 33, p. 167–168].

The meeting of Godan and Sakya Pandita took place only in 1247 because of Godan's absence before in Liangzhou (he was at the *quriltai* of 1246). But it resulted in issuing an edict of prince which in fact was a treaty between the Mongol ruler and Tibetan hierarch. Godan recognized Sakya Pandita a ruler of Tibet and obliged to protect Buddhism and its clergy in his lands. The Tibetan high priest in

³ Friar Giovanni di Plano Carpini mentioned Godan ("Cocten") among the descendants of Ögedei with Guyuk and Shiremun [13, p. 64], who also were the pretenders for the throne. It means that this prince was a noticeable figure in the Mongol Empire in the middle of the 1240s and the real claimant for the khan's title.

⁴ In several copies of "Jami'u't-tawarikh" the reason of election of Guyuk was not the illness but the death of Godan: "Since Kötän, whom Genghis Khan appointed to be emperor after the Qa'an, has passed away..." [27, p. 805].

his turn sent letters to Tibetan rulers and monasteries with order to submit to the Mongols, pay them tribute⁵ and obey to *darugachis* with golden *paitzas* [2, p. 321; 5, p. 83; 24, p. 79; 26, p. 145]. It caused specific form of cooperation between the Mongol ruler and Tibetan hierarch named “patron – priest” which later became characteristic of relations of Tibetan leaders with the Mongol and Chinese emperors [23, p. 182; 29, p. 77; 31, p. 124].

It’s interesting that Godan is mentioned in Tibetan chronicles with the title of king [e.g. 24, p. 78, 80], although, as well known, he never was a khan.

Early Tibetan sources didn’t mention Godan’s policy on propagation of Buddhism in Mongolia and told about his permission to build temples and preaching in his lands [26, p. 145]. According to the later Tibetan chronicle “Debter-jamtso”, Godan protected the secular rulers of Tibet as well and even gave a princely status to the descendants of former Tibetan kings; thus, they became a part of the Mongolian elite in the ulus of Godan. To establish more close ties with new elite, Godan even intended to marry his daughter to nephew of Sakya Pandita [8, p. 53; 23, p. 182].

But in historical chronicles of the 17th–18th c. the idea of connection of political and religious history was widespread, and Godan (as well as Chinggis Khan, Ögedei, Qubilai, etc.) was presented as adherent of Buddhism who was one of the first rulers who converted to and propagated the “Yellow religion” in Mongolia [5, p. 247; 8, p. 14; 25, p. 238; 37, p. 56]. This trend substantially influenced the late medieval Mongolian historiography and absolutely transformed a portrait of Godan.

Godan in the late medieval Mongolian (Buddhist) historiography

The new stage in the development of Mongolian historiography was connected with the conversion of Mongol ruling elite into Buddhism and accepting of Tibetan examples of historical works both in form and content. As a result, Mongolian historians of the 17th–19th cc. used Tibetan chronicles as an information on the history of Mongolia and, following their conception, they wrote about spreading of Buddhism in Mongolia since the first half of the 13th c. In such a way, the real policy of Godan was replaced by the Buddhist legend.

According to the new version of Tibetan policy of this prince, he had a specific sick named in different sources the “dragon illness”, “alagh-marya”, “illness of earth and water” and even leprosy [17, p. 87; 32, p. 149; 34, p. 82, 115, n. 85]. Sakya Pandita healed him and also demonstrated different “miracles”, and Godan accepted initiation to Buddhist divinity and became an adherent and propagandist of this religion and even was recognized a reincarnation of bodhisatva (Buddhist celestial) [5, p. 178–179; 17, p. 87; 30, p. 245–246; 32, p. 32–33, 60; 33, p. 118–119, 124].

Such version looks explicable as Mongolian historians tried to “age” the Buddhist traditions in Mongolia. But they, like their Tibetan colleagues, began to mention Godan with the title of khan. As a result he was presented in Mongolian Buddhist chronicles as successor of his father Ögedei or his brother Guyuk. In several

---

⁵ The tribute includes gold dust, silver, ivory (bought from India and Nepal), pearls, carmine, ochre, furs and fells, wool.

sources he is presented even as a father of Guyuk! And the duration of his reign varies from nine to forty years [3, p. 125; 14, p. 155; 33, p. 107]!

Several historians who didn't follow the Tibetan tradition completely demonstrated their doubts in such status of Godan. For example, Rashi-Puntsug, the author of "Bolor erikhe" ("Cristal Beads", 1775) noted that they borrowed information on the reign of Godan "from small works" and "these words are contradictory" [33, p. 191–192]. Some other historians tried to find the explanation for this contradiction and ascribe the contacts with Sakya Pandita and propagation of Buddhism not to Godan, but to his father Ögedei who, in fact, was a khan [5, p. 283; 10, p. 41; 33, p. 119].

One more stereotype about Godan in the late medieval Mongolian historiography is the absence of descendants: this statement is presented in some chronicles [14, p. 153; 33, p. 167; cfr. 21, p. 386, n. 56]. As we will see bellow, Godan had numerous sons, grandsons, etc. To our mind this statement means that his descendants never were khans.

So, we can say that in late medieval Mongolian historiography Godan appeared not rare but, unlike imperial historiography, more often as an adherent of Buddhism than the powerful Chinggisid ruler.

The status of Godan as a Chinggisid prince and ulus ruler

The information on Godan in different sources is various and sometimes contradictory. But we suppose that our task is not to "eliminate" the data which seems to be doubtful, but to try to combine it and clarify the real status of Godan.

The analysis of Mongolian imperial historiography convinced us that Godan, in fact, was not an "insignificant" Chinggisid. On the contrary, he seems to be a potential successor of his father Ögedei Khan. This opinion is proved by some facts.

1. Personal command of military troops in the war against Chinese empires. As we remember, his brothers and cousins sent to the West had a joint command.

2. Creation for Godan of own ulus not far from the "home *yurt*" (Mongolia) and, at the same time, near the family domain of Ögedei. It shows us that khan didn't want to send his second son far from himself as it happened with his first-born Guyuk, sixth son Qadan, etc.

3. Godan had right to appoint military commanders and administrators on the conquered land (the case of Wang Shixian and his son), grant titles to the ruling elite of vassal states (Tibetan princes); such competence was an element of legal status of powerful rulers of the largest uluses of the Mongol Empire – the Golden Horde, Chaghadaid Ulus, Ilkhanate, and never belonged to junior Chinggisids in these uluses.

4. Godan had right for independent foreign policy and signing treaties' edicts. It also shows his specific status in the Mongol Empire. We should remember that Godan was titled a khan in Tibetan chronicles: it means that for Tibetan authorities he was the highest authority to deal on questions of war and peace, vassalage and tribute etc.⁶ Of course, in their eyes he was a real monarch with full range of power.

---

⁶ The same status, for example, had Batu, the ruler of the Golden Horde, in the eyes of Russian princes as they interacted with him: he is titled "king" in Russian medieval historiography.

5. P. Ratchnevsky notes that Godan in his edicts⁷ appealed to the will of Heaven and sees in this formula the evidence of his real independence [28, p. 150].

To our mind, Ögedei tried to make Godan the most appropriate candidature for the throne of the Mongol Empire after himself, show to the Chinggisids and imperial elite his abilities of military leader, ruler and diplomat. And Godan's claim for the throne in 1246 was appropriate. But as we saw, the participants of *quriltai* preferred him his elder brother Guyuk.

The pretext for such decision was an illness of Godan. In this aspect we could trust the information of late medieval Mongolian chronicles that prince had a skin disease⁸. Many of the Chinggisids had different problems with their health (rheumatism, podagra, etc.), but such illnesses were "implicit" and were not an obstacle to claim for the throne. Skin disease was more obvious and meant the corporal defect incompatible with accession for the throne. But we suppose that even such illness could be even the pretext: the Mongol ruling elite didn't want to give a power over empire to the effective ruler and commander and preferred to enthrone a less gifted Guyuk.

After the return in his ulus, Godan concentrated on the relations with own subjects and new Tibetan vassals using his status of real independent ruler. The absence of his contacts with other members of Ögedei's family could be explained by his offence for their unwillingness to support his claim for the throne. At the same time, progressive illness, probably, didn't allow him to take an active part in elections of khan in 1251, and his support of Möngke had a goal to guarantee a saving of his status in Tangqut and Tibet for his descendants – that was a reason that his sons attended a *quriltai* and voted for Möngke.

The conspiracy of the Ögedeids against the new khan in the same 1251 caused the distrust of Möngke and his brother Qubilai (who had the ulus in China) toward powerful and really independent Godan. That's why already in 1251, probably not long before the death of Godan, Möngke ordered his commander Khoridai to intrude into Tibet to establish the immediate control of khan over this vassal state. In the same year, Sakya Pandita died, and when Godan intended to establish contacts with his nephew and successor, Pagpa Lama, Qubilai gave order to send new Tibetan hierarch to him [23, p. 182; 26, p. 145].

Obviously, the existing of independent ulus under the power of strong and effective ruler was not in the interests of the Toluid family, and they made an attempt to restrict the power of Godan. At the same time, Möngke and Qubilai knew about his illness and didn't want to demonstrate the evident intention to destroy his ulus until his death which took place in 1251 or 1252.

Heritage and heirs

Different sources give us different information on the descendants of Godan. According to Rashid al-Din, he had three sons: Mönggätü, Küyän and Jibik Temur [27, p. 623]. In accordance with the "Yuan shih", Godan had five sons: Märgidäi, Mönggätü, Jibik-Temur, Täbilä, Kürlük, and several of them also had sons [15, p. 74]. In the "Mu'izz al-ansab", the Central Asian Persian-language genealogical

⁷ Right to issue edicts is already an evidence of his substantial legal status.

⁸ A.D. Tsendina soundly notes that the illness of Godan is real, but not a metaphoric "sore of unbelief" [33, p. 125].

work of the 15th c. based on earlier imperial sources, five sons are mentioned as well: Mönggätü, Ching-Temur, Irijan, Yisu-Tukan and Küyän [36, p. 58]⁹.

Sons of Godan took part in the *quriltai* of 1251 where they supported a candidature of Möngke [1, p. 568]. Because of that they were granted by Möngke with *ordu* as well as his other supporters [27, p. 842]. It means that they had an opportunity to succeed to their father. But the policy of Möngke aimed at strengthening the control over Godan's uluses, began in the last years of the life of the latter, continued after his death towards to his sons. Märgidäi, the elder son of Godan saved a right to issue edicts, but, unlike father, had to appeal to will of khan [28, p. 151]: it reflected his subordinate position and dependent rule.

Another son of Godan, Jibik-Temur, was an addressee of Pagpa Lama's "Jewel beads" (also known as "Admonition for the prince Jibik-Temur", 1266) where the Tibetan hierarch explained the advantage of using "two wealths" or combination of temporal power of the Mongol ruler and spiritual power of the Tibetan high priest [5, p. 87–88]. It allows us to suppose that this son of Godan continued to contact with Tibetan Buddhist church established by his father. But we also know that already in 1253 Qubilai established immediate relations with Pagpa Lama and the next year issued so called "Tibetan edict" prescribing the control of Tibet directly by Mongol administration in China (submitted to Qubilai himself). The "Pearl Edict" of 1264 giving immunities and privileges to Tibetan church completely tied Tibet with new Mongol khan, leaving Godan's descendants aside [8, p. 14; 35, p. 168–169; see also: 12, p. 64–69].

Despite the fact of permanent support of the Toluid family by Godan and his sons khan Qubilai had reasons to suspect them in contacts with rebels. So, when Ariq Böqa began the confrontation with his brother Qubilai, he tried to attract the sons of Godan to his side [27, p. 875]. Rashid al-Din accentuated that the descendants of Godan, in contrast to other representatives of Ögedei, didn't support their relative Qaidu in his struggle with Qubilai [27, p. 626]. Nevertheless, there are several mentions in the "Jami'u't-tawarikh" that "the offspring of Ögö dai Qa'an's son Kötän... conspired to join Qaidu" as well as a lot of other Chinggisid princes [27, p. 282–282]. Probably, there were only suspicions, but the affiliation of Godan's descendants with the dynasty of Ögö dai could attract Qaidu's attention to the ulus of Godan and trouble Qubilai's positions in Tangqut and Tibet [6, p. 45].

According to the Chapter CVII of "Yuan shih", the sons and grandsons of Godan had titles of *wangs* (princes) and *ta-wangs* (grand princes). His grandson Bäg-Temur (son of Kürlük) was a prince of Fen-yang (in Shan-hsi province), and his own son Yäsü-Boka was a prince of Chin as well as his own son Toq-Temur [15, p. 74–76]. But already in the middle of the 1260s the united ulus of Godan was spread among his descendants and divided in provinces of Shan-hsi and Sichuan which were placed under authority of specific Central Secretariat branches in 1266 [11, p. 384, 387]. We suppose that such changes in the status of Godan's ulus were connected with political developments in the Mongol Empire of this period, firstly with civil wars between Qubilai and Ariq-Böka in 1260–1264 and then between Qubilai and Qaidu in the 1260s – 1290s.

⁹ There is a mess of sons and grandsons of Godan in different sources. So, in the "Yuan shih" Iranjin mentioned as son of Mönggätü, Godan's son, whereas in the "Mu'izz al-ansab" he is a son of Godan himself. Similarly, Kürlük and Täbilä, the sons of Godan according to the "Yuan shih", are mentioned as his grandsons in the "Mu'izz al-ansab" (sons of Küyän).

And although Rashid al-Din mentioned that Godan's descendants "at recent... are with Oljaitu Qa'an [Temur, successor of Qubilai, 1295–1307 – *R.P.*] and command their troops as usual" [27, p. 613], it is undoubtedly that they didn't obtain the status of their ancestor and became no more than minor Chinggisids who had own possessions in autonomous uluses but were under the control of Central administration of the Yuan Empire. Moreover, in 1292 Qubilai's third son Kammala is mentioned as ruler of Tangqut or, in fact, real successor of Godan's ulus [see 10, p. 54, n. 2].

Conclusion

The analysis of sources on prince Godan allows us to assert that in the 1240s – beginning of the 1250s he was one of the most powerful Chinggisids in the Mongol Empire, the claimant for the imperial throne and the ruler of own autonomous ulus, and has a competence for the foreign policy, control of vassal states, grant with titles and post-attitude. Such power belonged to other influential Chinggisids who also ruled large and autonomous uluses, such as Batu in the Golden Horde or, later, ilkhan Hulagu in Iran. But already since the beginning of the 1250s khan Möngke and his brother Qubilai began restrict his power and spread their control over the ulus of Godan in Tangqut and his vassal state in Tibet. After the death of Godan his descendants, because of their affiliation with the Ögedeid dynasty (permanent opponents of Toluid family), inherited only the divided parts of his ulus and fell under the control of Yuan imperial administration, such as the most part of the Chinggisids in China.

REFERENCES

1. Ata Malik Juvaini. *The History of the World-Conqueror*. Boyle J.A. (trans.). Manchester, Manchester University Press, 1997. LXVIII + 764 p.
2. Atwood C.P. *Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire*. New York, Facts of File, Inc., 2004. X + 678 p.
3. Baldanzhapov P.B. (trans.). Čayan teüke – «Belaya istoriya» – mongol'skiy istoriko-pravovoy pamyatnik XIII–XVI vv. [Čayan teüke – "White History" – Mongolian historical and legal monument of the 13th–16th cc.]. Ulan-Ude, Buryat Scientific Center of Siberian branch of RAS Press, 2001. 200 p. (In Russian)
4. Bartol'd V.V. *Sochineniya* [Collected works]. Vol. I: Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviya [Turkestan down to the Mongol invasion]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1962. 760 p. (In Russian)
5. Bira Sh. *Mongol'skaya istoriografiya (XIII–XVII vv.)* [Mongolian historiography (13th–17th cc.)]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 320 p. (In Russian)
6. Biran M. *Qaidu and the rise of the independent Mongol state in Central Asia*. Richmond, Curzon, 1997. X + 197 p.
7. 'Cos lo-tsa-ba gZhon-nu-dpal. *The Blue Annals (Deb-ther sNgon-po)*: *The History of Buddhism in Tibet, VI–XV cc.*. G.M. Roerich (trans.). Calcutta, Motilal banarsidass, 1949 [Russ ed.: Goy-lotsava Shonnupel. Sinyaya letopis'. Istoriya buddizma v Tibete, VI–XV vv. / Per. s tib. Yu.N. Rerikha; per. s angl. O.V. Al'bedilya i B.Yu. Khar'kovoy. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2001. 768 p.]
8. Dugarov R.N. «*Debter-Chzhamtso*» – istochnik po istorii mongolov Kuku-nora [«*Debter-jamtso*» as a source on history of the Mongols of Kuku-Nor]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1983. 95 p. (In Russian)

9. Dylykova V.S. *Tibetskaya literature* [Tibetan literature]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 240 p. (In Russian)
10. Elverskog C.J. *Buddhism, History and Power: The Jewel Translucent Sutra ad the Formation of Mongol Identity*. Ph.D. Diss. Bloomington, Indiana University, 2000. XVII + 572 p.
11. Farquhar D.M. *The Government of China under Mongolian Rule: A Reference Guide*. Stuttgart, Franz Steiner Verlag, 1990. 594 p.
12. Franke H. *From Tribal Chieftain to Universal Emperor and God: The Legitimation of the Yüan Dynasty*. Munich, Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1978. 85 p.
13. Friar Giovanni di Plano Carpini. *The Story of the Mongols whom we call the Tartars*. Hildinger J. (trans.). Boston, Branden Publishing Co., 1996. 136 p.
14. Galdan. *Istoriya, imenuemaya «Erdeniyn erikhe»* [History named "Erdeniyn erikhe"]. P.B. Baldanzhapov, Ts.P. Vanchikova (trans.). Ulan-Bator; Ulan-Ude, ADMON, 2012. 442 p. (In Russian)
15. Hambis L. Le chapitre CVII du Yüan che. *T'oung Pao*, 2nd ser, vol. 38, 1945, pp. I–XII + 1–181. (In French)
16. Iakin, monk. *Istoriya pervykh chetyrekh khanov iz doma Chingisova* [History of the first four khans of the house of Chinggis]. St. Petersburg, K. Kray's printing house, 1829. XVI + 440 p. (In Russian)
17. Jambadorji. *Khrustal'noe zerkalo* [The Crystal Mirror]. Korol' B.I., Tsendina A.D. (trans.). *Istoriya v trudakh uchenykh lam* [History in the Works of Learned Lamas]. Moscow, KMK Scientific Printing Association, 2005, pp. 62–154. (In Russian)
18. Khrapachevskiy, R.P. (trans.). *Zolotaya Orda v istochnikakh*. Kitayskie i mongol'skie istochniki [The Golden Horde in the sources, Vol. 3: Chinese and Mongol sources]. Moscow, 2009. 335 p. (In Russian)
19. Kuchera S. *Zavoevanie mongolami Tibeta* [Mongol conquest of Tibet]. Tikhvinskiy S.L. (ed.). *Tataro-mongoly v Azii i Evrope* [The Tataro-Mongols in Asia and Europe], 2nd ed. rev. and suppl. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 260–281. (In Russian)
20. Larichev V.Ye.(ed.), Tyuryumina L.V., Kamenskiy P.I. (trans.). *Istoriya Nebesnoy imperii. Istoriya pervykh pyati khanov iz doma Chingisova* [The history of the Celestial Empire. Vol. I. The history of the first five khans from the generation of Chinggis]. Novosibirsk, Institute of archaeology and ethnography of Siberian branch of RAS, 2011. 220 p. (In Russian)
21. Lubsan Danzan. *Altan Tobchi («Zolotoe skazanie»)* [The Golden Tale]. Shastina N.P. (trans.). Moscow, Nauka Publ., 1973. 440 p. (In Russian)
22. Munkuev N.Ts. *Kitayskiy istochnik o pervykh mongol'skikh khanakh: Nadgrobnaya nadpis' na mogile Elyuy Chu-tsaya* [Chinese source on the first Mongolian khans: Epitaph of Yeh-lu Chu-tsai]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 224 p. (In Russian)
23. Petech L. *Tibetan Relations with Sung China and the Mongols*. M. Rossabi (ed.). *China among Equals: The Middle Kingdom and Its Neighbors, 10th–14th Centuries*. Berkeley, University of California Press, 1983, pp. 166–194.
24. Pubaev R.E. (trans.). *Pagsam-dzhonsan: Istoriya i khronologiya Tibeta* [Pagsam-jonsan: History and chronology of Tibet]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1991. 307 p. (In Russian)
25. Pubaev R.E. *«Pagsam-dzhonsan» – pamyatnik tibetskoy istoriografii XVIII veka* [Pagsam-jonsan – a monument of Tibetan historiography of the 18th century]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1981. 264 p. (In Russian)
26. Rerikh Yu.N. *Mongolo-tibetskie otnosheniya v XIII i XIV vv.* [Mongol-Tibetan relations in the 13th and 14th cc.] Rerikh Yu.N. *Tibet i Tsentral'naya Aziya. Stat'i, lektzii, perevody* [Tibet and Central Asia: Articles, lectures, translations]. Samara, Agni, 1999, pp. 140–152. (In Russian)

27. Rashiduddin Fazlullah. *Jami'u't-tawarikh. Compendium of Chronicles. A History of Mongols*. 3 vols. Thackston W.M. (trans.). Cambridge, Cambridge University Press, 1998–1999. 1540 p.
28. Ratchnevsky P. *Un code des Yuan*. Vol. 2. Paris, Presses Universitaires de France, 1972. XI + 199 p. (In French)
29. Schaik S. van. *Tibet: A History*. New Haven, Yale University Press, 2011. XXIII + 324 p.
30. Tsendina A. Godan Khan in Mongolian and Tibetan historical works. *Studia Orientalia*, vol. 85, 1999, pp. 245–248.
31. Tsendina A.D. ... *I strana zovetsya Tibetom* [... And the country is called Tibet]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2002. 304 p. (In Russian)
32. Tsendina A.D. (trans.). *Istoriya Erdeni-dzu* [A History of Erdeni Zuu]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1999. 255 p. (In Russian)
33. Tsendina A.D. *Mongol'skie letopisi XVII–XIX vekov. Povestvovatel'nye traditsii* [Mongolian chronicles of the 17th–19th cc.: Narrative traditions]. Moscow, Russian State Humanitarian University Publ., 2007. 272 p. (In Russian)
34. Tsendina A.D. (trans.). *Zheltaya istoriya (Shara tudzhi)* [The Yellow Chronicle (Sir-a tuyuji)]. Moscow, Nauka – Vostochnaya literature Publ., 2017. 406 p. (In Russian)
35. Uspenskiy V.L. Mongoly i buddizm v XIII veke [Mongols and Buddhism in the 13th century]. *Buddizm i khristianstvo v kul'turnom nasledii Tsentral'noy Azii. Materialy mezhdunarodnoy konferentsii. Bishkek, 3–5 oktyabrya 2002 g.* [Buddhism and Christianity in cultural heritage of Central Asia: Materials of international conference. Bishkek, October 3–5, 2002]. Bishkek, 2003, pp. 166–172. (In Russian)
36. Vokhidov Sh.H. (trans.). *Mu'izz al-ansab («Proslavlyayushchee genealogii»)* [Mu'izz al-ansab (“Glorification of genealogies”)]. Almaty, Dayk-Press, 2006. 672 p. (In Russian)
37. Vostrikov A.I. *Tibetskaya istoricheskaya literatura* [Tibetan historical literature]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1962. 428 p. (In Russian)
38. Wylie T.V. The First Mongol Conquest of Tibet Reinterpreted. *Harvard Journal of Asiatic Studies*, vol. 37, No. 1, 1977, pp. 103–133.

About the author: Roman Yu. Pochekaev – Cand. Sci. (Jurisprudence), Docent, Professor, Head of the Department of theory and history of law and state, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0002-4192-3528> (17, Promyshlennaya Str., St. Petersburg 198099, Russian Federation). E-mail: ropot@mail.ru

*Received January 10, 2018 Accepted for publication March 12, 2018
Published March 29, 2018*

**«ЦАРЬ» ГОДАН: СТАТУС ВЛАДЕТЕЛЬНОГО ЧИНГИЗИДА
В МОНГОЛЬСКИХ И ТИБЕТСКИХ ИСТОЧНИКАХ**

Р.Ю. Почекаев

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ropot@mail.ru*

Цель исследования: характеристика правового статуса царевича Годана, сына Угедэя, многократно упоминающегося в монгольских имперских, тибетских и позднесредневековых монгольских источниках, выяснение причин именования его «царем» и «ханом» в ряде средневековых памятников, хотя в реальности он ханского титула не носил. Автор предпринимает попытку определить реальное место Годана в политической структуре Монгольской империи, его положение и компетенцию.

Материалы исследования: основу исследования составляют три группы источников – монгольская имперская историография (сочинения Джувейни, Рашид ад-Дина, «Юань ши» и др.), тибетские исторические сочинения («Синяя летопись», «Пагсам-джонсан» и «Дэбтэр-чжамцо»), позднесредневековые монгольские летописи, создававшиеся под влиянием тибетской буддийской историографической традиции («Алтан тобчи» / «Золотое сказание», «Болор толи» / «Хрустальное зеркало», «Шара туджи» / «Желтая история», «Цаган теукэ» / «Белая история», «Эрдэнийн эрихэ» / «Драгоценные четки» и др.). Также автор в значительной степени опирался на работы специалистов по монгольской и тибетской историографии – Ш. Биры, Р.Е. Пубаева, Ю.Н. Рериха, А.Д. Цендиной и др., а также исследователей политической и религиозной истории Монгольской империи – В.Л. Успенского, Г. Франке, К. Этвуда и др.

Новизна исследования: автор предпринимает попытку систематизации источников различного происхождения для прояснения ряда вопросов из биографии царевича Годана и уточнения его правового статуса как представителя правящего рода Монгольской империи. При этом, отмечая противоречия различных источников и проясняя причины этих противоречий, автор не противопоставляет их, а старается найти в них сведения, уточняющие и дополняющие друг друга.

Результаты исследования: автор, соотнося данные различных источников, выявляет особенности правового статуса царевича Годана как одной из ключевых политических фигур Монгольской империи 1240-х – начала 1250-х гг. и владельца обширного улуса со значительными властными полномочиями, сопоставимыми с полномочиями правителей Золотой Орды, Чагатайского улуса и т.п. Также проанализированы причины кратковременности существования этого улуса и утраты статуса, которым обладал Годан, уже его ближайшими потомками.

Ключевые слова: Монгольская империя, Тибет, царевич Годан, религиозная политика Чингизидов, монгольская историография

Для цитирования: Pochekaev R.Yu. "King" Godan: Status of the Ruling Chinggisid in Mongolian and Tibetan Sources // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 1. С. 6–17. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.6-17

Сведения об авторе: Роман Юлианович Почекаев – кандидат юридических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, **ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4192-3528>** (198099, ул. Промышленная, 17, Санкт-Петербург, Российская Федерация). E-mail: ropot@mail.ru

*Поступила 10.01.2018 Принята к публикации 12.03.2018
Опубликована 29.03.2018*

THE RISE OF URBAN CENTERS IN THE GOLDEN HORDE AND THE CITY OF ÜKEK

Uli Schamiloglu^{1,2}

¹ *Nazarbayev University
Astana, Kazakhstan
uli.schamiloglu@nu.edu.kz*

² *University of Wisconsin-Madison
Madison, USA
uschamil@wisc.edu*

Research objectives and materials: This essay discusses the rise of cities in the territories of the Golden Horde. It contextualizes the information found in European travelers such as Marco Polo and William of Rubruck to examine the transition from a nomadic economy to a sedentary economy. Arabic sources such as Abū l-Fidā allow a survey of the location of the major urban centers while Ibn Baṭṭūṭa allows a deeper understanding of the composition of cities. While Ukek started as an urban center situated at the northern limit of the annual nomadic migration route and midway between the capital city Saray in the south and the city of Bulgar in the north, the essay argues that it is likely that it later gained in importance as a center for grain production as the result of climate change. It also attempts to understand the origin and meaning of the name Ukek, for the etymology of which it offers a detailed examination of medieval and modern data.

Results and novelty of the research: The essay proposes that the name Ukek actually relays information about the geological formation of the site on which it is built. While most scholars have understood the original meaning of ‘box’ to represent fortifications built on the city wall, the author argues that the name refers rather to the boxlike hollow shape of the formation, which offered both shelter and an elevated location which would be both visible to travelers as well as a shape easily recognized by travelers coming from thousands of kilometers from the southeast, where there were several other such formations carrying the same name.

Keywords: Ukek, nomadism, camps, proto-cities, urban centers, Saray, geological feature, grain production, Turkic etymology, Mongolian etymology

For citation: Schamiloglu U. The Rise of Urban Centers in the Golden Horde and the City of Ükek. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018. Vol. 6, no. 1, pp. 18–40. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.18-40

Introduction

In this contribution devoted to several aspects of the history of the Golden Horde city Ükek, I would first like to offer a brief overview of the rise of urban centers in the Golden Horde. I would then like to use this as the context for trying to evaluate the development and role of Ükek as a city in the Golden Horde. I will also discuss the etymology of the name Ükek and offer the most likely solution for a correct etymology, including what it might mean relative to the actual site of the medieval settlement. Finally I would like to offer a few concluding thoughts on

what factors might have led to the transformation of Ükek into a major urban center during the period of the Golden Horde (13th–14th centuries).

We may begin by observing that the majority of the population of the Golden Horde, including its ruling élite, led a nomadic lifestyle in the mid-13th century. By the 14th century, however, the ruling élite had established itself for part or all of the year in fixed sedentary centers. There have been relatively few attempts to offer an overview of urban life in the Golden Horde¹. Today we can view the Golden Horde as a state in which pre-existing urban centers flourished and new ones were created on sites probably not inhabited by sedentarists at the time of the Mongol invasions. Viewed from a distance of well over seven centuries, the destruction of urban centers during the initial conquests was connected with destruction of local centers of political, military, and economic power. These centers would have resisted the conquest of western Eurasia by the Mongol World Empire. Their destruction was, however, an anomalous fact compared to the well-documented expansion in urban life in the territories of the patrimony of Batu over the course of the 13th–14th centuries. This is one of the most important aspects of the urban history of the Golden Horde for which data are now available.

As I have described elsewhere, another important aspect is that these same urban centers served as a home for a cosmopolitan Islamic civilization [see my: 49; 51]. Although the Golden Horde was a model of religious tolerance in the 13th century, the conversion of the ruling élite and the integration of the Golden Horde into the Islamic world over the course of the 13th–14th centuries necessarily led to the introduction of Islamic religious knowledge, art and architectural forms, epigraphical languages, religious and belletristic literary forms, and even Islamic science. This picture would not last, however, once the waves of bubonic plague known as the Black Death struck the territories of the Golden Horde beginning in the middle of the 14th century [on the Black Death in the Golden Horde see most recently my: 48]. The demographic collapse in this period necessarily meant that the urban centers of the Golden Horde would also rapidly decline and suffer from the political and military unrest of this “time of trouble”.

1. The Nomadic Background: Migrations and Proto-Cities

The development of towns and the transition of the Golden Horde’s ruling élite and state apparatus to an urbanized way of life did not come about through an overnight transformation (nor does this article take into consideration earlier cities in eastern Eurasia such as Qaraqorum). Rather, the process should be considered a gradual one spread over many decades, and one may even ask whether the process was ever fully completed. The sources for the Mongol World Empire in the mid-13th century already describe the ruler’s camp as mobile centers of population and economic activity. One might almost consider these camps, which followed the seasonal migrations of the élite and the rest of the population, as proto-cities forming a model for some of the fixed urban centers, at least for Saray if not for the later New Saray. The Western travelers John of Plano Carpini and William of Rubruck, who followed the normal routes taken by merchants during the reign of Batu, visited Batu’s mobile camp, not the new capital city that William of Rubruck

---

¹ In this regard the works of Fedorov-Davydov stand out as an exception, see for example: [17; 18; 19] and more recently Kramarovskiy [25]. It is worth noting that even the 3rd volume of *Istoriya Tatar* offers only a limited treatment of urban life in the Golden Horde.

said had just been established [59, p. 207]. Although there is a reference in an Armenian source to Batu Khan's enormous "tent city", if we may call it that, on the Volga (Etil) River, it is not clear whether this is possibly a reference to the newly-established capital city of Saray or just to his mobile camp [24, p. 217–218; 23, p. 292–293]. Whether this source is describing Saray or a mobile proto-city, the reference may be compared with 'Umarī's more detailed description of the phenomenon of tent cities in the Il-khanate, including how these mobile cities were followed by important markets [57, p. Ar. 87/149 and Ar. 99/157].

It is not possible to ascertain how much Batu used Saray, if at all. What is clear from William of Rubruck's account is that Batu Khan continued to nomadize despite the establishment of a fixed urban center [59, p. 126 and p. 207–210]. If the reign of Batu marked the first step in the end of the ruling élite's exclusively nomadic existence, the reign of his successor Berke should be seen as marking the beginning of a transition to a sedentary way of life. According to the report of Marco Polo, his father Niccolò and his uncle Maffeo traveled in 1260 from Sudaq to the court of Berke, who according to this source was living at that time in Bulğar (*Bolgara*) and Saray [30, p. 34]. When viewed from the perspective of the transition from mobile camps to fixed cities, this report raises the question of whether the ruling élite continued to follow a pattern of seasonal migrations after the establishment of a major fixed sedentary center. If Marco Polo's report is accurate, around 1260 Berke was treating Bulğar in the north and the recently-established Saray of Batu in the south as his two residences. (It seems less likely that the later New Saray of Berke is meant here.) Although Bulğar was north of the limit of traditional north-south pastoralism along the Volga River, it clearly could have served as Berke's seat of government for part of the year, in all likelihood during the summer; in such a case Saray would have served as his winter capital. Bulğar was probably attractive to Berke, an early convert to Islam, because of its role as an important center of Islamic religious learning as well.

It is certain that by the 14th century the khan and his court would spend the winter in the south in one of the capitals called Saray, since Ibn Baṭṭūṭa visited the court of Özbek Khan in Saray during the winter². Yet, it is not clear whether the khans of the Golden Horde ever abandoned the seasonal search for more favorable climatic conditions, nor should we expect that they ever did, if we may judge by patterns of human behavior even at the beginning of the 21st century. There is evidence to suggest that the khans of the Golden Horde continued to travel north in the summer to the mountains (rather than to Bulğar, as described by Marco Polo), but it is not clear whether this report refers to the time of the compilation of this source in the mid-14th century or to an earlier period³. We also know from Ibn Baṭṭūṭa's first encounter with Özbek Khan that the khan and his entourage were traveling in the form of a mobile camp at the time, which indicates that in all likelihood even Özbek Khan never followed a completely sedentary way of life [22, ii, p. 481ff.].

---

² For the translator's analysis of the chronology of Ibn Baṭṭūṭa's itinerary, see: [22, ii, p. 531]

³ According to 'Umarī, the khans went to the *ARQ* Tağ mountains during the summer, which could possibly be a reference to the Ural Mountains [57, p. Ar. 83/147]. The Il-khanid rulers also continued to practice seasonal migrations, as seen in 'Umarī [57, p. Ar. 87/149].

2. The Rise of Cities as Nodes of Commerce

The most important question, however, is what factors might have led to the establishment of fixed urban centers, indeed capital cities, in areas formerly inhabited by nomads. Certainly the evidence just cited suggests that they may not have been intended solely to serve the purpose of year-round residences for the khan. Rather, we should consider Le Goff's observation that towns served as nodes in the network of long-distance trade [26, p. 78]. Indeed, I would argue that the centrality of trade to the economy of the Golden Horde was the most critical factor in the establishment of new towns and even cities [on the commerce of the Golden Horde see my: 50]. Before proceeding with this argument, however, I would simply like to suggest other factors which one might also consider. For example, there is too little data to ascertain whether there was a growing population in the Golden Horde and in its subject states through the middle of the 14th century which might also have contributed to a process of sedentarization and urbanization. Such a demographic trend has been described for much of Western and Eastern Europe in the same period, but it has not been discussed in the case of western Eurasia, see the discussion in: [26, p. 245; and also 9, p. 57–65].

Already the earlier mobile proto-cities served a commercial function, as is clear from the accounts of the European travelers of the 13th century, who did not visit Saray in the steppe zone. Fixed settlements, towns, and even cities would not have developed in the steppe zone, let alone flourished, without the fulfillment of several conditions. One of these was the security afforded trade routes in the steppe zone by a strong state-sponsored security apparatus, in the case of the Golden Horde the so-called "Pax Mongolica". One of the results of this strong security, which meant protection from possible predatory raids by highly-mobile nomadic forces, was that centers of sedentary habitation could exist successfully in the steppe zone traditionally inhabited by nomads. Immediately prior to the Mongol conquests Kiev and the commercial centers of the Volga-Kama confluence, the Crimea, and Xwarezm had relied on cooperation with the nomadic Kipchak Turks (including the Polovtsians) to provide security for trade routes and for the city itself. Such security was not intended for the well-being of the citizens of the state. Rather, it was necessary for the promotion and success of markets and international commerce over the entire steppe zone, which would, of course, result in increased tax revenues for the sedentary and nomadic states concerned.

In contrast to the protection afforded these centers by nomadic Kipchak Turks, the Golden Horde combined both the function of state security for international commerce and the function of sponsorship of marketplaces under a single state apparatus. Etil must have served the same function centuries earlier under the security offered by the Khazar state. The promotion of commercial activity also required the development of a commercial infrastructure in the steppe zone, including marketplaces, accommodations and warehouses for merchants, and the toll barriers from which the ruling élite would derive a steadily increasing income. While the original mobile proto-cities could offer only limited services to merchants, the steady increase in commercial activity already in the mid-13th century necessitated the establishment of large fixed commercial centers that could be reliably located by travelers year-round already by the end of Batu's reign, i.e. before the even more dramatic increase in commercial relations with the Italian maritime republics.

It is no coincidence that the capital cities of Saray and later New Saray were strategically located along the crossroads of international commerce passing through the territories of the Golden Horde and served more or less the function of international commercial centers. Many other towns also emerged along trade routes to facilitate commercial activity by serving as entrepôts and marketplaces. Many smaller settlements were created along the routes of trade and communication for other reasons such as manning river crossing stations and transportation stations for changing horses (including for the couriers of the imperial messenger system), toll barriers, and bases from which trade expeditions could be mounted to outlying areas such as the sources of furs in the distant forests of the north.

The urban centers in the steppe zone would have served no purpose in the absence of extensive commercial activity, nor would it have made any sense for the state or for individuals to engage in the costly task of building an urban center and sponsoring monumental architecture in the absence of a significant source of revenue to support such building activity. It is not clear, however, whether there was a system of caravansarais in the steppe regions of western Eurasia; Ibn Baṭṭūṭa does refer to “stations” between cities [22, ii, p. 475]. The presence of urban centers in the steppe zone such as Etil in the Khazar period and the two Sarays in the Mongol period bespeaks a significant volume of international trade, most notably through the Black Sea, and the absence of such centers in certain periods such as during the Kievan period may indicate a significantly lower level of commercial activity in these same territories.

We do not know what portion of the cost of developing these sites – no doubt a huge investment – was borne by the Golden Horde state. It is possible that individual commercial buildings or larger complexes were paid for by individual merchants or trading associations. It is clear in certain cases, however, that specific examples of monumental architecture were sponsored by wealthy members of the ruling élite, including the khan and his tribal leaders. In addition to the palaces of the khan and similar buildings, there were mosques and other religious structures endowed by the khan and other members of the ruling élite and their wives, not to mention baths and other kinds of structures as well. Another phenomenon necessarily accompanying the emergence of fixed urban centers was the creation of a far higher degree of economic specialization among the labor force than under a subsistence-level pastoral nomadic economy. Earlier, artisans were relocated in towns and settlements along the trade routes to produce luxury goods, and other segments of the population, including Slavs, were relocated to raise food and provide other services for the state. By the 14th century, additional jobs and services were no doubt required to maintain urban centers with a permanent ruling class, security apparatus, artisans, commercial infrastructure, and religious-learned class. The new socio-economic groups which formed in the cities, towns, and settlements which came into existence as a direct or indirect result of the policies of the Golden Horde state came to represent an integral part of its population by the mid-14th century.

3. The Major Urban Centers of the Golden Horde

Turning to the urban centers themselves, the great traveler Ibn Baṭṭūṭa, whose itinerary included Kaffa, Qırım, Azaq, Māçar, Saray, Sarayçuq, and Xwarezm, is one of the unique sources allowing us to see the towns of the Golden Horde, and especially its great cities, as vibrant and complex cosmopolitan centers. Other written sources offer far less information. ʿUmarī cites a report including references to Xwarezm, Sıǧınaq, Sawran, Barkent, Cend, Saray, Macar, Azaq, Aqça Kerman, Kaffa, Sudaq, Saqsin, Ükek, and Bulğar as cities of the Golden Horde [57, p. Ar. 75/142]. Some of these were sites of traditional sedentary settlement representing continuity of habitation in the southern and northern zones, while others were new urban centers established in the steppe zone during the 13th–14th centuries on sites that were previously uninhabited. Although many of them predate the Mongol campaigns, the traditional urban centers of both Xwarezm and the Crimean peninsula became centers of state administration rather late, if we are to judge by their role as mint sites. As can be seen from the maps provided by Yegorov, the archeological record reveals many additional sites whose names are not even known from the medieval sources [62].

The traditional urban centers of the south were quite different in character from the cities established in the forest-steppe zone in the centuries preceding the Mongol campaigns and especially from the new cities established in the steppe zone during the 13th–14th centuries. Most centers in both the Crimea and in Xwarezm were communities that had existed for centuries or even millenia. Even Kaffa, developed through the activity of the Italian maritime republics, was in the same location as the ancient Theodosia.

We must, however, look to the urban centers established in the steppe zone by the khans of the Golden Horde to serve as their capitals to understand the quintessential creations of the Golden Horde. Only the two capital cities of Saray can give us clear insight into what the rulers of the Golden Horde considered to be a city. What is left of the first of these capital cities, commonly known as Saray or Saray Batu (also known as *Saray al-mahrūsa*), is associated by archeologists with the modern site 118 km north of Astrakhan known as Selitrennoye (near Axtubinsk) along the Axtuba River, a branch of the lower Volga River. The second city, New Saray (or *Saray al-cadīd*, from Arabic *cadīd* ‘new’), also commonly known as Saray Berke, is associated by archeologists with the modern site 360 km north of Astrakhan known as Tsarev, which is near the great bend of the river.

Let us consider for a moment why the capital of the Golden Horde was such a remarkable achievement for that time and place. Ibn Baṭṭūṭa, who traveled to Saray Berke following his visits to Azaq and Maçar, has provided us with our only vivid description of life in this city. He considered Saray “one of the finest of cities, of boundless size, choked with the throng of its inhabitants, and possessing good bazaars and broad streets”. It took him a whole day to ride its length and return home, and he walked its breadth and back in half a day through a continuous line of houses among which there were no ruins and no gardens. Özbek Khan had a palace in this city, and the inhabitants of the city included Mongols, As (Alans), Kipchaks, Cherkes, Russians, and Greeks (*Rūm*). Each group lived in its own separate quarter with its own bazaars. Merchants and visitors from ʿIraq, Egypt, Syria, and elsewhere lived in a separate quarter surrounded by a wall for the protection of the

properties of the merchants [22, ii, p. 515–517]. We can see from this description alone that Saray Berke was truly a cosmopolitan center.

Unfortunately, very little else about the study of the capital cities of the Golden Horde is as coherent and straightforward as Ibn Baṭṭūta's elegant description. Unfortunately, some of the sources do not even clarify whether they are referring to the original Saray (Saray Batu) or the later New Saray (Saray Berke), nor is it ever entirely certain that the author of a given source is even aware that there are two different Sarays. This has also led to a certain amount of confusion among modern scholars. Certain details are no doubt true of both capitals, such as Abū l-Fidā's comment that Saray (in this case Abū l-Fidā is referring to the Saray founded by Batu) is frequented by merchants and is the site of a great trade in Turkic slaves [1, p. 322–323]. (Since Abū l-Fidā also draws on sources from the pre-Mongol period, his account often introduces additional complications.) In other instances it would be interesting to know which Saray is meant, as in the case of 'Umarī's description of a palace with a gold crescent moon which served as the winter residence of the khan and towers serving as residences for the emirs [57, p. Ar. 81/146], compare Ibn Baṭṭūta's description. For example, if we could be certain that this information refers, in fact, to the more northern Saray Berke, it would add further evidence substantiate the view that the khan was no longer wintering with the flocks along the lower Volga. Following this background survey of the rise of urban centers in the Golden Horde, let us now turn to a consideration of Ükek as a Golden Horde city.

4. A Brief Overview of Ükek in the Written Sources

Today the old city of Uvek – site of the medieval city of Ükek – is a small village about 10 km south of the city of Saratov⁴. By the 14th century, however, it had become one of the most important cities of the Golden Horde, situated approximately halfway between the the Golden Horde capital of Saray in the south and the city of Bulğar in the north. The city is mentioned by Marco Polo under the year 1260, when the Polo brothers traveled from the court of Berke to Ükek (*Ucaca*) on their way to Bukhara [30, p. 35].

The name Ükek also appears mentioned in the Islamic sources. As already noted above, 'Umarī mentions it as one of the cities of the Horde [57, p. Ar. 75/142]. Vaṣṣāf describes that the lands ruled by Chinggis Khan's oldest son Jochi are “Saqsın, Qıpçaq, Xwarezm, Bulğar, Qırım, and Ukak as far as Russia” [58, p. 86]. Timurid chroniclers also mention Ükek in connection with the the battles in the mid-1390s (ca. 1395) between Timur and Toqtamiş [42, p. 121; 53, p. 178 and 185]. On the other hand, some other references in the sources are more problematic: the so-called “Iskandar Anonymous” lists Ükek (*Ükak*) among the lands of the “Blue Horde” rather than the “White Horde” (the correct name for the western part of the “Golden Horde”, which is one of the reasons why I have serious

---

⁴ I am aware that many local scholars in Saratov have published detailed works on the history of Ükek and Saratov, but it is not possible for me to give a thorough review of recent developments in local scholarship in Saratov here. For a detailed survey I refer the reader to the work of a colleague in Saratov who kindly shared her work with me, see: [10].

misgivings about this source) [3, Pers. p. 232/p. 127]⁵. The same error is repeated by Gaffari [20, p. 211].

More details are offered by Abū l-Fidā, who describes Ükek (*al-Ukak*) as a small city of the seventh clime, situated (by induction) at 78 degrees longitude and 49 degrees 55 minutes latitude in the country of Saray [1, p. 323–324]⁶. It is built along the west bank of the Volga halfway between Saray and Bulğar (*Bular*) meaning about 15 days journey in either direction to reach one city or the other. According to this source, the “horde” of the Tatar prince of the country of Berke travels as far north as Ükek but does not go beyond this point [1, p. 323–324]. We may recall that the northern point of nomadization along the Volga by Batu’s *orda* is the same spot for which William of Rubruck describes a part-Ruthenian, part-Saracen village recently established by the Tatars to serve as a river crossing [59, p. 126]. At the conference devoted to the history of Uvek held on June 4–6, 2015 in Saratov, many scholars asserted that Ükek was the site of a river crossing cited by William of Rubruck. While William of Rubruck does not state the name of the place explicitly, it indeed appears justifiable to consider Ükek as the site of the northern river crossing.

Drawing on the coins described by Yanina, we know that Ükek served as a mint site under the reign of Toqta (r. 1290–1313) [63, p. 169–175]. Even though it served as a mint site only later, clearly it appears the urban center had been established much earlier, certainly by the time of the visits of William of Rubruck (1253) and the Polos (1260). By the time Ibn Baṭṭūṭa visited Ükek (*Ukak*) in 1332, the great traveler was able to describe it as “a city of middling size, with fine buildings and abundant commodities, and extremely cold”. He located it ten nights’ march to “the sultan’s capital” Saray and one day’s march from the mountains of the Christian Rūs [22, ii, p. 498–499 (cf. n. 306 citing Yule)]. (Could the difference in the number of days given by Abū l-Fidā versus the number of days given by Ibn Baṭṭūṭa reflect the different locations of the two distinct Sarays, the earlier one more distant from Ükek and the later one closer to it?) Since Ibn Baṭṭūṭa considers Ükek to have been of “medium size”, one may venture a guess that its population was perhaps in the range of roughly 10,000–25,000⁷. Of course, as Leonard Nedashkovsky shows, there were many other settlements in the region surrounding Ükek and other cities of the Golden Horde, see: [39; 40; 41]. As I will suggest below, that must also have represented a significant population.

5. Ükek as a Geological Feature?

In the interest of comprehensibility I will turn to an extended discussion of the etymology of the name *Ükek* only at the end of this paper rather than in the middle of it. For a discussion of *Ükek* as potentially referring to a geological feature, however, it is important to be aware for our purposes here that the word can mean ‘a box’ or by extension (?) ‘a ‘wall tower’, see: [13, p. 105]. For an extended discussion of this word in Turkic and Mongolian languages, I refer to the reader to the final section at the end of this paper.

⁵ The full work has been published as [38].

⁶ Today we would say that Uvek, Russian Federation is located at 45.966542 degrees E longitude and 51.427416 degrees N latitude.

⁷ I discuss the basis for estimating the size of the population of the cities of the Golden Horde in my: [52, chapter 8].

Menges has noted that earlier maps point out the existence of a mountain range called *Ükek-Daba* ‘Walltower pass range’ (?) in the Khangay Mountains, Mongolia located at 47 degrees N latitude and 100.2 degrees E longitude [35, p. 30]. I could not confirm this toponym or find any images of this location (except through Google Earth, see image 1 in the Appendix). With modern technologies and internet search engines, however, it is possible to cast one’s net wider to find places incorporating *ükek* ~ *ükök* in toponyms and easily find images of these places. I would like to offer two additional examples of this.

In one area near Naryn, Kyrgyzstan we find the Ükek Suusu river, Köl-Ükök lake, and the Pereval Ukek or Ükök Pass (located at 42.0182 degrees N latitude and 75.9756 degrees E longitude, average elevation 3,941 meters) in the Gory Ukek mountains. A second area would be the Ükök Plateau in the Altay Republic, more recently the site of the discovery of the “Princess of Ükök”, a well-preserved female mummy from the 5th century BCE, see: [54]. What is striking about all of the maps and photos I have been able to gather concerning these geological features is that they all seem to share the feature of being surrounded completely by a range of mountains, or sometimes on two sides (in the case of a river or mountain pass). Could it be that the mountains provide a protected enclosure (on however large a scale), similar to that offered by a box or a chest (as in the definition offered by Kaşğari cited by Clauson or found in modern Turkic and especially Mongolian languages)? Is it even necessary to be enclosed on all sides, or is it enough to have the high wall of a geological feature protecting the site on just one side?

The reason I pose this question is because it seems to me that the physical site of Uvek (the former Ükek) has geological features which are strikingly similar to the images I have found for Ükök Pass, Köl-Ükök lake, and Ükek Suusu river in Naryn, Kyrgyzstan and the Ükök Plateau in the Altay Republic, Russian Federation. (It is also similar to many images I have found for the Khangay Mountains, except I have not found any images for the precise location cited by Menges.) When looks at those images, one may ask whether the city of Ükek was called that because of its man-made walls (which it may well have had), or the towers built on the man-made walls (which it may have had as well), or whether it was chosen as a site whose geological characteristics would be immediately recognizable to any traveler coming from far off eastern regions of the Mongol World Empire located in present-day Mongolia, Kyrgyzstan, and the Altay Republic of the Russian Federation? If the location was chosen because of its location at the northern limit of nomadism (and perhaps the security and vista it offered, too), is it possible that the name given to this place because it looked just like the other places known by the name Ükek 2,500–4,000 km away to the southeast?

6. The Transformation of Ükek into a Major Urban Center

To conclude the first portion of my paper, I would like to review what I consider to be some of the possible factors contributing to the fact that Ükek became an important urban center, incorporating the data offered above with some new theories as well. First of all, it is clear from William of Rubruck that this is the northern-most point of nomadization by Batu and Abū l-Fidā makes the same statement for the prince ruling over the country of Berke (see above). Although it is likely that other groups were nomadizing further to the north, for the purpose of

developing the infrastructure of a state, it made sense to choose the southern-most point (Saray) and the northern-most point (Ükek) of the territory regularly traveled by the herds and personnel of Batu Khan and his successors.

Second, the site of Ükek was a recognizable geological formation by whose very name travelers would immediately recognize the location when they saw it. The site was more easily defended, its elevation offered better visibility, and if fires were lit in the towers at night it could serve as a beacon to guide travelers and caravans to its location.

Third, the infrastructure of the state eventually demanded the establishment of fixed urban centers serving the administrative needs of the state, as markets, and as the site of predictable river crossings serving the needs of couriers, merchants, and other travelers. As such Ükek would have served as an important northern crossroad along the Volga River for the trade routes connecting other nodes of commerce to the north, southeast, the southwest, and other directions.

Fourth, as the major urban center halfway between Saray and Bulğar, it should have developed as a major center of Islamic civilization, too. Fragments of Islamic grave markers found in Uvek (which as far as I know remain unpublished) remind one of the Volga Bulğarian inscriptions found further to the north. One should expect that more evidence will emerge to support the notion not only that Ükek was a major center of Islamic civilization along the Volga River, but a city with Christian inhabitants as well, as evidenced by a Franciscan residence there, see: [45, p. 95 and 243].

Finally, it is not clear whether the region surrounding Ükek was a major center of grain cultivation in the mid-13th century or not. (Of course, today the region surrounding Saratov is well known as a major center of wheat production, which is symbolic for the region.) When did this region first become a center of wheat production? I have noted elsewhere that Venice and the other Italian maritime republics began to import wheat from the territories of the Golden Horde in the 13th century, see my: [50]. As I argue elsewhere, however, the 1280s also marks the beginning of a climatic shift in the territories of the Golden Horde, see my: [47]. It appears that regions further to the south ceased to experience the moister conditions required for grain production as precipitation shifted to the north. For this reason, it is possible that beginning in the 1280s the countryside around Ükek may also have grown in importance as a site of wheat production for export to Italy. This would have led to an increase in number of settlements around Ükek (as studied by Nedashkovsky, see above), an increase in the population of agricultural workers in this region, and even further growth in the importance of Ükek as a major commercial center.

7. The Etymology and Significance of the Name *Ükek*

While it is not my goal to offer a complete study of the etymology of the name *Ükek*, a study of the history of Uvek in the medieval period should consider this matter, too. For this reason, I would like to reproduce some of the basic information from international scholarship on Turkic and Mongolian philology so that it should be readily available to scholars who are not necessarily Turkologists, Mongolists, or linguists, or may not be able to consult all of these works firsthand.

Karl Heinrich Menges [35] and Max Vasmer [16] (who taught at Saratov State University during the period of the Russian Civil War) discussed the etymology of

Uvek, proposing a Turkic origin with parallel forms in Mongolian languages as well. According to Vasmer's etymological dictionary of the Russian language [16, iv, p. 144]:

Uvek – nazvaniya razvalin na pravom beregu Volgi, nizhe Saratova, tyurk. Ükāk; zdes' naxodilas' rezidentsiya starshego syna Chingis-xana; sm. Bartol'd u Markvarta, WA 43; Shpuler, Gold. Horde 284, 296 i dr. Russk. nazvanie vosxodit k sev.-zap.-tyurk. iz *Üvāk iz *Ügāk ot ükāk (Maxmud Kashgarskiy) "yashchik, stennaya bashnya", mong. ukuk, uxuk; sm. Menges, ZfslPh 24, 30 i sl.

Thus, according to Vasmer, **Uvek** is the name of the ruins on the right bank of the Volga downstream from Saratov, referring to Bartol'd (as cited by Markwart) and Spuler. The former reference should actually be to Schaefer's critical foreword to the posthumous edition of Markwart's work, not to the main body of the work itself (which has a separate pagination). Schaefer's foreword itself is citing Marquart's monograph on the Qumans in which he cites Vaṣṣāf's description (already cited above, see also: [58, p. 86]) of the lands ruled by Chinggis Khan's oldest son Jochi as Saqsin, Qipçaq, Xwarezm, Bulğar, Qirim, and Ukak as far as Russia [46, p. 43*; citing 31, p. 80]. While there is no citation of Bartol'd at the location cited by Vasmer, Bartol'd does mention *Ükek* in his famed "Twelve Lectures on the History of the Turks of Central Asia" and other works, see: [7, p. 710; 6, p. 136; 8, p. 401–402; 5, p. 517]. Vasmer also cites the brief references to "Ukek" in the text and notes to Spuler's history of the Golden Horde [citing 55, p. 210 n. 5, 265 n. 8, 284, 296, 315, 416 n. 2, 427, 431, 435, and 448 n. 9].

7.1. Old Turkic Forms

Following Menges, Vasmer derives the name from NW Turkic (i.e., Kipchak Turkic) *Üvāk from an earlier form *Ügāk, which is from *ükāk* (found in Maḥmūd al-Kāšğarī's *Dīwān luğāt al-turk*) with the meaning 'box, wall tower'⁸. For this great 11th century medieval dictionary of the Turkic languages written in Arabic Menges cites Brockelmann [11, p. 235], who translates this word and the additional words derived from it as:

ükāk '1. Kasten, Kiste; 2. Mauerturm' I, 74, 14, 15.

ükäklik 'Kistenholz' I, 135, 12.

ükäklig 'mit Mauertürmen versehen' I, 135, 13.

ükäklänmäk 'mit Mauertürmen versehen sein' I, 258, 1.

Atalay's translation of the *Dīwān luğāt al-turk* offers translations of the definition of these words into Turkish as follows (omitting the Arabic script) [29, i, pp. 78 (*ükek*), 153 (*ükeklik*, *ükekliğ tam*), and 307 (*ükekke-*):

ükek : Tabut, sandık; Şehrin savaş için hazırlanmış olan etrafındaki burç.

⁸ As noted above, I am not able to follow all the local scholars in Saratov who have written about the etymology of *Uvek/Ükek*, see for example: [10, p. 112] citing [32, p. 111].

ükeklik : Sandık yapılmak için ayrılan ağaç. Üzerinde burçlar bulunan kaleye “ükekliğ tam” denir.

ükekledi : “ol tamığ ükekledi = o, kale üzerine burçlar yaptı”. Herhangi bir şey için sandıklar yapmak ta böyledir; (ükekler – ükeklemek).

Dankoff and Kelley’s translation of the *Dīwān luğāt al-turk* offers translations of the definition of these words into English as follows (omitting the transliteration of the Arabic script) [28, i, p. 116 (*ükäk*), 169 (*ükäklig*), 169 (*ükäklik*), and 249 (*ükäklä:-*)]:

ükäk ‘Box (*tābūt, şundūq*).’

ükäklik ‘Any piece of wood that is to be made into a box (*şundūq*).’

ükä:klig ‘A wall on which there are towers (*‘alayhi burūj*).’

ol tāmīy ükäkälä:di ‘He put towers (*burūj*) on the city walls.’ Also for putting boxes (*şanādīq*) on a thing. **ükäkälä:r ükäkälä:mä:k**.

Geubay’s translation of the *Dīwān luğāt al-turk* offers translations of the definition of these words into Kazakh as follows [33, i, p. 108 (*ükek*), 184 (*ükek*), and 361–362 (*ükekle-*)] (omitting the Arabic script):

ÜKEK: sandıq, tabıt.

ÜKEK: qarauıl munara. Şaxar dualında, qorşau qabırğasında urıs üşin turğızılğan munaralar.

ÜKEKLİK: sandıq casauğa dayındağan ağaş. Töbesin kümbezdep şığarğan tamdı da “ükeklik tam : ükeklik tam” deydi.

ÜKEKLEDİ munaraladı. “Ol tamığ ükekledi : Ol tamığ ükekledi – Ol tamğa ükek (qarauıl munara) casadı. Bir närsege ükek qondırğanda osı söz qoldanladı.”

Auezova’s translation of the *Dīwān luğāt al-turk* offers translations of the definition of these words into Russian as follows [32, p. 111 (*‘ukak*), 180 (*‘ukaklik*), and 303 (*‘ukaklā-*)] (omitting the Arabic script):

323 ‘ukak – ‘yashchik, sunduk’.

324 ‘ukak – ‘bashnya gorodskoy steny, osnashchennaya dlya boyevykh deystviy’.

877 ‘ukaklik – ‘kusok dereva dlya izgotovleniya sunduka’. Stenu, na kotory stoyat bashni, nazyvayut **‘ukäklik tām**.

1608 [‘ukaklā- – [‘ustanavlivat’ (bashni, yashchiki, sunduki i t. p.)] **‘ul tāmīg ‘ukaklādī** ‘on ustanovil bashni na gorodskoy stene’. Tak zhe govoryat i ob ustanovlenii yashchikov i sundukov. [Forma nastoyashchebudushchego vremeni i otglagol’noye imya:] **‘ukaklār, ‘ukaklāmāk**.

7.2. A Turkic Etymology: Old and Middle Turkic Languages

Sir Gerard Clauson offers a more complete etymology of this word in his classic etymological dictionary of Old Turkic [13, p. 105; see also 14, p. 623]:

ükek originally ‘box’ or the like; hence metaph[orically] ‘a wall tower’ on a city wall, Arabic *burc*, in certain contexts with the metaph[orical] meanings of that word. Survives only(?) in NE Tuv[an] **ügek** ‘a small confined space, e.g. dog kennel, the interior of a covered cart, sentry box’, and NC Kir[giz] **ükök** ‘a small box for carrying food’.

Clauson points out further that it survives in Kāşğarī’s *Dīwān luġāt al-turk* (11th century) as **ükek** *al-tābūt wa’l-şundūq* ‘coffin, box’; **ükek burc sūri’l-madīnati’l-mu’adda li’l-ḥarb ‘a tower on a city wall built for military purposes’⁹. It also occurs in the *Qutaḍġu bilig* (11th century) as **on iki ükek** ‘the twelve signs of the zodiac’ (Arabic *burc*) and in the phrase **él(l)ig boymı kılça ükekçe başı** ‘a king with a neck as (thin as) a hair and a head as (thick as) a tower’ (the understanding man does not trust him at all) [4, lines 138 and 2154]. According to Clauson, the line from the *Qutaḍġu bilig* is copied directly by Rabġuzi in his *Qızas ül-enbiya* (early 14th century), a work from Rıbat-i Oġuz in the territory of the Golden Horde¹⁰. Finally, Ibn Muhanna also has **ü:ge:k** which he glosses as *al-burc* (here) ‘a sign of the zodiac’, reproduced below from the editions by Melyoranskiy and Rifat (clearly the manuscript has a misspelling, with the letter *lam* instead of *kaf*) [34, Arabic p. 78; and 21, p. 183]:**

Melyoranskiy	Rifat
<p>البرج (sic!) اَپْاَل</p>	<p>البرج = اوكال</p>

As Clauson notes, this form already shows the voicing of *-k-* > *-g-* (on the path to eventually becoming *-v-*, as noted above).

Clauson also cites the two additional nominal forms and the one verbal form derived from **ükek** cited in Kāşğarī [13, p. 105–106]. The first nominal form, **ükeklig**, is a hapax legomenon (i.e., it is attested only once): ‘a wall which has towers (*burūc*) on it’ is called **ükeklig ta:m**. The second form is: **ükeklik kull xaşaba u’iddat li-yuttaxad minhā** ‘l-şundūq’ ‘any piece of wood prepared for making it into a box’. The verbal form **ükekle:-** occurs as: **ol ta:mıġ ükekle:di**: ‘he placed towers (*waḍa’a...burūc*) on the city wall’; also used for making boxes (*şanādīq*) of anything¹¹.

⁹ Citing it as Kaş I 78, referring to the Atalay translation (see above).

¹⁰ Clauson cites Rabġuzi following [44, i, p. 1193]. See also [2, i, p. 134 (text) and 678 (glossary)].

¹¹ Clauson cites these as Kaş I 153 and Kaş I 307, referring to the Atalay translation (see above).

7.3. A Turkic Etymology: Modern Turkic Languages

With respect to modern languages, as Clauson notes, the word survives in Tuvan and Kyrgyz. It is attested in Tuvan [56, p. 443] as:

ügek 1) ‘konura’; **it ügëë** ‘konura dlya sobaki’; 2) ‘xlev (*dlya molodnyaka*)’; **bızaa ügëë** ‘telyatnik’; 3) ‘naves, ukrytiye na povoske (*ot zhary, vetra, snega*)’; 4) budka; **tañnul ügëë** ‘storozhevaya budka’; 5) ‘kabina’; **ujudukçu ügëë** ‘kabina letchika’; *sr.* **kabina**.

In other words, the first meaning of **ügek** is ‘hovel’, with **it ügëë** meaning ‘kennel for a dog’. The second meaning is ‘shed (for a young animal)’, with **bızaa ügëë** meaning ‘veal shed’. The third meaning is ‘shelter, awning (from heat, wind, snow)’. The fourth meaning is ‘box, cabin’, with the **tañnul ügëë** meaning ‘watch box, sentry box’. Finally the fifth meaning is ‘booth’, with modern term **ujudukçu ügëë** meaning ‘crew cabin, cockpit’.

The word is also attested in Kyrgyz (Kırğız) [64, p. 820] as **ükök** ‘sunduchok dlya khraneniya s’estnykh priпасov’ [‘a small box for storing food supplies’]. Given the fact that the precise word we are looking for is to be found in Turkic, I do not see any need to try to explain it through other derivations.

7.4. Additional Notes on the Turkic Etymology

To Clauson’s citations we may add that *ükäk* also occurs with the meaning ‘tower’ (corresponding to Arabic *burc* and Persian *kōšk*) in the 12th – early 13th century interlinear Qur’ān translation studied by Eckmann [15, p. 312]:

yätär sizlärkä ölüm, näçämä bolsa sizlär ädiz yüksäk ükäklär içindä
death will overtake you though you should be in high-raised towers

The form of the name for what is today *Uvek* which is given by Marco Polo (*Ucaca*) and the forms in Arabic script (*ukak*, etc.) are not conclusive with regard to whether the name was pronounced originally as a back-vowel or a front-vowel word. The modern name *Uvek* is clearly a Russianized form no longer reflecting Turkic or Mongolian vowel harmony, but it does suggest that the name was originally a front-vowel word. Therefore *Uvek* must have had a front vowel in the first syllable before it was lost in Russian, in which case the earlier form would have been **üvek ~ üväk*¹².

The form given by Marco Polo (*Ucaca*) and the forms in Arabic script (e.g., *Ukak* in Ibn Baṭṭūta) also suggest that the name originally had an intervocalic *-k-*. The change *k > g > v (w)* and *q > ğ > v (w)* is a regular feature of Kipchak Turkic dialects and also occurs in Oğuz Turkic dialects, for example (cited following Clauson):

Old Turkic *ta:ğ* ‘mountain’ > Kazan Tatar *taw* ‘mountain’ [13, p. 463]
Old Turkic *kögürçgün* ‘pigeon, dove’ > Kazan Tatar *kügärçen* [i.e., *kügärçin*], Turkish *güvercin* ‘pigeon, dove’ [13, p. 713]

¹² For a discussion of the Russian form, including the hydronym *Uvesha*, see: [35].

Old Turkic *takı:ǵu*: ‘a domestic fowl’ > Kazan Tatar *tawık*, Turkish *tavuk* ‘chicken’ [13, p. 468]

Based upon the considerations state above, it is easy to propose that the name developed as follows:

ükek ~ ükäk > ügek ~ ügäk > *üvek ~ üväk > uvek

To complicate matters further (and for the sake of completeness), we need to remember that the vowels in languages of the Middle Volga region such as Kazan Tatar experienced a vowel shift including:

*o > u, ö > ü (Kazan Tatar **on > un* ‘10’; **böl- > bül-* ‘to divide’).

For this reason one could consider the possibility that the original name began not in *ü-*, but in an earlier **ö-*, so **ökek ~ ökäk*. The one caution in this regard is that we do not have a precise date for the “Volga vowel shift”. Since the mid-13th century is probably too early for such a shift in Turkic languages in the Middle Volga region, it would be best to consider rather forms in *ü-* before resorting to forms in *ö-*. This is also suggested by the modern forms in Tuvan and Kyrgyz.

Finally, there is a long list of monosyllabic and bisyllabic roots in Old Turkic from which one could potentially seek a different source for deriving this name as well.¹³ While this is theoretically possible, as we have already seen above, there are multiple ways in which the meaning of this word is highly appropriate as an etymology for the modern name Uvek. For this reason there is no need to resort to other possible etymologies beyond the form found in Kaşğari.

7.5. A Mongolian Etymology?

As Menges has noted, the same word exists in quite a number of Mongolian languages. In addition to the earlier sources he cites, I will note that this same word is attested in Classical Mongolian as *ükek ~ üküg* ‘chest, case, box, cupboard’ [27, p. 1002–1003]. The word is also attested the on-line Bolor Khalkha Mongolian dictionary as *üxég* ‘case, box, trunk, chest’, search under $\gamma\chi\epsilon\gamma$ in: [60]. The large on-line explanatory dictionary for Khalkha Mongolian gives both the forms *üxég* and *üxéglèx* (the latter form could also be a Turkic loanword in Mongolian), search under $\gamma\chi\epsilon\gamma$ and $\gamma\chi\epsilon\gamma\lambda\epsilon\chi$ in: [61]. The word is also to be found with the same range of meanings in Buryat [12, p. 521]:

üxég 1) nizen’kiy shkaf dlya skladyvaniya veshchey; shkafchik v vide tumbochki; 2) podstavka dlya sunduka; 3) yashchik.

The same is the case for Kalmyk, except it is considered an archaic form [40, p. 549], with the abbreviation *ust.* standing for *ustarevshee slovo* ‘archaic form’.

¹³ For this reason there is no reason to review all other possibilities for our purposes here. For an exhaustive list of front-vowel nominal roots see: [13, p. 98–99, 100–101, and 105]; for back-vowel nominal roots (which we should not be considering!) see [13, p. 75–76, 78–79, and 82–83].

üküg I *ust.* posudnyy shkaf; lar'; **ükügüt ümkä mxi zagadka v shkafu tuxloye myaso (ul'trg stel'ka)**

üküg II *ust.* sarkofag

Finally the word is also attested in Ordos [36, p. 754] (following Mostaert's transcription):

u^{ck}xekle- 'mettre dans une caisse pour conserver les victuailles.' ['to put in a chest to preserve food'– *U.S.*]

u^{ck}xek 'caisse pour conserver les victuailles.' ['a chest for preserving food'– *U.S.*] [Mongolian **ükeg**]

The fact that the word *ükek* and forms derived from it occurs in both Old Turkic and Classical Mongolian makes it difficult to rule out either language as the original language. The fact that the word survives in a rather large number of Mongolian languages but in only two modern Turkic languages may suggest that it was borrowed into Old Turkic and into a small number of modern Turkic languages, or it may simply be a sign that the traditional culture of the nomads survived longer among the speakers of various Mongolian languages. If we consider the denominal verb *ükekle-*, it appears that it is more likely to be Turkic origin than a verbal form native to Mongolian, since according to Poppe, Classical Mongolian would not employ the the suffix *-la/-le* to create a verb from *ükek* [43, p. 65]. The suffix *-liğ* (as in Khalkha *üxëglëx*, see above) would not necessarily form *ükeklik* in Mongolian, whereas it is more easily seen as a ubiquitous formation in Turkic¹⁴. Of course, it is also possible that the original root was borrowed into both Turkic and Mongolian from a third language before the 11th century.

REFERENCES

1. Abū l-Fidā. *Géographie d'Aboulféda*, ii/1. J.T. Reinaud (trans.). Paris, 1848. (In French)
2. Al-Rabghūzī. *The Stories of the Prophets: Qiṣaṣ al-anbiyā'*. *An Eastern Turkish Version*, i–ii. H.E. Boeschoten et al. (eds., trans.). Leiden, Brill, 1995.
3. Anonim Iskendera, in: V.G. Tizengauzen, *Sbornik materialov otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy ordy*, ii: *Izvlecheniya iz persidskikh sochineniy* [Collection of Materials Related to the Golden Horde's History. Vol. II: Excerpts from the Persian Writings]. A.A. Romaskevich and S.L. Volinyy (eds.). Moscow–Leningrad, 1941, pp. 126–138 and 232–242. (In Persian, Russian)
4. Arat R.R. *Kutadgu bilig*, i: *Metin*. Istanbul, 1947. (In Turkish)
5. Bartol'd V.V. Bolgary [The Bulgars]. *Sochineniya*, v [Writings, Vol. V]. Moscow, 1968. (In Russian)
6. Bartol'd V.V. Dvenadtsat' lektsiy po istorii turetskikh narodov Sredney Azii [Twelve Lectures on the History of the Turkish Peoples of Central Asia]. *Sochineniya*, v [Writings, Vol. V]. Moscow, 1968. (In Russian)
7. Bartol'd V.V. Mesto prikaspiyskikh oblastey v istorii musulmanskogo mira [The Role of the Caspian Regions in the History of the Muslim World]. *Sochineniya*, ii/1 [Writings, Vol. II/1]. Moscow, 1963. (In Russian)

¹⁴ See [46, p. 42] for the example: *çeçeg* + *-liğ* > *çeçegliğ* or *çeçerliğ*.

8. Bartol'd V.V. *Novyy trud o polovtsakh* [A New Work on the Polovtsians]. *Sochineniya*, v [Writings, Vol. V]. Moscow, 1968. (In Russian)
9. Blum J. *Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century*. Princeton, 1961.
10. Bratashova S.A. *Ranniy Saratov: Na perekrestke putey i epokh* [Early Saratov: At the Crossing of Ways and Epochs]. Saratov, 2015. (In Russian)
11. Brockelmann C. *Mitteltürkischer Wortschatz, nach Maḥmūd al-Kāšyarī's Dīwān Luḡāt at-Turk*. Bibliotheca Orientalis Hungarica 1. Budapest, 1928. (In German)
12. Cheremisov K.M. *Buryat-mongol'sko-russkiy slovar'* [Buryat-Mongolian-Russian Dictionary]. Moscow, 1951. (In Russian)
13. Clauson G. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish*. Oxford, 1972.
14. *Drevnetyurksiý slovar'* [Old Turkic Dictionary]. V.M. Nadelyaev et al. (eds.). Leningrad, 1969. (In Russian)
15. Eckmann J. *Middle Turkic Glosses of the Rylands Interlinear Koran Translation*. Bibliotheca Orientalis Hungarica 21. Budapest, 1976.
16. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka*, vol. i–iv [Etymological Dictionary of the Russian Language. Vol. I–IV]. Moscow, 1986–1987. (In Russian)
17. Fedorov-Davydov G.A. *Städte der Goldenen Horde an der unteren Wolga*. Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie 11. München, 1984. (In German)
18. Fedorov-Davydov G.A. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ya* [Golden Horde's Cities of the Volga Region]. Moskva, 1994. (In Russian)
19. Fyodorov-Davydov G.A. *The Culture of the Golden Horde Cities*. British Archaeological Reports, International Series 198. Oxford, 1984.
20. Gaffārī. *Nusax-i cahān-ārā*, in: V.G. Tizengauzen, *Sbornik materialov otnoyashchikhya k istorii Zolotoy ordy*, ii: *Iz vlecheniya iz persidskikh sochineniy* [Collection of Materials Related to the Golden Horde's History. Vol. II: Excerpts from the Persian Writings]. A.A. Romaskevich and S.L. Volinyi (eds.). Moscow–Leningrad, 1941, pp. 210–212 and 269–271. (In Persian, Russian)
21. Ibn al-Muḥannā. *Kitāb Ḥilyat al-insān wa-ḥalabat al-lisān, yahut, İbni Mühennā lūgati*. Kilisli Muallim Rifat (ed.). Istanbul, 1922. (In Arabic)
22. Ibn Baṭṭūta. *The Travels of Ibn Baṭṭūta, A. D. 1325–1354*, i–iii. H.A.R. Gibb (trans.). Works Issued by the Hakluyt Society, II, 110, 117, and 141. Cambridge, 1958–1971.
23. Kirakos of Ganjak. *History of the Armenians*. R. Bedrosian (trans.). New York, Sources of the Armenian Tradition, 1986.
24. Kirakos of Ganjak. *Istoriia Armenii* [The History of Armenia]. L.A. Khanlarian (trans.). Pamyatniki pis'mennosti Vostoka 53. Moscow, 1976. (In Russian)
25. Kramarovskiy M. *Gorod i gorodskaya zhizn' v Zolotoy Orde* [The City and the City Life in the Golden Horde]. *Istoriya Tatar s drevneyshikh vremen v semi tomakh*, iii: *Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XIII–seredina XV v.* [History of the Tatars from the Most Ancient Times in Seven Volumes. Vol. III: The Jochid Ulus (the Golden Horde). 13th – mid-15th centuries]. Kazan, 2009, pp. 567–589. (In Russian)
26. Le Goff J. *Medieval Civilization, 400–1500*. J. Barrow (trans.). New York, 1989.
27. Lessing F.D. *Mongolian-English Dictionary*. Berkeley, 1960/Bloomington, 1980.
28. Maḥmūd al-Kāšyarī. *Compendium of the Turkic Dialects (Dīwān Luḡāt at-Turk)*. Robert Dankoff and James Kelley (ed., trans.). Sources of Oriental Languages and Literatures 7. Duxbury, MA, 1982–1985.
29. Maḥmūd al-Kāšgarī. *Divanü lūgat-it-türk tercümesi*, i–iv. B. Atalay (trans.). Ankara 1939–1941/1985–1986. (In Turkish)
30. Marco Polo, *The Travels*. Ronald Latham (trans.). New York, Penguin, 1958.

31. Marquart J. Über das Volkstum der Komanen, in: W. Bang and J. Marquart. *Osttürkische Dialektstudien*. Abhandlungen der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch-Historische Klasse, N.F. 13:1. Berlin, 1914/Göttingen, 1970. (In German)
32. Maxmūd al-Kāshgārī. *Dīvān luġāt at-Turk*. Z.-A. Auezova (trans.). Almaty, Dayk-Press, 2005. (In Russian)
33. Maxmut Qashqari. *Türük sözdigi*. Asqar Qurmashuli Egeubay (trans.). Almaty, Khant, 1997–1998. (In Kazakh)
34. Melyoranskiy P.M. *Arab filolog o turetskom yazyke* [The Arabic Philologist about the Turkish Language]. St. Petersburg, 1900. (In Russian)
35. Menges K.H. Uvek/Ükāk, ‘Mauerturm, Bastion’, *Zeitschrift für Slavische Philologie* 24:1 (1955), pp. 30–31. (In German)
36. Mostaert A. *Dictionnaire ordos*. Second Edition. New York, 1968. (In French)
37. Muniyev B.D. *Kalmytsko-russkiy slovar’* [Kalmyk-Russian Dictionary]. Moscow, 1977. (In Russian)
38. Naṭanzī. *Muntaxab at-tavārīx-i Mu’inī*. J. Aubin (ed.). Tehran, 1957. (In Persian)
39. Nedashkovskii L.F. *Zolotoordynskie goroda Nizhnego Povolzh’ya i ikh okruga* [Golden Horde Cities of the Lower Volga Region and Their Districts]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2010. (In Russian)
40. Nedashkovskii L.F. *Zolotoordynskii gorod Ukek i ego okruga* [The Golden Horde City of Ukek and Its Districts]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2000. (In Russian)
41. Nedashkovsky L.F. *The Golden Horde City and Its Periphery. An Analysis of the Written, Numismatic and Artefactual Evidence for the City of Ukek and the Jochid State on the Volga, 12th to 15th centuries*. British Archaeological Reports S1222. Oxford, England: Archaeopress, 2004.
42. Nizām al-Dīn Shāmī. *Zāfarnāma*, in: V.G. Tizengauzen, *Sbornik materialov otnoyashchikhsya k istorii Zolotoy ordy*, ii: *Iz vlecheniya iz persidskikh sochineniy* [Collection of Materials Related to the Golden Horde’s History. Vol. II: Excerpts from the Persian Writings]. A.A. Romaskevich and S.L. Volinyy (eds.). Moscow–Leningrad, 1941, pp. 104–126. (In Persian, Russian)
43. Poppe N. *Grammar of Written Mongolian*. Wiesbaden, 1974.
44. Radloff W. *Versuch eines Wörterbuches der Türk-Dialecte/Opyt slovarya tyurkskikh narechiy*, i–iv. St. Petersburg, 1893. (In German, Russian)
45. Richard J. *La Papauté et les missions d’orient au Moyen-Age (XIIIe–XVe siècles)*. Rome, 1977. (In French)
46. Schaefer H.H. Vorwort, in: J. Markwart, *Wehrot und Arang. Untersuchungen zur mythischen und geschichtlichen Landeskunde von Ostiran*, H.H. Schaefer (ed.). Leiden, 1938. (In German)
47. Schamiloglu U. Climate Change in Central Eurasia and the Golden Horde. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 1, pp. 6–25.
48. Schamiloglu U. The Impact of the Black Death on the Golden Horde: Politics, Economy, Society, and Civilization. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 2, pp. 325–343.
49. Schamiloglu U. The Islamic High Culture of the Golden Horde, *Proceedings of the Second International Symposium on Islamic Civilization in the Volga-Ural Region: Kazan, 24–26 June 2005*, Rafik Muhammetshin, Zeynep Durukal, and Güler Doğan (eds.). Sources and Studies on the History of Islamic Civilization. Istanbul, Research Centre for Islamic History, Art and Culture, 2008, pp. 19–39.
50. Schamiloglu U. Torgovlya Ulusa Dzhuchi so stranami Sredizemnemor’ya [The Trade of the Jochid Ulus with the Mediterranean Countries]. *Istoriya Tatar s drevneyshikh vremen v semi tomakh*, iii: *Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XIII–seredina XV v.* [History of the Tatars from the Most Ancient Times in Seven Volumes. Vol. III: The Jochid Ulus (the Golden Horde). 13th – mid-15th centuries]. Kazan, 2009, pp. 287–294. (In Russian)

51. Schamiloglu U. Vysokaya islamskaya kul'tura Zolotoy Ordy [The High Islamic Culture of the Golden Horde]. *Istoriya Tatar s drevneyshikh vremen v semi tomakh*, iii: *Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XIII–seredina XV v.* [History of the Tatars from the Most Ancient Times in Seven Volumes. Vol. III: The Jochid Ulus (the Golden Horde). 13th – mid-15th centuries]. Kazan, 2009, pp. 589–598. (In Russian)

52. Schamiloglu U. *The Golden Horde: Economy, Society, and Civilization in Western Eurasia, Thirteenth–Fourteenth Centuries*. Madison, Turko-Tatar Press, forthcoming.

53. Sharaf al-Dīn Yazdī. *Zāfarnāma*, in: V.G. Tizengauzen, *Sbornik materialov odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy ordy*, ii: *Iz vlecheniya iz persidskikh sochineniy* [Collection of Materials Related to the Golden Horde's History. Vol. II: Excerpts from the Persian Writings]. A.A. Romaskevich and S.L. Voliny (eds.). Moscow–Leningrad, 1941, pp. 144–190 and 248–250. (In Persian, Russian)

54. *Siberian Ice Maiden*. Available at: en.wikipedia.org/wiki/Siberian_Ice_Maiden. Accessed: January 5, 2016.

55. Spuler B. *Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland, 1223–1502*. Second Edition. Wiesbaden, 1965. (In German)

56. Tenishev E.R. *Tuvinsko-russkiy slovar'* [Tuvinian-Russian Dictionary]. Moscow, 1968. (In Russian)

57. 'Umarī. *Das mongolische Weltreich. Al-'Umarī's Darstellung der mongolischen Reiche in seinem Werk Masālik al-absār ft mamālik al-amṣār*. K. Lech (ed., trans.). Asiatische Forschungen 22. Wiesbaden, 1968. (In German)

58. Vaṣṣāf. *Tārīx-i Vaṣṣāf*, in: V.G. Tizengauzen, *Sbornik materialov odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy ordy*, ii: *Iz vlecheniya iz persidskikh sochineniy* [Collection of Materials Related to the Golden Horde's History. Vol. II: Excerpts from the Persian Writings]. A.A. Romaskevich and S.L. Voliny (eds.). Moscow–Leningrad, 1941, pp. 80–89. (In Russian)

59. William of Rubruck. *Mission to Asia*. A Nun of Stanbrook Abbey (trans.), C. Dawson (ed.). London, 1955/Toronto, 1980.

60. Available at: www.bolor-toli.com. Accessed: December 23, 2015.

61. Available at: www.mongoltoli.mn. Accessed: December 23, 2015.

62. Yegorov V.L. *Istoricheskaya geografiya Zolotoy Ordy v XIII–XIV vv.* [The Historical Geography of the Golden Horde in the 13th–14th centuries]. Moscow, 1985. (In Russian)

63. Yanina A. Obshchiy obzor kollektsii dzhuchidskikh monet iz raskopok i sborov Kuybyshevskoy ekspeditsii v Bolgarakh (1946–1958 gg.) [General Overview of the Collection of Jochid Coins from Excavations and Collections of the Kuibyshev Expedition in Bolgars (1946–1958)]. *Trudy Kuybyshevskoy ekspeditsii*, iv [Proceedings of the Kuibyshev Expedition, Vol. IV]. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR 111. Moscow, 1962, pp. 153–178. (In Russian)

64. Yudakhin K.K. *Kirgizsko-russkiy slovar'* [Kyrgyz-Russian Dictionary]. Moscow, 1965. (In Russian)

About the author: Uli Schamiloglu – Ph.D. (History), Professor, Nazarbayev University (Astana 010000, Kazakhstan); Department of German, Nordic, and Slavic, University of Wisconsin-Madison, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0003-0658-1267> (1220 Linden Drive, Madison, WI 53706, USA). E-mail: uschamil@wisc.edu

*Received November 10, 2017 Accepted for publication February 20, 2018
Published March 29, 2018*

APPENDIX

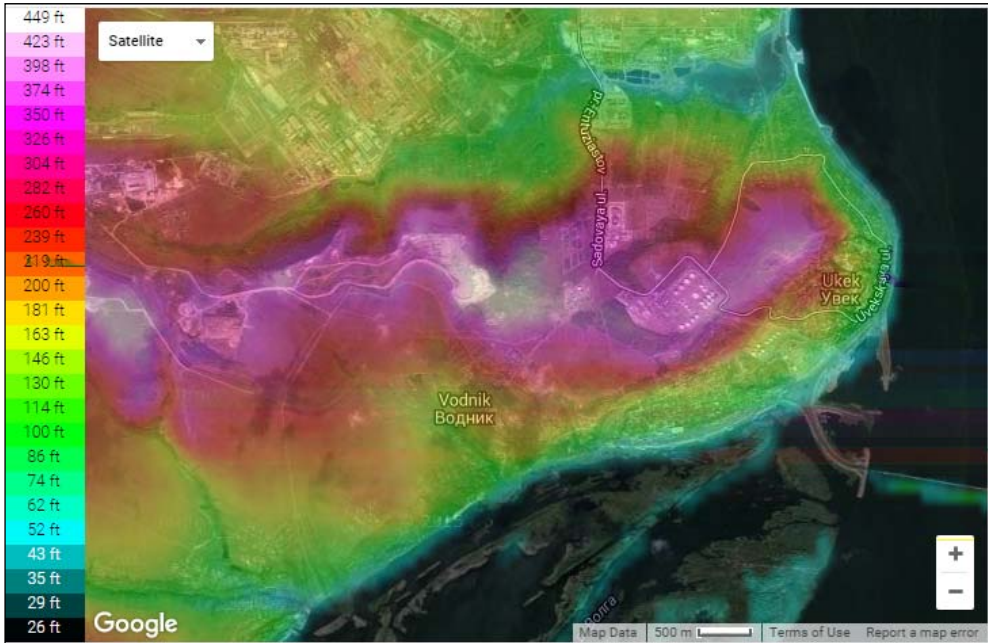
1. Ükek Daba (Khangay Mountains, Mongolia) located at 47 degrees N latitude and 100.2 (100° 12') degrees E longitude
[Source: Google Earth. Accessed: December 3, 2017]

2. Uvek (Saratov, Russia)
[Source: <http://delovoysaratov.ru/news/region-news/vyishel-v-svet-film-ukek0211/>. Accessed: January 5, 2016]

3. Topographic Map of Uvek (Saratov, Russia)
[Source: <http://en-us.topographic-map.com/places/Saratov-3673179/>.
Accessed: January 5, 2016]

4. Ükek Pass, Kyrgyzstan (Photo by Jürgen Grösel, June 2012)
[Source: <http://www.panoramio.com/photo/75661089>.
Accessed: January 5, 2016]

5. Köl Ükök Lake,
Kyrgyzstan

[Source:
<http://www.wikiloc.com/wikiloc/imgServer.do?id=734926>.

Accessed:
January 5, 2016]

6. Ükök Suusu
River, Kyrgyzstan

[Source:
<https://www.flickr.com/photos/62516383@N04/8491680629/in/photostream/>.

Accessed:
January 5, 2016]

7. Ükök Plateau,
Kosh-Agachsky
District, Altay
Republic,
Russian Federation
(Photo by Richard
Lozin, October
2010)

[Source:
<http://www.panoramio.com/photo/42979279>.

Accessed:
January 5, 2016]

ПОДЪЕМ ГОРОДСКИХ ЦЕНТРОВ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ И ГОРОД УКЕК

Юлай Шамильоглу^{1,2}

¹ *Назарбаев Университет
Астана, Казахстан*

² *Висконсинский университет в Мадисоне
Madison, USA
uschamil@wisc.edu*

Цель и материалы исследования: в данной статье рассматривается подъем городов на территории Золотой Орды. В ней контекстуализируется информация, встречающаяся у таких средневековых путешественников, как Марко Поло и Гийом де Рубрук, для изучения перехода кочевнической экономики к оседлой экономике. Такие арабоязычные авторы, как Абу-ль-Фида, позволяют обозреть местонахождение крупных городских центров, в то время как Ибн Баттута позволяет глубже понять внутреннее устройство городов. Хотя Укек появился как городской центр, расположенный на северной оконечности маршрута ежегодных кочевнических миграций и на полпути из столичного города Сарая на юге и из города Булгара на севере, в данной статье утверждается, что, вполне возможно, он приобрел позже важность как центр производства зерна вследствие климатического изменения. В статье также делается попытка понять происхождение и значение названия Укек, представляя в отношении его этимологии подробное рассмотрение средневековых и современных сведений.

Результаты и новизна исследования: в статье выдвигается предположение, что название Укека в действительности отображает информацию о геологической формации места, где он был построен. В то время, как большинство исследователей считали, что изначально оно означало «ящик», под которым подразумевались укрепления на городской стене, автор утверждает, что это название скорее указывает на похожие на ящик полые очертания местности, предоставлявшие как убежище, так и расположение на возвышенности, и которые были видны путешественникам и представлялись в форме, легко узнаваемой для путешественников, прибывавших с расстояния в тысячи километров с юго-востока, где находились несколько подобных же местностей с той же формой и тем же названием.

Ключевые слова: Укек, номадизм, стоянки, прото-города, городские центры, Сарай, геологическая особенность, производство зерна, тюркская этимология, монгольская этимология

Для цитирования: Schamiloglu U. The Rise of Urban Centers in the Golden Horde and the City of Ükek // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 1. С. 18–40. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.18-40

Сведения об авторе: Юлай Шамильоглу – Ph.D. (история), профессор, Назарбаев Университет (Астана 010000, Казахстан); департамент немецкого, скандинавских и славянских языков, Висконсинский университет в Мадисоне, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0003-0658-1267> (1220 Linden Drive, Madison, WI 53706, USA). E-mail: uschamil@wisc.edu

*Поступила 10.11.2017 Принята к публикации 20.02.2018
Опубликована 29.03.2018*

УДК 94(47).031

DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.41-84

КАК СУЛТАН МАМЛЮКОВ ОБРАЩАЛСЯ К ХАНУ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ. ФОРМУЛЯР ПИСЕМ И ПРАВИЛА ИХ СОСТАВЛЕНИЯ*

Мари Фаверо^{1,2}

¹ Оксфордский университет
Оксфорд, Великобритания

² Университет Сорбонна – Париж IV
Париж, Франция
marie.favereau@history.ox.ac.uk

Цель: изучить некоторые вопросы формы и протокола, управляющих «письменными отношениями» между мамлюками и Чингизидами Золотой Орды, определить степень взаимовлияния между тюркскими, монгольскими и арабскими эпистолярными практиками этого периода.

Материалы исследования: корпус из учебников канцелярии трех крупных писателей мамлюкского султаната: Ат-Та'риф фи ал-мусталах аш-шариф (*al-Ta'rif fi al-muṣṭalaḥ al-šarīf*) Ибн Фадл Аллах ал-'Омари (ум.749/1349 г.), «Ат-Таскиф фи ат-та'риф» (*al-Taṣkiḥ fi al-ta'rif*) Таки ад-дин Ибн Назир ал-Жайиш (ум. 786/1384 г.) и «Субх ал-а'ша фи сина'ат ал-инша» (*Ṣubḥ al-a'šā fi ṣinā'at al-inšā'*) ал-Калкашанди (ум. 821/1418 г.).

Результаты и научная новизна: проведен детальный анализ вышеперечисленных источников, который подтвердил взаимовлияние между двумя *Диван ал-инша*, конкретном свидетельстве циркулирования знания и техник исламских канцелярий между Египтом и Центральной Азией со второй половины XIII века до первой половины XV века.

В результате было выявлено, что административные институты стабильно функционируют, несмотря на прерывистость и хаос династического наследования. Речи, которые мы различаем сквозь эти эпистолярные обмены, также имеют некоторую преемственность: цель большинства этих писем состоит в том, чтобы обосновать или задать вопрос о молчании, нехватки посольств и долгом отсутствии обмена. Следовательно, дипломатические практики этих двух государств вписываются в долгий благоприятный период общей и разделяемой участниками эволюции правил канцелярии.

Ключевые слова: история, Золотая Орда, мамлюкские султаны, Диван ал-инша, письма, учебники

---

* Впервые статья опубликована на французском языке Французским Институтом ориентальной археологии (Institut français d'archéologie orientale). Цитирование оригинала статьи на французском языке: Favereau M. Comment le sultan mamlouk s'adressait au khan de la Horde d'Or. Formulaire des lettres et règles d'usage d'après trois manuels de chancellerie (1262–v.1430) // *Annales Islamologiques*. La Caire: Institut français d'archéologie orientale, 2008. Vol. 41. P. 59–95.

Данная статья распространяется на условиях открытого доступа по некоммерческой лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0), которая предусматривает некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии корректного цитирования оригинала работы. На условиях расширенного доступа опубликована 29 марта 2018 г.

Для цитирования: Фаверо М. Как султан мамлюков обращался к хану Золотой Орды. Формуляр писем и правила их составления // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 1. С. 41–84. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.41-84

HOW THE MAMLUK SULTAN ADDRESSED THE GOLDEN HORDE'S KHAN. THE FORM OF LETTERS AND RULES FOR THEIR COMPILATION*

Marie Favereau^{1,2}

¹ *Oxford University
Oxford OX1 2RL, United Kingdom*

² *La Sorbonne – Paris IV
Paris, France
marie.favereau@history.ox.ac.uk*

Research objectives: To study some questions of form and protocol by which the Mamluks were guided in their “written relations” with the Chinggisids of the Golden Horde. To determine the degree of mutual influence between Turkic, Mongol and Arabic epistolary practices of this period.

Research materials: Examples from the clerical manuals of the three major writers of the Mamluk sultanate: Ibn Fadl Allah al-Umari (al-Taʿrīf fī al-muṣṭalaḥ al-ṣarīf) (d. 749/1349), Ibn Nazir al-Jaysh (al-Taṭqīf fī al-taʿrīf) (d. 786/1384), and al-Qalqashandi (Ṣubḥ al-aʿṣā fī ṣināʿat al-inṣāʿ) (d. 821/1418).

Research results and novelty: The author analyzed in detail the above sources, confirming the interaction between the two diwans al-inshaʿ as well as the circulation of Islamic chancellery knowledge and techniques between Egypt and Central Asia, starting from the second half of the 13th century and up to the first half of the 15th century.

As a result, it has been revealed that administrative institutions functioned steadily despite the periodic discontinuity and chaos of dynastic inheritance. The statements that we distinguish through these epistolary exchanges also possess a certain continuity; the goal of most of these letters was to justify or ask a question about prolonged silences, the shortage of embassies, and the long absence of an exchange between the two states. Consequently, the diplomatic practices of the Mamluks and Golden Horde fit into the long favorable period of the general evolution of clerical regulations.

Keywords: history, Golden Horde, Mamluk sultans, diwan al-inshaʿ, letters, manuals

For citation: Favereau M. How the Mamluk Sultan Addressed the Golden Horde's Khan. The Form of Letters and Rules for Their Compilation. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2018. Vol. 6, no. 1, pp. 41–84. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.41-84

---

* Originally published by Institut français d'archéologie orientale. For original publication: Favereau M. Comment le sultan mamlouk s'adressait au khan de la Horde d'Or. Formulaire des lettres et règles d'usage d'après trois manuels de chancellerie (1262–v.1430). *Annales Islamologiques*. La Caire: Institut français d'archéologie orientale, 2008. Vol. 41, pp. 59–95.

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons License “Attribution” 4.0 International (CC BY 4.0), which permits non-commercial re-use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. Advance Access published on March 29, 2018.

Специалисты по средневековой арабо-мусульманской дипломатике еще делают свои первые шаги, особенно в изучении тюркского мира. Главная причина, по словам специалистов по *Дар ал-ислам*, состоит в том, что мы сохранили слишком мало рукописных следов, исходящих из исламских администраций. Проблема исчезновения части первоисточников, между тем, может быть очерчена через более систематический анализ «второстепенных источников». Этот метод оказывается особенно эффективным для дипломатической переписки¹, о которой мы располагаем косвенными свидетельствами большой надежности. Между тем, еще многое остается сделать, идет ли речь об исследовании в архивах или «критической подчистке» источников второго плана. Первый этап, который позволил бы предпринять исследования в этой области, состоял бы в том, чтобы различать эпистолярные правила, которые управляли этими переписками, основываясь на надежной систематизации *мука табат* (дипломатических писем). Следовательно, в этой статье мы выделили корпус изданных источников, который остается не полностью использованным. Хотя и составленный из переписанных писем, он является достаточно надежным, чтобы дать нам возможность воссоздать не только часть переписки между мусульманскими суверенами, но и, в особенности, формуляр и модели, которыми пользовались секретари канцелярии для составления канвы этих дипломатических посланий. Этот корпус составлен из учебников канцелярии трех крупных писателей мамлюкского султаната²: Ат-Та'риф фи ал-мусталах аш-шариф (*al-Ta'rif fi al-muṣṭalaḥ al-šarīf*) Ибн Фадл Аллаха ал-'Омари (ум. 749/1349 г.), «Ат-Таскиф фи ал-та'риф» (*al-Taṭqīf fi al-ta'rif*) Таки ад-дин Ибн Назира ал-Жайиш (ум. 786/1384 г.) и «Субх ал-а'ша фи сина'ат ал-инша» (*Ṣubḥ al-a'šā fi šinā'at al-inšā'*) ал-Калкашанди (ум. 821/1418 г.).

Это исследование дает возможность изучить некоторые вопросы формы и протокола, управляющих «письменными отношениями» между мамлюками и Чингизидами Золотой Орды. Но также дает возможность пролить свет на способ, определявшийся строгими правилами, с помощью которого султаны обращаются к ханам. Нашей целью будет определить, вдохновлялись ли мамлюки правилами канцелярии Джучидов, и можно ли говорить о взаимовлиянии между тюркскими, монгольскими и арабскими эпистолярными практиками этого периода. Следовательно, нам надо будет начать с воссоздания контекста, в котором зародились отношения между мамлюкским султанатом и Золотой Ордой.

Тем не менее, мы не предлагаем осуществить полный синтез дипломатических отношений, которые связывали два мусульманских государства. Такое исследование, никогда до этого не проводившееся, заставило бы вступить в очень обширные размышления и отдалило бы нас от первоначальной

---

¹ Редакция этих писем касается лишь специфического аспекта правил, управляющих производством официальных документов. Для общей арабо-мусульманской дипломатики необходимо было бы принять в расчет также все другие документы, произведенные административными кадрами (фирманы, письма, адресованные функционерам или иностранным коллегам, и т.д.).

² Для определения *Диван ал-инша* в мамлюкском султанате в черкесский период и функции главных *кумтабов*, см. Martel-Thoumian, *Les civils et l'administration* [57, p. 40–47; 133–141].

цели. Только труд Закирова³ прямо подошел к вопросу дипломатических отношений между Золотой Ордой и мамлюкским султанатом⁴, но многочисленные лакуны и использование ограниченного корпуса⁵ источников не позволили ему исследовать сюжет во всей полноте. Тем не менее, это не означает, что это поле не было освоено исследователями: большинство историков, работавших над мамлюкско-ильханидскими отношениями⁶, вынуждены были, более или менее глубоко, изучать этот вопрос⁷. Таким образом, мы обозначим лишь основные линии исторического контекста, в котором был заключен этот альянс. Для уточнений, касающихся дипломатических ставок, которые лежат в основе отношений между мамлюками, Ильханидами и Золотой Ордой, мы отсылаем читателя к относительно обширной научной библиографии.

Золотая Орда и мамлюкский султанат: рождение согласия, которое продолжится почти два века.

Если сегодня не нужно никому представлять государство мамлюков, то Золотая Орда является государственным образованием, менее известным специалистам по мусульманскому миру, и требует исторической презентации. Это государство, которое постепенно создается, начиная с восточных завоеваний Монгольской империи в 20-е годы XIII века, обязано своим образованием старшему сыну Чингиз-хана, Джучи. Веком позже оно покрывало значительную часть территорий нынешней России, Казахстана, Туркменистана, Кавказа, Украины, дунайской Болгарии и Хорезма. Суверены Золотой Орды и джучидская элита быстро пропитывались тюркской культурой и обращались в суннитский ислам, по-прежнему сохраняя живой монгольскую и кочевую традицию, система представлений которой была структурирована в форме анимизма⁸.

Внешняя политика Золотой Орды в реальности начинается с открытости по отношению к мамлюкам. Кажется, что речь идет о первой «ассоциации» между государством Чингизидов и нечингизидским государством. Прежде единственного долгосрочного альянса между Золотой Ордой и мамлюкским султанатом надо сказать о двух больших периодах альянса. Первый, против Ильханидов, начинается в 660/1261–1262 годах и продолжается с достаточно формальными радушными дипломатическими обменов до второй половины

---

³ Закиров, *Дипломатические отношения Золотой Орды* [2]. Этот труд, датируемый 1966 годом, только что был переиздан. Не имея доступа к переизданию, мы не можем уточнить, является ли оно «идентичным» или переработанным.

⁴ Исключая несколько отдельных трудов, как Исламов, *Золотая Орда* [3], и ал-Хаджи, *al-'Alaḳāt bayna Dawlat al-Mamālīk wa-Dawlat Muḡul al-Qiḡḡaq* [35].

⁵ В частности, автор остается очень зависимым от издания В. Тизенгаузена [5; 6] для арабских и персидских источников.

⁶ Ильханиды противостояли мамлюкам и ханам Золотой Орды. Их государство, основанное Хулагу, внуком Чингиз-хана, находилось на территории, соответствующей нынешнему Ирану, Ираку, большей части Турции, Кавказу, Северному Афганистану и Туркменистану [70].

⁷ Мы обратимся, особенно, к работам Реувена Амита, Давида Айалона, Чарльза Гальперина, Дональда П. Литтл и Джудит Пфайфер, оцифрованные в базе данных университета Чикаго: *The Online Mamluk Secondary Bibliography* [73].

⁸ По этому сложному взаимодействию между исламизацией и сопротивлением старых традиций, см. DeWeese, *Islamization* [25].

XIV века⁹. Второй совпадает с приходом к власти хана Токтамыша. Тот выбирает «реактуализацию» дипломатических отношений с мамлюкским султанатом, основываясь на совместном противостоянии Тамерлану¹⁰. Этот альянс против Тимур-и Ланга продолжится лишь десять лет, с 786/1384–1385 года (первое посольство Токтамыша к мамлюкскому султану) до приблизительно 798–799/1395 года (дата политического краха Токтамыша). Впоследствии дипломатические обмены между двумя государствами будут все более и более спорадическими, чтобы окончательно прекратиться в XV веке. Мы придадим больше значимости историческому контексту первого альянса, поскольку он дает солидный объем дипломатических обменов и поскольку правила переписки между двумя государствами существовали без изменений.

Если эти альянсы всякий раз объединяло совместное противостояние третьей стороне (Ильханидам, затем Тамерлану), то причины, которые толкали мамлюков и Джучидов к сближению в 1260-е годы, оставались не менее сложными и связанными со многими факторами. В особенности надо принять в расчет тот факт, что речь идет о деле двух людей: Бейбарса (658–676/1260–1277 гг.), мамлюкского султана, и Берке (655–665/1257–1267 гг.), хана Золотой Орды. Первый был кыпчакского происхождения¹¹, отсюда определенный «культурные створ» между мамлюками и частью джучиевой элиты, так как, даже если ханы не были кыпчаками¹², этот кочевой народ рассматривается как жизненная сила Золотой Орды. Хан Берке, в свою очередь, открыто объявляет себя мусульманином, что теоретически ставит его в то же поле, что и мамлюкского султана Бейбарса, против «неверных» Ильханидов. Внук Чингиз-хана, он был первым мусульманским сувереном Монгольской империи. Интересно отметить, что то, что мы называем «переходом Берке в ислам»¹³, является не следствием этого альянса, а, по словам мамлюкских историков, приводящим в движение фактором, который побудил султана Бейбарса завязать дипломатические отношения с Золотой Ордой. Во всяком

---

⁹ Война между Ильханидами и мамлюками официально заканчивается в 1323 году (переговоры с мамлюками, предпринятые ильханом Абу Саидом в 1320 году, привели к мирному договору в 1323 году, положив, таким образом, конец шестидесятилетней войне): [11]. Конфликт между Золотой Ордой и Ильханидами останется скрытым до конца ильханидского государства (756/1355). В 759/1357–1358 году Азербайджан будет снова на короткий срок занят Золотой Ордой, и в царствование Токтамыша возобновятся рейды на кавказские регионы, которые ханы никогда не перестанут требовать себе.

¹⁰ О противостоянии между Тамерланом или Тимур-и Лангом (771–807/1370–1405) и Токтамышем см. среди прочего: Charmoy *Expedition de Timour-i-lenk* [23]; DeWeese «Токтāmish» [27] и Manz, *The Rise* [56].

¹¹ Тюркофонские кланы, некоторые из которых являются христианами или мусульманами, кочуют в зоне, называемой Дешт-и-Кыпчак (равнина Кыпчак), соответствующей в общих чертах Южной России, югу долины Волги и региону, который отделяет Черное море от Каспийского моря. Начиная с XII века, эти народы назывались куманами или половцами в немусульманских источниках; то, что, возможно, соответствует слиянию племенных конфедераций (куманов и кипчаков), по-прежнему различных (Hazai «Қірқақ» [36]; Vásáry *Cumans* [75]).

¹² Они станут постепенно «тюркоязычными, помнящими о своем монгольском происхождении», по превосходному выражению Реувена Амитая [11, p. 376].

¹³ По этому сюжету имеются три больших исследования: Richard, «La conversion de Berke» [66]; DeWeese «*The Kashf al-Khudâ*», [26, p. 25–38, 97–101 (докторская диссертация, которую мы, к сожалению, не смогли изучить)]; Vásáry «History and Legend» [74].

случае, этот аргумент выдвинут в первом мамлюкском послании, адресованном хану в 660/1261–1262 году. В этом письме, которое достигло Берке при посредничестве аланских торговцев¹⁴, Бейбарс приветствует его «переход» в ислам и поощряет его к борьбе с Хулагу [38, р. 88–89]. Религиозная позиция Берке, пожалуй, в самом деле, имела большой резонанс. Таким образом, определение даты, когда он открыто объявил себя мусульманином, отнюдь не является второстепенным вопросом. Также можно задаться вопросом о связи между его религиозным позиционированием и вступлением в конфликт с Хулагу, так как, если нам известна приблизительная дата открытия военных действия, то трудно определить с точностью, к какому сроку восходит тесная близость между двумя суверенами-чингизидами.

Даже если, согласно некоторым источникам¹⁵, переход Берке был вдохновлен саибом Саиф ад-дином Бахарзи¹⁶, сподвижником Наджм ад-дин Кубры, в Бухаре, то также вероятно, что он получил с раннего детства мусульманское воспитание. К тому же его не следует воспринимать как воплощение изолированного и субверсивного пристрастия: два его брата были также мусульманами, как и его главная супруга (Гучек хатун), и несколько приближенных к нему представителей монгольской элиты. Жан Ришар высказывает по этому сюжету хорошо аргументированную гипотезу: мать Берке (Султанхатун), дочь султана Хорезма, была мусульманкой, и, фактически, Берке рос в мусульманской среде¹⁷.

Следовательно, предпочтительно избегать термин «переход», который означал бы, что Берке сменил религию, тогда как он, по всей видимости, всегда был мусульманином. Наконец, полезно уточнить, что исламизация волжских регионов началась не в его царствование. Ни мамлюкское влияние, ни желание заявить о противостоянии с Ильханидами не повернуло народы Золотой Орды к мусульманской религии. Когда формируется государство, ислам уже долгое время укоренен в некоторых регионах, которые станут веду-

---

¹⁴ Ираноязычный народ Северного Кавказа и, гораздо раньше, востока Каспийского моря. В эпоху монгольского вторжения они в своей массе были христианами греческого обряда, но мы находим также присутствие мусульманских групп, особенно в Золотой Орде (Barthold, «Alān»[14]).

¹⁵ Мы найдем список в книге Vásáry *Cumans* [75] (аз-Захаби, Ибн Фадл Аллах ал-‘Омари, ал-‘Айни, ал-Калкашанди, Джужджани и Шаджарат ат-атрак из наиболее важных).

¹⁶ Некоторая информация о его биографии имеется в книге Vásáry, *Cumans* [75, р. 242–243]. Исламская легенда рассказывает, что Берке, подталкиваемый и вдохновляемый саибом Бахарзи, захватил власть в Золотой Орде и заодно боролся с Хулагу. Возможно, что этот саиб поддерживал Берке в его восхождении к власти, так как было явно в интересах религиозной элиты Мавераннахра видеть мусульманского хана во главе Золотой Орды. Кроме того, согласно устной традиции, переданной Джужджани, джучидская власть в Мавераннахре была очень уважаема мусульманами [75, р. 248–250].

¹⁷ Richard «La conversion de Berke» [66]. Его исследование основывается на двух источниках: с одной стороны, история султана Хорезма Джелал ад-дина Мангуберди, написанная Мухаммадом ан-Несеви (al-Nasawī, *Sirat al-sultān*, transl. Houdas [59, р. 70, 305]), и с другой стороны, Му‘изз ал-Ансāб (Mu‘izz al-Ansāb, fol. 17: Sultān-Ĥātūn, называемая Ĥān-Sultān), который представляет жену Джучи, мать Берке, как мусульманку.

щими зонами джучидской цивилизации: в Хорезме с VIII века¹⁸ и в Волжской Булгарии, по крайней мере, с X века¹⁹. Факт, что Берке официально отстаивает свою принадлежность к мусульманскому сообществу²⁰, является началом подлинного политического выступления, занятия позиции внутри Монгольской империи и на дипломатической сцене²¹. В этом случае суверены Золотой Орды решают обратиться к мамлюкам, что приводит позже к заключению матримониального альянса между двумя державами.

Война между Джучидами и Ильханидами началась лишь три года спустя после взятия Багдада [50, p. 233–234]. Известно, что Берке не сопротивлялся этому вторжению, ни разрушению Аббасидского халифата: он еще поддерживал проект Чингизидов по «завоеванию мира»²². Таким образом, принадлежность к исламу не направляет его действия, но позволяет ему их оправдать из последующего и если необходимо²³. Гипотеза о религиозном факторе, как определяющем в начале конфликта между Берке и Хулагу, должна быть, таким образом, отброшена.

Подлинные причины их разногласий находятся скорее в ссорах из-за первенства и авторитета, которые истощают Монгольскую империю. С одной стороны, трудности, с которыми сталкивается Берке, чтобы занять трон, играли определенную роль (а), а с другой стороны, статус новых завоеваний и конфликты вокруг избрания великого хана решительным образом способствовали ухудшению отношений между Чингизидами (b).

а. После смерти хана Бату в 1256 году вспыхивает конфликт между сторонниками Берке и сторонниками Туда-Менгу. Влиятельные люди в Золотой Орде призывают тогда к Хулагу. Согласно источникам, речь идет либо о женщине, именуемой Боракчин, либо о группе эмиров Золотой Орды²⁴. Эта Бо-

---

¹⁸ Арабское завоевание Хорезма было осуществлено 93/712 году Кутайба бин Муслимом ал-Бахили. Регион постепенно исламизируется, чтобы стать, как Хорасан и Мавераннахр, одним из центров суннитского знания (Bosworth, «Khwarazm» [19]).

¹⁹ Ибн Руста в труде, написанном между 290 и 300/903–913 годами, отмечает, что болгары являются мусульманами уже некоторое время (Ibn Rusteh, *Les Atours précieux*, [48, p. 158–159]). Предположения Ибн Фадлана, который делает намек в своем рассказе о путешествии на недавнее обращение болгар в 309–310/921–922 годы, должны быть, таким образом, нюансированы (Ibn Faḍlān, *Risāla* [43, p. 67–69]).

²⁰ *Terminus ante quem* этой официальной декларации был 1253 год (Vásáry, *Cumans* [75, p. 236]) и мог бы иметь связь с саибом Бахарзи и городом Бухара, даже если источники сотканы из легендарных рассказов [75, p. 241–242]. Ж. Ришар показывает, что две версии не являются несовместимыми: Берке мог одновременно получить исламское воспитание и публично объявить себя мусульманином под влиянием саиба Бахарзи (Richard, «La conversion de Berke» [66]).

²¹ Надо все-таки уточнить, что глубокая имплантация ислама на землях Орды и внутри правящего класса Джучидов займет еще несколько поколений и будет оставаться хрупкой до царствования хана Узбека (712–741/1312 или 1313–1341 гг.).

²² Проект, в который он верил, без сомнения, еще долго (ср. Ibn Wāṣil [5, p. 72]; ал-Юнини [76, p. 535]).

²³ По этому сюжету см. интересные замечания Реувена Амитаи [11, p. 377], который указывает, в контексте ильханидо-мамлюкского конфликта, на то, что факт мусульманской принадлежности никогда не мешал суверенам сражаться друг с другом.

²⁴ Версия 1: Ибн Халдун [45, p. 534] и ан-Нувайри (*Nihāyat al-Arab* xxvii, [60, p. 359]), который придерживается, вероятно, в своей версии (наполненной генеалогическими ошибками) хроники Рукн ад-дина Бейбарса (по этому сюжету см. Amitai «Al-Nuwayrī as a

ракчин, поддерживающая своего сына (Туда-Менгу) или своего внука (Улагчи), была убита сторонниками Берке около 1257–1258 года после того, как вступила в контакт с Хулагу²⁵.

Эта версия событий была оспорена Б. Шпулером и П. Пельо²⁶, утверждающими, что мы не можем полагаться на эти рассказы, выдвигающие на первый план женщину, происхождение которой однозначно не установлено²⁷. Они допускают, что женщина, именуемая Боракчин, играла определенную роль в событиях, которыми отмечено вступление на трон Берке²⁸. Обстоятельства, в которых он приходит к власти, были явно конфликтными, с одной стороны, с полюсом, объединяющим запутанным образом сторонников Боракчин, Улагчи и Сартака (группа, которая добивалась поддержки Великого хана Мунке и Хулагу), и, с другой стороны, с Берке и его сторонниками. Вражда между последним (мусульманином) и Сартаком (христианином-несториянцем) ставится на первый план, иногда в исключительной манере, в большинстве источников. Также добавляют, что Сартак, который был умерщвлен насильственным способом в 1256 году, был отравлен Берке после того, как был назначен Мунке ханом. Итак, если Мунке поддержал Сартака против Берке [50, р. 223–225], то, вероятно, что Хулагу, лояльный по отношению к Великому хану, своему брату, равным образом поддержал противника Берке. В этом событии наиболее вероятно, что разрыв между Берке и Хулагу произошел раньше, по всей видимости, с 1256 года, со смерти Бату, либо до прихода на трон Берке (1257 год) и до взятия Багдада (1258 год). Следовательно, надо отличать «разрыв» между Джучидами и сторонниками Хулагу (который датировался 1256 годом) и «войну» между Золотой Ордой и Ильханидами (которая начинается зимой 1261–1262 года)²⁹.

б. К конфликтам, рожденным из-за права наследования на Джучиев трон, надо добавить не менее сложные, касающиеся наследования во главе Монгольской империи и первенства между Чингизидами. Мы не распространяемся на многочисленные причины «распада Монгольской империи»³⁰, которые выходят за рамки этого исследования. Вот основные линии этого сюжета.

Historian of the Mongols» [10, р. 31–33]); версия 2: Утемиш-хаджи, Абдулгаффар Кырыми (Vásáry, *Cumans* [75, р. 244]).

²⁵ Vásáry, *Cumans* [75, р. 243–244]. Она отправила письмо Хулагу, в котором предложила ему трон Золотой Орды (al-Nuwayrī, *Nihāyat al-Arab* xxvii, [60, р. 359]).

²⁶ Spuler, *Die Goldene Horde* [71, р. 34]; Pelliot, *Notes* [62, р. 39–44].

²⁷ В действительности, эта Боракчин была представлена либо как жена Тогана, либо как жена Сартака, либо, наиболее вероятно, как главная жена Бату (Vásáry, *Cumans* [75, р. 245, note 40]).

²⁸ Это равным образом точка зрения Vásáry [75, р. 245].

²⁹ Мы разделяем по этому пункту мнение Питера Джексона [50, р. 223–227] против мнения Бертольда Шпулера [71, р. 34] и Поля Пельо [62, р. 39–44], которые считают, что противостояние между Берке и Хулагу началось лишь, когда Берке вступил на трон (1257 г.) и после взятия Багдада (1258 г.).

³⁰ Согласно выражению Питера Джексона [50], который предлагает хорошее изложение библиографии по этому сюжету.

Неясность, которая окружает вопросы вокруг первенства, правила которого не были четко определены Чингиз-ханом³¹, находится у истоков большинства политических конфликтов внутри Монгольской империи и объясняет, с одной стороны, противостояние между Джучидами и Чагатаидами³² в регионах Хорезма и Мавераннахра и, с другой стороны, притязания Джучидов на Кавказ, которые приведут к вступлению в войну Золотой Орды против Ильханидов. Эти притязания, какими бы законными они не были, восходят к прежней эпохе, эпохе Чингиз-хана или, позднее, эпохе Мунке [50, р. 208–212]. Последний вступает на трон после смерти в 1248 году великого хана Гуюка и благодаря поддержке Бату³³, старейшины Чингизидов. Тогда он предпринимает мощную кампанию против Чагатаидов и Угедейидов, которые не поддержали его приход к власти, и улус Чагатая (в общих чертах соответствовавший Мавераннахру и западному Туркестану) временно переходит в руки Джучидов. Монгольская империя тогда была разделена на две крупные сферы влияния: на востоке – владения Мунке, на западе – владения Бату.

В 1253 году Мунке посылает своего брата Хулагу на Запад на новые завоевания³⁴. В этой экспедиции он сопровождался другими родственниками-чингизидами (особенно внуками и правнуками Джучи). Тогда вопрос об основании ильханидского государства не стоял [50, р. 221–222]. Именно с взятием Багдада в 1258 году Хулагу и его сторонники начали разграничивать территорию. Но, делая это, они предприняли шаги в зоне, которую Джучиды рассматривали как принадлежащую им, ведя таким образом к неизбежному разрыву с последними. После взятия Багдада Хулагу добился декрета от Великого хана, доверяющего ему высшую власть на новых землях, побудив отодвинуть от нее джучидских принцев, которые противились захвату им власти³⁵. Согласно П. Джексону, этот эпизод, который мог произойти лишь после смерти Мунке³⁶, является настоящим зачинателем войны. В мамлюкских источниках приведены многочисленные причины, описывающие развязывание конфликта: он зародился либо в ходе иранской кампании (около 1256 года), когда Джучиды хотели собрать дань с города Герат, в чем им было отказано новым маликом, поддержанным Хулагу; либо, фактически, когда Берке попытался обезопасить налоги и добычу, с которой он возвращался из

³¹ Три способа наследования находятся в противоречии: в зависимости от срока рождения, по старшинству и на серьезном основании [50, р. 193–195].

³² Так называли наследников Чагатая, второго сына Чингиз-хана, которые основали государство в Центральной Азии, центром которого был Мавераннахр (Barthold, «Čaghatai») [13].

³³ Согласно слухам, Гуюк был отравлен сторонниками Бату. Мунке становится официально великим ханом 9 раби II 649 / 1 июля 1251 года.

³⁴ Целью было не взятие Багдада, а уничтожение могущественных исмаилитов-низаритов (известных также под именем Ассасины). Знаменитая крепость Аламут, располагавшаяся на утесе в центре гор Эльбурса, на северо-северо-восток от Казвина, между 483/1090 и 654/1256 годами была центром этой державы, чьи сторонники распространились от Сирии до Восточного Ирана. См. Jackson, «The Dissolution» [50, р. 224] и Lockhart, Hodgson «Alamūt» [50]. В общем, цель Мунке была расширить и консолидировать завоевания, усиливая таким образом власть и легитимность Толуидов.

³⁵ Чтобы изучить эти факты и источники, см. Ayalon, «Yāsa/b» [12, р. 174–176]; Jackson «The Dissolution» [50, р. 232–233]; Amitai, *Mongols* [9, р. 78–86].

³⁶ Даже если источники говорят о Мунке, этот декрет мог скорее исходить от Хубилая, великого хана с 1259 до 1294 года (Jackson, «The Dissolution», [50, р. 234]).

Ирана; либо потому, что после смерти Мунке, Хулагу и Берке не поддерживали одного и того же кандидата; либо, наконец, потому что Хулагу убил трех джучидских посланцев или лейтенантов Берке [50, р. 222–223, 226–227]. Все эти эпизоды в действительности сопоставимы между собой. Если кажется более логичным зафиксировать последний как решающий фактор, то по причине тяжести события убийство представителя чингизидской власти рассматривалось как объявление войны.

Хулагу тогда опирался на Хубилая, который был к нему благосклонен в той мере, в какой Берке поддерживался в то время его принципиальным противником (Ариг-Буга). Война с Золотой Ордой начнется зимой 1261/1262 года³⁷.

Таким образом, главной ставкой сражающихся была не религия (хотя она могла этому способствовать), а захват Хулагу земель, который были частью сферы влияния Джучидов. Если территориальный аспект конфликта является ясным, то он таит также иное, более глубокое, связанное с суверенитетом и статусом завоеваний. В этом деле, кажется, что Джучиды были правы. П. Джексон показывает, что в 1240-е годы они управляли Ираном и прилегающими в направлении запада регионами [50, р. 212–219]. Следовательно, мы понимаем, что аннексия Ирана и Кавказа Хулагу была расценена как акт узурпации; тем более, что одновременно с осуществленным завоеванием предусматривалось возвращение их Мунке³⁸. Суверены Золотой Орды, к тому же, всегда оправдывали свои нападения против Ильханидов, ссылаясь на то, что возвращали свое право на территории Южного Кавказа, Аррана и Азербайджана, излюбленных мест пребывания Ильханов [50, р. 208].

Между январем и июлем 1262 (660) года новость о начале войны Джучидов против сторонников Хулагу достигла Египта. Эта информация лежит, вероятно, у истоков первого мамлюкского посольства в Золотую Орду³⁹.

В Зуль-хиджа 660/ ноября 1262 года Бейбарс получает уточнения о конфликте благодаря беглым монгольским войскам (вафидийя), которые формировали джучидский контингент в Иране. Так как они напрямую подвергались опасности со стороны Хулагу, Берке приказал им присоединиться к нему или, за невозможностью этого, примкнуть к мамлюкскому султану, который, следовательно, впервые появляется уже как его союзник⁴⁰. Впервые принц-чингизид (Берке) сотрудничает с независимой властью (мамлюкским султанатом) против других монголов (сторонников Хулагу).

Следовательно, каким был фундамент этого джучидо-мамлюкского соглашения, которое приводит к их реальному дипломатическому вовлечению?

Можно сделать вывод из содержания переписки, в которой целями этого альянса провозглашались:

³⁷ Согласно армянским и мамлюкским источникам [50, р. 233].

³⁸ См. Jackson ([50, р. 220–222], опирающийся особенно на сведения Рашид ад-Дина).

³⁹ Jackson [50, р. 237]; Amitai, *Mongols* [9, р. 80–81]. Религиозная принадлежность Берке, уже известная Бейбарсу, не является, следовательно, решающим элементом, который подтолкнул его вступить в дипломатические отношения с Золотой Ордой, даже если в своем письме султан упоминает мусульманскую веру хана.

⁴⁰ Amitai, *Mongols* [9, р. 81].

1. Гарантировать, что продолжится борьба против общего врага и совместные дипломатические демарши, имеющие целью изолировать врага и способствовать открытию второго фронта;

2. Гарантировать, что караваны и торговцы продолжают циркулировать и, в частности, что ничего не помешает перемещению и торговле рабами-военнопленными кыпчаками⁴¹.

Мамлюки зависели от снабжения рабами, необходимыми для усиления их армии. Итак, начиная с 1243 года, сухопутные пути, соединяющие Кавказ с Сирией, переходят под контроль монголов, и с 1260-х годов Ильханиды получили возможность воспрепятствовать людскому снабжению мамлюкской армии, таким образом, провоцируя их военную слабость. Обновление мамлюкской элиты было также поставлено под угрозу, им было необходимо быстро найти другие пути, чтобы перевозить рабов и избежать ильханидского эмбарго. Таким образом, мамлюки будут способствовать развитию торговли на пространстве Черного моря, где, начиная с XIII века, процветали венецианские и генуэзские морские фактории. Они умножат контакты с Византией и Золотой Ордой с целью покровительствовать этому новому торговому пути. Традиционно караваны, которые пересекали понтийскую зону, проходили через Малую Азию, но вследствие начала конфликта Ильханидов с султанатом и Золотой Ордой новый путь, который был освоен, чтобы сопровождать рабов в мамлюкский султанат, соединил Крым и Египет через Босфор. Он имел преимущество, одновременно изолируя Ильханидов и укрепляя связь между Черным и Средиземным морями [29, р. 335–345]. Мы понимаем интерес, который мамлюки проявляли к Золотой Орде, их наиболее ценному союзнику в торговле рабами-военнопленными кыпчаками, и с какой целью они поддерживали притязания Джучидов на Кавказ.

Таким образом, их согласие основывалось на военных актах, на необходимости для обеих партий быть информированными как можно быстрее и в духе искренности; отсюда постоянные обмены посольствами, посланиями и письмами в мире, где коммуникации затруднены⁴². Мы понимаем равным образом, что, чтобы быть на высоте политических, военных и экономических ставок своего времени, им было необходимо установить и уважать в контексте войны строгие эпистолярные правила, когда фальсификации документов и практики шпионажа являются обычным делом.

Наконец, если невозможно говорить о стремлении сформировать кыпчакско-монгольский блок, тем не менее, напомним, что этот дипломатический альянс является делом двух «династий»: династии Батуидов и династии мамлюков Бахритов. Их согласие основывается на реальных культурных связях, даже если их трудно «материально» определить. Формальное исследование мамлюкских писем, адресованных ханам, позволит уточнить, насколько их

---

⁴¹ Торговля рабами-кыпчаками была, очевидно, одной из причин существования отношений между мамлюками и Золотой Ордой. По этому пункту, см. Ehrenkreutz, «Strategic Implications» [29].

⁴² Путешествие между двумя государствами было довольно долгим (примерно 75 дней), тем более что посредники, в частности, византийцы, часто вели двойную игру и располагали средствами, чтобы помешать посланиям достигнуть адресата (Ayalon, «The Great Yāsa» [12, р. 129]). О роли Византийской империи, см., в особенности, Amitai, *Mongols* [9, р. 91–94].

дипломатические обмены, даже если они были малопродуктивными политически, влияли на канцелярские практики двух государств.

Три учебника канцелярии мамлюков

Мы попытались определить содержание этих «эпистолярных правил», которое служит основанием для всей мамлюкско-джучидской переписки, через корпус текстов, созданных непосредственно мамлюкскими секретарями Дивана ал-инша между 1340 и 1410 годами⁴³. Чтобы это сделать, мы приняли в расчет не собрание писем, предназначенных для канцелярии⁴⁴, а три крупных учебника *адаб ал-инша* (руководство по составлению административных документов и посланий). Мы использовали следующие современные академические издания этих работ: Ат-Та'риф фи ал-мусталах аш-шариф (*al-Ta'rif fī al-muṣṭalaḥ al-ṣarīf*) Ибн Фадр Аллаха ал-Умари, изданный в Каире в 1312/1894–1895 годах⁴⁵; «Ат-Таткиф фи ат-та'риф» (*al-Taṭqīf fī al-ta'rif*) Таки ад-дин Ибн Назира ал-Жайиш, в издании Везели в Ифао 1987 года, и «Субх ал-а'ша фи сина'ат ал-инша» (*Ṣubḥ al-a'šā fī sinā'at al-inšā'*) ал-Калкашанди, изданного в Каире между 1918 и 1922 годами и переизданного в том же городе между 1963 и 1972 годами⁴⁶.

Эти труды были написаны секретарями канцелярии для молодых коллег. Мы находим в них правила, которым необходимо следовать при редактировании актов администрации. Эти «обычные правила» иллюстрировались примерами, извлеченными из более древних учебников или оригинальных архивов, еще находившихся в распоряжении авторов и иногда даже составленных ими на протяжении службы. Таким образом, можно было бы сделать вывод, что речь идет о крайне надежных источниках, в том что касается содержания и формы дипломатических писем, которые они представляют. Но авторы этих учебников не имеют призвания историка, их цель – предложить читателю наиболее надежные и эффективные дипломатические кодексы и в этом духе установить то, что надлежит назвать «эпистолярными моделями». Тем самым, они никогда не дают полный текст послания, в особенности, они

⁴³ Если эти источники были написаны сравнительно позже первых лет отношений между Золотой Ордой и султанатом, то они, тем не менее, составлены из документов, относящихся к этому периоду. Их авторы устанавливают географическое и политическое положение мест, одновременно современное и предшествующее периоду их редакции.

⁴⁴ То, что называют *муниа'ат*, которые содержат априори подлинные документы, которые секретари черпали в архивах и которым они придавали ценность модели, образца. Они заслуживают отдельной обработки и должны быть отмечены в учебниках канцелярии. Приведем в качестве примера *Кахват ал-инша'* Ибн Хиджа, сборник канцелярии мамлюкской эпохи (первая треть XV века), к которому мы сможем обратиться в недавнем издании Veselý (2005).

⁴⁵ Это издание было практически идентичным *Dār al-kutub al-'ilmiyya* Бейрута (1988); разделы, касающиеся переписки с Золотой Ордой, во всяком случае, там точно такие же. Более близким к нему изданием (к сожалению, недоступным для нас) является издание Самира ал-Друби *A Critical Edition of and Study on Ibn Faḍl Allāh's Manual of Secretaryship* (1992, Иордания), в двух томах, с первым, содержащим критическое издание текста, и со вторым на английском языке – библиографию автора и заметки.

⁴⁶ Другим недавним изданием является издание Бейрута (1987). Для целостного видения содержания этого монументального труда мы будем обращаться к: Vjörkman, *Staatskanzlei* [18].

убирают априори очевидную информацию для читателя и уже упомянутую в предшествующем разделе, так же, как и добрую часть *матн*: корпус текста, который содержит рассказ или изложение мотивов в начале письма. Их интерес основывается, прежде всего, на материальной и риторической презентации письма (число разделов, из которых оно составлено, обычные формулы, бумага, чернила, *калам*...), а не на содержании текста и рассказываемых событиях.

Наконец, подавляющее большинство этих учебников представляет лишь письма, написанные мамлюкской канцелярией, и не интересуется составом посланий, полученных султаном⁴⁷ (вопреки *муниа'ат*, которые могут содержать одновременно отправленные и полученные письма).

Их главный вклад состоит в уточнении истории отношений между мамлюками и Золотой Ордой, позволяет нам предложить крайне интересную техническую точку зрения, свободную от политических случайностей и идеологических дискуссий. Они раскрывают нам, каким образом администрация мамлюков представляла относительно малоизвестное государство Золотая Орда в роли государства-союзника на протяжении продолжительного времени. Действительно, если мы посмотрим на состав разделов, то кажется явным, что Ильханиды проходят в них до Джучидов. Письма, адресованные ханам Золотой Орды, были представлены как частично идентичные письмам, посланным потомкам Хулагу, и глава, доставшаяся Джучидам, всегда составлена как дополнение к главе, зарезервированной за Ильханами. Последние тогда рассматриваются как эталонные суверены-чингизиды (мусульмане). Как можно объяснить этот курьез первенства, принимая во внимание глубокие конфликты, которые их противопоставили мамлюкам?

Во-первых, напомним, что эти учебники были составлены после обращения Ильханидов в ислам, и, даже если их отношения с султанатом оставались конфликтными, они были частью того *Дар ал-ислама*⁴⁸. Во-вторых, эта иерархическая странность может объясняться на основании литературного принципа представления мира, который благоприятствует государствам, более близким в пространстве (географическая близость, рассматриваемая как ценность сама по себе). Согласно арабоцентристской, даже «египтоцентристской»⁴⁹ точке зрения, Ирак, Кавказ и Иран являются странами, менее отдаленными, чем волжские степи.

Когда мы основываемся на совокупности источников мамлюкского периода, нам кажется, что арабские авторы очень быстро и глубоко освоились в отношениях с Ильханидами, монгольскими суверенами, которые были лучше знакомы писцам (куттаб) Дивана ал-инша, чем Батуиды. Фрагментарное состояние источников не позволяет нам узнать, обменивались ли мамлюки

---

⁴⁷ Только ал-Калкашанди [63–64, VIII, р. 63–71] предлагает краткий раздел о письмах Чингизидов, адресованных султану, который почти исключительно посвящен Ильханидам. Несколько параграфов в форме посланий, исходящих от суверенов-чингизидов, обратившихся в ислам, касаются равным образом Золотой Орды, но были четко помещены после эпистолярных моделей Ильханидов [63–64, VIII, р. 64–65; 5, р. 403, 415–416].

⁴⁸ Ибн Фадл Аллах ал-‘Омари, автор первого из этих трех учебников, умер в 749/1349 г.

⁴⁹ Напомним, что эти учебники систематически открываются географической частью, в которой следуют по иерархии все мусульманские государства, которые не имели счастья первыми принять ислам, но принадлежат, тем не менее, к Дар ал-ислам.

письмами и посольствами с ними, как и с Золотой Ордой⁵⁰. Но факт существования в соперничестве, очевидно, мотивировал взаимное любопытство, согласно знаменитому принципу, «чтобы победить своего врага, надо узнать его как можно лучше». На деле, султаны были больше заинтересованы в Ильханидах, чем в Джучидах Золотой Орды⁵¹. Наконец, есть важный пункт, на котором надо сделать акцент: если султаны – кыпчакского происхождения, то служащие канцелярии таковыми не являются. Таким образом, вероятно, существовали тесные связи между мамлюками и посланцами или торговцами, прибывающими из степей, между султаном и ханом (слова «братья» в обменных письмах отражали, без сомнения, определенную искренность), но секретари *Диван ал-инша* и авторы учебников в своем большинстве были тотально чуждыми этому миру⁵².

Эта иерархия стран и династий вновь встречается, согласно различным критериям, во всех главах, посвященных государству, которое вступало в отношения с султанатом. Что касается классификации, которая имеется в обращении к адресатам в письмах, она зависит от важности персонажей, которым адресуется султан или *катиб ад-диван*; переписка, не делающая исключения между суверенами, но равным образом и между министрами, членами канцелярии или верховными сановниками государства. Существование такой переписки, параллельной переписке суверенов, раскрывает интересные данные о внутреннем управлении Золотой Орды и мамлюкского султаната, которые смогут при случае, позволить нам дополнить исследование эпистолярных правил в рамках дипломатических обменов между ханами и султанами.

Кроме того, эти учебники позволяют также представить то, что можно было бы назвать «реальностью посольства»: послания, действительно, постоянно сопровождалась подарками и подношениями высшим сановникам (часто религиозным или близким к власти), роль которых не была второстепенной. Эти «посланники» (часто это те же, кто возвращается) прежде всего имели поручение, помимо тяжелой ответственности, довести до места письмо и подарки, передать устное послание, дополняющее письменное. Таким образом, текст писем никогда не был полным, и он не может, ни в коем случае, рассматриваться как содержащий всю информацию о дипломатическом обмене. Это не

---

⁵⁰ Согласно хроникам и энциклопедическим трудам мамлюкской эпохи, между 1261/1262 и 1395 гг. насчитывают более 70 обменов посольствами (следовательно, почтой) между султанатом и Золотой Ордой, сорок из которых прибыли от Джучидов и тридцать – от мамлюков. Вопрос регулярности и объема этих дипломатических обменов является проблемой самой по себе, которую мы надеемся решить в новой работе.

⁵¹ Дж.М. Роджерс говорит также о «монгольском вкусе» мамлюкской элиты. Он настаивает на факте, что, несмотря на состояние войны, влияние персидско-монгольского искусства оставалось очень глубоким и даже растущим в мамлюкском султанате. Он утверждает, что имеется только слабая возможность для того, чтобы эти монгольские влияния пришли из Золотой Орды. Очевидно, что этот вопрос требует дальнейшего изучения [67, р. 396–398].

⁵² Речь не идет о смешении культурных практик народа, из которого происходил мамлюкский суверен, с практиками арабской интеллектуальной и административной элиты. Об истоках *кутаб*, см. Martel-Thoumian, *Les civils et l'administration* [57, р. 123–132]; об отношениях между секретарями и мамлюками (военнопленными и солдатами), см. [57, р. 165–171]; о реальности тюркского присутствия в мамлюкском султанате мы обратимся к: Naarmann, «Arabic in Speech, Turkish in Lineage» [34].

должно, однако, нас вести к минимизации важности письменного послания. Последнее, носящее девизы суверенов, печати и официальные подписи, было главным гарантом подлинности посольства; что объясняет, почему отправители и адресаты уделяли такое внимание этому материальному аспекту. Это позволяет равным образом лучше представить практическую цель учебников канцелярии, раскрывая нам логику их внутреннего построения.

Эпистолярные модели

Для большей ясности в обращении с данными, мы разделили кодикологические и дипломатические элементы, которые были представлены в двух различных разделах. Эта дихотомия является, по всей видимости, искусственной и введенной не авторами учебников. Эпистолярные модели, предложенные в этих трудах, зависят от источников, находящихся в распоряжении секретарей канцелярии в момент их редакции. Каждый автор представляет, в целом, модель, сделанную в одной или нескольких копиях⁵³. Ибн Фадл Аллах ал-‘Омари предлагает модель письма, не уточняя число оригиналов, которые он имел в своем распоряжении; Ибн Назир ал-Жайиш устанавливает модель по трем различным письмам, одно из которых извлечено из личных сочинений (первое для хана Узбека в эпоху султана ан-Насира Мухаммада б. Калавуна, либо между 712/1312–1313 и 741/1341 гг.⁵⁴; второе в 750-е годы⁵⁵ для хана Джанибека и третье, предназначенное хану Мухаммаду⁵⁶, в последней декаде *раби I* 776 года, либо между 30 августа и 8 сентября 1374 г.); ал-Калкашанди, воспроизведя письма своих предшественников⁵⁷, упоминает два письма: одно (без даты), очевидно, было его собственного сочинения, а другое (датированное 812/1409–1410 годом⁵⁸) составлено тогда, когда он исполнял обязанности в *Диван ал-инша* Каира. В той мере, в какой каждый берет почти полностью данные, переданные его предшественниками, надо рассматривать любой вариант как «дополнение», дополнительную возможность в редакции или в подготовке, а не как новшество, заменяющее прежнюю практику. Следовательно, мы посчитали важным, чтобы эти варианты были отражены в таблицах (смотри ниже) в форме абзацев, обозначавшихся дефисами. Мы увидим, что все варианты следуют строгой кодикологической и

⁵³ В настоящем случае упомянутые копии отправляют только с письмами, адресованными ханам Золотой Орды, а не с письмами, составленными для Ильханов, равным образом использовавшихся секретарями, чтобы создать эти модели.

⁵⁴ Эти даты соответствуют царствованию Узбека. В 741/1341 г. Ибн Назир ал-Жайиш еще не вступил в должность в канцелярии Каира. Зато, два следующих письма были составлены в тот период, когда он там работал (Ibn Nāzīr al-Ġayṣ, *al-Taṭqīf*, intro. Veselý, [47, p. VIII–X].)

⁵⁵ 750 г. и следующие (*sanat nawayif wa-ḥamsīn wa-sab ‘imi’a*) в издании Veselý (Ibn Nāzīr al-Ġayṣ, *al-Taṭqīf* [47, p. 12]), но точно 756 г. в версии, цитированной ал-Калкашанди [63–64, p. 295].

⁵⁶ Мухаммад Пулак-хан.

⁵⁷ Чтобы не отягощать, мы убрали колонки, зарезервированные ал-Калкашанди для всех частей, извлеченных из трудов Ибн Фадл Аллаха ал-‘Омари и Ибн Назира ал-Жайиш, цитированных как таковые.

⁵⁸ Вероятно, для Пулак-хана, который только что взшел на трон (он царствовал с 811/1407–1408 г. до 816/1412–1413 г.).

дипломатической модели, и только небольшое отступление в употреблении было оправдано.

Материальный аспект посланий

Таблица А: Формат бумаги.

Мы располагаем точными указаниями, что касается формата (*qaṭ'*) листа бумаги, используемого, чтобы написать хану Золотой Орды. Действительно, речь шла о важной данности – как по причинам престижа, так и безопасности [37, р. 68] – и, тем самым, систематически упоминаемой секретарем канцелярии. В дипломатических рамках письмо пишется не на отдельном листе, а на нескольких листах равного размера (*waṣl*, pl. *awṣāl'*⁵⁹), склеенных между собой по длине и образующих *darg̃*, то есть *rotulus*⁶⁰. В целом, дается именно формат листа (ширина и длина), а не формат свитка, длина которого варьируется в зависимости от размера написанного текста. Бумага канцелярии, таким образом, определяется и назначается форматом. Ж. Юмбер, опирающийся на эти два главных источника мамлюкского периода⁶¹, отмечает, что формат «меняется в зависимости от типа акта или документа и, особенно, для официальной переписки, в зависимости от ранга адресата: чем выше ранг, тем больше формат письма»⁶². В данном случае, за небольшим исключением речь идет о листах формата «полный *bağdādī*», формате наиболее престижном, используемом в переписке между суверенами⁶³. Лист бумаги *bağdādī*, используемый мамлюкской канцелярией, измерялся локтем ширины (или 488 мм), а длина *waṣl* была одним локтем с половиной⁶⁴.

Между тем, мы отметим в одном из примеров, данных Ибн Назир ал-Жайишем, что бумага, используемая для письма хану, не является *bağdādī*, и ее ширина измеряется лишь тремя пальцами⁶⁵. Итак, если мы сошлемся на таблицу Ж. Юмбера⁶⁶, бумага с шириной в три пальца является самым маленьким форматом, используемым мамлюкской канцелярией. Она соответствовала ширине бумаги голубиной почты, бумаги очень тонкой, также используемой для депеш⁶⁷. Следовательно, вместо самой престижной бумаги секретарь пользуется бумагой меньшего формата. Как понимать такое расхождение в употреблении? Автор уточняет, что это послание было написано в ответ на письмо хана и по модели, идентичной ему. Это означало, что в неко-

⁵⁹ *Waṣl* может указывать на линию, оставленную чистой в письме, то есть интерлинию (Humbert, «Le manuscrit arabe» [37, р. 71]) и стык листов.

⁶⁰ См. [37, р. 70]: «*darj* является свитком бумаги вертикальной развертки, результатом нескольких соединений *waṣl* той же ширины».

⁶¹ Ал-Калкашанди (*Ṣubḥ*) и манускрипт *Диван ал-иниша*.

⁶² Humbert «Le manuscrit arabe» [37, р. 69]; al-Qalqaṣandī, [63–64, VI, р. 190–192].

⁶³ Al-Qalqaṣandī, *Ṣubḥ*, р. 190.

⁶⁴ Humbert, «Le manuscrit arabe» [37, р. 75]. Локоть измеряется, начиная с локтя каирской ткани (*ibid.*, р. 72). Только полный *maṣṣūrī* был гораздо более большим, чем полный *bağdādī*.

⁶⁵ «Прибыли к величественным проливам в 750 году, с письмом Джанибека б. Узбека, одного из потомков Чингиз-хана. Он ему написал (по возвращении) благородное послание, идентичное письму, пришедшему к нему, на бумаге не-*bağdādī*, в точности в три пальца» (*al-Taṭqīf*, р. 12–13).

⁶⁶ Humbert, «Le manuscrit arabe» [37, р. 73].

⁶⁷ Al-Qalqaṣandī, *Ṣubḥ*, [63–64, р. 192] (*al-qaṭ' al-ṣağīr*).

торых обстоятельствах вместо *bağdādī*⁶⁸ секретари предпочитали выбрать, среди форматов бумаги, бывших в их распоряжении⁶⁹, формат, наиболее близкий формату, использовавшемуся отправителем. В настоящем случае, выбор бумаги явно связан со «статусом» послания (письмо-ответ, посланное по возвращении посольства), которое было сделано не по старым письмам, посланным ханам, хранившимся в архивах *Диван ал-инша*, а по модели первоначального письма. Это метод, как мы увидим, может определять также выбор чернил, титулатуры или некоторых эпистолярных формул (ср. таблицу E – ниже). Кроме того, этот случай, рассказанный Ибн Назир ал-Жайишем, важен для информирования нас о формате письма хана Джанибека, который был, вероятно, уменьшенной ширины (приблизительно 70 мм). В этом нет ничего удивительного. На деле, некоторые данные, которыми мы располагаем, касающимися бумаги, используемой канцелярией Золотой Орды⁷⁰, показывают, что дипломатический формат Джучидов, в целом, имеет вдвое меньшую ширину, чем мамлюкский *bağdādī*⁷¹.

Кроме того, другие форматы бумаги могли быть использованы в зависимости от стиля, служащего для редактирования текста⁷². Также ал-Калкашанди уточняет, что формат *bağdādī* используется только, если пишут хану на арабском языке. Известно, в действительности, что мамлюкская канцелярия использовала также уйгурский алфавит (называемый «монгольским»), чтобы переписываться с ханами⁷³.

Наконец, мы привлечем внимание к факту, что ал-Калкашанди пишет об использовании «бумаги формата полного *bağdādī*, выполненного на египетской бумаге, произведенной согласно канонам *bağdādī*». Это указание подтверждает гипотезу Ж. Юмбера [37, р. 71], который пишет, что терминология *bağdādī*, лежащая у истоков бумаги, сделанной в Багдаде в течение периода халифата, приняла назначение экспортируемого «формата-эталона». Таким образом, мам-

⁶⁸ Факт, что автор уточняет, что речь не идет о формате *bağdādī*, показывает, что это был обычный формат эпистолярных обменов между султаном и ханом. Это, к тому же, подтверждалось автором *китаб диван ал-инша*; тот отмечал другое нарушение правил: «письмо, которое было послано в 832 году Мохаммеду-хану, суверену Хорезма и Дешт-Кыпчака, было за неимением багдадской бумаги переписано на бумаге мансури, которая была на два пальца меньше, чем совершенная бумага (*al-kāmil*)». (*Dīwān al-inšā'*, transl. Quatremère, p. cxxxvi).

⁶⁹ Юмбер («Le manuscrit arabe» [37, р. 72, 73]) составил опись для мамлюкской канцелярии из 6 типов и 9 форматов бумаги.

⁷⁰ Исследование этого вопроса в моей докторской диссертации *La Horde d'Or de 1377 à 1502*, р. 232–236; Усманов, *Жалованные акты* [7] и Kurat, *Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altınordu* [52].

⁷¹ Можно процитировать, например, формат трех ханских писем, адресованных оттоманскому султану (XV век), которые были написаны на бумаге шириной в 280 мм, 270 мм и 210 мм; что соответствует более или менее ½ каирского локтя. Даже если письма имеют ширину, превосходящую три пальца (приблизительно 70 мм), мы видим, что в джучидском употреблении дипломатическая бумага является более узкой, чем *bağdādī*.

⁷² *Şubh* [63–64, III, р. 53–55, 59–61; VI, р. 194–195].

⁷³ По вопросу используемых языков и алфавита, чтобы переписываться с ханами, см. таблицу С ниже.

люкская канцелярия использовала бумагу, название которой отсылало к predetermined размерам, а не к месту изготовления (Каир⁷⁴).

Ибн Фадл Аллах ал-‘Омари	Ибн Назир ал-Жайиш	Ал-Калкашанди
– полный baġdādī: «qaṭ‘ al-baġdādī al-kāmīl». (al-Ta‘rīf, p. 44)	– полный baġdādī: «waraq ‘arḍ al-baġdādī al-kāmīl» (al-Taṭqīf, p. 12); «‘arḍ al-baġdādī al-kāmīl». (al-Taṭqīf, p. 13) – бумага не-baġdādī три пальца в точности: «waraq dūna al-baġdādī bi-ṭalāṭat aṣābi‘ maṭbūqa». (al-Taṭqīf, p. 12–13)	– «Если мы пишем на арабском языке, формат письма, который ему отправляется, является таким же, как для переписки с повелителем Ирана» (Ṣubḥ VII, p. 294) – «Бумага формата полного baġdādī, выполненного на египетской бумаге, произведенной согласно канонам baġdādī»: «qaṭ‘ al-baġdādī al-kāmīl min al-waraq al-miṣrī al-ma‘mūl ‘alā hay‘at al-baġdādī». (Ṣubḥ VII, p. 299)

Таблица В: Чернила и каллиграфия (калам)

Текст письма написан черными чернилами и содержит элементы (слова или формулы), написанные золочеными чернилами (хризография) или красной охрой. Использование золоченых чернил, чтобы подчеркнуть важные термины, является практикой, распространенной в Дар ал-ислам⁷⁵ и, тем самым, понятной всем. Она была обычной в Золотой Орде, где секретари *Диван ал-инша* использовали хризографию и ярко красные чернила. Красные или ярко красные чернила, которые имеют ту же символическую ценность, что и позолота, являются специально зарезервированными для подписи султана (‘alāma) и печатей (тамгу)⁷⁶.

Авторы учебников стараются точно определить элементы, которые должны быть выделены этим приемом. Они распределили их на две большие категории, одну, касающуюся султанской / ханской власти (а), а другую – ислама (б):

а. Формулы для надписи протокола открытия (*invocatio*), *тугра* и адрес, который содержит титулы султана (*intitulatio*); имена султана, хана и все то, что относится напрямую к ним (особенно, личные имена адресата);

б. Имена Бога и все формулы, которые к этому относятся; имена пророков, ангелов, святых людей и все формулы, которые с этим связаны; упоминание ислама.

⁷⁴ Может быть, красильня шелка в Каире, если речь идет об имени поставщика бумаги в мамлюкскую канцелярию (*ibid.*, p. 72–73).

⁷⁵ Такая практика восходит к античности (Déroche, *Manuel de codicologie* [24, p. 125–145]).

⁷⁶ См. таблицы D и D’ ниже. Дерош (*Manuel de codicologie*, [24, p. 125–145]) отмечает, что факт использования красных чернил, чтобы наложить печать, имеет, вероятно, китайское влияние.

Очевидно, что эти употребления, касающиеся чернил, не являются при-
сущими письмам, предназначенным Золотой Орде, но касаются в целом ди-
пломатических обменов внутри Дар ал-ислам и, в частности, для переписки с
Ильханидами, так, как это обозначают Ибн Назир ал-Жайиш и ал-Кал-
кашанди.

И наоборот, нам очень мало известно, что касается *калама*, то есть мане-
ры писать письма (в противоположность посланиям, обращенным к высшим
адресатам Золотой Орды, где употребление того или иного *калама* часто
уточняется). Кажется, что некоторые части были написаны «полностью золо-
том», а другие – «украшены черным». *Тугра* (смотреть таблицу D и D' ниже)
должна была использовать специальное обращение. Ал-Калкашанди упоми-
няет письмо, где она была набросана в точном письменном стиле (*qalam
tuḥaqqaq*), украшенном черным. *Muḥaqqaq* (или *muḥarrar*), который разли-
чается на *muṭlaq* (небрежный) и *mursal* (распущенный), был стилем престиж-
ного письма, используемого для редакции важных текстов⁷⁷, особенно в ди-
пломатической переписке между суверенами и для записей, заключенных в
скобки. Это письмо характеризуется большой четкостью букв, которые не
наслаивались одна на другую (как с *muṭlaq*)⁷⁸, и тем, что левый угол некото-
рых букв был очерчен угловатым образом.

Таким образом, ал-Калкашанди, который считает его в числе семи *aqlām*
(стиль письма, связанный с отточенным острием *калам* и форматом бумаги),
использованных в *диван ал-инша*⁷⁹, уточняет, что это письмо было изначаль-
но используется для *тугры* в письмах ханов, а также, что оно было специаль-
но «придуманно» для этого⁸⁰.

Ибн Фадл Аллах ал-Омари	Ибн Назир ал-Жайиш	Ал-Калкашанди
Хризография и черные чернила: – «В этом письме, каждая <i>хутба</i> , <i>тугра</i> и адрес (<i>uwān</i>) написаны полно- стью золотом, так же, как прославленные имена в [тексте] письма. Каждый человек благородного происхождения, как, на- пример, имя Бога – кото- рый прославляется – или имя нашего пророка – за	Хризография и черные чер- нила: – «Письмо позолочено и черное, согласно манере, которую мы объяснили для письма Абу Саида, то же для адреса» (<i>al-Taṭqīf</i> , p. 12) – «Протокол начала [со- ставляется] из <i>хутбы</i> , пол- ностью приспособленной для письма золотом. Все остальное пишется черным, как мы продемонстрировали	Хризография и черные чернила: – «И <i>тугра</i> составлена из титулов нашего султана, согласно обычной мане- ре, написана золотом и стилем (<i>калам</i>) <i>tuḥaqqaq</i> и украшена черным. Затем известные титулы, такие как имя Бога – будь славен он – и его Пророка – пусть спасе- ние и мир будут с ним, –

⁷⁷ Это был один из шести каллиграфических стилей (с *rīḥān*, *ṭuluṭ*, *nash*, *tawqī' u
riqā'*), определенных в первой половине IV/X века Ибн Мулла; он использовался для
Коранов вытянутого формата. (cf. «Khaṭṭ», 69, p. 1144–1162).

⁷⁸ Stern, *Fātimid Decrees* [72, p. 103–106]; al-Qalqašandī, *Ṣubḥ* III, p. 10, 26 (*fa-amā al-
muḥaqqaq fatāmah ṣaḥḥat askāluhu wa-ḥurūfuhu 'alā i'tibārihā mufrada*), p. 59–61.

⁷⁹ Ал-Калкашанди вспоминает восемь стилей арабского письма [63–64, III, p. 51–53]:
muḥtaṣar al-ṭūmār, *al-ṭuluṭ*, *ḥaḥf al-ṭuluṭ*, *al-tawqī'*, *al-riqā'*, *al-ṭūmār al-kāmil*, *al-muḥaqqaq
ial-gubār*; он уточняет, что семь из них использовались в *Dīwān al-inšā'* (за исключением
al-tawqī').

⁸⁰ Al-Qalqašandī, *Ṣubḥ* [63–64, III, p. 52].

<p>которого были молитва и спасение Бога— или имя других пророков или ангелов — пусть мир будет им — или упоминается религия ислама, или упоминается наш султан, или султан-адресат, или тот, кто соотносится с ними (например, в выражении «у нас» и «у вас» и «для нас», «для вас», «наше письмо», «ваше письмо»), все это написано в золоте и остальное черным. (<i>al-Taʿrīf</i>, p. 45)</p>	<p>в письме Абу Саиду; адрес позолочен» (<i>al-Taṭqīf</i>, p. 13) — «... с короткой позолоченной <i>хутбой</i>, и остальное в черном и позолоченном, как то, что было продемонстрировано в письме хана Абу Саида». (<i>al-Taṭqīf</i>, p. 13) — «В месте, зарезервированном за благородной подписью (<i>bayt al-ʿalāma al-šarīfa</i>), мы подписали красной охрой <i>ʿirāqiyya</i>: al-Muštāq Šaʿbān [султан al-Ašraf Nāšir al-Dīn Šaʿbān (764/1363–778/1377)]». (<i>al-Taṭqīf</i>, p. 13)</p>	<p>имя нашего султана и султана, которому он пишет, и личное имя, которое относится к тому или другому, написаны полностью золотом, как я рассказывал вначале в описании письма повелителя Ирана, посланного в прошлом». (<i>Subḥ</i> VII, p. 299)</p>
--	---	--

Таблица С: Языки и алфавит

Ибн Фадл Аллах ал-‘Омари и ал-Калкашанди подчеркивают, что в переписке с ханами Золотой Орды письма были написаны либо на арабском, либо на монгольском языке. По этому пункту мы впервые констатируем ясное различие обращения по сравнению с ильханидской перепиской, которая не ведется «по-монгольски», по крайней мере, с перехода Ильханов в ислам.

В первой половине XV века (и, вероятно, с эпохи Ибн Назир ал-Жайиша, который не считал необходимым дать уточнения, касающиеся языка), ханам больше не писали «по-монгольски». Когда ал-Калкашанди намекал на переписку «по-монгольски», источники, которые он цитирует по этому поводу, являются старыми, так как они восходят к эпохе Ибн Фадл Аллах ал-‘Омари. Зато в первой половине XIV века⁸¹ суверену Золотой Орды еще писали «по-монгольски» (что подтверждается внутренними источниками Золотой Орды (см. ниже). Арабский и монгольский языки использовались, таким образом, параллельно, а не исключая друг друга.

Как мы подчеркивали ранее, имеется различие в обращении, согласно используемому письму: арабское писалось на бумаге формата полного *bağdādī*, как для переписки с Ильханидами, тогда как для монгольского был необходим другой, не уточняемый формат бумаги⁸². Кроме того, команда служащих, обремененных перепиской, варьировалась в зависимости от языка. Ибн Фадл Аллах ал-‘Омари дает информацию об ответственных за переписку «по-монгольски»: четверем *катибам* была поручена эта задача — Айтамишу ал-Мухаммади, Тайирбуге ан-Насири, Аргудлуку ат-таржуман и Кусуну ас-Саки.

⁸¹ Ал-‘Омари работал в канцелярии Каира до 738/1337 года, затем в Дамаске с 740/1339 до 743/1342 года. (Salibi «Ibn Faḍl Allāh al-‘Umārī» [68]).

⁸² Никакого указания на это в главах ал-Калкашанди, касающегося стиля письма и формата бумаги, нет (см. особенно *Subḥ* [63–64, III, p. 53–59, VI, p. 189–196]).

«Чистого монгольского происхождения» (или татарского, согласно источникам), Айтамиш⁸³ прославился своими дипломатическими способностями, его карьера переживала апогей в третьем царствовании ал-Насир Мухаммада (709/1309–741/1341 гг.), который произвел его в эмиры сотни и командующего тысячей – очень высокий ранг в мамлюкской армии. Он был обременен, в частности, тремя миссиями при Ильхане Абу Саиде (в 722/1322, 726/1326 и 728/1328 гг.) в силу своего знания языка и «монгольских» обычаев (со всей двусмысленностью, которой этот термин подразумевает). Его знание в этом вопросе было исключительным. Таким образом, он был уважаем и ценим при ильханидском дворе. Мамлюкские авторы настаивают на факте, что он владел им устно и письменно одновременно, что он был способен читать письмо, прибывающее с востока, и ответить на него с очень хорошим уйгурским написанием; что позволяет думать, что этот тип умения был мало распространен в мамлюкском султанате. Айтамиш был ответственным за переписку на монгольском в *Диван ал-инша* и мог быть замещен Тайирбугой во время своих разъездов. Последний, дядя по матери султана ан-Насир Мухаммада, поступил на службу в Каире в 726/1326 году во время второй миссии Айтамиша при Абу Саиде (который отсутствовал тогда в течение трех с половиной месяцев). Со своей стороны Кусун, торговец золотоордынского происхождения, прибыл в Каир в 720/1320 году, и ему была специально поручена переписка с ханами. Тем самым, он оставался на своем посту немногим больше, чем другие. Эмир сотни, во главе 700 мамлюков в зените своей карьеры, он был одним из фаворитов султана ал-Насира Мухаммада и супругом одной из его дочерей. После смерти последнего, он был одним из главных участников борьбы между могущественными эмирами, чтобы поставить того или иного мамлюка на трон. Он будет задушен в тюрьме в 1342 году⁸⁴. Что касается Аргудлука, мы не знаем о нем ничего.

Необходимо отметить, что Айтамиш был не только членом канцелярии, но также и «посланником», нечто вроде официального посла: ответственный за редакцию писем, он также имел обязанности дипломата. Это позволяет думать, что немногочисленными были те, кто реально знал тюрко-монгольские дипломатические практики, и что эта область была зарезервирована за настоящими специалистами. Наконец, факт, что мамлюкский султан всегда посылает одних и тех же лиц в посольство, способствовал обменам в той мере, в какой хан и Ильхан знали своих собеседников (за неимением возможности возражать султану лично), что создавало некоторую близость в дипломатических отношениях. Длительные отсутствия Айтамиша объясняют, равным образом, почему имелось несколько секретарей, обремененных перепиской с Чингизидами. Кроме того, существование такой команды, сформированной из четырех постоянных секретарей, из которых, по крайней мере, три были близки султану, показывает, что этой переписке придавалось реальное значение в первой половине XIV века⁸⁵.

⁸³ О биографии и карьере эмира Саиф ал-Дин Айтамиша ал-Ашрафи ал-Мухаммади и мамлюкских источниках, связанных с ним, см. Little, «Notes on Aitamiš» [53].

⁸⁴ О Кусуне, см. Irwin, *The Middle East* [49, p. 125–128] и Van Steenberg, «The Amir Qawṣūn» [73].

⁸⁵ Что значительно изменится впоследствии: см. по этому сюжету два случая ал-Айни, которые показывают, что в начале XV века не было команды, специализирующейся на

Все это отсылает к основному вопросу, на который специалисты еще полностью не ответили: вопросу об официальном языке Золотой Орды⁸⁶. Джучидская канцелярия познает постепенную лингвистическую мутацию между второй половиной XIII и концом XV века. Позднейшие документы на уйгурском алфавите, которые нам известны: литературный текст, написанный на коре березы, датированный началом XIV века⁸⁷, и акт пожалования Тимур-Кутлуга (800/1398 г.)⁸⁸; известно, что параллельно мы находим официальные документы на арабском языке. Мы не нашли никакого акта, исходящего от ханской канцелярии, написанного на монгольском языке. Также, в настоящее время мы можем заключить следующее:

1. До конца XIV века, даже до начала XV века, ханская канцелярия использовала уйгурский алфавит;

2. С XIII века арабский алфавит был знаком и использовался частью администрации (легенды монет в большинстве на арабском языке);

3. Официальным джучидским языком с XIII до конца XIV века был монгольский, затем быстро им стал тюркский, написанный уйгурскими буквами. В течение XV века тюркский оставался официальным языком, но перешел к уйгурской письменности на арабскую;

4. Арабский и персидский языки использовались как языки канцелярии, но в редких случаях.

По этому сюжету мы привлекаем внимание специалистов по различным возможным интерпретациям выражений «*bi-l-‘arabī*» и «*bi-l-muġulī*». Надо остерегаться одностороннего перевода, отсылающего к разговорной идиоме; они могут, действительно, указывать просто на используемое письмо или алфавит, без того, чтобы было сделано какое-либо уточнение языка. Так как тюркский и монгольский языки могли писаться на уйгурском алфавите, многие арабские хронисты были способны или находили нужным их отличать. Что касается авторов учебников, не было ли их приоритетом различать

переписке по-монгольски в *Диван ал-инша* [Тизенгаузен, *Сборник I*, «*‘Iqd al-Ġumān*», р. 501–502]. Ал-Калкашанди описывает в нескольких строчках секцию, ответственную за арабский перевод ханских тюркских и монгольских писем: единожды написанный перевод, он читался султаном, который решает об ответе, который поручается *kātib al-sirr* [Ṣubḥ, 63–64, VI, р. 216].

⁸⁶ По мнению Закирова (*Дипломатические отношения Золотой Орды* [2]), официальным письменным языком Джучидов был монгольский. Григорьев («Официальный язык» [1]) утверждает, что, вероятно, все документы, исходящие из ханской канцелярии до конца XIV века, были на монгольском и/или на тюркском языке, написанные уйгурскими буквами. По его мнению, ханские ярлыки, жалованные русским, были, во-первых, написаны на монгольском (уйгурскими буквами), затем переведены на тюркский (в том же алфавите) и, наконец, переведены на русский. Тюркский язык, следовательно, играл роль посредника в русско-монгольских отношениях XIII и XIV века. Для общего изложения вопроса об официальном языке Золотой Орды, см. Favregeau, DEA, *Les sources de la Horde d’Or* [31, р. 66–67] и докторскую диссертацию, *La Horde d’Or de 1377 à 1502* [30, р. 149–150].

⁸⁷ Двухязычный тюркский и монгольский текст [4].

⁸⁸ Даже если копия изначального текста была сделана турецким *катибом*, первоначальный алфавит был уйгурским. Этот текст является би-графическим (арабский и уйгурский алфавиты), но одноязычным (тюркский). Хронист ал-Айни упоминает равным образом письмо хана Мухаммада, посланное султану в 832/1427 году на уйгурском языке (тюркском) и монгольском алфавите [5, «*‘Iqd al-Ġumān*», р. 502].

два алфавита, а не два языка, написанных с одним и тем же алфавитом? Это объяснили бы, к тому же, почему употребление персидского языка для переписки с ханами, засвидетельствованное в хрониках, не привлекло внимания трех *катибов*. Алфавит считается более важным, чем язык: на деле, составление письма на персидском языке не ведет к таким же изменениям, как письмо на уйгурском алфавите (формат бумаги сохраняется, так же, как и многочисленные коранические и религиозные формулы).

Ибн Фадл Аллах ал-'Омари	Ибн Назир ал-Жайиш	Ал-Калкашанди
<p>Арабский и монгольский: – «Пишут на арабском (<i>bi-l-'arabī</i>) [хану] тем же образом, что и для повелителя Ирана, как упомянуто выше; различие есть, если ему пишут также часто на монгольском (<i>bi-l-miḡulī</i>)...» (<i>al-Ta'rīf</i>, p. 47)</p>	<p>Нет указания</p>	<p>Арабский и монгольский: – «Я видел в нескольких регистрах (<i>dasātīr</i>), исходящих от кади Ала ад-Дин Ибн Фадл Аллаха [ал-'Омари], что он писал хану на черновике (<i>muswadda</i>) для того, чтобы переписать на арабском (<i>bi-l-'arabī</i>) и писали на монгольском (<i>bi-l-miḡulī</i>). Он [ал-'Омари] говорил: если ему пишут на арабском (<i>bi-l-'arabī</i>), формат письма, который он ему посылает, является таким же, как для переписки с повелителем Ирана». (<i>Ṣubḥ</i> VII, p. 294)</p>

Таблица С': Персонал дивана ал-инша, ответственный за переписку с ханами в данный период

Ибн Фадл Аллах ал-'Омари	Ибн Назир ал-Жайиш	Ал-Калкашанди
<p>– Ответственные за переписку на уйгурском алфавите (монгольский и тюркский языки): – «[...] Ему пишут также часто на монгольском (<i>bi-l-miḡulī</i>) и за это являются ответственными: Айтамиш ал-Мухаммади, Тайирбуга ан-Насири и Аргудлук[?] ат-таржуман; затем, по их словам, ответственным был Кусун ас-Саки» (<i>al-Ta'rīf</i>, p. 47)</p>	<p>– Ответственный за переписку на арабском: сам Ибн Назир ал-Жайиш. «В период последней декады <i>раби I</i> 776, мне приказали написать письмо хану Мухаммаду из страны Узбека...» (<i>al-Taṭqīf</i>, p. 13)</p>	<p>– Ответственный за переписку на арабском: сам аль-Калкашанди. «Вот экземпляр (<i>nusha</i>), извлеченный из моих сочинений. Он был написан по приказу Его Высокопреосвященства (<i>al-Maqarr al-'ālī</i>) ал-Фатхи, благородного хозяина дивана ал-инша⁸⁹» (<i>Ṣubḥ</i> VII, p. 299)</p>

⁸⁹ Речь идет, вероятно, о *kātib al-sirr* той эпохи: Фатх ад-дин Фатх-Аллах (отсюда *nisba* ал-Фатхи), который работал в этой должности с 7 Зуль-хиджа 808/1406 года до 3 шавваля 815/1413 года (Martel-Thoumian, *Les civils et l'administration* [57, p. 451]).

Таблицы D и D': элементы установления подлинности

Кроме бумаги, подпись, распределения чернил, организации линий на странице (и т.д.) – которые играют роль сертификации, – элементы установления подлинности в рамках этой переписки являются в некотором роде внешними по отношению к тексту⁹⁰. Фундаментальный вопрос их определения затрагивает, к тому же, их размещение на странице, которое варьируется в зависимости от статуса адресата, важности документа и специфических традиций той или иной канцелярии. Кроме того, в сочинении этих писем мы не находим части, соответствующей *corroboratio* (*ta'kīd*), которая располагается обычно после *dispositio* (см. таблицу E ниже); эти пункты сертификации не являются полезными из-за наличия других многочисленных элементов установления подлинности.

Эти элементы, которые являются ничем иным, как различными способами подписи, имеющимися в распоряжении суверена⁹¹, являются плодом двух больших традиций: одна является китайско-тюрко-монгольской (она вводит *тамгу*, племенную или клановую эмблему и, в широком смысле, печать, содержащую эту эмблему⁹²) и другая, арабо-мусульманская (она предлагает подпись в форме девиза, *'alāma*⁹³). Известно, что тюрки сыграли важнейшую роль в истории исламских институтов и в особенности в развитии знаков признания действительным [72, p. 143]. Тюркские и монгольские кланы идентифицировали себя через эмблему-*тамгу*, отличительные признаки, которые могли быть у истоков *тугры*, практики наделения ценностью, принятой многочисленными тюркскими династиями. Эта *тугра*, которая является комбинацией эмблемы-*тамги* и девиза-*'alāma*, была введена в исламских канцеляриях сельджукидами⁹⁴. Последние начали, таким образом, постепен-

⁹⁰ Вот почему, в отличие от Штерна (*Fāṭimid Decrees* [72, p. 123–165]), мы их включили в часть по кодикологии, а не в часть, относящуюся к дипломатике.

⁹¹ Отсюда заголовок главы, в которой Штерн трактует это вопрос: «Подпись» [72, p. 123–165].

⁹² Мы будем их различать через следующие наименования: эмблема-*тамга* и печать-*тамга*. Можно сопоставить эмблему-*тамга* и *rank* (символ мамлюкского султана, появляющийся в печати, такой, как пантера Бейбарса) с той разницей, что первый является коллективным (клановым, племенным или династическим), тогда как второй – личным.

⁹³ *'alāma*, которую можно передать согласно контексту через подпись, девиз, знак признания или отличительный знак, соответствовала изначально приложению девиза, который имел ценность подписи в классическом исламе (девиз, который будет постепенно заменен именем суверена). Естественно вписываемый собственной рукой подписанта, он зависел не от должности, а от человека [72, p. 133].

⁹⁴ Согласно Штерну, сельджукидская *тугра* была составлена из трех элементов: племенная марка (эмблема-*тамга*), имя суверена и его девиз (*'alāma* вписывается под эмблему-*тамгу* и выше *басмала*). Хорезмшахи использовали равным образом *тугру*, к которой они добавляли, как и сельджукиды, девиз-*'alāma*. Это мы вновь встретим у Ак-Койунлу, *тугра* которых комбинирует племенную марку, имя суверена (ассоциированное, как у монголов, с *sözüm/sözümüz*) и девиз. Многочисленные династии (среди которых мамлюки и оттоманы) оказывали влияние посредством употребления сельджукидской *тугры*, но сокращали изобразительную часть (эмблема-*тамга*) и акцентировали начертание или стилизацию некоторых букв. Традиционно, *тугра* налагалась служащим, специально обремененным этой задачей, по сравнению с *'alāma*, которая ставилась рукой султана (*ibid.*, p. 144, 148, 149).

ную замену девиза суверена (который был равноценен подписи) наложением его имен и титулов в официальных документах.

При мамлюках «конфликт» между классическим употреблением *'alāma* (засвидетельствованный с начала IV/X века [72, р. 124]) и недавней практикой (айюбидской эпохи [72, р. 152]) *тугры*, кажется, решается следующим образом: мы констатируем постепенное исчезновение девиза-*'alāma*, замененного подписью-*'alāma*⁹⁵; спорадическое использование печати (круглая/овальная форма которой четко отличает ее от квадратной печати-*тамга*, используемой Чингизидами) и возобновляющееся употребление – для важных документов – *тугры*. В особом случае переписки с Золотой Ордой, три вида подписей-удостоверения были использованы⁹⁶: *'alāma*, или имя султана, написанное его рукой (А), *тугра* (Б) и печать-*тамга* (В).

А. В айюбидскую эпоху параллельно девизу-*'alāma* под влиянием сельджукидов уже появился принцип подписи суверена его именем и титулами⁹⁷. Этот прием удостоверения (имени султана и при случае его фамилии) является обычным в мамлюкских документах. Он не должен смешиваться с *тугой*, но может быть назван *'alāma*, как на это указывает Ибн Назир ал-Жайиш. Он нам дает деталь одной из *'alāma* султана: *al-Muštāq Ša'bān*. Эта формула должна рассматриваться не как девиз, а как подпись именем суверена.

Ибн Назир ал-Жайиш уточняет, что она занимает особенное место и что *катиб* должен оставить пустое место (*bayt al-'alāma*) для того, чтобы султан мог подписать. Эта *'alāma* располагается в точности в третьей позиции на странице, после *басмалы* и формул подтверждения суверенитета султана⁹⁸.

Б. *Тамга*, упомянутая Ибн Фадл Аллах ал-'Омари, обозначает печать суверена. Она в целом неоднократно печатается на документе (единожды написанном) и систематически накладывается внизу письма. Это позволяло избежать подделок и дополнений листов; *катиб* уточняет к тому же, что она должна быть напечатана на стыке листов (*kollêseis*). Печать-*тамга* занимает крайне важное место в монгольских и китайских канцеляриях, где она является главным средством удостоверения подлинности. Можно полагать, что она используется здесь как отголосок джучидской эпистолярной практики, которая использует ее в почти идентичной манере (*тамга* в золоте, наложен-

---

О сельджукидском вкладе в исламские канцелярские практики, см. также: Cahen, «La tuğra seljukide» [22].

⁹⁵ В некоторых типах документов (как земельные пожалования) девиз-*'alāma* продолжает использоваться [72, р. 159]. Мы найдем примеры в ал-Калкашанди, [Šubḥ, 63–64, III, р. 58 (пример графии); XIII, р. 161 (примеры формуляра)].

⁹⁶ Эти три вида подписей-удостоверения являются лишь образцом широкой панели подписей, используемых при мамлюках (ср. особенно со Stern, *Fātimid Decrees* [72, р. 157–159]).

⁹⁷ Термин *tawqī'* не фигурирует в главах учебников, посвященных переписке с ханами. Изначально означая «письменную заметку», он может, в зависимости от эпохи и контекста, принимать тот же смысл, что и *'alāma* (подпись-автограф). *Tawqī'* больше употреблялся на востоке мусульманского мира, тогда как *'alāma* предпочиталась на западе [72, р. 127].

⁹⁸ Для более пространственных уточнений о месте различных признаков удостоверения, см. ниже. При Фатимидах и Айюбидах *'alāma* была несправедливо помещена после *басмалы*, но между первой и второй линией текста [72, р. 131, 153].

ная на стыке листов в движении маятника право-лево или обратно до конца текста, где она наложена слева)⁹⁹.

В. *Тугра*¹⁰⁰, содержащая имена и титулы султана, записанные в стилизованной манере¹⁰¹, используется в начале наиболее важных документов и, особенно, в переписке с мусульманскими суверенами. В некоторых случаях она может предшествовать и даже заменять *басмалу*¹⁰², тогда как в классической мусульманской традиции эта преимущественно вводная формула (коранического происхождения) должна фигурировать во главе официальных документов¹⁰³. Итак, вопрос знания, как начинается акт канцелярии, является основным по причинам безопасности (из-за элементов, могущих быть вставленными между верхним краем и первой фразой). Факт иного начала официального текста, чем через *басмалу* (будь она *тугрой* или специальными формулами, связанными с выражением ханского суверенитета и божественного могущества¹⁰⁴), является новшеством, присущим некоторым мусульманским тюркским и монгольским династиям. В линии сельджукидов, затем Айюбидов, мамлюки используют *тугру* как знак истинности. Но в противовес гипотезе Газаньяду¹⁰⁵, который видит в этой практике влияние джучидской и ильханидской эпистолярных моделей, нам кажется, что надо довольствоваться сельджукским влиянием, переданным через Айюбидов. Чингизидское употребление, которое ставит во главе официальных документов имя, титулы и формулу, подтверждающие абсолютную власть ханов, не стоит смешивать с *тугрой*¹⁰⁶.

⁹⁹ См. протоколы манускриптов в Kurat, *Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altınordu* [52] и Özyetgin, *Altın Ordu* [61].

¹⁰⁰ Иногда констатируют амальгаму между *ṭurra* (по-арабски: край, поле) и *тугрой*, амальгаму, которая датируется до мамлюкского периода (Stern, *Fāṭimid Decrees* [72, p. 148, note 2; p. 155, note 1]). См. также Gazagnadou, «Remarques» [33]: интересное, но неравномерное. В частях, посвященных переписке с ханами, мы не констатировали никакого смешения между двумя терминами; *ṭurra* служит в своем первоначальном смысле (например, в Ibn Faḍl Allāh al-ʿUmarī, *al-Taʿrīf* [40, p. 45]: «Мы не накладываем печать на белый край (*al-ṭurra al-bayḍāʿ*)... »).

¹⁰¹ Мы находим примеры этого в al-Qalqašandī [Ṣubḥ, 63–64, XIII, p. 162–166].

¹⁰² См. Gazagnadou, «Remarques» [33, p. 160–164]. Он совершает ошибку, систематически приписывая эту практику мамлюкам.

¹⁰³ См. по этому сюжету: al-Qalqašandī [Ṣubḥ, 63–64, VI, p. 217–224].

¹⁰⁴ Такие, как «Силой Господа – да будь славен Он – и счастливым предзнаменованием магометанской религии (*al-milla al-muḥammadiyya*)» (Ibn Nāẓir al-Ġayš, *al-Taṭqīf* [47, p. 12]).

¹⁰⁵ Gazagnadou, «Remarques» [33, p. 163–164].

¹⁰⁶ По вводным формулам, см. Kotwicz, «Les formules initiales des documents mongols» [51]. *Диван ал-уиниа* Золотой Орды не использовал *тугры*. Единственное письмо, письмо хана Махмуда оттоманскому султану (1466), представленное в начале в форме треугольника (острием вверх), походит на *тугру* и не содержит эмблему-*тамгу*, а просто следующую формулу: «Ему [Господу]. Силой Единственного, чудесами Мухаммада и свидетельством Писания, пусть Аллах охраняет царствование [хана] через потомство Махмуда»; два других ханских послания начинаются формулами, написанными в стилизованной манере и подчеркнутыми через их размещение в остальном тексте (в одной: «Защитой Господа – будь Он славен – чудесами пророка Мухаммада»; и в другом: «Он [Бог]»). Но мы не имеем никакого следа джучидских писем, начинающихся *basma*lа. См. оригинальные документы Золотой Орды у Kurat, *Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın ordu* [52] и Özyetgin, *Altın Ordu* [61].

Эта практика тем не менее, повлияла на мамлюкские эпистолярные модели, предназначенные ханам, которые содержат *тугру* и/или формулы на арабском, соответствующие монгольским заголовкам¹⁰⁷. Необходимо отметить, что в этой переписке *тугра* никогда не находится в первой позиции, она всегда следует за *басмалой*. Мы отдаем отчет в этом, анализируя протокол начала писем ханам, который описан в учебниках канцелярии. Мы вновь находим там идентичную схему каждый раз (*басмала*/формулы суверенитета/*'alāma* или *тугра*)¹⁰⁸.

В эпистолярной модели Ибн Фадл Аллаха ал-'Омари, начинается *басмалой*, затем линия *хутбыб* (которая может соответствовать монгольскому заголовку), оставляем затем место для *тугры*, которая вписывается последней после наложения печатей, затем титулы султана. В своей модели Ибн Назир ал-Жайиш начинается *басмалой*, затем вписывается формула монгольского происхождения «Силой Господа – да будь славен Он – и счастливым предзнаменованием магOMETанской религии (*al-milla al-muḥammadiyya*)» на двух линиях, подчеркивавших центр страницы, затем оставляется пространство для *'alāma* (которая будет наложена сувереном) и, наконец, титулы султана. В модели ал-Калкашанди, открывает *басмала* (после того как оставили пять белых листов (*awṣāl*) в начале свитка для престижа), затем начинает первую линию текста *waṣl* (интерлинией в три пальца) *basmla*, вписывается затем *тугра* на равном расстоянии от первой и второй линий письма. Эти измерения, пропорциональные формату бумаги и типу выдаваемого акта, почти соответствуют измерениям всех документов, созданных от имени султана¹⁰⁹.

Отметим, что в эпохи Ибн Фадл Аллаха ал-'Омари, Ибн Назир ал-Жайиша и ал-Калкашанди место подписи (идет ли речь о *тугре* или *'alāma*) соответствует фатимидским и айюбидским практикам (после *басмалы* в интервале между первой и второй линиями письма)¹¹⁰.

Таблица D: Различные элементы удостоверения подлинности

Ибн Фадл Аллах ал-'Омари	Ибн Назир ал-Жайиш	Ал-Калкашанди
– <i>Тугра</i> , написанная полностью золотом, включающая титулы султана (<i>al-Ta'rif</i> , p. 44, 45) – «[Письмо] удостоверено (<i>yuṭammag</i>) тамгой в золоте, включая титулы	– «В месте, зарезервированном за благородной подписью (<i>bayt al-'alāma al-šarīfa</i>), подписали красной охрой <i>'irāqīyya</i> : al-Muštāq Ša'bān [Султан al-Ašraf Nāsir al-Dīn Ša'bān	– «Тугра [...], составленная из титулов нашего султана в обычной манере, написанная в золоте в стиле (<i>qalam</i>) <i>muḥaqqaq</i> и украшается черным...» (<i>Šubḥ</i> VII, p. 299)

¹⁰⁷ По поводу повторного использования мамлюками см. пример, данный Ибн Назир ал-Жайишем (см. заметку ниже), формулы, напрямую вышедшей из ильханидской фразеологии (Stern, *Fātimid Decrees* [72, p. 161, note 1]).

¹⁰⁸ Казалось, что *'alāma* и *тугра* не появляются в одном и том же письме, заменяя одна другую. Подробнее см. таблицу E ниже.

¹⁰⁹ Для формата *baḡdādī*, *басмала* должна быть отделена от верхнего края шестью белыми листами (*waṣl*), и расстояние между линиями письма должно быть приблизительно три пальца (как в эпоху Айюбидов, когда пространство между линиями было в 3–4 пальца). *Waṣl*, в смысле интервала, измеряется, следовательно, почти в три пальца шириной (al-Qalqašandī, *Šubḥ*, 63–64, VI, p. 195–196).

¹¹⁰ Stern, *Fātimid Decrees* [72, p. 122].

<p>нашего султана; эти <i>тамги</i> были наложены на стык листов (<i>awṣāl</i>). Мы начинаем тамгой справа на первом стыке (<i>waṣl</i>), затем продолжаем в этом роде вплоть до того, пока не закончим до конца, справа (<i>al-Taʿrīf</i>, p. 45)</p>	<p>(764/1363–778/1377 гг.)» (<i>al-Taṭqīf</i>, p. 13)</p>	
--	---	--

Таблица D': Указания представления и замещения элементов удостоверения подлинности

Ибн Фадл Аллах ал-'Омари	Ибн Назир ал-Жайиш	Ал-Калкашанди
<p>– «[Текст], после <i>басмалы</i> и линии <i>хутбы</i> начинается <i>тузрой</i>, написанной полностью золотом, включающей титулы нашего султана, согласно обычной формуле <i>тузры</i> (<i>'alā 'ādāt al-ṭuḡrāwāt</i>).» (<i>al-Taʿrīf</i>, p. 44)</p> <p>– «[Письмо] удостоверено (<i>yuṭammaḡ</i>) <i>тамгой</i> в золоте, включая титулы нашего султана; эти <i>тамги</i> были наложены на стык листов (<i>awṣāl</i>). Мы начинаем <i>тамгой</i> справа на первом стыке (<i>waṣl</i>), затем слева на втором стыке (<i>waṣl</i>), затем продолжаем в этом роде вплоть до того, пока не закончим до конца, справа. Мы не накладываем печать на верхний край чистого свитка (<i>al-ṭurra al-bayḏā'</i>), и секретарь оставляет пространство для <i>тамги</i>, пространства, чтобы написать как справа, так и слева». (<i>al-Taʿrīf</i>, p. 45)</p>	<p>– «После благородной <i>басмалы</i> [мы вписываем следующую формулу]: «Силой Господа – да будь славен Он – и счастливым предзнаменованием магометанской религии (<i>al-milla al-muḥammadiyya</i>)». Затем место, оставленное для <i>'alāma</i>; затем пишем благородную титулатуру султана: самый могущественный султан, затем, в остальном обычные благородные титулы султана, согласно тому, что следует [... затем] молитвы по обстоятельствам» (<i>al-Taṭqīf</i>, p. 12).</p> <p>– «В месте, зарезервированном за благородной подписью (<i>bayt al-'alāma al-ṣarīfa</i>), подписали красной охрой <i>'irāqiyūa</i>: al-Muštāq Ša' bān [Султан al-Ašraf Nāšir al-Dīn Ša' bān (764/1363–778/1377)]. » (<i>al-Taṭqīf</i>, p. 13)</p>	<p>– «После того как оставили пять белых листов (<i>awṣāl</i>), начинаем <i>басмалой</i>, [вписанной] вверху шестой страницы (<i>waṣl</i>) и через белое пространство каждой стороны шириной два пальца; вторая линия письма (<i>saṭr</i>) делается тем же способом до конца [6] листа (<i>waṣl</i>) и оставляем белым две стороны тем же способом, что и первая линия письма (<i>saṭr</i>). <i>Тузра</i>, [деланная] между двумя линиями письма, составленная из титулов нашего султана в обычной манере, написанная в золоте стилем (<i>qalam</i>) <i>muḥaqqaq</i> и украшенная черным. Сверху <i>тузры</i> имеется белое пространство шириной в три пальца, такое же пространство оставлено внизу. Для остальных линий письма (<i>suṭūr</i>) имеется обычно поле справа, и между каждой линией письма (<i>bayna kull saṭrayn</i>) [мы оставляем] полу-локоть (<i>niṣf dīrā'</i>) от локтя (<i>dīrā'</i>) каирской ткани». (<i>Ṣubḥ</i> VII, p. 299)</p>

Таблица Е: Правила разбивки текста и редакции

Терминология, использованная в приведенной выше таблице, исходит из нескольких дипломатических трудов, на которых мы основывались, чтобы предложить внутреннюю разбивку текста посланий, такой, какой она появляется в учебниках¹¹¹. Текст систематически делится на три части: протокол начала (*uḡtūtaḡ*), основная часть текста (*matn*) и протокол конца (*ixti-tam*); эта последняя часть является частью, о которой мы имеем меньше всего информации¹¹².

Следующая таблица должна быть рассмотрена как показательная. Не забудем, что элемент, не упоминавшийся автором, не означает обязательно, что он исчез из эпистолярных правил в данный момент. Он может по-прежнему рассматриваться либо как забывчивость, либо как «очевидная» или маловажная часть для читателя, которая не заслуживает быть отмеченной.

Для ясности мы старались не цитировать полностью авторов. Мы предлагаем резюме или краткое изложение их дипломатических указаний. Эти указания могут быть двух форм: либо изложение примеров (цитат писем), либо список принципов или общих правил.

	Ибн Фадл Аллах ал-‘Омари	Ибн Назир ал-Жайиш	Ал-Калкашанди
Invocatio (<i>da‘wa, taḡmīd, taḡḡīd, ḡuḡba</i>) Вводная религиозная формула	– <i>Басмала</i> , затем линия <i>хутба</i> (монгольское заглавие?) (<i>al-Ta‘rīf</i> , p. 44)	– <i>Басмала</i> , затем следующая формула на две линии в центре страницы: «Силой Господа – да будь славен Он – и счастливым предзнаменованием магометанской религии (<i>al-milla al-muḡammadiyya</i>)». (<i>al-Taḡḡīf</i> , p. 12) – <i>Хутба</i> (монгольское заглавие?), примененное в хризографии. (<i>al-Taḡḡīf</i> , p. 13) – <i>Basmala</i> . (<i>al-Taḡḡīf</i> , p. 13)	– <i>Басмала</i> вверху на шестой белой странице (<i>Ṣubḡ</i> VII, p. 299)

¹¹¹ Björkman, «Diplomatique» [17]; Busse, «Diplomatique – Perse» [20] и *Untersuchungen zum Islamischen Kanzleiwesen* [21]; Fekete, *Einführung in die Persische Paläographie* [32]; Reychman, *Handbook* [65]; Stern, *Fāḡimid Decrees* [72]. Для сравнения с Золотой Ордой см. Усманов, *Жалованные акты* [7, с. 183–270] и мою докторскую диссертацию, *La Horde d’Or de 1377 à 1502* [30, p. 65–71 (Дипломатика ярлыка); p. 154–155] (Схема формальной организации bitik-s). Мы также обращались к главам *Ṣubḡ al-a‘šā*, относящимся к дипломатике, но они являются сложными в использовании, так как они крайне обобщены (*al-Qalqašāndī, Ṣubḡ* [63–64, VI, p. 217–273]; более типично для писем: p. 274–364). Мы надеемся, что этот метод текстовой разбивки сможет быть полезным исследователям, работающим над другими переписками, как пункт сравнения, так и пункт начала исследования.

¹¹² Нет как раз никакого указания на то, что касается места редакции документа (*locus/maqām*) и учреждения, которому была поручена редакция письма.

	Ибн Фадл Аллах ал-‘Омари	Ибн Назир ал-Жайиш	Ал-Калкашанди
Intitulatio (<i>‘unwān</i>) Адрес или надпись: автор письма (султан) дает свое имя и свою титулатуру	– <i>Тугра</i> полностью золотая, содержащая титулы султана – Адрес сформирован от титулов султана до «личного титула» (<i>al-laqab al-ḥāṣṣ</i>), затем одна или две молитвы типа «пусть Господь сделает всемогущим своего султана и возвысит его положение» (<i>al-Ta‘rīf</i> , p. 44, 45)	– <i>‘Alāma</i> , затем титулатура султана, такая, как: «самый могущественный султан», затем остальная обычная титулатура в зависимости от порядка. (<i>al-Taṭqīf</i> , p. 12) – <i>‘Alāma</i> с красной охрой (подпись с именем султана), следующая за хвалебной частью для султана, перемежающаяся с религиозными декларациями. (<i>al-Taṭqīf</i> , p. 13)	– <i>Тугра</i> , составленная из титулов султана, написанная золотом в стиле (<i>qalam</i>) <i>tuḥaqqaq</i> и украшенная черным. Эта <i>тугра</i> должна быть наложена между <i>басмалой</i> и второй линией письма текста. Затем долгое религиозное и хвалебное введение. (<i>Ṣubḥ</i> VII, p. 299)
Inscriptio (<i>alqāb</i> и иногда также <i>‘unwān</i>) идентичность адресата ¹¹³ , содержащая его титулатуру	– <i>хутба</i> , начинающаяся вводными формулами (<i>ba‘diyya</i> ¹¹⁴) до следующих титулов: Его Превосходительство благородное, высокое, султанское, великое, <i>ṣāhinšāh</i> , единственное, братское, <i>qaāniale</i> , такой-то (титул «королевский» не должен быть упомянут) ¹¹⁵ ; затем мы даем имя султана-адресата и	– После <i>ḥamdala</i> и очень короткой <i>хутбы</i> мы включаем титулы: «К вниманию Его высокого и благородного Превосходительства, Его Превосходительства Султана, Высокопреосвященства, утробного брата, ученого, справедливого, хана, могущественного, единственного, <i>ṣāhinšāh</i> , короля Узбека <i>al-ḥan</i> ¹¹⁶ , султана ислама и мусульман, единственного среди королей и султанов, опоры	– Предложение <i>inscriptio</i> : «Это письмо было сделано для Его Высочества (<i>al-maqaṁ al-‘ālī</i>), султанского, великого, братского, такого-то, опоры исламской религии, оплота чингизидского королевства, сокровища религии, соратника эмира верующих –

¹¹³ Когда есть сомнение в имени адресата, адрес может быть оставлен анонимным (*al-Taṭqīf* [47, p. 13]).

¹¹⁴ *ba‘diyya* соответствует параграфу, введенному *wa-ba‘du*.

¹¹⁵ «Так как для них нет большой важности, и он обесценен (*al-Ta‘rīf* [47, p. 44]). Та небольшая важность, что монголы объединяли с другими титулами, такими, как «хан» или «каган», также подчеркиваются автором в своем *Masālik* (III, p. 75). Этот обычай восходил к эпохе Чингиз-хана.

¹¹⁶ В своем издании Везели дает «*al ḥān*», который мог бы быть прочитан *al-ḥān* (слово хан, предшествовавшего пункта) или *il-ḥān* (титул ильханидских суверенов). Между тем, это второе предположение является менее вероятным в той мере, в какой графия делается естественно с *yā’*. Касаясь ханского титула, мы отсылаем к статье Амитага: «Evidence for the Early Use of the Title *īkhān*» [8], превосходное исследование по этому сюжету.

	<p>добавляем слово «хан». (<i>al-Ta'rif</i>, p. 44, 45)</p>	<p>королевской власти, султана <i>Muğul-s</i>, <i>Qibğāq-s</i> и <i>Turk-s</i>, снисходительного из всех королей своего времени, продолжателя рода Чингиз-хана, прославленного <i>ṭamğāğ</i>¹¹⁷, хозяина трона и короны, правой руки тех, кто боится Бога, сокровище верующих. (<i>al-Taṭqīf</i>, p. 12; два других предложения титулатуры: p. 13)</p>	<p>пусть Господь увеличит его могущество и сделает его вечно справедливым» (<i>Ṣubḥ</i> VII, p. 300)</p>
--	---	---	--

	Ибн Фадл Аллах ал-'Омари	Ибн Назир ал-Жайиш	Ал-Калкашанди
<p>Salutatio (<i>du'ā'</i>), краткая часть приветствия, заключающая протокол начала (<i>uḫtumat</i>) и вводящая основную часть текста</p>	<p>– «Мы адресуем ему большие повторяющиеся молитвы, достойные короля и почтенности [этого] султана, [мы добавляем]: победа помощников, вечность дней, распространение знамен, поддержка солдат, увеличение делегаций... Затем мы адресуем [ему] метонимические формулы и декларации на тему вечной дружбы, чистоты мысли, описания желаний, склоняющейся толпы и другие подобного рода». (<i>al-Ta'rif</i>, p. 44)</p>	<p>– «[Мы адресуем ему] обстоятельные молитвы, затем формулу, через которую мы адресуем ему приветствия» (<i>al-Taṭqīf</i>, p. 12)</p>	<p>– «Мы адресуем ему приветствия, которые [ему] принесли южный ветер и которые оставят свою печать на Севере...» (<i>Ṣubḥ</i> VII, p. 300)</p>
<p>Narratio (<i>naql, iblāğ, taṣrīḥ</i>). Основная часть текста начинается рассказом или кратким изложением изначальных</p>	<p>– «Мы упоминаем цель [письма], заключаем прославляющей молитвой и объясняем [наши] нужды и услуги, [которые он любил], описываем наши ожидания по этому</p>	<p>– «Мы осведомляемся о новостях, и мы говорим с ним, [пользуясь] его благородным знанием. Конец» (<i>al-Taṭqīf</i>, p. 12) – Письмо, где имелось бы в общих чертах приветствие и выражения дружбы и где мы осве-</p>	<p>– Пример <i>narratio</i>: «Много времени прошло с тех пор, как Его Благородству (<i>al-mağām al-šarīf</i>) – пусть Господь, будь</p>

¹¹⁷ Этот термин был бывшим тюркским словом, обозначающим Китай: см. Biran, *The Empire of the Qara Khitai* [16, p. 34, 98–101].

мотивов посольства	поводу и показываем, с какого пункта они являются настоячивыми» (<i>al-Ta'rif</i> , p. 44, 45; вариант того же пассажира в <i>Ṣubḥ</i> VII, p. 295).	домляемся о новостях...» (<i>al-Taṭqīf</i> , p. 13).	Он славен, прославляет его положение – мы отправили послание, чтобы успокоить зуд желания, и мы не получили со своей стороны письма, облегчающего желание обмена [в ожидании] подлинной встречи...» (<i>Ṣubḥ</i> VII, p. 301).
--------------------	---	---	---

	Ибн Фадл Аллах ал-'Омари	Ибн Назир ал-Жайиш	Ал-Калкашанди
<p>Dispositio (<i>amr</i>) После изложения проблемы, требующей отправки посольства, султан предлагает решение (например, отправки нового письма, чтобы предпринять контакт). Эта часть часто смешивается с предыдущей. Имя «посланников» и упоминание подарков включены в эту часть.</p>	Нет указания	– «Мы имели намерение нарушить дискуссии этим письмом, и мы хотели начать этими вводными предложениями (<i>al-miḥāṭaba</i>) для того, чтобы [хан] знал, что наша дружба для него была искренней, и подтвердить наш союз (...) Мы подготовили это письмо для наших посланников таких-то и таких-то, и тех, кто их сопровождает (...), мы послали Его Высочеству (<i>al-maqām al-'ālī</i>) – пусть Господь возвысит его положение – с нашими посланиями многочисленных александрийских тканей и другие, которые заменяют подарки, так же, как и традиционные дары, упоминаемые в [официальной] бумаге, подготовленной ранее ¹¹⁸ ...» (<i>al-Taṭqīf</i> , p. 15)	– «Чтобы сообщить о [нашем] письме и напомнить о [нашей] лояльности, мы выбрали Его Преосвященство (<i>al-maḡlis al-sāmī</i>), который уважает нами: аль-амир ¹¹⁹ <i>hoḡā</i> такой – пусть Господь, да будь славен он, почтит его – и мы ему приносим свои приветствия...» (<i>Ṣubḥ</i> VII, p. 301)

¹¹⁸ Эта бумага (*waraqā*) соответствует официальному списку (*ṭabat*), содержащему опись всех подарков, посланных султаном, документ, уточняемый письмом посольства, который имел функцию воспрепятствования воровству.

¹¹⁹ Мы выбрали для чтения Тизенгаузена (*Сборник* I, «Iqd al-ḡumān», p. 400) и не последовали за издателем *Ṣubḥ*, который дает «*al-amīn*».

<i>Datatio</i> (<i>ta' rīh</i>) Год, месяц и день недели	Нет указания	– «В эпоху (...) Мухаммад ибн Калавуна»: точная формула не дана. (<i>al-Taṭqīf</i> , p. 12) – «В годы 750-е»: точная формула не дана. (<i>al-Taṭqīf</i> , p. 12) – «В эпоху последней декады <i>раби I</i> года 776»: может быть формулировка даты как таковой появля- ется в тексте письма. (<i>al-Taṭqīf</i> , p. 13) – Дата упоминается до финальных формул. (<i>al-Taṭqīf</i> , p. 15)	– «В 812 году»: точная форму- лировка не дана. (<i>Ṣubḥ VII</i> , p. 299)
Приветствия или финальные молитвы	Нет указания	– <i>хамдала</i> , затем <i>хасба-</i> <i>ла</i> ¹²⁰ . (<i>al-Taṭqīf</i> , p. 15)	Нет указания

Таблица F: Несколько указаний о методах работы, используемых секретарями (куттаб) Дивана ал-инша

Различные ремарки, сделанные на основании изученных отрывков, позволяют отчасти реконструировать методы работы секретарей, предназначенные для переписки с иностранными суверенами¹²¹. Эти методы не охватывают дихотомию дипломатика/кодикология, которую мы применяем сегодня при изучении документов, вот почему мы их детализировали в заключительной части, синтезируя данные, представленные в таблицах с А по Е. Мы добавим к ним последнюю таблицу F, которая суммирует систему утверждений, могущих относиться к методам секретарей (куттаб) Дивана ал-инша¹²².

¹²⁰ Формулы, которые мы традиционно находим в конце важных официальных документов (*al-Qalqaṣandī*, *Ṣubḥ* [63–64, VI, p. 265–266, 269–270]. См. также Штерн (*Fātimid Decrees* [72, p. 120–121]), который показывает, что эта практика, как и практика начинать акт *basma*la, засвидетельствована в фатимидский период.

¹²¹ Для общего знакомства с ремеслом *катиба*, см. Martel-Thoumian, *Les civils et l'administration* [57, p. 133–141] («*kātib*: между мифом и реальностью»).

¹²² Прежде всего, напомним, что большая трудность, которая еще мешает настоящему изучению этого вопроса, состоит в том, что эти учебники адресуются не любителям, а образованным людям, которые уже владеют некоторым знанием. Также, чтобы сделать все правильно, нам надо было бы разгадать или реконструировать этот первый уровень знания, который учебники хотят дополнить. Авторы часто делают намек на приглашения, которые они не детализируют, так как они считаются известными читателю (см. таблицу F: «[письма] для хана собраны в соответствии с действующими (*hudūd*) и организованными согласно договорам (*uqūd*) правилами, как для Абу Саида...» (*al-Ta' rīf* [47, p. 44]) или «После верификации (*al-murāga'a*) мы дали ему титулы...» (*al-Taṭqīf* [47, p. 13]). Итак, чтобы изучить это уже приобретенное знание, переданное устно или через практику, другие источники, нежели учебники, должны быть изучены (рассказы путешественников или посольств, хроники, миниатюры и иллюстрации, археологические источники и т.д.).

Как мы уже отмечали ранее, несколько методик работы были использованы параллельным или дополнительным способом. Авторы различают в целом два типа посланий: послания, который могут быть соотнесены с прошлым употреблением¹²³, и послания, которые являются «экстраординарными» и изолированными. Первое дело секретаря было определить, является ли письмо в переписке, будь оно получено или отослано, серией, или речь идет о единственном послании (первый обмен между суверенами, неизвестная династия...). Таким образом, большая часть его полномочий будет основываться на его познаниях в географии и международной политике (чтобы написать корректно письмо, надо знать, по крайней мере, имя суверена, которому оно адресуется¹²⁴), прошлой и современной эпохе, отсюда важность разделов, посвященных этим вопросам в учебниках канцелярии¹²⁵.

Для содержания *катиб* (секретарь) ищет, прежде всего, «вдохновения» предшествующими письмами и заимствования максимума риторических элементов, исключенных из частей *матн* (в *narratio* и *dispositio*), которые должны быть адаптированы к целям, присущим каждой почте¹²⁶. Чтобы это сделать, авторы используют любой документ, имеющийся в их распоряжении, будь то труды (даже «бумаги») их коллег и предшественников или архивы *Дивана ал-иншиа*¹²⁷. В случае, когда речь идет о неизданной переписке (приход новой династии, нового суверена к власти или возобновление контактов после долгого перерыва) секретарю открываются две возможности: либо переписать по «аналогии»¹²⁸, либо для ответа вдохновляться моделью полученного письма¹²⁹. Эта последняя «тактика» позволяет объяснить, по большей части, взаимовлияние между джучидскими и мамлюкскими эпистолярными правилами. Это позволяет также понять, почему существуют вари-

¹²³ См. Таблицу F: *al-Ta 'rif* [47, p. 44].

¹²⁴ То, что не всегда было возможно (См. Таблицу F: *al-Ta 'rif*, [47, p. 13]). См. также ремарки аль-Калкашанди, критикующего Ибн Назир ал-Жайиша по вопросу об имени хана (*Subh* VII, p. 298–299).

¹²⁵ Вот почему Ибн Назир ал-Жайиш уточняет: «Мы не переписывались с кем-либо по этому вопросу после него» (См. Таблицу F), и когда информация неопределенна, он дает свои источники: «... мне приказали написать письмо хану Мухаммаду из страны Узбека, который является представителем (*al-qā'im maqām*) Узбека, по словам вестников с Благородных Проливов» (См. Таблицу F).

¹²⁶ Таким образом, когда приказывают Ибн Назир ал-Жайишу написать письмо хану, единственная вещь, которую он уточняет, является цель письма: это письмо должно содержать в общих чертах приветствия и выражения дружбы и необходимость осведомиться о новостях хана (См. Таблицу F).

¹²⁷ Например, ал-Калкашанди: «Я видел в нескольких регистрах (*dasātīr*), идущих от *кади* Ала ад-Дин Ибн Фадл Аллаха (ал-‘Омари), что он писал хану на черновике (*muswadda*) для того, чтобы переписать на арабском (*bi-l-‘arabī*)...» (см. Таблицу F).

¹²⁸ В этом случае, авторы опираются на письма Ильханам, но не на какие угодно, а в целом, речь идет о недавних посланиях (особенно адресованных Абу Саиду, последнему Ильхану): «Мы пишем на арабском (*bi-l-‘arabī*) хану тем же образом, что и для повелителя Ирана, как упоминается выше» (См. Таблицу F); «Письмо, позолоченное и черное, согласно способу, который мы объяснили для письма Абу Саиду, тоже для адреса» (См. Таблицу F). Это могло бы означать, что ильханидские письма лучше сохранились в архивах. См. также наши ремарки в «Три учебника мамлюкской канцелярии» (*supra*).

¹²⁹ Например: «Ему пишут [в ответ] благородное послание, идентичное письму, исходящему от него [хана]...» (См. Таблицу F).

анты внутри одной и той же переписки, у секретаря, предпочитающего скорее скопировать полученное письмо, чем сослаться на архивные копии¹³⁰.

В том, что касается «педагогики» этих авторов учебника, мы уже отмечали, что два метода обучения были использованы сопутствующим образом: либо используя примеры, которыми являются цитаты из написанных в прошлом писем, либо через изложение эпистолярных правил (*hudūd*, *uqūd*). В целом, два объясняющих принципа смешиваются так, что порой трудно ориентироваться между правилами и цитатами, тем более, что эти «правила» являются ничем иным, как условностями употребления, вышедшими из «примеров». Эти последние не имеют к тому же функции иллюстрации, как это было бы в данном сочинении, и могут предшествовать, даже заменить изложение правилами. По этому поводу мы отмечаем явную эволюцию в стиле и педагогике этих трех авторов: тогда как ал-‘Омари стремится дать определения и приводит относительно мало примеров, его последователи предлагают длинные цитаты, извлеченные из их личного сочинения. Таким образом, мы переходим от более краткого к более точному, от более теоретического к более описательному. Мы видим также, что формат письма для ханов Золотой Орды остается в сущности одним и тем же между второй половиной XIV века и первой половиной XV века.

Ибн Фадл Аллах ал-‘Омари	Ибн Назир ал-Жайиш	Ал-Калкашанди
<p>– «[Письма] для хана собраны согласно действующим правилам (<i>hudūd</i>) и организованы согласно договорам (<i>uqūd</i>), как для Абу Саида...» (<i>al-Taʿrīf</i>, p. 44)</p> <p>– «Мы пишем на арабском (<i>bi-l-ʿarabī</i>) [хану] тем же образом, что и для повелителя Ирана, как упоминается выше». (<i>al-Taʿrīf</i>, p. 47).</p>	<p>– «Письмо, позолоченное и черное, согласно способу, который мы объяснили для письма Абу Саиду, тоже для адреса. Мы не переписывались с кем-либо таким способом после него». (<i>al-Taṭqīf</i>, p. 12)</p> <p>– «Ему пишут в ответ благородное послание, идентичное письму, исходящему от него [хана]...» (<i>al-Taṭqīf</i>, p. 12)</p> <p>– «...мне приказали написать письмо хану Мухаммаду из страны Узбека, который яв-</p>	<p>– «Я видел в нескольких регистрах (<i>dasāīr</i>), идущих от <i>кади</i> Ала ад-Дин Ибн Фадл Аллаха (ал-‘Омари), что он писал хану на черновике (<i>muswadda</i>) для того, чтобы переписать на арабском (<i>bi-l-ʿarabī</i>); затем мы перестали это делать и писали на монгольском (<i>bi-l-muḡulī</i>). Он (ал-‘Омари) говорил: если ему пишут на арабском (<i>bi-l-ʿarabī</i>), формат письма, которое ему посылают, является тем же, что</p>

¹³⁰ Это случай письма, предназначенного хану Джанибеку, написанного на бумаге *не-baḡdādī* (*al-Taṭqīf* [47, p. 12–13]). Это подтверждает, что переписка с Золотой Ордой была неполной в мамлюкских архивах. Отметим по этому сюжету такую фразу ал-Калкашанди: «Эта ситуация неуверенности идет из факта, что мы перекопировали [данные *Дивана ал-иншиа*].» (См. Таблицу F). Автор делает, без сомнения, намек на период беспорядков, который ударил по царствованию султана Баркука в 791–792/1389–1390 годы; период, в течение которого часть документов *Дивана ал-иншиа* было продана на вес торговцам бумагой (некоторые документы архивов были тогда, вероятно, резюмированы или перекопированы). По этому пункту см. Bauden, «The Recovery» [15, p. 74–75].

	<p>ляется представителем (<i>al-qā'im maqām</i>) Узбека¹³¹, по словам вестников с Благородных Проливов» (<i>al-Taṭqīf</i>, p. 13)</p> <p>– «[Письмо, которое содержало бы] в общих чертах приветствия и выражения дружбы и в котором мы осведомлялись бы о его новостях» (<i>al-Taṭqīf</i>, p. 13)</p> <p>– «После удостоверения подлинности (<i>al-murāga 'a</i>), мы снабдили его титулами...» (<i>al-Taṭqīf</i>, p. 13)</p> <p>– «Адрес написан золотыми чернилами, без упоминания личности (<i>bi-ğayr ta 'rīf</i>)» (<i>al-Taṭqīf</i>, p. 13)</p>	<p>и для переписки с повелителем Ирана».</p> <p>(<i>Subḥ</i> VII, p. 294)</p> <p>– «Эта ситуация [неуверенности] идет из факта, что мы перекопировали [данные <i>Дивана ал-инша</i>].» (<i>Subḥ</i> VII, p. 299)</p>
--	---	--

Некоторые видели в альянсе Джучидов-Мамлюков признак распада Монгольской империи. Надо, во всяком случае, видеть в нем четкую политическую позицию и начало независимого дипломатического дискурса со стороны Золотой Орды. Это «согласие» продолжится с перерывами до второй половины XV века. Постепенный конец отношений между двумя государствами является результатом многочисленных потрясений: в частности, истощения торговли военнопленными кыпчаками и обмена добычей с мамлюками играли значительную роль в их отчуждении.

Кроме того, после смерти Тамерлана никакой общий враг не объединял два государства. Таким образом, когда в 832/1427 году посольство Золотой Орды прибывает в Каир с двумя письмами, одним на арабском, другом на уйгурском языке (то есть по-тюркски), хронист и историк ал-Айни уточняет, что это второе послание не может быть прочитано, так как «мы не найдем никого, чтобы перевести письмо¹³²». Интересно отметить, что к этому времени мамлюкская канцелярия больше не нанимает ни переводчика, ни специалиста по монгольскому алфавиту, что показывает, до какой степени дипломатические отношения с Золотой Ордой были тогда ослабленными.

К счастью, учебники секретарей канцелярии, составленные между 1340 и 1410 годами (и используя более древние документы) покрывают важную часть существования этого альянса. Их авторы предлагают нам точное описание некоторого числа писем, посланных султанами ханам. Сравнивая эти эпистолярные модели с моделями, переданными Золотой Ордой, мы видим, что стиль (дипломатический и кодикологический) их посланий был очень похожим. Главная причина следовала из факта, что секретари, чтобы ответить, вдохнов-

¹³¹ Мухаммад Пулак хан был в действительности не «представителем» (*al-qā'im maqām*), а преемником Узбека.

¹³² Тизенгаузен, Сборник, I, «'Iqd al-Ğumān», p. 502.

лялись моделями, посланными их коллегами¹³³. Следовательно, можно говорить о подлинном взаимовлиянии между двумя *Диванами ал-инша*, конкретном свидетельстве циркулирования знания и техник исламских канцелярий между Египтом и Центральной Азией со второй половины XIII века до первой половины XV века. В течение этого периода, как в мамлюкском султанате, так и в Золотой Орде мы отмечаем, что административные институты стабильно функционируют, несмотря на прерывистость и хаос династического наследования. Речи, которые мы различаем сквозь эти эпистолярные обмены, также имеют некоторую преемственность: цель большинства этих писем состоит в том, чтобы обосновать или задать вопрос о молчании, нехватки посольств и долгом отсутствии обмена. Следовательно, дипломатические практики этих двух государств вписываются в долгий благоприятный период общей и разделяемой участниками эволюции правил канцелярии.

Благодарности

Я благодарю Фредерика Бодана и Наглаа Хамди за их внимательное чтение и справедливые ремарки. Я также благодарю Ильнура Миргалеева и редколлегию журнала «Золотоордынское обозрение» за возможность опубликовать мою работу на русском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорьев А.П. Официальный язык Золотой Орды XIII–XIV вв. // Тюркологический сборник, 1977. М.: Издательство восточной литературы, 1981. С. 81–89.
2. Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М.: Наука, 1966. 160 с.
3. Исламов Р.Ф. Алтын Урда һәм мәмлүкләр Мисыры: язма мирас, мәдәни багланышлар. Казан: Матбугат йорты, 1998. 249 б.
4. Понне Н.Н. Золотоордынская рукопись на бересте // Советское востоковедение. 1941. С. 81–134, 24 pls.
5. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.
6. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. Известия из персидских сочинений. СПб., 1941.
7. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева улуса. Казань, 1979. 321 с.
8. Amitai (Amitai-Preiss) R. Evidence for the Early Use of the Title *ilkhān* among the Mongols // Journal of the Royal Asiatic Society, 3ème série, vol. 1/3, November 1991. P. 353–361.
9. Amitai R. Mongols and Mamluks. The Mamluk-*Ilkhān*id War, 1260–1281. Cambridge University Press, 1995.
10. Amitai R. Al-Nuwayrī as a Historian of the Mongols // Hugh Kennedy (ed.). The Historiography of Islamic Egypt (c.950–1800), coll. The Medieval Mediterranean 31, Brill, 2001. P. 23–36.

---

¹³³ В части, основывающейся на письмах, посланных иностранными суверенами, ал-Калкашанди (*Subh* [63–64, VIII, р. 64–65] описывает «чингизидское» послание, очень близкое посланию, описанному Ибн Назир ал-Жайишем (*al-Taḥqīf* [47, р. 12]). Чтобы углубить это исследование о сходстве между письмами Золотой Орды и мамлюкскими письмами, понадобится принять в расчет все ханские послания, сохранившиеся в *munša'āt*.

11. *Amitai R.* The Resolution of the Mongol-Mamluk War // Reuven Amitai & Michal Biran (ed.). *Mongols, Turks and Others. Eurasian Nomads and the Sedentary World.* Leiden, Boston: Brill, 2005.
12. *Ayalon D.* The Great Yāsa of Chingiz Khān. A Re-examination. Pt. B // *Studia Islamica* 34, 1971. P. 151–180.
13. *Barthold V.V.* Čaghatay (*Khānat de*) / transl. J.A.Boyle // *Encyclopedie de l'Islam.* Leiden: Brill. Vol. II. P. 3–4.
14. *Barthold V.V.* Alān / transl. V.Minorsky // *Encyclopedie de l'Islam.* Leiden: Brill. Vol. I. P. 364–365.
15. *Bauden F.* The Recovery of Mamluk Chancery Documents in an Unsuspected Place // *The Mamluks in Egyptian and Syrian Politics and Society / Amalia Levanoni & Michael Winter (eds.).* Leiden: Brill, 2004. P. 59–76.
16. *Biran M.* The Empire of the Qara Khitai in Eurasian History: Between China and the Islamic World. Cambridge, 2005.
17. *Björkman W.* Diplomatie // *Encyclopedie de l'Islam.* Leiden: Brill. Vol. IV. P. 309–316.
18. *Björkman W.* Beiträge zur Geschichte der Staatskanzlei im islamischen Ägypten. Hambourg, 1928.
19. *Bosworth C.E.* *Khwārazm* // *Encyclopedie de l'Islam.* Leiden: Brill. Vol. IV. P. 1092–1097.
20. *Busse H.* Diplomatie – Perse // *Encyclopedie de l'Islam.* Leiden: Brill. Vol. IV. P. 319.
21. *Busse H.* Untersuchungen zum Islamischen Kanzleiwesen. Cairo, 1959.
22. *Cahen Cl.* La tuğrā seljuqide // *Journal Asiatique* 234, 1943–45. P. 167–172.
23. *Charmoy F.-B.* Expedition de Timoūr-i-lēnk (Tamerlan) contre Toqtamiche, Khān de l' Ouloūs de Djoūtchy en 793 H., 1391 de J.C: textes arabes, persans et turks publiés et traduits avec des notes et éclaircissements. Amsterdam: Philo Press, 1975 (Reprint: Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St-Pétersbourg. 6e série, Sciences politiques, histoire et philologie; t. III (1836), t. V (1835).
24. *Déroche F.,* (dir.). Manuel de codicologie des manuscrits en écriture arabe. Paris: Bnf, 2000.
25. *DeWeese D.A.* Islamization and native religion in the Golden Horde. Baba Tükles and conversion to Islam in historical and epic tradition. University Park (Pa.): Pennsylvania State University, 1994.
26. *DeWeese D.A.* The Kashf al-Khudā of Kamāl ad-Dīn Husayn Khorezmī: A Fifteenth-Century Sufi Commentary on the Qasīdat al-Burdah in Khorezmian Turkic, Ph.D. dissertation. Bloomington: Indiana University, 1985.
27. *DeWeese D.A.* Toktāmish // *Encyclopedie de l'Islam.* Leiden: Brill. Vol. X. P. 602–605.
28. *Dīwān al-inšā',* ms Bnf: Arabe 4439 [Partially translated by Quatremère in Raschid-Eldin. *Histoire des Mongols de la Perse.* Paris: Imprimerie Royale, 1836].
29. *Ehrenkreutz A.* Strategic Implications of the Slave Trade between Genoa and Mamluk Egypt in the Second Half of the Thirteenth Century // *The Islamic Middle East: 700–1900: studies in economic and social history / ed. A.L. Udovitch.* Princeton: Darwin Press, 1981. P. 335–345.
30. *Favereau M.* La Horde d'Or de 1377 à 1502 : aux sources d'un siècle « sans Histoire ». Thèse de doctorat en Histoire médiévale (Sorbonne – Paris IV), 2004.
31. *Favereau M.* Les sources de la Horde d'Or. Recension et analyse. DEA d'Histoire médiévale (Sorbonne – Paris IV), 2000.
32. *Fekete L.* Einführung in die Persische Paläographie. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1977.

33. *Gazagnadou Didier*. Remarques sur le problème de l'origine d'une pratique des chancelleries Mamlūkes: la Ṭurra // *Studia Islamica*, LXIV. P. 160–164.

34. *Haarmann U.* Arabic in Speech, Turkish in Lineage: Mamluks and their Sons in the Intellectual Life of Fourteenth-Century Egypt and Syria // *Journal of Semitic Studies* 33, 1988. P. 81–114.

35. *(al)-Haġġī H.N.* al-'Alaḳāt bayna Dawlat al-Mamālīk wa-Dawlat Muġul al-Qifġaḳ fī al-fatra ma bayna 658–741 H/1260–1341 M. Koweit: Kulliyat al-Adāb (Ġāmi'at al-Kuwayt), 1981.

36. *Hazai G.* Қипчақ // *Encyclopedie de l'Islam*. Leiden: Brill. Vol. V. P. 128–129.

37. *Humbert G.* Le manuscrit arabe et ses papiers // *La tradition manuscrite en écriture arabe*, REMMM 99–100. P. 55–77.

38. *Ibn 'Abd al-Zāhir*. Al-Rawḍ al-zāhir fī sīrat al-malik al-zāhir / Ed. 'A. 'A. al-Ḥuwaytir. Riyad, 1396/1976.

39. *Ibn Faḍl Allāh al-'Umarī*. A Critical Edition of and Study on Ibn Faḍl Allāh's Manual of Secretaryship "al-Ta'rif fī al-muṣṭalaḥ al-šarīf" / Ed. Samir al-Durubī, 2 vols. al-Karak, 1992.

40. *Ibn Faḍl Allāh al-'Umarī*. Al-Ta'rif fī al-muṣṭalaḥ al-šarīf. Beirut: Dār al-kutub al-'ilmiyya, 1408/1988.

41. *Ibn Faḍl Allāh al-'Umarī*. Al-Ta'rif fī al-muṣṭalaḥ al-šarīf. Cairo, 1312/1894–95.

42. *Ibn Faḍl Allāh al-'Umarī*. Masālik al-absār fī mamālīk al-amṣār, III. The Emirates: Markaz Zāyid li-l-turāt wa-l-ta'rīḥ, 2001.

43. *Ibn Faḍlān*. Risālat Ibn Faḍlān / Ed. et commentaires Sāmī al-Dahān. Beirut: Maktabat al-ṭaqāfat al-'āliyya, 1987.

44. *Ibn Fadlān*. Voyage chez les Bulgares de la Volga / transl. Marius Canard. Paris: Sindbad, 1988.

45. *Ibn Ḥaldūn*. Kitāb al-'ibar wa-dīwān al-mubtadā wa-l-ḥabar fī ayyām al-'arab wa-l-aġam wa-l-barbar V / ed. Naṣr al-Dīn al-Hūrīnī. Būlāq, 1867–68.

46. *Ibn Ḥiġġa*. Qahwat al-inšā' / Ed. Rudolf Veselý. Bibliotheca Islamica 36. Beirut, 2005.

47. *Ibn Nāzir al-Ġayṣ*. Al-Taṭqīf fī al-ta'rif / Ed. Veselý. Cairo: Ifao, 1987.

48. *Ibn Rusteh*. Les Atours précieux (Kitāb al-a'lāq al-nafīsa) / transl. G.Wiet. Cairo: Publications de la Société de Géographie d'Égypte, 1955.

49. *Irwin R.* The Middle East in the middle ages. The early Mamluk Sultanate 1250–1382. Londres–Sydney, 1986.

50. *Jackson P.* The Dissolution of the Mongol Empire // *Central Asiatic Journal* 32, 1978. P. 186–244.

51. *Kotwicz W.* Formules initiales des documents mongols aux XIIIe et XIVe s. // *Rocznik Orjentalistyczny* 10, 1934. P. 131–157.

52. *Kurat A.N.* Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altınordu, Kırım ve Türkistan Hanlarına ait Yarlık ve bitikler, Dil ve Tarih-Çoğrafya Fakültesi Yayınlarından. Tarih Serisi I. İstanbul: Burhanettin Matbaası, 1940.

53. *Little Donald P.* Notes on Aitamis, a Mongol Mamluk // *Die islamische Welt zwischen Mittelalter und Neuzeit: Festschrift für Hans Robert Roemer zum 65. Geburtstag / Ulrich Haarmann & Peter Bachmann (eds.)*. Orient-Institut der Deutschen Morganlandischen Gesellschaft/Wiesbaden, Beirut, 1979. P. 387–401.

54. *Lockhart L., Hodgson M.* Alamūt // *Encyclopedie de l'Islam*. Leiden: Brill. Vol. I. P. 363–364.

55. *Manz Beatrice F.* Mongol History rewritten and relived // *Figures mythiques de l'Orient musulman*, REMMM 89–90. P. 129–150.

56. *Manz Beatrice F.* The rise and rule of Tamerlane. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1999.

57. *Martel-Thoumian B.* Les civils et l'administration dans l'Etat militaire mamlūk (IXe/XVe siècle). Damas: I.F.D., 1992.

58. Mu'izz al-Ansāb. Ms Bnf: Persan 67.
59. (al)-Nasawī M. Sīrat al-sultān Ġalāl al-dīn Mankubirtī X / transl. O.Houdas. Paris: Publications de l'École des Langues orientales, 3e série, 1895.
60. (al)-Nuwayrī. Nihāyat al-Arab fī funūn al-adab. Cairo, 1923–55.
61. Özyetgin A.M. Altın Ordu, Kırım ve Kazan sahasına ait yıllık ve bitiklerin dil ve üslup incelemesi. Ankara, 1996.
62. Pelliot P. Notes sur l'histoire de la Horde d'Or. Paris, 1949.
63. (al)-Qalqaşandī. Şubḥ al-a'şā fī şinā'at al-inşā'. Beirut, 1987.
64. (al)-Qalqaşandī. Şubḥ al-a'şā fī şinā'at al-inşā'. Cairo, 1918–22 (new ed. Cairo, 1963–1972).
65. Reyçhman J., Zajqczkowski A. Handbook of Ottoman-Turkish Diplomats / transl. A.S. Ehrenkreutz, ed. T. Haqłasi-Kun. La Hague, Paris: Near and Middle East Studies Columbia University, Mouton, 1968.
66. Richard J. La conversion de Berke et les débuts de l'islamisation de la Horde d'Or // Revue des études islamiques 35, 1967. P. 173–184.
67. Rogers J.M. Evidence for Mamlūk-Mongol Relations, 1260–1360 // Colloque international sur l'histoire du Caire (27 mars – 5 avril 1969). Cairo, 1972. P. 385–403.
68. Salibi K.S. Ibn Faql Allāh al-'Umarī // Encyclopedie de l'Islam, Vol. III. Leiden: Brill. P. 78–82.
69. Sourdel-Thomine J. Arl Arslan A. Khaṭṭ // Encyclopedie de l'Islam, Vol. IV. Leiden: Brill. P. 1144–1162.
70. Spuler B. Īlkhāns // Encyclopedie de l'Islam, Vol. III. Leiden: Brill. P. 1148–1151.
71. Spuler B. Die Goldene Horde: die Mongolen in Russland, 1223–1502. Wiesbaden: O.Harrassowitz, 1965.
72. Stern S.M. Fāṭimid Decrees Original Documents from the Fāṭimid Chancery. Londres: Saber and Saber, 1964.
73. The online Mamluk Secondary Bibliography. <http://www.lib.uchicago.edu/e/su/mideast/mamluk/>
74. Van Steenberg Jo. The Amir Qawşūn, statesman or courtier? (720–741 AH/1320–1341 AD) // Egypt and Syria in the Fatimid, Ayyubid and Mamluk Eras III / U.Vermeulen & J. Van Steenberg (ed.). Orientalia Lovaniensia Analecta 102, 2001. P. 449–466.
75. Vásáry I. «History and Legend» in Berke Khan's Conversion to Islam // Aspects of Altaic Civilization III / D. Sinor (ed.). Vol. 145, 1990. P. 230–252.
76. Vásáry I. Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottomans Balkans, 1185–1365. Cambridge University Press, 2005.
77. (al)-Yūnīnī. Dayl Mir'āt al-Zamān, 2 vols. Hyderabad, 1955.
78. Favereau M. Comment le sultan mamlouk s'adressait au khan de la Horde d'Or. Formulaire des lettres et règles d'usage d'après trois manuels de chancellerie (1262–v.1430) // Annales Islamologiques 41, 2008. P. 59–95.

Сведения об авторе: Мари Фаверо-Думенжу – Ph.D. (история), научный сотрудник, исторический факультет, Оксфордский университет (OX1 2RL, ул. Георгия, Оксфорд, Великобритания); университет Сорбонна – Париж IV (75005, ул. Виктор Кузин, 1, Париж, Франция). E-mail: marie.favereau@history.ox.ac.uk

Поступила 24.11.2017 Принята к публикации 01.03.2018
Опубликована 29.03.2018

REFERENCES

1. Grigor'ev A.P. Ofitsial'ny yazyk Zolotoy Ordy XIII–XIV vv. [The Official Language of the Golden Horde in the 13th–14th centuries]. *Tyurkologicheskiy sbornik. 1977* [Turkological Collection]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1981, pp. 81–89. (In Russian)
2. Zakirov S. *Diplomaticheskie otnosheniya Zolotoy Ordy s Egiptom (XIII–XIV vv.)* [The Diplomatic Relationship between the Golden Horde and Egypt (13th–14th centuries)]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 160 p. (In Russian)
3. Islamov R.F. *Altyn Urda ham mamlyklar Misyry: yazma miras, madani baglanyshlar* [The Golden Horde and Mamluk Egypt]. Kazan, Matbugat yorty, 1998. 249 b. (In Tatar)
4. Poppe N.N. Zolotoordynskaya rukopis' na bereste [A Manuscript of the Golden Horde on Birchbark]. *Sovetskoe vostokovedenie* [Soviet Oriental Studies] 2, 1941, pp. 81–134, 24 pls. (In Russian)
5. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy* [Collected Materials Related to the History of the Golden Horde]. Vol. 1: *Iz vlecheniya iz sochineniy arabskikh* [Excerpts from Arabic Writings]. St. Petersburg, 1884. (In Russian)
6. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy* [Collected Materials Related to the History of the Golden Horde]. Vol. 2: *Izvestiya iz persidskikh sochineniy* [Excerpts from Persian Writings]. Moscow, Leningrad, 1941. (In Russian)
7. Usmanov M.A. *Zhalovannye akty Dzhuchieva ulusa* [Granted Charters of the Ulus of Jochi]. Kazan, 1979. 321 p. (In Russian)
8. Amitai (Amitai-Preiss) R. Evidence for the Early Use of the Title *ilkhān* among the Mongols. *Journal of the Royal Asiatic Society*, 3ème série, vol.1/3, November 1991, pp. 353–361.
9. Amitai R. *Mongols and Mamluks. The Mamluk-Īlkhānid War, 1260–1281*. Cambridge University Press, 1995.
10. Amitai R. Al-Nuwayrī as a Historian of the Mongols. In Hugh Kennedy (ed.), *The Historiography of Islamic Egypt (c.950–1800)*, coll. The Medieval Mediterranean 31. Leiden, Brill, 2001, pp. 23–36.
11. Amitai R. The Resolution of the Mongol-Mamluk War. In Reuven Amitai & Michal Biran (ed.), *Mongols, Turks and Others. Eurasian Nomads and the Sedentary World*. Leiden, Boston, Brill, 2005.
12. Ayalon D. The Great Yāsa of Chingiz Khān. A Re-examination. Pt. B. *Studia Islamica* 34, 1971, pp. 151–180.
13. Barthold V.V. Čaghatay (Khānat de). Transl. J.A.Boyle. *Encyclopédie de l'Islam*, Vol. II. Leiden, Brill, pp. 3–4. (In French)
14. Barthold V.V. Alān. Transl. V.Minorsky. *Encyclopédie de l'Islam*, Vol. I. Leiden, Brill, pp. 364–365. (In French)
15. Bauden F. The Recovery of Mamluk Chancery Documents in an Unsuspected Place. In *The Mamluks in Egyptian and Syrian Politics and Society*, Amalia Levanoni & Michael Winter (eds.). Leiden, Brill, 2004, pp. 59–76.
16. Biran M. *The Empire of the Qara Khitai in Eurasian History: Between China and the Islamic World*. Cambridge, 2005.
17. Björkman W. Diplomatie. *Encyclopédie de l'Islam*, Vol. IV. Leiden, Brill, pp. 309–316. (In French)
18. Björkman W. *Beiträge zur Geschichte der Staatskanzlei im islamischen Ägypten*. Hambourg, 1928. (In German)
19. Bosworth Cl. E. Khwārazm. *Encyclopédie de l'Islam*, Vol. IV. Leiden, Brill, pp. 1092–1097. (In French)

20. Busse H. *Diplomatique – Perse. Encyclopédie de l’Islam*, Vol. IV. Leiden, Brill, p. 319. (In French)
21. Busse H. *Untersuchungen zum Islamischen Kanzleiwesen*. Cairo, 1959. (In German)
22. Cahen Cl. La tuğrā seljuqide. *Journal Asiatique* 234, 1943–45, pp. 167–172. (In French)
23. Charmoy F.-B. *Expedition de Timoûr-i-lènk (Tamerlan) contre Toqtamiche, Khân de l’Ouloûs de Djoûtchy en 793 H., 1391 de J.C: textes arabes, persans et turks publiés et traduits avec des notes et éclaircissements*. Amsterdam, Philo Press, 1975 (Reprint: Mémoires de l’Académie impériale des sciences de St-Petersbourg. 6e série, Sciences politiques, histoire et philologie; t. III (1836), t. V (1835)). (In French)
24. Déroche F. (dir.). *Manuel de codicologie des manuscrits en écriture arabe*. Paris, Bnf, 2000. (In French)
25. DeWeese D.A. *Islamization and native religion in the Golden Horde. Baba Tükles and conversion to Islam in historical and epic tradition*. University Park (Pa.), Pennsylvania State University, 1994.
26. DeWeese D.A. *The Kashf al-Khudâ of Kamâl ad-Dîn Husayn Khorezmî: A Fifteenth-Century Sufi Commentary on the Qasîdat al-Burdah in Khorezmian Turkic*. Ph.D. dissertation. Bloomington, Indiana University, 1985.
27. DeWeese D.A. Toktâmish. *Encyclopédie de l’Islam*, Vol. X. Leiden, Brill, pp. 602–605. (In French)
28. *Dîwân al-inšâ’*, ms Bnf: Arabe 4439 [Partially translated by Quatremère in Raschid-Eldin. *Histoire des Mongols de la Perse*. Paris, Imprimerie Royale, 1836]. (In Arabic)
29. Ehrenkreutz A. Strategic Implications of the Slave Trade between Genoa and Mamluk Egypt in the Second Half of the Thirteenth Century. *The Islamic Middle East: 700–1900. Studies in Economic and Social History*, ed. A.L. Udovitch. Princeton, Darwin Press, 1981, pp. 335–345.
30. Favereau M. *La Horde d’Or de 1377 à 1502: aux sources d’un siècle « sans Histoire »*. Thèse de doctorat en Histoire médiévale (Sorbonne – Paris IV), 2004. (In French)
31. Favereau M. *Les sources de la Horde d’Or. Recension et analyse*. DEA d’Histoire médiévale (Sorbonne – Paris IV), 2000. (In French)
32. Fekete L. *Einführung in die Persische Paläographie*. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1977. (In German)
33. Gazagnadou D. Remarques sur le problème de l’origine d’une pratique des chancelleries Mamlûkes: la Turra. *Studia Islamica* LXIV, pp. 160–164. (In French)
34. Haarmann U. Arabic in Speech, Turkish in Lineage: Mamluks and their Sons in the Intellectual Life of Fourteenth-Century Egypt and Syria. *Journal of Semitic Studies* 33, 1988, pp. 81–114.
35. (al)-Ĥağğī Ĥ.N. *al-‘Alaqât bayna Dawlat al-Mamālîk wa-Dawlat Muğul al-Qifğaq fî al-fatra ma bayna 658–741 H/1260–1341 M*. Koweit, Kulliyat al-Adâb (Ġâmi‘at al-Kuwayt), 1981. (In Arabic)
36. Hazai G. Ķipçak. *Encyclopédie de l’Islam*, Vol. V. Leiden, Brill, pp. 128–129. (In French)
37. Humbert G. Le manuscrit arabe et ses papiers. *La tradition manuscrite en écriture arabe. REMMM* 99–100, pp. 55–77. (In French)
38. Ibn ‘Abd al-Zâhir. *Al-Rawḍ al-zâhir fî sîrat al-malik al-zâhir*. Ed. ‘A.‘A. al-Ĥuwaytir. Riyad, 1396/1976. (In Arabic)
39. Ibn Faḍl Allâh al-‘Umārî. *A Critical Edition of and Study on Ibn Faḍl Allâh’s Manual of Secretaryship “al-Ta’rîf fî al-muṣṭalah al-šarîf”*. Ed. Samir al-Durubî, 2 vols. al-Karak, 1992. (In Arabic)

40. Ibn Faḍl Allāh al-ʿUmarī. *Al-Taʿrīf fī al-muṣṭalah al-ṣarīf*. Beirut, Dār al-kutub al-ʿilmiyya, 1408/1988. (In Arabic)
41. Ibn Faḍl Allāh al-ʿUmarī. *Al-Taʿrīf fī al-muṣṭalah al-ṣarīf*. Cairo, 1312/1894–95. (In Arabic)
42. Ibn Faḍl Allāh al-ʿUmarī. *Masālik al-absār fī mamālik al-amṣār*, III. The Emirates, Markaz Zāyid li-l-turāṭ wa-l-taʿrīḥ, 2001. (In Arabic)
43. Ibn Faḍlān. *Risālat Ibn Faḍlān*. Ed. & annotations Sāmī al-Dahān. Beirut, Maktabat al-ṭaqāfat al-ʿāliyya, 1987. (In Arabic)
44. Ibn Faḍlān. *Voyage chez les Bulgares de la Volga*. Transl. Marius Canard. Paris, Sindbad, 1988. (In French)
45. Ibn Ḥaldūn. *Kitāb al-ibar wa-dīwān al-mubtadā wa-l-ḥabar fī ayyām al-arab wa-l-aḡam wa-l-barbar*, V. Ed. Naṣr al-Dīn al-Hūrīnī. Būlāq, 1867–68. (In Arabic)
46. Ibn Ḥiḡḡa. *Qahwat al-inṣāʾ*. Ed. Rudolf Veselý. Bibliotheca Islamica 36. Beirut, 2005. (In Arabic)
47. Ibn Nāzīr al-Ġayṣ. *Al-Taṭqīf fī al-taʿrīf*. Ed. Veselý. Cairo, Ifao, 1987. (In Arabic)
48. Ibn Rusteh. *Les Atours précieux (Kitāb al-aʿlāq al-naḡisa)*. Transl. G. Wiet. Cairo, Publications de la Société de Géographie d’Egypte, 1955. (In French)
49. Irwin R. *The Middle East in the Middle Ages. The Early Mamluk Sultanate 1250–1382*. London–Sydney, 1986.
50. Jackson P. The Dissolution of the Mongol Empire. *Central Asiatic Journal* 32, 1978, pp. 186–244.
51. Kotwicz W. Formules initiales des documents mongols aux XIIIe et XIVe s. *Rocznik Orientalistyczny* 10, 1934, pp. 131–157. (In French)
52. Kurat A.N. *Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altınordu, Kırım ve Türkistan Hanlarına ait Yarlık ve bitikler*. Dil ve Tarih-Çoğrafya Fakültesi Yayınlarından. Tarih Serisi I. Istanbul, Burhanettin Matbaası, 1940. (In Turkish)
53. Little D.P. Notes on Aitamis, a Mongol Mamluk. *Die islamische Welt zwischen Mittelalter und Neuzeit: Festschrift für Hans Robert Roemer zum 65. Geburtstag*, Ulrich Haarmann & Peter Bachmann (eds.). Orient-Institut der Deutschen Morganlandischen Gesellschaft/Wiesbaden, Beirut, 1979, pp. 387–401.
54. Lockhart L., Hodgson M. Alamūt. *Encyclopédie de l’Islam*, Vol. I. Leiden, Brill, pp. 363–364. (In French)
55. Manz Beatrice F. Mongol History rewritten and relived. *Figures mythiques de l’Orient musulman. REMMM* 89–90, pp. 129–150.
56. Manz Beatrice F. *The Rise and Rule of Tamerlane*. Cambridge–New York, Cambridge University Press, 1999.
57. Martel-Thoumian B. *Les civils et l’administration dans l’Etat militaire mamlūk (IXe/XVe siècle)*. Damas, I.F.D., 1992. (In French)
58. *Muʿizz al-Ansāb*. ms Bnf: Persan 67. (In Arabic)
59. (al)-Nasawī M. *Sīrat al-sultān Ġalāl al-dīn Mankubīrī*. Transl. O.Houdas. Publications de l’Ecole des Langues orientales, 3e série, vol. X, Paris, 1895. (In French)
60. (al)-Nuwayrī. *Nihāyat al-Arab fī funūn al-adab*. Cairo, 1923–55. (In Arabic)
61. Özyetgin A.M. *Altın Ordu, Kırım ve Kazan sahasına ait yarlık ve bitiklerin dil ve üslup incelemesi*. Ankara, 1996. (In Turkish)
62. Pelliot P. *Notes sur l’histoire de la Horde d’Or*. Paris, 1949. (In French)
63. (al)-Qalqaṣandī. *Ṣubḥ al-aʿšā fī ṣināʾat al-inṣāʾ*. Beirut, 1987. (In Arabic)
64. (al)-Qalqaṣandī. *Ṣubḥ al-aʿšā fī ṣināʾat al-inṣāʾ*. Cairo, 1918–22 (new ed. Cairo, 1963–1972). (In Arabic)
65. Reyhman J., Zajaczkowski A. *Handbook of Ottoman-Turkish Diplomats*. Transl. A.S. Ehrenkreutz, ed. T. Haqlasi-Kun. La Hague, Paris, Near and Middle East Studies Columbia University, Mouton, 1968.
66. Richard J. La conversion de Berke et les débuts de l’islamisation de la Horde d’Or. *Revue des études islamiques* 35, 1967, pp. 173–184. (In French)

67. Rogers J.M. Evidence for Mamlūk-Mongol Relations, 1260–1360. *Colloque international sur l'histoire du Caire (27 mars – 5 avril 1969)*. Cairo, 1972, pp. 385–403.
68. Salibi K.S. Ibn Faḍl Allāh al-ʿUmarī. *Encyclopédie de l'Islam*, Vol. III. Leiden, Brill, pp. 78–82. (In French)
69. Sourdel-Thomine J. Arl Arslan A. *Khaṭṭ*. *Encyclopédie de l'Islam*, Vol. IV. Leiden, Brill, pp. 1144–1162. (In French)
70. Spuler B. *Īlkhāns*. *Encyclopédie de l'Islam*, Vol. III. Leiden, Brill, pp. 1148–1151. (In French)
71. Spuler B. *Die Goldene Horde: die Mongolen in Russland, 1223–1502*. Wiesbaden, O.Harrassowitz, 1965. (In German)
72. Stern S.M. *Fāṭimid Decrees Original Documents from the Fāṭimid Chancery*. London, Saber and Saber, 1964.
73. The online Mamluk Secondary Bibliography. Available at: <http://www.lib.uchicago.edu/e/su/mideast/mamluk/>
74. Van Steenberg J. The Amir Qawṣūn, statesman or courtier? (720–741 AH / 1320–1341 AD). *Egypt and Syria in the Fatimid, Ayyubid and Mamluk Eras III*, U.Vermeulen & J. Van Steenberg (ed.). *Orientalia Lovaniensia Analecta* 102, 2001, pp. 449–466.
75. Vásáry I. “History and Legend” in Berke Khan’s Conversion to Islam. *Aspects of Altaic Civilization III*, D. Sinor (ed.), Vol. 145, 1990, pp. 230–252.
76. Vásáry I. *Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottomans Balkans, 1185–1365*. Cambridge University Press, 2005.
77. (al)-Yūnīnī. *Dayl Mir’āt al-Zamān*. 2 vols. Hyderabad, 1955. (In Arabic)
78. Favereau M. Comment le sultan mamlouk s’adressait au khan de la Horde d’Or. *Formulaire des lettres et règles d’usage d’après trois manuels de chancellerie (1262–v.1430)*. *Annales Islamologiques* 41, 2008, pp. 59–95. (In French)

Acknowledgments

I thank Frederick Bodan and Naglaa Hamdi for their careful reading and fair remarks. I also thank Ilnur Mirgaleev and the editorial board of the journal “Zolotoordynskoye Obozreniye=Golden Horde Review” for the opportunity to publish my work in Russian.

About the author: Marie Favereau – Ph.D. (History), Research Associate, Faculty of History, Oxford University (George Str., Oxford OX1 2RL, United Kingdom); La Sorbonne – Paris IV (1, Victor Cousin Str., Paris 75005, France). E-mail: marie.favereau@history.ox.ac.uk

*Received November 24, 2017 Accepted for publication March 1, 2018
Published March 29, 2018*

УДК 94(47).031

DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.85-100

**РЕЛИГИОЗНЫЙ ТРАКТАТ «НАХДЖ АЛ-ФАРАДИС»
МАХМУДА АЛ-БУЛГАРИ (1358 г.) КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ**

Ф.Ш. Нуриева¹, Э.Г. Сайфетдинова²

¹ *Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация
fanuzanurieva@yandex.ru*

² *Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
adulya2@yandex.ru*

Цель: проследить историю изучения списков сочинения «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари, созданного в золотоордынскую эпоху, и определить его роль в духовной культуре Золотой Орды.

Материалы исследования: сочинение Махмуда ал-Булгари «Нахдж ал-Фарадис».

Результаты и научная новизна: «Нахдж ал-Фарадис» («Путь в рай») – труд объемом 444 страницы, написанный Махмудом бин ‘Али ал-Булгари в XIV веке (1358 г.), представляет собой эпическое произведение богословско-дидактического характера. Первые сведения о «Нахдж ал-Фарадис» дал историк Шихабетдин Марджани. При перечислении древних татарских литературных памятников он включает в их число и «Нахдж ал-Фарадис». Список является одним из небольшого количества известных источников, по которому представляется возможность изучить литературный язык и орфографию эпохи Золотой Орды и соотношение их с современным живым языком и орфографией современного татарского языка. В то же время по этому произведению можно судить об особенностях функционирования ислама и степени развития духовной культуры в Золотой Орде. Действительно, произведение Махмуда ал-Булгари «Нахдж ал-Фарадис» оказалось в числе памятников письменности, представляющих историческое звено между письменно-литературным языком Поволжья, который подавляющим большинством исследователей характеризуется как общетюркская письменная традиция, и периодом зарождения регионального старотатарского языка. В книге «Нахдж ал-Фарадис» зафиксирован богатый библиографический материал – труды мусульманских богословов, использованные автором Махмудом ал-Булгари в своем произведении. Многие из упомянутых в тексте сочинений имеются в книгохранилищах г. Казани. Как наследие средневековой литературы книга «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари играет важную роль в изучении истории языка, общественной мысли средневекового Поволжья, помогая раскрыть духовное развитие народов Волго-Уральского региона. Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств Института истории им. Ш. Марджани АН РТ готовит к печати академическое издание перевода «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари на русский язык.

Ключевые слова: Золотая Орда, языковые традиции, духовная культура, литература, «Нахдж ал-Фарадис», Махмуд ал-Булгари.

Для цитирования: Нуриева Ф.Ш., Сайфетдинова Э.Г. Религиозный трактат «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари (1358 г.) как источник по истории духовной культуры Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 1. С. 85–100. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.85-100

THE RELIGIOUS TREATISE “NAHJ AL-FARADIS”
BY MAHMUD AL-BULGARI (1358) AS A SOURCE ON THE HISTORY
OF THE GOLDEN HORDE’S SPIRITUAL CULTURE

F.Sh. Nurieva¹, E.G. Sayfedinova²

¹ *Kazan (Volga region) Federal University
Kazan, Russian Federation
fanuzanurieva@yandex.ru*

² *Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
adulya2@yandex.ru*

Research objectives: To trace the history of studying the copies of the work “Nahj al-Faradis” by Mahmud al-Bulgari created in the Golden Horde period and to define its role in the spiritual culture of the Golden Horde.

Materials: “Nahj al-Faradis”, a work by Mahmud al-Bulgari of the Golden Horde period.

Results and novelty of the research: Written in the 14th century (1358), “Nahj al-Faradis” (The Clear Path to Paradise) by Mahmud bin 'Ali al-Bulgari represents an epic 444-page work of a theological-didactic character. The first information about “Nahj al-Faradis” was provided by the historian Shigabutdin Marjani. When listing the oldest Tatar literary monuments, he included “Nahj al-Faradis” among them. The work is one of a small number of known sources, based on which it is possible to study the literary language and spelling conventions of the Golden Horde period and their correlation with the living language and orthography of modern Tatar. At the same time, using this source, it is possible to judge the peculiarities of the functioning of Islam and the degree of development of the spiritual culture in the Golden Horde. Indeed, the work of Mahmud al-Bulgari “Nahj al-Faradis” turned out to be among the literary monuments representing the historical link between the written and literary language of the Volga region, which is characterized by the overwhelming majority of researchers as a common Turkic written tradition, and the period of the birth of the regional Starotatar language (Old Tatar). “Nahj al-Faradis” recorded rich bibliographical material – the works of Muslim theologians used by the author Mahmud al-Bulgari. Many of the works mentioned in the text are now in the book depositories of Kazan. As a legacy of medieval literature, the work “Nahj al-Faradis” plays an important role in the study of the history of the language and society of the medieval Volga region, helping to disclose the spiritual development of the peoples of the Volga-Ural region. As such, the Center for research of the Golden Horde and the Tatar khanates of the Sh.Marjani Institute of History is preparing to publish an academic translation of “Nahj al-Faradis” in Russian.

Keywords: Golden Horde, language traditions, spiritual culture, literature, “Nahj al-Faradis”, Mahmud al-Bulgari

For citation: Nurieva F.Sh., Sayfedinova E.G. The Religious Treatise “Nahj al-Faradis” by Mahmud al-Bulgari (1358) as a Source on the History of the Golden Horde’s Spiritual Culture. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018. Vol. 6, no. 1, pp. 85–100. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.85-100

Сочинение «Нахдж ал-Фарадис» («Путь в рай») создано в 1358 г. в Золотой Орде. Оно представляет собой эпическое произведение объемом 444

страницы, имеющее богословско-дидактический характер. Его автор, Махмуд бин 'Али ал-Булгари ас-Сараи ал-Кардари, согласно данным поволжских списков «Нахдж ал-Фарадис», являлся видным ученым, знатоком религиозных наук, носившим звание шейха, т.е. Махмуда сына 'Али, главы имамов, сына 'Умара шейха, проживавшего в Сарае, родившегося в Булгаре и связанного с Кардаром [1, с. 72].

Социокультурная среда, в которой формировалось мировоззрение Махмуда ал-Булгари, была напрямую связана с общественно-политической ситуацией в Золотой Орде. Возведение ислама в Золотой Орде в ранг государственной религии привело к тому, что мусульманство стало рассматриваться как фактор политической силы и источника культурного вдохновения. Влияние на народы, населявшие Золотую Орду, оказывали мусульманские ученые из Средней Азии, в частности, Бухары, Хорезма. Фактически, ислам правители Золотой Орды приняли от исламских проповедников, прибывших из этих мест. Несмотря на позитивный вклад мусульманской религии в развитии культурного наследия Золотой Орды, проблемы, связанные с внутривнутриполитической борьбой за власть, последствия «Черной смерти» 1348 г., которые наложили свой негативный отпечаток на социальную жизнь золотоордынского общества, не могли не отразиться на идейной направленности литературных памятников той эпохи. В частности, Ю.Шамильоглу полагает, что само название сочинения «Нахдж ал-Фарадис» («Путь в рай») напрямую подтверждает факт увеличения количества обращенных в ислам, и связывает их рост также с периодом «опустошительного действия Черной смерти на территориях Золотой Орды. Как и в Западной Европе, Черная Смерть, должно быть, также оказала здесь значительное влияние на общество. В Западной Европе одним из откликов на разгул эпидемии явился рост религиозности, интереса к смерти и наказанию Божьему» [20, с. 598]. Действительно, внутривнутриполитическая ситуация в Золотой Орде в период создания произведения «Нахдж ал-Фарадис» была достаточно неоднозначной. С одной стороны, это период, который называют эпохой расцвета и могущества Золотой Орды, о чем свидетельствуют средневековые арабские летописцы: «В Сарае жили такие выдающиеся ученые и поэты мусульманского Востока, как Кутбутдин ар-Рахибаш, Согутдин Тафтазани, Хафиз ибн Баззаси, Камалетдин Куджанди и многие другие. В Дешти-Кыпчаке выросли свои писатели, ученые, благодаря деятельности которых письменная культура Золотой Орды стала известной во многих мусульманских странах. Примечательно, что многие художники слова, ученые называли себя псевдонимами Сараи или Булгари» [18, с. 57]. С другой стороны – это время усиливающихся междоусобиц феодальной верхушки, захвата власти путем заговоров и силового устранения, ведения расточительного образа жизни правителей и политической верхушки. В этой связи, возможно, главной идеей для Махмуда ал-Булгари было обратить взор мусульман Золотой Орды на идеалы ранней мусульманской традиции, основу которой составляли благочестие, нравственность. В отличие от других религиозных, художественных сочинений золотоордынской эпохи, таких как «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара, «Хосров и Ширин» Кутба, «Мухаббат-наме» ал-Хорезми, в «Нахдж ал-Фарадис» нет каких-либо посвящений или хвалебных речей в адрес правящей элиты Золотой Орды, что еще раз доказывает, что автор этого сочинения не выполнял какой-либо социальный заказ.

Это хорошо подтверждает и язык сочинения, приближенный к народно-разговорной форме.

Во введении (мукатдимэ) Махмуд ал-Булгари, излагая основную мысль создания книги, пишет: *жэмг қылдық «эту книгу составили, собрали»: Қайу мәмин үә мөүәххид қырық хәдисни мәним хәдисләримдин әшәтмәгәнләркә тикүрсә, билмәгәнләркә үгәрәтсә Хақ Тәгалә ул ким әрсәни галимләр зөмрәсиндә битикәй, тәқый қыйамәт күн болса, шәһидләр жүмләсиндә қубарғай, тәқый қайу ким әрсә мән аймамыш хәдисни, мәним аймағанымны биллип, қасыд бирлә мәним үзә йалған сүзләб, пәйгамбәр галәйһи әс-салам айды тисә, тәмүгдин ултурғу йирини амада қылсун тиб айды. Бу хәдискә тәмсәк қылып қырық хәдис жэмг қылдуқ, пәйгамбәр галәйһи әссалам хәдисләриндин мөгтәмад китаплардин йәнә бу хәдисләркә мөнәсыйб хикәйәтләр пәйгамбәр галәйһи әссалам әхүалидин, тәқый хәләфаи рәшидин әфгәледин, тәқый голәма үә шәйх әхүалидин жэмг қылдуқ, тәқый бу китабны төрт баб үзә қылдуқ. Тәқый тәкмә бир бабны ун фасыл үзә қылдуқ. Тәқый тәгмә бир фасыл әүәлиндә бер хәдис кәлтүрдүк, пәйгамбәр галәйһи әссалам хәдисләредин кәм мәжмугы қырық хәдис болур. Әүүәл бабы пәйгамбәр галәйһи әс-салам фазаилиниң бәйаны эчиндә турур. Икинч бабы хәләфаи рәшидин, тәқый әлли бәйт һәм төрт имам фазаилиниң бәйаны эчиндә турур. Үчүнч бабы Хақ Тәгалә хазратынга йаўунгу әзгү гәмәлләр бәйаны эчиндә турур. Төртүнч бабы Хақ Тәгалә хәзрәтедин йыратғу йаўуз гәмәлләр бәйаны эчиндә турур. Тәқый бу китабқа «Нәһжәл фәрадис» ат бәрдүк, мәгнәсә «Ушитмаҳларның ачуқ йолы» тимәк болур. Өмид ул турур, ким бу китабны уқығанлар болғай, бу китаб сөзләри бирлә гәмәл қылырлар...»¹ (2). «Если кто-из правоверных, верующих в единого бога, доведет эти сорок хадисов из моей книги не слышавшим, обучит этим хадисам не знающих, то Всевышний этого человека зачислит в лигу всеведущих (ученых) и воскресит вместе с погибшими за веру. Если кто-то с плохими намерениями, зная, что этих хадисов нет, солжет, сказав, что хадисы из моей книги, пусть приготовится жить вечно в аду. Мы из надежных источников выбрали сорок хадисов пророка, да будет над ним мир, и собрали эти хадисы вместе, и сообразно хадисам представили рассказы из жития пророка и четырех наместников пророка (‘Абу Бакр, Умар, Усман и ‘Али), составили книгу из четырех глав. Каждую главу разделили на десять разделов. Каждая глава начинается с хадисов пророка, их всего сорок. Первая глава посвящена жизни и добродетелям пророка, вторая – четверем наместникам пророка, членам семьи и четверем основателям суннитского мазхаба. Третья глава посвящена богоугодным делам, приближающим к богу, в четвертой – рассказывается о делах, отдаляющих человека от бога. Еще эту книгу назвали «Нахдж ал-Фарадис», что в переводе означает «Открытая дорога в рай...». Надеемся, кто прочтет эту книгу, будет жить сообразно словам (советам) из этой книги, она будет для них путеводителем в рай» (2).*

В основной части произведения излагаются правила поведения истинного мусульманина, обеспечивающих ему райское блаженство в потустороннем мире. Каждая глава разделена на десять разделов (фаслов). Первая глава по-

¹ Транскрипция и перевод отрывка стамбульского списка 1360 г. «Нахдж ал-Фарадис» (в скобках указан номер страницы). Факсимиле издано Я. Экманом в 1956 г. [24].

священа житию пророка Мухаммада: о добродетелях пророка; о получении пророком откровения; о первых сподвижниках пророка и об их подвигах; объяснение причин выезда пророка из Мекки в Медину; чудеса пророка; завоевание Мекки пророком; вознесение пророка; путешествие пророка в ночь вознесения в рай и ад; помощь ангелов пророку в битвах; о смерти пророка. Во второй главе даются биографические и исторические данные о четырех халифах: Абу Бакре, 'Умаре, 'Усмани и 'Али, да будет над ними мир, о родных пророка Мухаммада – его дочери Фатиме, внуках Хасане и Хусейне и четырех имамах: имаме Абу Ханифе Куфи, имаме Шафий, имаме Малике, имаме Ахмад ибн Ханбале. Третья глава посвящена богоугодным делам, приближающим к богу; намаз, зякят, исполнение постов (ураза), совершение паломничества в Мекку (хадж), о повиновении отцу и матери, о принятии только дозволенной пищи, совершение добрых дел, о подобающем проведении времени, о терпении в несчастьях. Четвертая глава посвящена действиям, отдаляющим человека от бога: пролитие невинной крови, прелюбодеяние, вреде хмельного, надменность, ложь, привязанность к земной жизни, богатству, злопамятность, гордость и упование на отдаленные надежды.

Заключительная часть, скорее всего, была составлена переписчиком Мухаммадом ибн Хосроу ал-Хорезми, в которой указывается дата завершения снятия копии книги и говорится о смерти автора, правда не называется его имя: *Бу китаб тэмам болды тарих йети йүз алтмыш бирдэ шәхрүллахул мәбарәк жумади әл-әүвәл айының алтынч күниндә әрди ким китабати қушулуқ уахтында тэмам болды. Тәқый бу китабның мусаннифи мәзкүр йәкшәнбә күн дәрул- фәнадин дәрул- бақага рихлат қылды. «Эта книга завершена в семьсот шестьдесят первом году шестого дня в благословенном богом месяце Джумади ал-аввал. Окончена утром. Да еще составитель этой книги из тленного мира переселился в мир вечности в упомянутое воскресенье» (443–444).*

На данный момент известны 11 списков сочинения. Рукописи сохранились как в России, так и за рубежом. Автограф отсутствует. Памятник, имеющий огромное значение для исследователей, стал известен научному миру благодаря татарскому ученому Шихабетдину Марджани. При составлении своей исторической книги «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Болгар» («Сведения, привлеченные для истории Казани и Булгара») он упоминает это сочинение вместе с сочинениями «Йосыф китабы», «Башлагалы», «Насихат ас-Салихин», «Бадавам», «Науруз», «Шахри Булгар газилары» и считает, что эти произведения употреблялись в Золотой Орде среди поволжских татар и что они были написаны 300–400 лет назад, и довольно часто встречаются среди татар, тогда как в других восточно-мусульманских странах их нельзя найти [7, с. 58–59]. Текст, использованный Ш. Марджани, составлял всего 18 строк. Выдержки начала и конца рукописи: «*Бу китапка “Нәһжәл-фәрадис дип исем куелды “Ожмахларның ачык юлы дигән мәгънәдә була”*». Ахырында: «*... икенче көнәндә, 759 (1357) елда Сарай шәһәрәндә язылды. Язучысы галим бәтән кешеләрнең остазы... Мәхмүд бине Гали бине әс-Сараи мәнишәән вәл-Болгари мәүлидән вәл Кәрдәри...*» Эта книга названа «Нахдж ал-Фарадис», что означает «Открытый путь к раю». В конце: «*...второго дня, 759 (1357) года было написано в городе Сарае. Его создатель – ученый, учитель всех*

людей... *Махмуд бин 'Али ас-Сараи по происхождению из Булгара, родившегося в Кардаре*» [7, с. 58–59].

В 1877 г. рукопись «Нахдж ал-Фарадис» принадлежавшая Ш. Марджани, демонстрировалась на выставке IV Всероссийского археологического съезда, проходившего в Казани. Среди 11 восточных рукописей и 43 ханских ярлыков за № 12 была помещен список «Нахдж ал-Фарадис».

Татарский ученый-просветитель К. Насыри в предисловии к своему толковому словарю «Ләһжәи татари» («Татарское наречие») [12, с. 2] упоминает о произведении «Нахдж ал-Фарадис»: «Есть одна книга под названием “Нахдж ал-Фарадис”, переложенная с древнеуйгурского на чагатайское наречие. Но она кажется еще не печаталась». В вопросе о переложении с уйгурского на чагатайское наречие присоединиться к мнению К.Насыри мы не можем, но из этих цитат заключаем, что у него имелся список этой рукописи. К. Насыри также поместил некоторые хикаяты из «Нахдж ал-Фарадис» в свой сборник «Фэвакиһел жөләса фил-әдәбият» («Плоды для собеседников по литературе», 1884).

Однако списки «Нахдж ал-Фарадис», которыми пользовались Ш. Марджани и К. Насыри как литературным и историческим источником при составлении своих трудов, к сожалению, до нас не дошли.

В 1930 г. научный сотрудник Ялтинского восточного музея Якуб Кемаль опубликовал работу «Тюрко-татарская рукопись XIV века “Нахджуль Фарадис”», представлявшую собой предварительное исследование списка, найденного в 1928 г. экспедицией музея в Крыму. Якуб Кемаль сообщал, что «во время экспедиции были найдены редкие литературные материалы, среди которых оказался манускрипт, принадлежавший в недавнем прошлом 'Али Мурза Эмирову. Род 'Али Мурза Эмирова, владевший этой рукописью в течение долгих лет, имел в своей среде представителей ученого сословия улемов и тем или иным путем получил в свое владение эту рукопись» [5, с. 15].

Я. Кемаль утверждал также, что рукопись эта находилась в Крыму, во всяком случае, уже в XVIII в.; доказательством тому служит первый лист рукописи, приклеенный, по-видимому, во время переплетения книги к началу ее, на нем в свою очередь наклеен еще документ, представляющий из себя фетву времен Шахин Гирей хана. Дату XVIII в. также подтверждает подпись владельца на первой странице вклеенного листа: «Эта книга – “Нахдж ал-Фарадис”, написанная в месяце рабиуль-ахир 792 г. Собственник и владелец Мухаммад Шаксын Бахадыр, настоящее время 1176». [5, с. 15]. По описанию Я. Кемалья, первые страницы рукописи утеряны, вторые и третьи – сильно истрепаны и выпали из переплета. За исключением этих дефектов, остальные листы находятся в полной сохранности. Бумага без водяных знаков, плотная и чистой выделки, от времени значительно пожелтевшая. Рукопись с начала до конца написана одной и той же искусной рукой художника-каллиграфа великолепным почерком насх с некоторым уклоном в сульс. Переписчик оставил свое имя в конце рукописи «*Кәтәбәк Касыйм бин Мөхәммәд фи рабиый әл-ахыр сәнә 792*» “*написал ее Касым сын Мухаммада в месяце Рабиуль-ахир в 792 г.*” [5, с. 15].

Далее Я. Кемаль сообщает, что заглавия обеих частей рукописи, написанные крупными золотыми буквами на синем фоне, украшены цветочным

орнаментом. Название разделов также написано золотом, но несколькими меньшими по размеру буквами, а изречения Мухаммада (хадисы), которыми начинается каждая глава, как и встречающиеся в тексте стихи из Корана, написаны красной тушью и более крупно, чем весь остальной текст рукописи. Тема, логически завершенная, отделяется тремя красными точками: при сохранении же логической связи с последующей темой, между ними ставится одна точка. В конце повествования, после описания смерти и погребения халифа Умара, красной тушью изображено взаимное расположение могил Мухаммада и первых халифов – Абу Бакра и Умара.

Ялтинская рукопись состояла из 549 страниц, размером 29x19 см, наружное поле страницы – 2.5 см, а внутреннее – 1.54 см. Каждая страница содержала 13 строк, при высоте букв – 9–10 мм. Из четырех глав произведения крымская рукопись содержала только первые две.

Судьба этой рукописи в настоящее время неизвестна. Крупный исследователь памятников XIV в. Эмир Наджип сообщает: «Якуб Кемаль, работавший над рукописью, умер в 1938 г. в Узбекистане. Он окончил американский колледж в Бейруте и Лазаревский институт восточных языков в Москве. Некоторое время был директором Зенжырлы-медресе (Менглигирейский институт) в Бахчисарае. Рукопись в настоящее время утеряна, и поиски, предпринятые им (Э. Наджипом), не увенчались успехом» [11, с. 58]. В распоряжении тюркологов осталось лишь факсимиле четырех страниц, опубликованных Я.Кемалем.

Для выяснения других списков рукописи Якуб Кемаль обратился к отечественным и зарубежным ученым: В.В. Бартольд, В.А. Гордлевскому, А.Н.Самойловичу и М.Ф.Копрюлизаде. В своих письмах они подтверждали существование только экземпляра Ш. Марджани, который был утерян позже. Но в одном из последующих писем академик В.В. Бартольд сообщил, что интересующая Я. Кемалья рукопись была обнаружена профессором Заки Валиди Тоганом в библиотеке при Стамбульской мечети «Йани-Джами», зарегистрированная под № 879. Так становится известна самая старинная и полная рукопись «Нахдж ал-Фарадис», переписанная 1360 г.

В конце 20-х годов XX в. научно-исследовательские институты, музеи Татарской АССР провели экспедиции, в результате которых было выявлено, что произведение «Нахдж ал-Фарадис» имело большую популярность среди татарского населения. Многие старейшины помнили рассказы произведения наизусть, отдельные главы, отрывки переписывались в виде рукописи.

Именно посредством этих экспедиций историком С. Вахиди было обнаружено три списка рукописи. Первый список был обнаружен в Мамадышском районе в деревне Большие Тюлячи в библиотеке татарского мударриса Кашафутдина Абдулжаббаровича Рахматуллина. Размеры рукописи: длина 20 см, ширина 16 1/4 см. На каждой странице по 15 строк, листов в книге 223 или 446 страниц. Бумага, лощенная и белая, от времени несколько пожелтевшая. За отсутствием нескольких страниц начала и конца рукописи, дата переписки неизвестна. Судя по водяным знакам на странице 2, 5, 64 и др., она переписана в XVIII в. Почерк древнетатарский, какой встречается во многих татарских рукописях, написанных в Поволжье. Текст, по-видимому, написан пером из камыша и черными чернилами. В ней имеется четыре главы, каждая из которых состоит из десяти отделов. Второй список рукописи найден

С.Вахиди в Спасском кантоне (ныне Алексеевский) в деревне Ташбилге в 1928 г. Ее размеры: длина 19 см, ширина 16 см. В каждой странице по 18–20 строк. Рукопись написана несмываемыми черными чернилами, только некоторые главы красными. Количество листов 516. Первая глава начинается с четвертого раздела. Но этот список для нас очень ценен тем, что в нем имеется дата создания и имя автора. Эти две рукописи хранятся в С.-Петербурге в Институте восточных рукописей. Они были привезены и подарены в 1934 г. С.Вахиди. Первый список хранится под номером В 2590; другой – А 1085.

Третий список, обнаруженный в 1928 г. С.Вахиди в Спасском кантоне (ныне Алексеевском р-не) в мечети деревни Старые Салманы, в настоящее время хранится в библиотеке Казанского федерального университета под шифром 3060. Рукопись неполная, бумага плотная, марки АМК, а края внизу от долгого пользования стерлись. Чернила черного цвета. Отдельные главы и важные слова написаны красными чернилами. На каждой странице 29 строк. Количество уцелевших листов этой рукописи 39 или 78 страниц. Почерк талик, переходящий в насх, украшен цветочным орнаментом.

Еще один из списков, датируемый предположительно XVII в., в свое время принадлежал профессору И. Ф. Готвальду. В 1928 г. этот список был подарен наследниками библиотеке Казанского университета, где он хранится в настоящее время под номером 6026. Формат этой рукописи 18x29 см. Количество строк 19. Рукопись написана черными чернилами, главы и разделы – красными. Количество листов – 267.

Бумага этого списка белая, чуть пожелтевшая. Первая страница уцелела – на подорванных полях сверху и с левой стороны листа наклеена белая бумага, и на них возобновлены другим почерком истершиеся слова и фразы. От первых пяти страниц остались только средние части, страницы 2, 21, 23, 27, 28, 30, 107, 265, 266, 267 написаны другим почерком. Нумерация проставлена алыми чернилами. На 264 листе содержатся сведения об авторе и дата написания подлинника. Сам список не датирован.

В Казанском федеральном университете под номером 121000 хранится еще один список. Рукопись, найденная в Бавлинском районе, приобретена в 1930 г. у журналиста И. Рамеева. Список хорошей сохранности, содержит 532 страницы. Написан красивым ровным почерком насх. Формат 16x20 см. Каждая страница содержит 18 строк. В этом списке автор и дата написания не указаны. Рукопись более поздняя и относится к 1185 г.х. (1771–72). В конце рукописи переписчик сообщает, что его зовут Файзуллой Джафаром и что данную рукопись он переписал за один рубль для своего учителя Селимдже-на муллы сына Дустмухаммада.

В С.-Петербурге в Институте восточных рукописей хранится список под номером N 4310. Формат 16,5x21 см, на странице 16 строк. Бумага с водяным знаком «1830», переплет картонный, обшитый темно-красной кожей. Эта рукопись обнаружена участником археографической экспедиции АН СССР С.Амиловым в г. Астрахани в 1934 г. и представляет собой сборник, составленный и переписанный в июне 1937 г. Абдел-хамидом бин Сафаром. В сборник входят поэтические, прозаические и исторические произведения нескольких татарских авторов, в том числе «Таварихи Булгария», «Повесть об Аксак-

Тимуре» и другие, «Нахдж ал-Фарадис» (62б–73а) представлена отдельными сюжетами. В него вошли без каких-либо изменений рассказы из I и II глав.

Рукопись Т 2257 поступила в научную библиотеку Казанского университета летом 1968 г. Она была найдена в Буинском районе ТАССР археологической экспедицией университета, руководимой М. Усмановым. Книга в картонном переплете, бумага европейская. Формат бумаги 21x17см. На странице 17 строк, чернила черные, глава и разделы написаны красными чернилами, почерк не каллиграфический, характерный для татарских переписчиков. Копия снята в 1856 г. Хабибуллой для меллы Ахмед бин Мухтар. На 49 странице красными чернилами крупно написано название «Книга Нахдж ал-Фарадис». В рукописи первая глава представлена как законченное произведение.

Летом того же года (1968) в Ульяновской области М. Юсуповым был обнаружен новый список «Нахдж ал-Фарадис». Рукопись хранилась в личной библиотеке учителя, пенсионера Шакира Рафикова (деревня Старая Кулатка Ульяновской области). В настоящее время находится в архиве Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ. Данная рукопись под номером Ф. 39 оп.1 № 88 входит в довольно объемистый сборник, насчитывающий 359 листов (718 страниц), 41 лист не имеет прямого отношения к сборнику (бумага и почерк другие). Очевидно, эта часть пришта к его началу позднее. Сборник составлялся в разные годы и переписан меллой Рахматуллой. В нем представлены произведения самого различного характера: сокращенная редакция жизнеописаний пророков, татарская летопись Булгарского и Казанского ханств, оканчивающаяся событиями 1749 года. Далее следует широко известное «Хождение Мухаммада Амина к святым местам» (Отправился из Казани в 1783 году). Приведено много отрывков из других произведений на старотатарском, арабском и персидском языках с указанием источников и ссылками на сочинения ученых мусульманского Востока и Средней Азии. Включены в сборник стихотворные строки и небольшие рассказы самого составителя меллы Рахматуллы. «Нахдж ал-Фарадис» занимает 143–303 страницы. Количество строк в странице 22–23. На полях каждого из листов сборника имеются приписки, комментарии составителя-переписчика. Чернила черные, почерк близкий к насталику, названия глав, разделов написаны красными чернилами. Ими же подчеркнуты отдельные слова. В конце рукописи (лист 303) написано: «Переписчик мелла Рахматулла мелла Бахтияр мелла 'Али бин мелла Искандар третьего дня июля 1136/1723 г. в деревне Терезка закончил эту книгу «Нахдж ал-Фарадис» (“Путь в рай”). Сразу же отметим, что указанная дата относится не ко времени создания того списка, который он копировал. Это подтверждается и тем, что некоторые произведения, включенные в сборник и переписанные рукой меллы Рахматуллы, созданы гораздо позднее, о чем свидетельствует и водяные знаки – «1831». Список хорошо сохранился, имеются начало и конец, но в 3 части отсутствуют 3-й и 4-й разделы. Новый список дает ценнейший материал для уточнения генеалогии автора – имени деда – и отвечает на вопрос, кем был 'Али-отец писателя.

В Парижской национальной библиотеке хранится еще один неполный список рукописи «Нахдж ал-Фарадис» [23, р 132], который не имеет начала и конца, не содержит данных об авторе.

Основой для многих исследований является стамбульский список. Это одна из самых старинных рукописей, датированная 1360 г., на данный мо-

мент находится в Турции. Она была обнаружена З.В. Тоганом в библиотеке при Стамбульской мечети «Йани-Джами»². Это один из наиболее полных списков, который состоит из введения, 4 глав и 40 разделов, заключения. Произведение «Нахдж ал-Фарадис» сохраняет литературные традиции своего времени и носит компилятивный характер. В 1956 г. этот список (фотокопии и турецкая транслитерация) был издан в Турции Я.Экманом.

Стамбульский список, отмечающийся хорошей сохранностью, состоит из 444 страниц. Формат рукописи 34x25 см, а самого текста – 25x19 см. Каждая страница содержит 17 строк. Основной текст написан черными чернилами, названия глав и разделов, а также некоторые собственные имена и выражения – красными. Почерк разборчивый насх. Харакаты везде черные, даже над словами, написанными красными чернилами, что свидетельствует о том, что они поставлены позже.

Стамбульский список содержит все четыре главы произведения и состоит из 40 разделов. К сожалению, он не содержит сведений об авторе и месте написания. Но на 443 странице имеется ценная приписка. Здесь речь идет о времени, когда было завершено снятие данной копии переписчиком Мухаммадом ибн Хосроу ал-Хорезми, и уточняется дата смерти автора этого произведения.

Приписка, сделанная на первой странице внизу, указывает, что данная рукопись находилась в Египте, в библиотеке Мухаммад бея сына Абу Саида Чагмака (1437–1445). В Египет рукопись могла попасть из Сарая, в период интенсивных связей Золотой Орды с мамлюкским Египтом. В связи с этим Э. Наджип пишет [1971, с. 60] о поволжском происхождении рукописи.

В России комплексное исследование языка стамбульского списка проведено Ф.Ш. Нуриевой [13], ею же было выполнено татарское издание текста «Нахдж ал-Фарадис», которое вышло в 2002 году [6]. Некоторые лингвистические аспекты сочинения были рассмотрены в научных изысканиях И. Галиулиной [3], Э. Салаховой [17]. Роль «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари в истории духовной культуры Золотой Орды проанализирована в научных работах Э.Г. Сайфетдиновой [15; 16].

Почти все списки известны исследователям и отчасти описаны в работах С.Вахиди (неопубликованные труды), Б.Яфарова, Я.Кемаля, З.Тогана, Я.Экмана, Я.Блоше, Э.Наджиба, Ш.Абилова, Х.Миннегулова, Ф.Нуриевой и др. В его изучении большую роль сыграли Ш. Марджани, Г.Газиз, Г.Рэхим, С.Тезжан, Х.Зөлфикар Э.Фазылов, Ш.Шукуров, Б.Киваметдин, А.Караманлыоглу, Айсу Ата, Х.Миңнегулов, Р.Эмирханов, Р.Исламов, Н.Исмэгыйль, М.Әхмәтжанов, М.Гайнетдин и др. [14, с. 330].

О жизни и творчестве Махмуда ал-Булгари сохранилось мало информации. Но в четырех из вышеназванных рукописях есть заметки, раскрывающие генеалогическую цепочку автора, возводящую род Махмуда ал-Булгари к духовным шейхам Болгара (его отец 'Али был главой имамов, а его дед 'Омар также имел звание шейха). Скорее всего, большую часть своей жизни Махмуд ал-Булгари провел в столице Золотой Орды – Сарая, на это указывает его тахаллус – ас-Сарай. По третьему тахаллусу ал-Кардари возник

² Одна из больших мечетей Стамбула. Расположена в старой части города на одноименной площади в районе Эминёню и Галатского моста (1597 г.).

спор. Некоторые исследователи (З. Тоган, Э. Наджип, Э. Фазылов) склонны полагать, что его происхождение связано с местностью Кардар, находящейся в Средней Азии. С. Вахиди предполагал, что местность Кардар находилась вблизи Болгара. В сочинении Ш. Марджани «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Болгар» упоминается название Кард Болгар. Это предположение может подтвердить и рукопись «Нахдж ал-Фарадис», хранящаяся в Санкт-Петербургском Институте восточных рукописей, где можно найти стих на персидском языке, в котором прославляется Кард Болгар. Это подталкивает нас на мысль, что это название местности, поселения, находившееся на территории Болгара или его округи. И как нам кажется, это и подтверждает существование в Тукаевском районе Республики Татарстан деревень под названием Старые Гардали, Новые Гардали.

Характерной особенностью казанских рукописей является то, что на их первых страницах прославляется имя автора «Нахдж ал-Фарадис», возвеличивается его статус и ученость, он величается как: наш шейх, наш сеид, наш ошаз, наш господин, известный, уважаемый имам, муфти, распространитель шариатских наук, глава мусульманской общины. Возможно, такими эпитетами Махмуд ал-Булгари прославлялся и при жизни.

Согласно данным Стамбульской рукописи, Махмуд ал-Булгари умер 22 марта 1360 г. в городе Сарае. В последних работах Х. Миннегулова [8; 9] указывается и дата рождения Махмуда ал-Булгари, соответствующая 1297 г.

«Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари играл значительную роль в культурной жизни поволжских народов. Особенно он интересен в плане изучения языка и истории общественной мысли средневекового Поволжья, поскольку его автор опирался на большое количество трудов известных мусульманских богословов. Текст является контаминацией религиозно-этических учений с художественной формой его воплощения. Увлекательные новеллы, мудрые притчи были призваны вырабатывать верность исламу и стойкий иммунитет к соблазнам, подстерегающим мусульманина на пути к райскому блаженству. Все это вместе делает язык «Нахдж ал-Фарадис» насыщенным художественно-изобразительными приемами, синонимами, антонимами, фразеологизмами и др., а в целом характеризует его как приближенный к народно-разговорной форме. Взаимодействие традиционной литературной нормы и народно-разговорного языка подтверждается тем, что в языке «Нахдж ал-Фарадис» наблюдается вариативность и в фонетико-графическом оформлении лексики, и в наборе грамматических показателей. Однако и здесь прослеживается соблюдение базисной системы, восходящей к устойчивой письменной традиции. К этим базисным признакам в области графофонетики относятся: последовательное сохранение губной гармонии в основах слова, в аффиксах родительного падежа, принадлежности, **-luq, -suz:** كوركلوك (207) *körklük* «красивый», форм деепричастий. Но в «Нахдж ал-Фарадис» фиксируются отдельные случаи написания этих аффиксов с нарушением губной гармонии (чаще, аффиксы принадлежности, аффиксы прошедшего категорического времени). В основах с колеблющимся гласным анлаутном написание с ^ا (алиф) все чаще заменяется ^{اي} (алиф йай). Однако эта вариативность очень непоследовательна. Возрастает также вариативность при употреблении **d~δ~j** с преобладанием написания **δ**-графемы: قودوغ *quduğ* «колодец», ايدي *idi* «хозяин» и др., Расширение функции **-j**: قايغي *qajı* «горе» и др.

свидетельствует об отражении в графике элементов разговорной речи. При доминировании **-q-** в интервокальной позиции появляется вариативность типа *jarıyū* «его света». Однако сочетание **-aγu-**, **-uγu-**, **-yūy-** устойчиво сохраняется, как и ауслатное **-γ**: بوغون *buγın* «сустав», غباغ *γbaγ* «связка» и др. К числу новых явлений относится довольно последовательное отражение звонкости и глухости в аффиксах падежей и аффиксах прошедшего категорического времени. Система склонения продолжает отражать уйгурско-кыпчакский тип, а низкочастотные периферийные формы отражают огузский тип склонения. В лексике доминируют лексемы тюркского происхождения. Сюжет памятника дает простор для широкого использования художественно-изобразительных средств. Интересно отметить, что многие из фразеологических единиц не только по содержанию, но и по форме продолжают жить в современных поволжских языках, в частности, в татарском. Сравни: *irgä barmaq* «выходить замуж», *küz qamaşmaq* «ряб в глазах», *til tigürmək* «наговорить» и др. [25, p. 83–86].

Компилятивный характер сочинения «Нахдж ал-Фарадис» указывает на то, что при создании своего сочинения автор пользовался ранее созданными источниками, перевел и внес в свое произведение уже известные хадисы и хикаяты. Он пытался передать их смысл на доступной разговорной речи, однако полагать, что «Нахдж ал-Фарадис» состоит из одних лишь переводов, не представляется верным. Использование большого количества источников не говорит о бездарности автора, а лишь доказывает следование литературным традициям своего времени.

В начале каждого раздела приводятся хадисы на арабском языке из авторитетных религиозных книг, значение которых Махмуд ал-Булгари разъясняет на региональном варианте тюрко-татарского литературного языка, который в тюркологии именуется как поволжский тюрки или старотатарский литературный язык. Из хикаятов, представленных в «Нахдж ал-Фарадис», есть и те, сюжеты которых были очень популярны в поволжском регионе. Мы здесь говорим о произведении Кол 'Али «Кыйсса-и Йосыф». В «Нахдж ал-Фарадис» истории Юсуфа встречаются неоднократно.

Таким образом, расцвет религиозной жизни в Золотой Орде, произошедший во времена правления ханов Узбека и Джанибека, действительности является историей интеграции Улуса Джучи в исламскую религиозную систему, как в смысле богословской мысли, так и на уровне социума. Этот фактор, несомненно, повлиял и на установление правовой школы, которая бы отличалась терпимостью к инакомыслию, способностью адаптироваться к местным обычаям. Поэтому принятие ислама как государственной религии повлекло за собой и установление определенной правовой школы, по правилам которой формировалась общественная и духовная жизнь населения. Еще задолго до образования Золотой Орды проживавшие на территории Поволжья мусульмане исповедовали ислам ханафитского толка. Большое влияние на закрепление в Золотой Орде ханафитского мазхаба сыграли и мусульманские ученые из Средней Азии. Этот факт подтверждает и богатый библиографический материал, представленный в литературном памятнике золотоордынской эпохи «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари. В книге зафиксированы названия 19 книг религиозно-дидактического характера; боль-

шинство авторов – приверженцы ханафитской правовой школы. Это «Масабих ас-сунна» («Святыли сунны») Хусейна ал-Багави, «Ат-та'аруф ли мазхаб ахл ат-тасаввуф» («Введение в суфийское учение») Мухаммада ал-Калабази, «Машарик анвар ан-набавийа мин сихах ал-ахбар ал-мустафавийа» («Восход светочей из достоверных летописей избранных») ас-Сагани, «Нисабул-ахбар» Абу 'Аля ал-Ауши, «Кензул-ахбар» («Сокровища преданий») Мухаммада б. Башрави, «Шихабул-ахбар» 'Абдуллы ал-Куда'и, «Ал-Мабсут» ас-Сарахси, «Ихйа 'улум ад-дин» («Воскрешение наук о вере») Абу Хамида ал-Газали, «Танбихул-гафилин» («Пробуждение беспечных») Абу Лейс ас-Самарканди «Ал-Джами' ас-Сахих» («Достоверный сборник») ал-Бухари, «Сахих» («Достоверный сборник») Муслима ан-Нишабури, «Джами' ас-Сахих» Абу 'Иса ат-Тирмизи, «Муснад ан-нас» Шабган б. Махди, «Тафсир» Абу-Ма'али б. Ахмад б. Мухаммад ал-Исфахани, «Мужтала» Зайнуллы Имамат Фирдауси, «Кашшаф 'ан хакаик ат-танзил» («Раскрывающий истины откровения») Джаруллы аз-Замахшари, «Кутал-кулуб фи мусалалатул махбуб» («Пища сердец») Абу Талиба ал-Макки, «Магази» («История пророка Мухаммада после хиджры) Вакийди, «Магази» Мухаммада Катипа [15, с. 30].

Опираясь на религиозные традиции вышеназванных источников, Махмуд ал-Булгари считал, что достичь практического совершенства можно лишь путем полного контроля не только над своими поступками, но и мыслями. Верующий обязан беречь свою душу от испорченных нравов и украшать высокой моралью, основанной на религиозных традициях. Автор имел определенное отношение к традиционному исламскому мировосприятию, вроде бы принимая его и сохраняя, однако, по сути, наполняя новым содержанием. Он понял ислам с позиций не только познания или деятельности, но также любви, добра, исходя из эстетической и нравственной категории.

Из этого следует, что Махмуд ал-Булгари усматривал причины надвигающегося государственного кризиса не только в глубоких социально-экономических и политических факторах, а прежде всего в ослаблении духовных, нравственных ценностей, связанных с игнорированием предписаний ислама, неверным их применением, общим падением нравов, расточительством и роскошествованием правящих классов. По его мнению, отход от предписаний религии в сфере морали приводит средневековое общество к катаклизмам, войнам, социальной несправедливости [15, с. 101].

Таким образом, «Нахдж ал-Фарадис» – весьма распространенный для того времени жанр дидактического сочинения синтетической формы, своего рода контаминация религиозно-этического учения с художественной формой его воплощения, пропаганды, глубокого усвоения народной памятью. Увлечательные новеллы, остроумные анекдоты, мудрые притчи в своей совокупности были признаны вырабатывать среди верующих верность исламу и стойкий иммунитет к соблазнам, подстерегающим мусульманина на пути к райскому блаженству [2, с. 76].

Сочинение Махмуда ал-Булгари сыграло значительную роль в развитии прозы тюрко-татарской литературы. Его сюжеты, образы использовались последующими авторами, в частности, Таджеддином Ялчыголом в «Рисалаи Газиза», в хикаятах Каюма Насыри [9, с. 28].

Центром исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ сейчас готовится академи-

ческой издание «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари на основе стамбульского списка, которое состоит из факсимиле, транслитерации и перевода на русский язык.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абилов Ш.Ш.* О вновь найденных списках памятника XIV века «Нахдж ал-Фарадис» // Советская тюркология. 1977. № 2. С. 69–73.
2. *Амирханов Р.М.* Татарская социально-философская мысль средневековья. Казань, 1993, Кн. 1–2.
3. *Галиulina И.Р.* Функционирование наименований лица в произведении Махмуда Булгари «Нахдж ал-Фарадис»: Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2007. 246 с.
4. Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. 315 с.
5. *Кемаль Я.* Тюрко-татарская рукопись 14 в. «Нехдж-у-ль Ферадис». Симферополь: Крымское государственное издательство, 1930. 54 с.
6. *Мәһмүд әл-Болғари.* Нәһжел-фәрадис. Казан: Татар. кит. нәшр, 2002. 384 б.
7. *Мәрҗани Ш.* Мостәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. Казан: Тат. кит. нәшр., 1989. 415 с.
8. *Миннегулов Х.* Записи разных лет (татарская литература: история, поэтика и взаимосвязи). Казань: Идель-Пресс, 2010. 407 с.
9. *Миннегулов Х.* Тюрко-татарская словесность в контексте межлитературных связей: монография. Казань: Ихлас, 2017. 360 с.
10. *Миннегулов Х.Ю.* Татарская литература и Восточная классика. Казань: Изд-во КГУ, 1993. 384 с.
11. *Наджип Э.Н.* О памятнике XIV века «Нахдж ал-Фарадис» и его языке // Советская тюркология. 1971. № 6. С. 56–89.
12. *Насыри К.* Ләһжәи татари: 2 томда. Казан: Ун-т типолитогр., 1895, 1896. 1895, 1 ч, с. 2.
13. *Нуриева Ф.Ш.* «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари. Казань: Фэн, 1999. 208 с.
14. *Нуриева Ф.Ш.* Мәһмүд әл-Болғари һәм аның "Нәһжел-Фәрадис" әсәре // Татар әдәбияты. Т. 1. Казан: Татар. китап. нәшр., 2014. С. 330–339.
15. *Сайфетдинова Э.Г.* История духовного наследия Золотой Орды (по материалам произведения «Нахдж ал-Фарадис» Махмуда ал-Булгари). Saarbrucker, 2011. 119 с.
16. *Сайфетдинова Э.Г.* Суфийские традиции в духовной культуре Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. 2014. № 1. С. 75–78.
17. *Салахова И.И.* Арабские заимствования в тюрко-татарском памятнике XIV века «Нахдж Ал-Фарадис» Махмуда Ал-Булгари: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2015. 209 с.
18. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабских. Т. 1. СПб: Типография императорской Академии наук, 1884. 564 с.
19. Хрестоматия по исламу. М.: Наука, 1994. 238 с.
20. *Шамильоглу Ю.* Высокая исламская культура Золотой Орды // История татар с древнейших времен и до наших дней. Т. 3. Казань, 2009. С. 589–598.
21. *Яфаров Б.А.* X–XIV йөзләрдә Кама-Волга болгарлары әдәбияты һәм “Нәһжел-фәрадис” кулъязмасы: Дис. ... канд. филол. наук. Казан, 1949. Б. 150.
22. *Aysu Ata.* Narezm Altın Ordu Türkçesi. Ankara, 2014. 185 s.
23. *Bloch E.* Catalogue des manuscrits turcs, cilt II. Paris, 1933. S. 132–133.
24. *Ecman J.* Nehcü l-Faradis I, Tırkı Basım. Ankara, 1956. 444 s.

25. Khaphizova, R.Z., Salakhova I.I., Nuriyeva F.S. Phonetic adaptation of Arabic vowels in medieval turkic languages monuments // Journal of Language and Literature. 2015. P. 83–86.

Сведения об авторах: Фануза Шакуровна Нуриева – доктор филологических наук, профессор Казанского (Приволжского) федерального университета (420021, Татарстан, 2, Казань, Российская Федерация). E-mail: fanuzanurieva@yandex.ru

Эльмира Гадельяновна Сайфетдинова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, **OCID:orcid.org/0000-0002-7138-1256, ResearcherID: K-2746-2017** (420111, Батурина, 7, Казань, Российская Федерация). E-mail: adulya2@yandex.ru

Поступила 22.11.2017 Принята к публикации 05.03.2018
Опубликована 29.03.2018

REFERENCES

1. Abilov Sh.Sh. O novonaydennykh spiskakh pamyatnika XIV veka «Nakhdzh al-Faradis» [On the newly discovered copies of “Nahj al-Faradis”, a written work of the 15th century]. *Sovetskaya tyurkologiya* [Soviet Turkology]. 1977, no. 2, pp. 69–73. (In Russian)
2. Amirkhanov R.M. *Tatarskaya sotsial'no-filosofskaya mysl' srednevekov'ya* [The Tatar social and philosophical thought of the Middle Ages]. Kazan, 1993, Kn. 1–2. (In Russian)
3. Galiulina I.R. *Funktsionirovanie naimenovaniy litsa v proizvedenii Makhmuda Bulgari «Nakhdzh al-Faradis»* [Functioning of person names in the work of Mahmud Bulgari “Nahj al-Faradis”: Dissertation of Candidate of Philology]. Kazan, 2007. 246 p. (In Russian)
4. *Islam: Entsiklopedicheskiy slovar'* [Islam: Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 315 p. (In Russian)
5. Kemal' Ya. *Tyurko-tatarskaya rukopis' 14 v. «Nekhzh-u-l' Feradis»* [The Turko-Tatar manuscript “Nahj al-Faradis” of the 14th century]. Simferopol, Krym State Publ., 1930. 54 p. (In Russian)
6. Mahmud al-Bulgari. *Nakhzhel-feradis* [Nahj al-Faradis]. Kazan, Tat. kit. nashr. Publ., 2002. 384 b. (In Tatar)
7. Marjani Sh. *Mustafadel-akhbar fi akhvali Kazan va Bolgar*. Kazan, Tat. kit. nashr. Publ., 1989. 415 p. (In Tatar)
8. Minnegulov Kh. *Zapisi raznykh let (tatarskaya literatura: istoriya, poetika i vzaimosvyazi)* [Records of different years (Tatar literature: history, poetics and interrelations)]. Kazan, Idel'-Press Publ., 2010. 407 p. (In Russian)
9. Minnegulov Kh. *Tyurko-tatarskaya slovesnost' v kontekste mezhliteraturnykh svyazey: monografiya* [Records of different years (Tatar literature: history, poetics and interrelations)]. Kazan, Ikhlas Publ., 2017. 360 p. (In Russian)
10. Minnegulov Kh.Yu. *Tatarskaya literatura i Vostochnaya klassika* [Turko-Tatar literature in the context of interliterary relations (monograph)]. Kazan, Kazan State University Publ., 1993. 384 p. (In Russian)
11. Nadzhip E.N. O pamyatnike XIV veka «Nakhdzh al-Faradis» i ego yazyke [On the work of “Nahj al-Faradis” of the 14th century and its language]. *Sovetskaya tyurkologiya*. 1971, no. 6, pp. 56–89. (In Russian)
12. Nasyiri K. *Lekhze-i tatari*. 2 tomda. Kazan, Kazan Universitet tipolitogr., 1895, 1896. 1895, 1 part, p. 2. (In Tatar)

13. Nurieva F.Sh. «*Nakhdzh al-Faradis*» *Makhmuda al-Bulgari* ["Nahj al-Faradis" by Mahmud al-Bulgari]. Kazan, Fen Publ., 1999. 208 p. (In Russian)
14. Nurieva F.Sh. Makhmud al-Bulgari khem anyn Nakhzhel-feradis" eseri. *Tatar adabiyaty*. Vol. 1. Kazan, Tatar Book Publ., 2014, pp. 330–339. (In Tatar)
15. Sayfedinova E.G. *Istoriya dukhovnogo naslediya Zolotoy Ordy (po materialam proizvedeniya «Nakhdzh al-Faradis» Makhmuda al-Bulgari* [The history of the spiritual heritage of the Golden Horde (based on the work "Nahj al-Faradis" by Mahmud al-Bulgari)]. Saarbrucker, 2011. 119 p. (In Russian)
16. Sayfedinova E.G. Sufiyskie traditsii v dukhovnoy kulture Zolotoy Ordy [Sufi Tradition in Spiritual Culture of the Golden Horde]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2014, no. 1, pp. 75–78. (In Russian)
17. Salakhova I.I. *Arabskie zaimstvovaniya v tyurko-tatarskom pamyatnike XIV veka «Nakhdzh Al-Faradis» Makhmuda Al-Bulgari* [Arabic borrowings in "Nahj al-Faradis" by Mahmud al-Bulgari, a Turkic-Tatar work of the 14th century: Dissertation of Candidate of Philology]. Kazan, 2015. 209 p. (In Russian)
18. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy. Izvlecheniya iz sochineniy arabskikh* [Collection of materials related to the Golden Horde's history. Vol. I: Excerpts from Arabic writings]. Vol. 1. St. Petersburg, Tipografiya imperatorskoy Akademii nauk, 1884. 564 p. (In Arabic, Russian)
19. *Khrestomatiya po islamu* [A Reader on Islam]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 238 p. (In Russian)
20. Shamil'oglu Yu. Vysokaya islamskaya kultura Zolotoy Ordy [High Islamic Culture in the Golden Horde]. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen i do nashikh dney* [The history of Tatars from the most ancient times]. Vol. 3. Kazan, 2009, pp. 589–598. (In Russian)
21. Yafarov B.A. *X–XIV yuzlerde Kama-Volga bolgarlary edebiyaty khem "Nakhzhel-feradis" kulyazmasy: Cand. Phil. Sci Diss.* Kazan, 1949. 150 p. (In Tatar)
22. Aysu Ata. *Harezmi Altun Ordu Türkçesi*. Ankara, 2014. 185 p. (In Turkish)
23. Blochet E. *Catalogue des manuscrits tures*, cilt II. Paris, 1933, pp. 132–133. (In French)
24. Ecman J. *Nehcü l-Faradis I*, Tıpkı Basım. Ankara, 1956. 444 p. (In Turkish)
25. Khaphizova, R.Z., Salakhova I.I., Nuriyeva F.S. Phonetic adaptation of Arabic vowels in medieval turkic languages monuments. *Journal of Language and Literature*. 2015, pp. 83–86.

About the authors: Fanuza Sh. Nurieva – Dr. Sci. (Philology), Professor, Kazan (Volga region) Federal University (2, Tatarstan Str., Kazan 420021, Russian Federation). E-mail: fanuzanurieva@yandex.ru

Elmira G. Sayfedinova – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, **OCID: orcid.org/0000-0002-7138-1256**, **ResearcherID: K-2746-2017** (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: adulya2@yandex.ru

*Received November 22, 2017 Accepted for publication March 05, 2018
Published March 29, 2018*

УДК 93/94

DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.101-106

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ОБ ИГУМЕНАХ ЧЕРВЛЕННОГО ЯРА В XIV ВЕКЕ

А.П. Никитин

*Воронежский государственный университет
Воронеж, Российская Федерация
niksonvrn@gmail.com*

Цель: исследовать письменные памятники с упоминанием игуменов на территории Червленого яра в эпоху Золотой Орды.

Материалы исследования: основной источниковой базой исследования стали грамоты митрополитов Феогноста и Алексея, относящиеся к спору Сарайской и Рязанской епархий Православной церкви в XIV в. Косвенными данными могут служить результаты археологических исследований, упоминания вспышек чумы и реконструированный текст грамоты Тайдулы митрополиту Феогносту.

Результаты и научная новизна: на основе упоминания игуменов в Червленом яре в XIV в. в грамотах митрополитов Феогноста и Алексея можно утверждать о наличии нескольких православных монастырей на территории административной единицы Золотой Орды. Вероятными причинами исчезновения монастырей в XIV в. могут быть чума, фискальная политика Джанибека, распространение ислама в Улусе Джучи. Эпидемия чумы могла полностью уничтожить обитателей монастыря и сельскую округу обители. Лишение Джанибеком налоговых льгот Православной церкви могло привести к ликвидации финансовой базы монастырской жизни в междуречье Дона и Хопра после исчезновения ресурсного обеспечения монастырей. Вдобавок ко всему широкое распространение ислама среди населения Червленого яра исключило возможность функционирования православного духовного центра за пределами русских княжеств. Датировку грамоты митрополита Феогноста можно ограничить с 1334 по 1346–1349 гг. Археологический поиск христианских объектов периода Золотой Орды в междуречье Дона и Хопра можно считать задачей будущего.

Ключевые слова: Золотая Орда, Червленый яр, Дон, Хопер, игумены, монастыри, Джанибек, Феогност, Алексей

Для цитирования: Никитин А.П. Письменные памятники об игуменах Червленого яра в XIV веке // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 1. С. 101–106. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.101-106

WRITTEN RECORDS ABOUT HEGUMENS OF CHERVLENY YAR IN THE 14TH CENTURY

A.P. Nikitin

*Voronezh State University
Voronezh, Russian Federation
niksonvrn@gmail.com*

Objective: To examine written records mentioning the hegumens in the territory of Chervleny Yar during the Golden Horde period.

Materials: The study is mainly based on the charters of Metropolitans Theognost and Alexei, concerning the dispute between the Orthodox dioceses of Saray and Ryazan in the

14th century. The results of archaeological research, references to plague outbreaks, and the reconstructed text of Taidula's charter granted to Metropolitan Theognost provide indirect information for research.

Results and novelty of the research: Based on the mention of hegumens in Chervleny Yar in the 14th century in the charters of the Metropolitans Theognost and Alexei, one can assert the existence of several Orthodox monasteries in the territory of this administrative unit of the Golden Horde. The plague, the fiscal policy of Janibek, and the spread of Islam in the Jochid ulus could have been the true reasons for the disappearance of monasteries in the 14th century. The plague epidemic could have completely destroyed the inhabitants of the monastery and the rural district of the cloister. Janibek's decision to deprive the Orthodox Church of tax benefits could have led to the liquidation of the financial basis for monastic life in the interfluvium of the Don and the Khoper after the disappearance of support for monasteries. In addition to all these, the wide proliferation of Islam among the population of Chervleny Yar eliminated the possibility of functioning Orthodox spiritual centers outside of the Russian principalities. The charter of Metropolitan Theognost can be dated between 1334 and 1346–1349. Archaeological search for Christian objects of the Golden Horde period in the interfluvium of the Don and the Khoper can be considered as a task for the future.

Keywords: Golden Horde, Chervleny Yar, Don, Khoper, hegumens, monasteries, Janibek, Theognost, Alexei

For citation: Nikitin A.P. Written Records about Hegumens of Chervleny Yar in the 14th century. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018. Vol. 6, no. 1, pp. 101–106. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.101-106

Червлёный яр – историческая территория междуречья Дона и Хопра, о православном населении которой сохранились свидетельства в грамотах митрополитов всея Руси Феогноста и Алексея. Данные указанных письменных памятников, несмотря на их обрывочность, позволяют выявить период монастырской жизни в регионе в условиях владычества золотоордынских ханов. Считается, что Червлёный яр представлял собой административную единицу, связанную со Средним Доном [4, с. 26–32]. Среднее Подонье – это географическое понятие, включающее в себя пространство от устья реки Воронеж на севере (Воронежская область), до устья реки Иловли на юге (Волгоградская область). Отдельно стоит сказать, что данная территория в историко-географическом плане достаточно интересна, т.к. постоянно являлась зоной контактов степного и оседлого образа жизни, в том числе и во времена господства Улуса Джучи. Археологические исследования позволяют связать Червлёный яр с периферией Золотой Орды. При этом отмечается наличие кочевого и оседлого (русского) населения на основе погребальных и поселенческих памятников, керамики и предметов быта [8].

Существует всего два документа, касающихся игуменов Червлёного яра. Грамота митрополита Феогноста прямо указывает на наличие в Червлёном яре игуменов, а их присутствие подразумевает наличие монастырей. При этом нужно дополнительно обратить внимание на тот факт, что игумены указаны во множественном числе, следовательно, речь идёт не про один монастырь [9, с. 6]. «Благословение Феогноста Митрополита... къ баскакомъ и къ сотникомъ, и къ игуменомъ и къ попомъ, и ко всёмъ христианомъ Черленого Яру...», – повествует грамота митрополита [1, с. 21–22]. В грамоте митрополита Алексея уже нет места игуменам, но все также указывается название

местности, с пояснением границ: «*О томъ же передѣль, по Великую Ворону, возлѣ Хопорь, до Дону...*» [1, с. 22–23]. Реки Дон и Хопер были важными естественными рубежами, сочетавшие торговые и административные функции. Наличие таких крупных водных объектов и позволяет выделять Червленый яр в отдельный улус в составе Золотой Орды.

Возникает несколько объяснений, почему игумены перестают упоминаться в грамотах митрополитов и не встречаются в иных письменных источниках. Достаточно реалистичной причиной исчезновения монастырей можно считать фискальную политику Джанибека в отношении Православной Церкви, а именно ярлык Джанибека (1342 г.), который ликвидировал налоговый иммунитет церковных людей [2, с. 55]. Отсутствие льготного режима осуществления своей деятельности, как экономического субъекта, могло стать причиной прекращения функционирования монастырей. Выражаясь современной терминологией, экономическая нецелесообразность поставила точку в монастырской жизни Червленого яра. Монастырь мог лишиться ресурсного обеспечения, выраженного в денежном эквиваленте или же в виде натурального продукта. А.П. Григорьев предполагает, что Джанибеком были ликвидированы торговые льготы [2, с. 61]. Можно допустить, что монастыри Червленого яра каким-то образом участвовали в торговых операциях и это приносило некий доход для обители.

Улус Джучи унаследовал веротерпимую политическую культуру. В XIV в. распространение ислама в Золотой Орде, как государственной религии, стало важным событием. На территории современной Воронежской области были зафиксированы монументальные постройки, напрямую связанные с исламом – мавзолеи [8, с. 169]. Это свидетельствует о распространении ислама в междуречье Дона и Хопра в XIV в. В случае, если изменились религиозные предпочтения большинства населения Червленого яра, надобность в монастырях отпадет сама собой. Мусульманские мавзолеи – это постройки, связанные с элитой Золотой Орды, с высшим слоем средневекового общества. Возникает вопрос, насколько обязательным было для баскаков, сотников, бояр, которые упомянуты в ярлыке митрополита Алексея, исповедовать ислам для вхождения в элиту Улуса Джучи? В силу того, что именно к этим категориям обращался православный митрополит Алексей, скорее всего, они были христианами. Ю.В. Селезнев считает сотников и десятников (бояре?) резервом для высшего слоя служилой аристократии [4, с. 73]. Сложно себе представить, чтобы в одночасье исчезла важная социальная прослойка в отдельно взятом регионе. Они выполняли важную военно-политическую, а также налоговую функции. Эту социальную группу в духовном плане кто-то должен был бы окормлять. Служилая знать (сотники и бояре), чиновники (баскаки), надо полагать, могли оказывать помощь обителям. Они были потенциально заинтересованы в функционировании монастырей на территории своего проживания, и можно предположить, что какие-то расходы монастырей они могли бы взять на себя. Быстрое исчезновение этого «резерва элиты» могло быть связано либо с репрессиями, либо с массовой эпидемией.

«Черная смерть» нанесла большой удар по демографии Евразии, в том числе и в Улусе Джучи. В послании митрополита Алексея (датируется около 1360 г.) уже не упоминается об игуменах. Грамота Феогноста датируется 1334–1353 гг., игумены еще упоминаются, а вторая вспышка чумы в Орде

проходила в 1346–1349 гг. [7, с. 98, 100]. Получается, что до следующей вспышки чумы в 1364 г., до грамоты Алексея в Червленом яре уже не было настоятелей монастырей. Если причиной исчезновения игуменов и монастырей все же является чума, тогда датировку грамоты можно будет сузить с 1334 по 1346–1349 гг. Среди последствий массовых эпидемий, помимо значительного сокращения населения, отмечают дезинтеграцию страны, дезурбанизация, культурные и технологические упадки, нарушение торговли, политические и экономические кризисы [3, с. 670–694]. Вот здесь вероятным может быть гибель монашеской братии, как отдельно взятого коллектива, сокращение численности служилой знати, которая лишилась возможности поддерживать монастыри, и падение финансово-экономической активности, которая в первую очередь проявляется в торговле.

Процесс начала исчезновения монастырей и игуменов Червленого яра можно обозначить с 1342 г. (ярлык Джанибека) по 1346–1349 гг. (вспышка эпидемии). В данном случае получается, что за 5–7 лет на территории междуречья Дона и Хопра не осталось не одной монашеской обители.

О времени появления монастырей и игуменов нет каких-либо данных. Однако на уровне поисковой краеведческой деятельности монастыри Червленого яра связывают с пещерными храмовыми комплексами Воронежской области (Калач, Дивногорье, Костомарово и др.). Тщательно анализируя все возможные гипотезы появления пещерных комплексов в Подонье, Степкин В.В. рассматривает предысторию сооружения пещерных храмов начиная со Средних веков, в том числе на основе грамот митрополитов XIV в. Автор считает возможным появление монастырей к XIV в., так как полагает «маловероятным» наличие монастырей в XV–XVI вв. из-за отсутствия постоянного массива населения в регионе, а в более позднее время, в XVII в., во время активного заселения региона, нет письменных данных о сооружении пещерных комплексов [6, с. 144–145]. Стоит отметить, что данную гипотезу необходимо подтвердить или опровергнуть. В силу того, что надеяться на письменные средневековые памятники в этом вопросе не приходится, возможно, в будущем стоит ожидать новых археологических открытий, связанных с золотоордынской эпохой на территории современных Воронежской и Волгоградской областей, как в виде отдельных артефактов, так и в виде археологических памятников, а возможно и целых комплексов.

Таким образом, грамоты митрополитов Феогноста и Алексея позволяют говорить о наличии в Червленом яре (междуречье Дона и Хопра в среднем течении) игуменов и соответственно монастырей в XIV в. Также мы можем предполагать время исчезновения религиозных монашеских общин на рубеже 40–50 гг. XIV в. Причиной исчезновения может быть целый комплекс факторов или один из них, например, чума, фискальная политика Джанибека или же распространение ислама. В иных письменных источниках о наличии монашеских общин на рассматриваемой территории не упоминается. На данный момент археология не позволяет говорить о существовании христианских религиозных объектов на территории условного улуса Червленый яр.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. Том первый. СПб., 1841. 614 с.
2. Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб.: Изд-во С. Петерб. ун-та, 2004. 269 с.
3. Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография / Хакимов Р.С., Фаверо М., Трепавлов В.В., Миргалеев И.М., Хаутала Р. (ред.). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. 968 с. + 28 с. цв. вкл.
4. Селезнев Ю.В. Русские князья при дворе ханов Золотой Орды. М.: Ломоносовъ, 2017. 272 с.
5. Селезнёв Ю.В. Церковная политика митрополита Алексия на ордынской территории: спор между Рязанской и Сарайской епархиями о юрисдикции в междуречье Дона и Хопра // Первые церковно-исторические Митрофановские чтения в ВГУ: сборник материалов. Воронеж: Полиарт, 2012. С. 26–32.
6. Степкин В.В. Пещеростроительство как вид христианского подвижничества в лесостепном Придонье // Вестник церковной истории. 2008. № 3(11). С. 141–150.
7. Хайдаров Т.Ф., Долбин Д.А. Вторая пандемия чумы в Золотой Орде и её последствия // Золотоордынское обозрение. 2014. №4. С. 96–112.
8. Цыбин М.В. Периферия Золотой Орды в Подонье // Краткие сообщения Института археологии / Институт археологии РАН. М.: Наука, 2007. Вып. 221. С. 166–175.
9. Шенников А.А. Червленый Яр: исследования по истории и географии Сред. Подонья в XIV–XVI вв. / Отв. ред. В.С. Жекулин. Л.: Наука, 1987. 139 с.

Сведения об авторе: Александр Петрович Никитин – аспирант кафедры истории России исторического факультета Воронежского государственного университета (394036, Университетская площадь, д. 1, Воронеж, Российская Федерация). E-mail: niksonvrn@gmail.com

Поступила 16.11.2017 Принята к публикации 05.03.2018
Опубликована 29.03.2018

REFERENCES

1. *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissiyey* [Historical acts collected and published by the Archaeographic Commission]. Vol. I. St. Petersburg, 1841. 614 p. (In Russian)
2. Grigor'ev A.P. *Sbornik khanskikh yarlykov russkim mitropolitam: istochnikovedcheskiy analiz zolotoordynskikh dokumentov* [Collection of the khans' yarliks granted to Russian metropolitans: a source study of Golden Horde documents]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2004. 269 p. (In Russian)
3. *Zolotaya Orda v mirovoy istorii* [The Golden Horde in World History]. Khakimov R.S., Favereau M., Trepavlov V.V., Mirgaleev I.M., Hautala R. (eds.). Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016. 968 p.+ 28 p. of colored inserst. (In Russian)
4. Seleznev Yu.V. *Russkie knyaz'ya pri dvore khanov Zolotoy Ordy* [Russian princes at the court of the Golden Horde's khans]. Moscow, Lomonosov, 2017. 272 p. (In Russian)
5. Seleznev Yu.V. *Tserkovnaya politika mitropolita Aleksiya na ordynskoy territorii: spor mezhdru Ryazanskoy i Sarayskoy eparkhiyami o yurisdiktсии v mezhdurech'e Dona i*

Khopra [The church policy of Metropolitan Alexel in the Horde's territory: dispute between dioceses of Ryazan and Saray over jurisdiction between the Don and the Koper]. *Pervye tserkovno-istoricheskie Mitrofanovskie chteniya v VGU. Sbornik materialov* [The first church-historical Mitrofanov's readings at Voronezh State University: collected materials]. Voronezh, Poliart, 2012, pp. 26–32. (In Russian)

6. Stepkin V.V. Peshcherostroitel'stvo kak vid khristianskogo podvizhnichestva v lesostepnom Pridon'e [Cave building as a kind of Christian asceticism in the Don's forest-steppe zone]. *Vestnik tserkovnoy istorii* [Bulletin of the Church history]. 2008, no. 3(11), pp. 141–150. (In Russian)

7. Khaydarov T.F., Dolbin D.A. Vtoraya pandemiya chumy v Zolotoy Orde i ee posledstviya [The Second Plague Pandemic in the Golden Horde and Its Consequences]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2014, no. 4, pp. 96–112. (In Russian)

8. Tsybin M.V. Periferiya Zolotoy Ordy v Podon'e [Golden Horde's periphery in the Don region]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief communications of the Institute of Archaeology]. Institut arkheologii RAN. Moscow, Nauka Publ., 2007. Is. 221, pp. 166–175. (In Russian)

9. Shennikov A.A. *Chervlenyy Yar: issledovaniya po istorii i geografii Sred. Podon'ya v XIV–XVI vv.* [Chervleny Yar: research on history and geography of the Middle Don region in the 14th–16th centuries]. Otv. red. V.S. Zhekulin. Leningrad, Nauka Publ., 1987. 139 p. (In Russian)

About the author: Alexander P. Nikitin – post-graduate student of the Russian History Department, Voronezh State University (Universitetskay square, building 1, Voronezh 394036, Russian Federation). E-mail: niksonvrn@gmail.com

*Received November 16, 2017 Accepted for publication March 05, 2018
Published March 29, 2018*

УДК 94(47).031

DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.107-122

**«ЛЮДИ ИЗ ЧЕРКАС»: «ОРДЫНСКИЕ КАЗАКИ»
И «СЛУЖИЛЫЕ ТАТАРЫ» ЛЕСОСТЕПНОГО
ПОГРАНИЧЬЯ (КОНЕЦ XIV–XV ВВ.)**

Л.В. Воротынцева

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Елец, Российская Федерация

leonrus1245@mail.ru

Цель: рассмотреть проблему локализации и времени возникновения военного сообщества т.н. «людей из Черкас», а также других этнических консорциев «ордынских казаков» и «служилых татар» на пограничных территориях Литовского и Московского великих княжеств.

Материалы исследования: средневековые русские летописи – Никоновская, Софийская вторая, Ермолинская, Симеоновская, Устюжская, Сокращенный свод конца XV в., Разрядная книга 1475–1605 г., Родословец князей Глинских из Румянцевского собрания, История о Казанском царстве или Казанский летописец. В работе также использовались результаты археологических исследований украинских археологов О.Б. Супруненко, В.В. Приймака и К.М. Мироненко на территориях лесостепной зоны Днепровского левобережья.

Результаты и научная новизна: автор приходит к выводу, что «люди из Черкас» представляли из себя военизированное казачье сообщество, т.н. «ордынских казаков», возникшее в 30-х гг. XV в. на землях среднего Поднепровья, с центром в г. Черкасы и Канев. Эти земли уже в конце XIV – начале XV в. являлись официальным феодалом ордынских правителей (Токтамыша, Улуг-Мухаммада), в силу военно-политических причин вынужденных уйти из Степи на сопредельные территории Великого княжества Литовского. В это же время (конец XIV – начало XV в.) на землях лесостепного пограничья Литовского и Московского великих княжеств появляется ряд владений т.н. «служилых татар» (Яголдаева тьма, владение Мансур-Кията, владение братьев Якуба и Касыма Махметовичей, а также Бердедата Кудайтовича), образовавших почти сплошную линию обороны вышеуказанных государств от набегов немирных кочевников. Административно-политический статус данных владений не являлся постоянным и менялся в зависимости от политической обстановки в Литве и Московском княжестве. В заключительной части работы дается характеристика феодальных владений «служилых татар» и казачьих сообществ как полиэтничных образований, возникших в зоне интенсивных этно-культурных контактов русско-ордынского лесостепного пограничья. Культура «татарских княжений» и казачьих куреней носила синкретичный характер, с постепенным преобладанием русской православной культурно-бытовой матрицы, в ее народном варианте.

Ключевые слова: «служилые татары», Мансур-Кият, Яголдаева тьма, Улуг Мухаммад, Бердедат Кудайтович, Касым и Якуп Махметовичи, «люди из Черкас»

Для цитирования: Воротынцева Л.В. «Люди из Черкас»: «ордынские казаки» и «служилые татары» лесостепного пограничья (конец XIV–XV вв.) // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 1. С. 107–122. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.107-122

THE “PEOPLE FROM CHERKASY”: THE “HORDE’S COSSACKS”
AND “SERVING TATARS” OF THE FOREST-STEPPE BORDERLANDS
(LATE 14TH–15TH CENTURIES)

L.V. Vorotyntsev

*Bunin Yelets State University
Yelets, Russian Federation
leonrus1245@mail.ru*

Research objectives: To consider the problem of localization and the time of the appearance of the military community called the “people from Cherkasy” and other ethnic consortiums of the “Horde’s Cossacks” and “serving Tatars” in Lithuania and the Grand Duchy of Moscow’s border areas.

Research materials: Medieval Russian chronicles – Nikonovskaya, Sofiyskaya Second, Ermolinская, Simeonovskaya, Ustyuzhskaya, the abbreviated svod of the late 15th century, as well as the list of noble families of 1475–1605, the Rodoslovets of Glinьskiy princes from the Rumyantsev collection, and the Story of the Kazan Tsardom (or the Kazan Chronicle). The author also used the archaeological research results of Ukrainian archaeologists O.B. Suprunenko, V.V. Priymak and K.M. Mironenko in the territories of the forest-steppe zone on the Dnieper’s left bank.

Results and novelty of the research: The author offers the conclusion that the “people from Cherkasy” were a Cossack military community, the so-called “Horde’s Cossacks”, that emerged in the 1430s on the lands of the middle Dnieper, with their center in Cherkasy and Kanev. Already by the late 14th – early 15th century, these lands were the official fiefs of Horde rulers (Toqtamish, Ulug-Muhammad) who were forced to withdraw from the steppe to the neighboring territory of the Grand Duchy of Lithuania for military-political reasons.

In the final part of the work, the author characterizes the feudal possessions of the “serving Tatars” and Cossack communities as polyethnic formations emerged in the zone of intensive ethno-cultural contacts in the forest-steppe borderlands of Russia and the Horde.

Keywords: “serving Tatars”, Mansur-Kiyat, Jagoldai, Ulug-Muhammad, Berdedat Kudaitovich, Kasym and Yakup Mahmetovich, “people from Cherkasy”

For citation: Vorotyntsev L.V. The “People from Cherkasy”: The “Horde’s Cossacks” and “Serving Tatars” of the Forest-Steppe Borderlands (late 14th–15th centuries). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018. Vol. 6, no. 1, pp. 107–122. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.107-122

Процесс распада государственных, экономических и общественных институтов Золотой Орды во второй половине XIV–XV вв. вызвал к жизни такое общественно-политическое явление, как переход представителей ордынской знати на военную службу в Великое княжество Литовское (ВКЛ), Москву и Рязань.

Одним из наиболее ранних феодальных образований литовско-ордынского пограничья стало владение князей Глинских, возводивших свое родословие к сыну беклярбека Мамайя, Мансуру-Кияту [5, с. 193–196; 3, с. 104–125].

Длительное время в отечественной историографии преобладало мнение о легендарности сведений, содержащихся в родословце князей Глинских [14, с. 236]. Однако, последние исследования А.А. Шенникова и В.В. Трепавлова

доказали историческую достоверность многих сведений, содержащихся в генеалогических списках знаменитого рода русско-литовских аристократов, ставших впоследствии родственниками Московских царей [39; 35].

Согласно сведениям, содержащимся в пространной редакции родословной: «...после Донского побоища Мамаев сын Мансур-Кият князь зарубил три города – Глинск, Полдову (Полтаву – Л.В.), Глеченицу (Глиницу – Л.В.). Дети же Мансур-киятовы, меньшей сын Скидерь поймав стадо коней и верблюдов и покочевал в Перекоп, а большой сын Алекса остался на тех градах преждедеченных» [3, с. 104–105]. По предположению А.А. Шенникова, Мансур и его сыновья ушли в Литву не сразу после разгрома Мамаев в Куликовском сражении, а несколько позже, после проигранного противостояния с законным ханом Токтамышем и гибели временщика в генуэзской Кафе. При поддержке литовского князя Ягайло на землях литовско-ордынского пограничья было создано первое владение служилых татар [39, с. 20–22].

Судя по всему, владения Мансура, располагавшиеся в среднем течении р. Ворсклы, примыкая к литовской границе, официально не входили в состав Великого княжества Литовского, продолжая оставаться ордынским улусом. Учитывая, что главная ставка Мамаев – Шахр ал-Джедид, в 60–70-х гг. XIV в. располагалась в районе современного Запорожья [7, с. 166; 33, с. 38], к юго-западу от «зарубленных градов» Мансура, то вполне вероятно, что земли междуречья Ворсклы и Псла составляли личное родовое владение Мамаевичей.

Об этом свидетельствует и тот факт, что официальное признание вассальной зависимости сына Мансура – Алексы – от литовского князя Витовта, сопровождавшееся крещением, династическим браком и земельными пожалованиями, произошло лишь в 1392 г. Сообщение об этом содержится в краткой редакции родословной князей Глинских: «К великому князю Литовскому приехал из Орды князь Алекса, да крестился, а во крещении имя ему дали князь Александр, а вотчина у него была Глинск, Глиннеца, да Полтава (Полтова). С тою вотчиною к Витовту и приезжал, а Витовт дал ему волость Стайну (Станску), Хозоров, Гладковичи, и женил его а дал за него Князь Владимирову дочь Острожского княжну Настасью» [39, с. 20–22].

По всей вероятности, в период с 1380 по 1392 г. отношения Мансура и Алексы с властями Великого княжества Литовского носили характер военно-политического союза, с номинальным признанием вассалитета великих князей Ягайлы и Витовта над владением ордынских пограничных федератов, без вхождения в состав литовского государства. Косвенным доказательством данного тезиса является приведенное выше указание в тексте краткой редакции родословной князей Глинских на приход в Литву «князь Алексы» «из Орды», т.е. земель, не входивших в административную систему Великого княжества Литовского [39, с. 20–22].

Еще одним районом расселения «служилых татар» на землях ВКЛ являлись владения ордынского аристократа Яголдая Сараевича. Первые сообщения о «Еголтаевой тьме» содержатся в ярлыке крымского хана Менгли-Гирея королю польскому и великому князю литовскому Сигизмунду IV Ягелону от 2 июля 1507 г., в котором подтверждались владельческие права правителя Польши и Литвы на: «...Курскую тьму з выходы и даньми, из землями, и водами, Сараева сына Егалтаеву тьму, Милолюб с выходы и даньми, из зем-

лями и водами; Мужеч, Оскол, Стародуб и Брянск со всеми их выходы и даньми, из землями и водами» [2, с. 5].

По мнению Ст. Кучиньского, Еголдаева тьма образовалась в результате событий очередной ордынской междоусобицы 1430–40-х гг, когда часть татар под предводительством некоего Яголдая Сараевича откололась от орды Улуг Мухаммада и осела на территории ВКЛ, получив землю в обмен на пограничную воинскую службу [41, с. 184–185]. Современные польские историки считают, что земельные владения были пожалованы литовским князем Витовтом самому Улуг Мухаммаду, когда он искал убежища в Литве, а после того, как тот вернулся в Степь, перешли к его приближенному Яголдаю [40, с. 562]. Однако данные выводы польских исследователей базируются на допущениях, не имеющих подтверждений в письменных источниках. В сборниках документов Великого княжества Литовского, относящихся к XV – началу XVI в. отсутствует информация о ордынском аристократе из окружения хана Улуг-Мухаммада, носившего имя Яголдай (или Еголдай) [1, с. 64–72; 43, р. 83–84]. По аргументированному мнению Е.Е. Русиной, двукратное упоминание Яголдая в Литовской метрике (во временном диапазоне от 1440 до 1486 г.) не является доказательством возникновения Яголдаевой тьмы в этом временном промежутке, поскольку патроним Яголдай мог выступать как родовое прозвище [30, с. 146].

Учитывая данное обстоятельство, следует отметить, что исследования Ф. Петруня доказали преемственность ярлыка Менгли-Гирея 1504 г. ярлыку Токтамышша, выданному ханом Золотой Орды литовскому князю Витовту в канун битвы на Ворскле (1399 г.) [16, с. 172]. В таком случае наиболее вероятным основателем «Еголдаевой тьмы» может являться золотоордынский бек Яголдай, сообщения о котором содержатся в торговых договорах с Венецией 1347 и 1358 г. Этот ордынский аристократ мог оказаться на Северщине либо вместе с предком Глинских Кыятом Мансуром около 1380 г., в качестве изгнанного сторонника беклярбека Мамай, либо, с ханом Токтамышем, ушедшем в Литву после проигранной войны с Идигу в 1397 г. [30, с. 147]. С. Кричинский считал Яголдая Литовской метрики внуком Яголдая Сараевича венецианских актов середины XIV в. [44, с. 404–405]. Таким образом, наиболее вероятным временем возникновения вассального владения Яголдая следует считать временной промежуток между 1380–1397 г.

Территория Яголдаевой тьмы, по всей видимости, охватывала верховья рек Оскол, Северский Донец и южную часть бассейна Десны с городами Мужеч (на Псле), Милолюбль и Оскол [30, с. 148]. То есть, преимущественно степные и лесостепные районы русско-ордынского пограничья, входившие, до 60-х г. XIV в. в состав улусов Золотой Орды.

В статусе вассального владения, Яголдаева тьма просуществовала до 1497 г., после чего земли бывшего татарского феода были разделены между киевскими боярами – родственниками последнего владельца «тьмы» Романа Яголдаевича по женской линии, а в 1503 г. вошли в состав Московского государства [7, с. 809].

Следует отметить, что земли вошедшие в состав феодалов Мансур-Кията и Яголдая в период расцвета Золотой Орды имели значительное русское земле-

дельческое население, сохранившееся с домонгольской эпохи, когда эти территории входили в состав Переяславского и Киевского княжеств.

Включение территории ликвидированного монголами Переяславского княжества в состав Орды в целом не повлияло на структуру расселения древнерусского оседлого населения на землях в междуречье Трубежа и Сулы. Практически все населенные пункты в бассейне Сулы, возникшие в домонгольское время, продолжают свое существование и в ордынскую эпоху. Подтверждением данному тезису служат как свидетельства письменных источников (записки Платона Карпини, «Список русских городов дальних и ближних», ярлыки золотоордынских ханов), так и результаты археологических изысканий, проведенные в последние десятилетия украинскими учеными [31, с. 6].

Многие городища бывшего Переяславского княжества, расположенные в бассейнах рек Сулы и Псла, во второй половине XIII в. прекратили свое существование как укрепленные поселения, однако сохранились в качестве селищ в период ордынского господства [34, с. 891; 33, с. 6].

Особый интерес представляют три группы концентрации памятников (ГКП) послемонгольской эпохи, расположенных в предстепных районах Посулья, а также в среднем и нижнем течении рек Ворсклы и Псла.

Первая группа расположена в среднем течении Сулы и представляет собой район, плотно заселенный преимущественно древнерусским оседлым населением, контроль над которым осуществляли представители ордынской администрации. Об этом свидетельствует находка бронзовой пайцзы в районе Лубен [33, с. 23]. По всей вероятности, именно этот населенный пункт являлся административным центром всей округи.

Вторая группа представлена концентрацией поселений городского типа, некрополями, захоронениями кочевников и земледельческого населения в грунтовых могильниках и курганах, монетными кладами, а также мавзолеями ордынской знати в районе устья Псла [33, с. 18–22]. Административным центром этой группы концентрации памятников, вероятно, являлось золотоордынское поселение, расположенное в устье Ворсклы у с. Правобережная Кишенька. Рядом с ним располагается кочевнический некрополь с двумя мавзолеями, в которых захоронены представители ордынской аристократии. Там же был найден обломок серебряной пайцзы с надписью на арабском языке [33, с. 19, 22–23].

Третья группа памятников состоит из двух «кустов» поселений в среднем течении Ворсклы у летописных городов Глиницы, Бельска и Полтавы (Лтавы, Олтавы). Последнее поселение являлось резиденцией баскака или сотника, о чем говорит находка бронзовой пайцзы в окрестностях этого населенного пункта, а также кладка джучидских монет и грунтового кочевнического некрополя [33, с. 6].

По мнению украинских исследователей, такая структура расселения на землях сульско-ворсклинского междуречья может свидетельствовать о стремлении ордынских феодалов иметь полный контроль над Переволочинской, Кременчугской, Градской и другими менее значимыми днепровскими переправами, через которые проходили внутриордынские торговые маршруты [33, с. 38]. С 60–70-х гг. XIV в. эти земли переходят под контроль ВКЛ, что сопровождается массовым появлением литовских пограничных крепостей на месте ранее неукрепленных русских и ордынских поселений

[33, с. 38–39]. А в конце XIV – начале XV в. в лесостепном пограничье властями Великого княжества Литовского создается пояс владений «служилых татар», обеспечивавших безопасность южных областей Литвы.

Появление первых «служилых татар» в Московском княжестве следует относить к 30-м гг. XV в. Первым «служилым царевичем» на московской службе становится сын хана Кудайдата, разбитого в 1424 г. коалицией Верховских князей в битве под Одоевым – Бердедат Кудайдатович: «Царь Куидодать поиде ратию ко Одоеву на князя Юрья Романовича. И слышев то князь великий Витофть, и посла на Москву к зятю своему къ великому князю Василью Дмитриевичу, чтобы послал помочь на царя, а сам послал князя Ондreja Михайловича, князя Ондreja Всеволодича, князя Ивана Бабу, брата его Путятю, дручских князей; князя Митка Всеволодича, Григория Протасьевича. Они же шедше со князем Юрьем, царя Куидадатта побиили и силу его присекли, а сам царь убежал, а царицы поймали. Одну послали в Литву к Витофту, а другую на Москву к великому князю, а московская сила не поспела» [26, с. 182–183]. Попав в плен ребенком, вместе с матерью-«царицей» Бердедат воспитывался при московском дворе и вероятно уже к концу 1430-х – в начале 1440-х гг. получает владения в одной из пограничных областей Великого княжества Московского.

Появление следующих «служилых царевичей» на службе московских князей непосредственным образом связаны с драматическими событиями, произошедшими на землях русско-ордынского пограничья во второй половине 30-х гг. XV в.

После очередного поражения от Сеид-Ахмеда (по Никоновской летописи от Кичи-Мухаммада) в 1437 г., Улуг-Мухаммад с остатками своих сил «царю в мале тогда сушу» уходит в земли Верховских княжеств «седе во граде Белеве, убежав от иного царя», планируя, по всей видимости, создать там временную базу с целью передышки и накопления сил для продолжения борьбы за Степь: «от хваста себе исплеть, и снегом посыпа и водою поли и смерзеся крепко» [20, с. 63–64; 26, с. 192; 9, с. 81, 237].

Даже не попытавшись наладить дипломатические связи с ханом, которому он был обязан ярлыком на великое княжение, Василий II направил против ордынцев большую армию под командованием своих двоюродных братьев – Дмитрия Юрьевича Шемяки и Дмитрия Юрьевича Красного, а с ними «прочих князей множество, с ними же многочисленнии полки» [26, с. 192; 9, с. 82].

Возможным объяснением военной акции московитов против законного ордынского «царя» может быть стремление московской элиты избавиться от необходимости оказывать Улуг-Мухаммаду помощь в борьбе за Степь и таким образом добиться расположения новых владык Дешт-и-Кыпчака. Однако, несмотря на такое подавляющее превосходство в силах, московские войска были наголову разбиты в двухдневной битве под стенами Белева: «...малое и худое оно безбожных воинство одолеша тмочисленным полком нашим, неправедне ходящим, преже своих губящем» [24, с. 149–150; 9, с. 82]. Причем на стороне хана выступила знать Белевского княжества, во главе с воеводой Григорием Протасьевым [9, с. 82].

Последовательность и датировка событий, последовавших за Белевской победой русско-ордынской коалиции Улу-Мухаммада над московскими войсками, отражена в письменных источниках достаточно противоречиво.

По сообщению Никоновской летописи, будучи изгнанным «с Поля» Кичи Мухаммадом, Улуг Мухаммад направился в Белев, а позднее «засяде Новьгород Нижней Старой» [20, с. 24, 63–64; 9, с. 244]. Однако в более ранних источниках, послуживших основой для составителя Никоновского свода – Новгородской V летописи, Симеоновской летописи, Сокращенного летописного свода конца XV в., сведений об уходе хана в Нижний Новгород не содержится [12, с. 148, 156–157; 27, с. 272, 346; 23, с. 192–193]. Поэтому позднейшее сообщение о якобы захвате Улуг Мухаммадом Н. Новгорода, вероятнее всего, отразило его уход из Поочья на Восток, в регион Среднего Поволжья.

По мнению некоторых исследователей, именно к 1437 г. можно отнести захват Улуг Мухаммадом Казани и основание им новой династии правителей Волжской Булгарии (Казанского ханства) [32, с. 246; 9, с. 83]. Эта версия имеет в своей основе сообщение автора Казанской истории о том, что после того, как ледяная крепость ордынцев растаяла, Улуг Мухаммад: «шедше по-лемь, перелезше Волгу и засяде пустую Казань» [10, с. 176–179]. Однако это событие могло произойти не ранее весны 1438 г. По обоснованному мнению Р.А. Беспалова, сведения Казанской истории основаны на творческой переработке русских письменных источников и вызывают большие сомнения в точности датировок и последовательности событий [4, с. 57].

В начале июля 1439 г. Улуг Мухаммад совершает набег на земли Московского княжества. Причем, согласно сообщению Тверского летописца главным объектом военных действий татар стала непосредственно вотчина князя Василия II. Осадив на неделю Москву и не сумев ее взять, хан: «...посады пожегль, села и волости извоевалъ, до самого рубежа Тверского» [22, Стб. 491]. Московская летопись уточняет южные границы татарского разорения: «...идучи назад досталь Коломны пожегль, и людеи множество плени, а иных иссекл» [25, с. 260]. Судя по маршруту прохода отрядов Улуг Мухаммада, к 1439 г. под его контролем находилась вся полоса лесостепного пограничья на южных и восточных границах русских земель – от Средней Волги до Верховий Оки и Среднего Поднепровья. Это тезис подтверждают и события, произошедшие на землях русско-ордынского пограничья в первой половине 40-х гг. XV в.

Зимой 1443/44 г. попытку закрепится в южной части рязанского княжества предпринимает ордынский «царевич» Мустафа, являвшийся, по всей вероятности, одним из сыновей Улуг Мухаммада [4, с. 60–61]. После первого удачного набега на рязанские земли, «повоева власти и села Рязанския и много зла Рязани учинил», ордынец решает стать лагерем: «на миру, хотя зимовати в Резани: бе бо ему супротивно на Поли...нужи ради великиа» [20, с. 61]. Татары расположились на р. Листани, южнее Ольгова монастыря, где на них обрушились объединенные силы «двора» московского князя Василия II, дружина рязанского князя, пешее ополчение и «казаки рязанския», а также «мордва на ртах» (лыжах). В результате ожесточенного сражения: «татарове же никакоже давахуса в руки, но резашася крепко», отряд Мустафы был уничтожен. Погиб он сам, а также «князья» Ахмут-мурза и Азбердей Мишеранов [21, с. 61–62; 23, с. 192; 24, с. 151; 18, Стб. 103; 9, с. 95–96].

В связи с вышеописанными событиями возникает вопрос о политическом статусе орды Мустафы. Судя по самостоятельным действиям ордынского «царевича» и отсутствию карательных мероприятий в отношении Рязанского княжества со стороны Улуг Мухаммада за смерть сына, Мустафа и поддерживавшие его «князья» находились в политической оппозиции к изгнанному хану. Фактически они представляли из себя кочевой курень, «казаковавший» вблизи рязанских границ. Попытка закрепиться на русских землях закончилась для степняков катастрофой вследствие враждебных отношений с рязанскими и московскими правящими элитами.

Следует сказать, что упоминаемые в летописных источниках «казаки рязанские», вероятнее всего, представляли из себя полиэтничное военное сообщество, включавшее в свой состав как тюркоязычных выходцев из Дешт-и-Кыпчака, так и представителей русского и мордовского населения южных территорий Рязанского княжества.

Еще одним районом, на территории которого в конце XIV – начале XV в. происходило сложение казачьих воинских сообществ – т.н. «ордынских казаков», становятся области Среднего Поднепровья, являвшиеся к тому времени владениями Великого княжества Литовского (районы Черкас и Канева).

Первое упоминание отрядов вооруженных «людей из Черкас» в русских летописях относится к 1445 г., когда казанский хан Улуг Мухаммад и его сын Махмутек, планируя совершить набег на русские земли: «послали в Черкасы по люди». По сообщению Ермолинской летописи, из «Черкас»: «...прииде къ нимъ две тысячи казаков...», которые взяли и разграбили г. Лух «без царева слова» [23, с. 193; 9, с. 103].

В следующем, 1446 г. «из Черкас» пришли отряды сыновей Улуг Мухаммада, «царевичи» Касым и Якуб, но уже как союзники московского князя Василия II Темного. Татары: «...пришли искати великого князя за прежнее его добро и за его хлеб, много бо добра его до нас было» [23, с. 202; 9, с. 118].

По мнению П.Н. Павлова, Д.А. Котлярова и Р.А. Беспалова, «Черкасами» русские летописцы называли территории или народности Северного Кавказа [15, с. 161; 13, с. 310; 4, с. 62]. Это предположение исследователей базируется на фонетических созвучиях и отрывочных сведениях генуэзских источников о неких экономических контактах «царевича» Касыма с Матрегой, генуэзской колонией, располагавшейся на Таманском полуострове в земле черкесов [42, с. 36; 4, с. 62]. Однако отождествление этнонима «черкесы» с «ордынскими» казаками «из Черкас» представляется ошибочным по следующим причинам.

В 1440-х гг. земли Нижнего Поволжья и степного Предкавказья находились под властью враждебного роду Улуг Мухаммада, хана Кучук Мухаммада. Степь к западу от Дона контролировалась ордой Саид-Ахмеда, столь же недружественного братьям «Махметовичам» [37, с. 745]. В связи с этим, свободное, двукратное прохождение крупных воинских контингентов Касыма и Якуба по враждебной территории представляется крайне маловероятным.

Помимо этого, судя по вышеуказанному сообщению летописи относящемуся к событиям 1446 г., сыновья хана, Касым и Якуб, находились в тесных союзнических или вассальных отношениях с московским княжеством в период с 1444 по 1446 г. Зимой 1444/45 г. Василий II направил отряды татарских «царевичей» в набег на литовские земли: «насла татаръ царевица на

литовские города, на Вязьму и на Брянск, и на иные города безвестно» [17, с. 423–424; 9, с. 102]. Совершать удачные рейды на территорию Литвы с быстрым отходом «служилые царевичи» могли лишь при наличии надежных тыловых баз на пограничных с Великим княжеством Литовским землях союзников и вассалов Московского княжества, а также при возможности пополнения своих отрядов т.н. «ордынскими казаками» – полиэтническими воинскими сообществами, проживавшими в лесостепных районах литовско-ордынского пограничья.

По сообщению Ермолинской летописи: «царевичи три, Каисымъ да Якупь Махметовичи да Бедодать Кудудатовичъ, служили великому князю, и те ступили на Литовские же порубежья» [24, с. 153]. Вероятнее всего, улусы служилых царевичей располагались на землях Белевского княжества, верхушка которого имела тесные и давние связи с родом Улуг Мухаммада.

Характерно, что во время событий 1446 г. русские сторонники свергнутого на тот момент московского князя Василия II, двигаясь из восточных областей Великого княжества Литовского (Брянска, Гомеля, Стародуба и Мстиславля) в сторону Твери, встретились с отрядами татарских «царевичей» Касыма и Якуба, пришедшими «из Черкас», под Вязьмой [26, с. 206; 9, с. 118; 3, с. 65]. Учитывая географическое расположение Вязьмы (на полпути между литовским пограничьем и Тверским княжеством), направление движения татарских отрядов и быстроту, с которой «царевичи» узнали о произошедших в Москве событиях, можно с уверенностью говорить о пограничном расположении кочевий «служилых татар».

По мнению Р.А. Беспалова, 1446 г. (до октября) Касим и Якуб провели в верховьях Оки и Десны [4, с. 65]. Однако летопись четко говорит о том, что «царевичи» пришли «из Черкас» [23, с. 202]. Если признать под летописными «Черкасами» земли адыго-черкесских племен в районе Таманского полуострова, то становится совершенно непонятным, как, находясь на таком удалении от границ Руси, сыновья Улуг Мухаммада так быстро узнали не только об ослеплении Василия II (14 февраля 1446 г.), но и о его пребывании с осени того же года в Вологде и Твери [27, с. 273; 24, с. 153–154; 9, с. 116–117]. Это несоответствие было в свое время замечено Г.В. Вернадским, впервые высказавшем предположение о локализации «Черкас» в бассейне Днепра [6, с. 331].

Поэтому наиболее вероятным представляется отождествление термина «Черкасы» не как этнонима племен Северного Кавказа или территорий их расселения, а как топонима – населенного пункта и прилегающей области в районе Среднего Поднепровья.

В 1396 г. литовский князь Витовт выделяет для проигравшего очередной раунд степной войны Токтамышша и его «двора» земли на Юго-Западных рубежах своего государства, в Черкасах и Каневе [38, с. 146–147]. Позднее, в 1424 г., эти же земли были предоставлены Витовтом хану Улуг Мухаммаду, после разгрома его армии Шахрузом (одним из сыновей Токтамышша). Используя пограничные территории как материальную базу, Улуг Мухаммад уже в 1425 г. контролировал западные районы «Поля» [32, с. 234–235].

В свою очередь, ордынские воинские контингенты участвовали в военно-политических мероприятиях Витовта. Так, в псковском походе литовского князя летом 1426 г., помимо европейских наемников, принимали участие и

значительные по численности отряды татар. По сообщению московской летописи, Витовт: «у царя Махметя испроси двор его» [26, с. 184; 9, с. 225].

Литовские административные документы XV–XVI вв. фиксируют присутствие значительного тюркского элемента в родословных шляхетских фамилий, имевших владения в землях южной Киевщины. Так, татарские корни имели шляхетские роды Чемерисов (Казанских), Татариных-Михновых, Бокевичей-Щуковских (от тюрк. «бокей» – «герой», «силач»), Бурдюковых и др. Данный факт свидетельствует о достаточно плотном заселении южнокиевских земель знатными выходцами из Орды в более раннее время [11, с. 31].

По всей видимости, после захвата власти в Москве Дмитрием Шемякой зимой 1446 г. братья «Махметовичи» временно ушли на земли Великого княжества Литовского, получив во временное владение от литовского князя земли в районе Черкас и Канева, сохранив, в то же время, контроль над своими «старыми» владениями на московско-литовском и московско-ордынском пограничье. Это тем более вероятно, если учитывать, что в 1424–1426 гг. Черкасские и Каневские земли принадлежали, на правах ленного владения, отцу «служилых царевичей», хану Улуг Мухаммаду [32, с. 234–235].

Поддержка литовским князем Казимиром свергнутого Василия II позволяла тому поддерживать надежную связь со своими русскими и татарскими сторонниками, находившимися на землях Великого княжества Литовского. Именно этим обстоятельством может объясняться практически синхронный выход дружин коалиции русских князей под предводительством Василия Серпуховского и отрядов Касыма и Якуба к Вязьме осенью 1446 г. И те и другие двигались в одном направлении, в сторону Твери, где в это время находился двор Василия II Темного [28, с. 88; 9, с. 117].

Проблему определения этнической принадлежности «черкасских казаков» и локализации места их расположения необходимо рассматривать в контексте событий происходивших в это время на землях ордынско-литовского пограничья. По мнению В.В. Трепавлова и Р.Ревы возникновение днепровского казачества произошло во второй половине 50-х гг. XV в., после окончательного разгрома войск литовского князя Свидригайла и союзной ему орды Сеид-Ахмеда в 1455–1456 г. Как считают исследователи, часть татарских и русских воинов не присоединились к победителям, а превратились в вольных казаков с базами на Днепре и Дону [36, с. 55–56; 31, с. 721].

По нашему мнению, процесс формирования казачьих сообществ в среднем Поднепровье (районе Черкас) мог начаться несколько ранее. В 1430–1440-х гг. Улус Джучи окончательно распадается на несколько частей [37, с. 745]. На протяжении 1434–1437 г. в западной части Дешт-и-Кыпчака шло непрекращающееся военное противостояние между Улуг Мухаммадом, Кичи-Ахмедом и Сеид-Ахмедом. В это же время, после смерти Витовта в 1431 г. в Великом княжестве Литовском начинается гражданская война между князем Свидригайло, пользовавшимся поддержкой православной партии и его соперниками, поддерживаемыми Польшей. Наибольшего ожесточения военные действия в Литве и Степи достигают к середине 30-х гг. XV в. 1 сентября 1435 г. армия мятежного литовского князя потерпела тяжелое поражение от войск Сегизмунда Кейстуовича на реке Свенте (у Вилкомира). По замечанию псковского летописца: «за много лет не бывало токого побоища в Литовской земли» [9, с. 80].

Длительные военные действия на огромных пространствах Дешт-и-Кыпчака и в Великом княжестве Литовском не могли не породить значительного числа военных профессионалов, в силу определенных причин выброшенных из традиционной системы службы тому или иному феодалу, обеспечивавшему материальное благосостояние воина. Подобное положение заставляло изгоев сплачиваться и создавать воинские братства.

Таким образом, на наш взгляд, возникновение сообществ «черкасских» и «рязанских казаков» следует относить к 30–40-м гг. XV в. Именно к этому времени относятся первые упоминания об участии казачьих отрядов в боевых действиях, как на стороне русских княжеств (разгром царевича Мустафы под Рязанью зимой 1443/44 г.), так и на стороне ордынских аристократов (участие «людей из Черкас» в походах 1445 и 1446 г. хана Улуг Мухаммада и его сыновей Махмутека, Касыма и Якуба).

Военизированные консорции «ордынских казаков» сохранялись, по крайней мере, до конца XV в., что отмечается сведениями письменных источников. Так, по сообщению Софийской второй летописи и Разрядной книги Московского государства, в сентябре 1499 г.: «придоша татарове ордынские казаки и азовские под Козелеск» [19, с. 359, 379–380; 29, с. 60]. В XVI в. степные казачьи сообщества, по всей вероятности, влились в состав воинских контингентов Османской империи (Азов), Крымского ханства и Запорожской сечи.

Подводя итог, следует отметить следующее. С конца XIV до второй половины XV в. в лесостепной полосе русско-ордынского пограничья происходит сложение ряда феодальных образований «служилых татар» (улус Мансура-Кията, Яголдаева тьма, владения Бердедата Кудайтовича и братьев Касыма и Якуба Мехметовичей), находившихся в вассальных отношениях с властями Великого княжества Литовского и Московского княжества, а также независимых военных сообществ (т.н. «казаков»), не входивших в политические системы вышеуказанных государств. Располагавшиеся в зоне интенсивных этно-культурных контактов, данные образования носили полиэтничный характер, включая в свой состав как тюркоязычный, так и южнорусский этнические элементы. Соответственно, культура «татарских княжений» и казачьих сообществ также носила синкретичный характер, с постепенным преобладанием русской православной культурно-бытовой матрицы, в ее народном варианте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1(60). Сборник документов канцелярии великого князя Литовского Александра Ягеллончика, 1494–1506 гг. Шестая книга записей Литовской метрики / сост. коммент., вспом. указ.: М.Е. Бычкова (ответ. сост.), О.И. Хоруженко, А.В. Виноградов; отв. ред. тома С.М. Каштанов. М.: СПб., 2012. 664 с.
2. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. II. СПб., 1848. 445 с.
3. Бычкова М.Е. Родословие Глинских из Румянцевского собрания // Записки Отдела рукописей / Гос. библиотеки СССР им. В.И. Ленина. Вып. 38. М., 1977. С. 104–125.

4. *Беспалов Р.А.* Хан Улу-Мухаммед и государства Восточной Европы: от Белева до Казани (1437–1445) // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 5. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 57.
5. *Временник Московского общества истории и древностей Российских.* М., 1851. Кн. 10. 504 с.
6. *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. Тверь. М., 1997. 480 с.
7. *Ельников М.В.* Памятники периода Золотой Орды Нижнего Поднепровья: история изучения, итоги и перспективы // Татарская археология. 2001. № 1–2. С. 166.
8. *Зайцев И.В.* Татарские политические образования на территории Великого княжества Литовского: Ягодлаева «тьма» // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 809.
9. *Зимин А.А.* Витязь на распутье: Феодалная война в России XV в. М., 1991. 286 с.
10. *Кунцевич Г.З.* История о Казанском царстве, или Казанский летописец. СПб., 1905. 682 с.
11. *Кондратьев И.В.* Любеч как один из центров военной организации Чернигово-Северщины в XIII–XVII вв. // Город средневековья и раннего нового времени II (V). Археология. История (Материалы V Всероссийского семинара. Тула. Ноябрь 2013). Тула, 2016. С. 31.
12. *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. 312 с.
13. *Котляров Д.А.* Русь и Поволжье: этнополитическое взаимодействие (XIV–XV вв.) // Долгов В.В, Котляров Д.А, Кривошеев Ю.В, Пузанов В.В. Формирование российской государственности: разнообразие взаимодействий «центр-периферия» (этнокультурный и социально-политический аспекты). Екатеринбург, 2003. С. 310.
14. *Насонов Н.А.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: историко-географическое исследование. Монголы и Русь: история татарской политики на Руси. СПб., 2006. 413 с.
15. *Павлов П.Н.* Была ли Русь данницей Казани? // Ученые записки Красноярского гос. педагогического института. 1957. Т. 9. Вып. 1. С. 161.
16. *Петрунь Ф.* Ханські ярлики на українські землі: (до питання про татарську Україну) // Східний світ. Харків. 1928. № 2. С. 172.
17. Полное собрание русских летописей. Т. 3. М.-Л., 1950. 576 с.
18. Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 2. Никоновская летопись. М., 2001. 586 с.
19. Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 2. Софийская вторая летопись. М., 2001. 240 с.
20. Полное собрание русских летописей. Т. 12. Никоновская летопись. СПб., 1901. 266 с.
21. Полное собрание русских летописей. Т. 12. Софийская летопись. СПб., 1901. 240 с.
22. Полное собрание русских летописей. Т. 15. М., 2000. 432 с.
23. Полное собрание русских летописей. Т. 18. Ермолинская летопись М., 2007. 256 с.
24. Полное собрание русских летописей. Т. 23. Симеоновская летопись. М., 2004. 326 с.
25. Полное собрание русских летописей. Т. 25. М., 2004. 488 с.
26. Полное собрание русских летописей. Т. 26. М.-Л., 1956. 413 с.
27. Полное собрание русских летописей. Т. 27. ПСРЛ. Т. 27. Сокращенный свод конца XV в. М., 2007. 424 с.
28. Полное собрание русских летописей. Т. 37. Устюжская летопись. 228 с.
29. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. 914 с.

30. Русина Е.Е. Ягоддай, Яголдаевичи, Яголдаева «тьма» // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. К 75-летию академика Г.П. Литаврина. М., 2001. С. 147.
31. Рева. Р. Борьба за власть в первой половине XV в. // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 721.
32. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. 276 с.
33. Супруненко О.Б., Приймак В.В., Мироненко К.М. Старожитності золотоординського часу Дніпровського лісостепного Лівобережжя. Київ–Полтава. 2004. 82 с.
34. Седов В.В. Славяне. Древнерусская народность. Избранные труды. М., 2005. 943 с.
35. Трепавлов В.В. Предки «Мамая-царя». Киятские беки в «Подлинном родослове Глинских князей» // Тюркологический сборник. 2006. Редкол.: С.Г. Кляшторный и др. М., 2006. С. 319–352.
36. Трепавлов В.В. Большая Орда – Тахт эли. Очерк истории. Тула, 2010. 108 с.
37. Трепавлов В.В. Большая Орда // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 745.
38. Шабульдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987. 184 с.
39. Шенников А.А. Княжество потомков Мамай (к проблеме «запустения» юго-восточной Руси в XIV–XV вв.). Л., 1981. Деп. в. ИНИОН РАН, № 7380. С. 20–22.
40. Kolodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents. Leiden–Boston, 2011.
41. Kuczynski S. Jaholdaj i jaholajewicze lenni: ksiaseta Litwy // Kuczynski S.M. Studia z dziejnie Europe Wschodniej X–XVII w. Warszawa. 1965. P. 184–185.
42. Notes et extraits pour server a l'histoire des Croisades an XVe siècle. T. I / Publies par N. Jorga. Paris: Ernest Leroux. 1999.
43. Lituvos Metrika. Knyga № 8. Vilnius, 1995, № 47. P. 83–84.
44. Kryczynski S. Poczatki rodu ksiazat Glinskich // Prace historyczne w 30-lecie dzialalnosci profesoskichiej St. Zakrzewskiego. Lwow, 1934. S. 404–405.

Сведения об авторе: Леонид Вячеславович Воротынцев – аспирант исторического факультета Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (399770, ул. Коммунаров, д. 28, Елец, Российская Федерация). E-mail: leonrus1245@mail.ru

Поступила 28.12.2017 Принята к публикации 01.03.2018
Опубликована 29.03.2018

REFERENCES

1. Akty, odnosyashchiesya k istorii Zapadnoy Rossii. Vol. 1(60). Sbornik dokumentov kantselyarii velikogo knyazyza Litovskogo Aleksandra Yagelonchika, 1494–1506 gg. Shestaya kniga zapisey Litovskoy metriki [Acts relating to the history of Western Russia. Collection of documents of the office of the Grand Duke of Lithuania Alexander Yagelonchik, 1494–1506. The Sixth Book of Records of the Lithuanian Metrica]. Sost. koment., vspom. ukaz.: M.E. Bychkova (otvet. sost.), O.I. Khoruzhenko, A.V. Vinogradov; otv. red. toma S.M. Kashtanov. Moscow, St. Petersburg, 2012. 664 p. (In Russian, Old Belarusian)

2. *Akty, odnosyashchiesya k istorii Zapadnoy Rossii, sobrannyye i izdannyye Arkheograficheskoy komissiiy* [Acts relating to the history of Western Russia, collected and published by the Archaeological Commission]. Vol. II. St. Petersburg, 1848. 445 p. (In Russian)

3. Bychkova M.E. Rodoslovie Glinskikh iz Rumyantsevskogo sobraniya [The genealogy of the Glinsky from the collection of Rumyantsev]. *Zapiski Otdela rukopisey*. Gos. biblioteki SSSR im. V.I. Lenina [Notes of the Department of Manuscripts (of the V.I. Lenin State Library of the USSR)]. Is. 38. Moscow, 1977, pp. 104–125. (In Russian)

4. Bepalov R.A. Khan Ulu-Mukhammed i gosudarstva Vostochnoy Evropy: ot Beleva do Kazani (1437–1445) [Ulu-Muhammad Khan and the states of Eastern Europe: from Belev to Kazan (1437–1445)]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya=Golden Horde Civilization*. Sbornik statey. Kazan, 2012, Is. 5, p. 57. (In Russian)

5. *Vremennik Moskovskogo obshchestva istorii i drevnostey Rossiyskikh* [Chronicle of the Moscow Society of Russian History and Antiquities]. Moscow, 1851. Book 10. 504 p. (In Russian)

6. Vernadskiy G.V. *Mongoly i Rus'* [The Mongols and Rus']. Tver, Moscow, 1997. 480 p. (In Russian)

7. El'nikov M.V. Pamyatniki perioda Zolotoy Ordy Nizhnego Podneprov'ya: istoriya izucheniya, itogi i perspektivy [Golden Horde Monuments of the Lower Dnieper: history of study, results and perspectives]. *Tatarskaya arkheologiya* [Tatar Archaeology]. Kazan, 2001, no. 1–2, p. 166. (In Russian)

8. Zaytsev I.V. Tatarskie politicheskie obrazovaniya na territorii Velikogo knyazhestva Litovskogo: Yagoldaeva «t'ma» [Tatar political entities on the territory of the Grand Duchy of Lithuania: The tyumen of Jagoldai]. *Zolotaya Orda v mirovoy istorii* [The Golden Horde in World History]. Kazan, 2016. 809 p. (In Russian)

9. Zimin A.A. *Vityaz' na rasput'e: Feodal'naya voyna v Rossii XV v.* [A knight at the crossroads: Feudal war in Russia in the 15th century]. Moscow, 1991. 286 p. (In Russian)

10. Kuntsevich G.Z. *Istoriya o Kazanskom tsarstve, ili Kazanskiy letopisets* [Story of the Kazan Tsardom or the Kazan Chronicle]. St. Petersburg, 1905. 682 p. (In Russian)

11. Kondrat'ev I.V. Lyubech kak odin iz tsentrov voennoy organizatsii Chernigovo-Severshchiny v XIII–XVII vv. [Lyubech as one of the centers of the military organization of the Chernigov-Severschina in the 13th–17th century] *Gorod srednevekov'ya i rannego novogo vremeni II (V). Arkheologiya. Istoriya (Materialy V Vserossiyskogo seminara. Tula. Noyabr' 2013)* [The city of the Middle Ages and early modern times II (V). Archaeology. History (Materials of the Fifth All-Russian Seminar, Tula, November 2013)]. Tula., 2016, p. 31. (In Russian)

12. Kloss B.M. *Nikonovskiy svod i russkie letopisi XVI–XVII vekov* [The Nikon's svod and the Russian chronicles of the 16th–17th century]. Moscow, 1980. 312 p. (In Russian)

13. Kotlyarov D.A. Rus' i Povolzh'e: etnopoliticheskoe vzaimodeystvie (XIV–XV vv.) [Rus' and the Volga region: ethno-political interaction (14th–15th century)]. *Formirovanie rossiyskoy gosudarstvennosti: raznoobrazie vzaimodeystviy «tsentr-periferiya» (etno-kul'turnyy i sotsial'no-politicheskiy aspekty)* [Formation of Russian statehood: a variety of “center-periphery” interactions (ethno-cultural and socio-political aspects)]. Dolgov V.V., Kotlyarov D.A., Krivosheev Yu.V., Puzanov V.V. (eds). Ekaterinburg, 2003, p. 310. (In Russian)

14. Nasonov N.A. «Russkaya zemlya» i obrazovanie territorii drevnerusskogo gosudarstva: istoriko-geograficheskoe issledovanie. *Mongoly i Rus': istoriya tatarskoy politiki na Rusi* [The “Russian land” and the formation of the territory of the ancient Russian state: historical and geographical study. The Mongols and Rus': history of Tatar policy in Rus']. St. Petersburg, 2006. 413 p. (In Russian)

15. Pavlov P.N. Byla li Rus' dannitsey Kazani? [Whether Rus' was a tributary of Kazan?]. *Uchenye zapiski Krasnoyarskogo gos. pedagogicheskogo instituta* [Research notes

of the Krasnoyarsk State Pedagogical Institute]. Krasnoyarsk, 1957. Vol. 9. Is. 1, p. 161. (In Russian)

16. Petrun' F. Khan'ski yarliki na ukrain'ski zemli: (do pitaniya pro tatarsku Ukrainu) [The khans' yarliks confirming the rule over the Ukrainian lands (the issue of Tatar Ukraine)]. *Skhidniy svit* [The World of the Orient]. Kharkiv, 1928, no. 2, p. 172. (In Ukrainian)

17. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 3. Moscow–Leningrad, 1950. 576 p. (In Russian)

18. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 6. Is. 2. Nikonovskaya letopis' [The Nikon's chronicle]. Moscow, 2001. 586 p. (In Russian)

19. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 6. Is. 2. Sofiyskaya vtoraya letopis' [The Sofian Second chronicle]. Moscow, 2001. 240 p. (In Russian)

20. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 12. Nikonovskaya letopis' [The Nikon's chronicle]. St. Petersburg, 1901. 266 p. (In Russian)

21. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 12. Sofiyskaya letopis' [The Sofian chronicle]. St. Petersburg, 1901. 240 p. (In Russian)

22. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 15. Moscow, 2000. 432 p. (In Russian)

23. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 18. Ermolinskaya letopis' [The Ermolinskaya chronicle]. Moscow, 2007. 256 p. (In Russian)

24. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 23. Simeonovskaya letopis' [The Simeonovskaya chronicle]. Moscow, 2004. 326 p. (In Russian)

25. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 25. Moscow, 2004. 488 p. (In Russian)

26. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 26. Moscow–Leningrad, 1956. 413 p. (In Russian)

27. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 27. Sokrashchennyi svod kontsa XV v. [The abbreviated svod of the end of the 15th century]. Moscow, 2007. 424 p. (In Russian)

28. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 37. Ustyuzhskaya letopis' [The Ustyuzhskaya chronicle]. 228 p. (In Russian)

29. Razryadnaya kniga 1475–1605 gg. [The list of noble families of 1475–1605]. Vol. 1. Part. 1. 914 p. (In Russian)

30. Rusina E.E. Yagolday, Yagoldaevichi, Yagoldaeva «t'ma» [Jagoldai, the Jagoldaevichi, the Tyumen of Jagoldai]. *Slavyane i ikh sosedi*. Is. 10. *Slavyane i kochevoy mir. K 75-letiyu akademika G.P. Litavrina* [The Slavs and their neighbors. Issue. 10. The Slavs and the nomadic world. To the 75th birthday of Academician G.P. Litavrin]. Moscow, 2001, p. 147. (In Russian)

31. Reva. R. Bor'ba za vlast' v pervoy polovine XV v. [The struggle for power in the first half of the 15th century]. *Zolotaya Orda v mirovoy istorii* [The Golden Horde in World History]. Kazan, 2016, p. 721. (In Russian)

32. Safargaliev M.G. *Raspad Zolotoy Ordy* [The Dissolution of the Golden Horde]. Saransk, 1960. 276 p. (In Russian)

33. Suprunenko O.B., Priymak V.V., Mironenko K.M. *Starozhitnosti zolotoordins'kogo chasu Dniprovsk'kogo lisostepnogo Livoberezhzhya* [Antiquities of the Golden Horde Period of the Dniprovsky Forest-Steppe Livoberezhzha]. Kyiv–Poltava, 2004. 82 p. (In Ukrainian)

34. Sedov V. V. *Slavyane. Drevnerusskaya narodnost'. Izbrannye trudy* [The Slavs. The Old Russian people. Selected Works]. Moscow, 2005. 943 p. (In Russian)
35. Trepavlov V.V. Predki «Mamaya-tsarya». Kiyatskie beki v «Podlinnom rodoslove Glinskikh knyazey» [The ancestors of “tsar Mamai”. The Kiyat beks in the “Genuine Genealogy of the Glinsky Princes”]. *Studia Turcologica*. 2006. Redkol.: S.G. Klyashtornyy i dr. Moscow, 2006, pp. 319–352. (In Russian)
36. Trepavlov V.V. *Bol'shaya Orda – Takht eli. Ocherk istorii* [The Great Horde – Takht eli. Essays on the history]. Tula., 2010. 108 p. (In Russian)
37. Trepavlov V.V. Bol'shaya Orda [The Great Horde]. *Zolotaya Orda v mirovoy istorii* [The Golden Horde in World History]. Kazan, 2016, p. 745. (In Russian)
38. Shabul'do F.M. *Zemli Yugo-Zapadnoy Rusi v sostave Velikogo knyazhestva Litovskogo* [The lands of Southwest Rus' being a part of the Grand Duchy of Lithuania]. Kyiv, 1987. 184 p. (In Russian)
39. Shennikov A.A. *Knyazhestvo potomkov Mamaya (k probleme «zapusteniya» yugovostochnoy Rusi v XIV–XV vv.)*. [The Principality of the descendants of Mamai (to the problem of “desolation” of south-eastern Rus' in the 14th–15th century)]. Leningrad, 1981. Dep. v. INION RAN, № 7380, pp. 20–22. (In Russian)
40. Kolodziejczyk D. *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents*. Leiden–Boston, 2011. P. 562.
41. Kuczynski S. Jaholdaj i jaholajewicze lenni: ksiaseta Litwy. *Studia z dziejnie Europy Wschodniej X–XVII w.* Kuczynski. S.M (ed.). Warszawa, 1965, pp. 184–185. (In Polish)
42. *Notes et extraits pour server a l'histoire des Croisades an XVe siècle*. Vol. I. Publies par N. Jorga. Paris, Ernest Leroux. 1999. (In French)
43. *Lituvos Metrika*. Knyga № 8. Vilnius, 1995, no. 47, pp. 83–84. (Old Belarusian)
44. Kryczinski S. Poczatki rodu ksiazat Glinskich. *Prace historyczne w 30-lecie dzialalnosci profesoskichiej St. Zakrzewskiego*. Lwow, 1934, pp. 404–405. (In Polish)

About the author: Leonid V. Vorotyntsev – graduate student of historical faculty of I.A. Bunin Yelets State University (28, Kommunarov Str., Yelets 399770, Russian Federation). E-mail: leonrus1245@mail.ru

*Received December 28, 2017 Accepted for publication March 1, 2018
Published March 29, 2018*

УДК 811'512.16

DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.123-133

**ПРОЦЕССЫ ФОРМИРОВАНИЯ КРЫМСКОТАТАРСКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В XV–XVII ВВ.*****О.Д. Рустемов****Ардаханский университет
Ардахан, Турция
biblos@ukr.net*

Цель исследования: лингвистический анализ крымскотатарского языка деловых бумаг на фоне литературных и письменных традиций Золотой Орды, частью которой достаточно долгое время был крымский улус.

Материалы исследования: в качестве наглядного материала для исследования был использован транслитерированный нами и переведённый на русский ярлык крымского хана Бора Газы Гирея, язык которого даёт возможность анализировать лексические и грамматические изменения письменного языка Золотой Орды, которые происходили в Крыму под влиянием как местных наречий, так и османского. Подвергшийся изменениям подобного рода Золотоордынский *Тюрки* позволяет дефинировать его уже как Крымский, смешанный *Тюрки* указанного периода. Изучение языка ярлыков крымских ханов при параллельном изучении языка других крымских деловых документов, таких как крымские сиджили, дают точное представление о языковых процессах в Крыму в эпоху Крымского ханства не только на уровне письменного языка, но и на уровне разговорного.

Результаты и новизна исследования: Впервые в тюркологии предприняты усилия по анализу крымского варианта языка тюрки. В результате нашего исследования были выявлены не только субстраты османского, но также и местного огузско-кыпчакского наречия, зафиксированного в словаре Кодекс Куманикус. Наличие сельджукских элементов в крымскотатарском языке подтверждает археологические изыскания Османа Акчокраклы и Усеина Боданинского в Крыму, в ходе которых были обнаружены памятники сельджукской культуры XI–XIII вв.

Ключевые слова: смешение языков, ярлык, Дешт-и Кыпчак, язык тюрки, Кодекс Куманикус, Крым

Для цитирования: Рустемов О.Д. Процессы формирования крымскотатарского литературного языка в XV–XVII вв. // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 1. С. 123–133. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.123-133

**THE FORMATION OF THE CRIMEAN TATAR
LITERARY LANGUAGE IN THE 15TH–17TH CENTURIES*****O.D. Rustemov****Ardahan University
Ardahan, Turkey
biblos@ukr.net*

Research objective: Linguistic analysis of the Crimean Tatar language in official documents against the backdrop of the literary and written traditions of the Golden Horde, a polity to which the Crimean ulus belonged for quite a long time.

Research materials: The yarlik of the Crimean khan, Bora Gaza Girey, which we transliterated and translated into Russian, is used as an illustrative text. The language of this yarlik makes it possible to analyze the lexical and grammatical changes in the written language of the Golden Horde which occurred in Crimea under local and Ottoman dialectical influences. Being subjected to changes of this kind, the Golden Horde's Türki can already be defined as having shifted to the Crimean mixed-Türki of the stated period. The study of the language of the Crimean khans' yarliks and the parallel study of the language of other Crimean official documents provide an accurate picture of the language processes in the Crimea during the period of the Crimean Khanate, not only at the level of written language, but also at the level of the spoken one.

Results and novelty of the research: The efforts of the author on the analysis of the Crimean variant of the Türki language were undertaken for the first time in Turkic studies. As a result, the author revealed not only the substrata of the Ottoman, but also the local Oghuz-Kypchak dialect, recorded in the *Codex Cumanicus*.

Keywords: mixing of languages, yarlyk, Desht-i Kypchak, Türki language, Codex Cumanicus, Crimea

For citation: Rustemov O.D. The Formation of the Crimean Tatar Literary Language in the 15th–17th centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018. Vol. 6, no. 1, pp. 123–133. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.123-133

На крымском полуострове и на землях, известных прежде как Мафазат'ал-гузза (مفازة الغز) – огузская степь [1, с. 550], а с XII века называемых Дешт-и Кыпчак (кыпчакские степи), примыкающих к Крыму с севера, на бескрайних степных просторах издавна находили себе пастбища и стоянки многочисленные тюркские племена и роды, чьи наречия заметно отличались друг от друга. Гунны, хазары, болгары, авары, огузы, печенег, куманы, сельджуки, татары – части этих тюркских народов.

Благодаря такому многочисленному и разнообразному наплыву тюркских родов в Крым уже язык старейшего письменного памятника крымских тюрок XIII–XIV вв., Кодекс Куманикус (*Codex Cumanicus*), носил смешанный характер. При этом его языковая негомогенность выражена не только на уровне морфологии, но и на уровне лексики. В памятнике много синонимов, чье происхождение опять же связано с функционированием в Крыму различных языковых традиций: *alın* – *mañlay* (лоб); *kendi* – *öz* (сам, свой); *sövinç* (*sevinç*) – *quvanç* (радость); *bilemek* – *qaуtamaq* (точить); *yüzmek* – *yaldamaq* (плавать); *benzemek* – *oqşamaq* (быть похожим); *beslemek* – *asramaq* (вращивать, кормить) [10] и т.д.

Морфологическая же гетерогенность проявляется в разнодиалектных суффиксах временных или деепричастных показателей. Так, например, наряду с суффиксом прошедшего времени огузо-кыпчакского типа *-miş* в словаре присутствуют древние, а ныне присущие только кыпчакским языкам форманты прошедшего и широкого времени на *-gan* [8, с. 124–125], или рядом с опять же кыпчакским суффиксом – *-ğanda*, образующим деепричастия, обозначающие время или ситуацию совершения действия, когда было совершено другое действие, употребляется глагольный суффикс будущего времени *-daçı*, свойственный больше огузским наречиям, в частности, древнему хорезмскому диалекту [8, с. 124, 126].

Развитие старокрымского языка нашло свое отражение уже в более позднем письменном (и разговорном) языке эпохи ханства, в документах судебного характера XVII–XVIII вв. – кадиаскерских книгах¹. Конечно, в этом языке довольно много следов влияния из других тюркских наречий, прежде всего из османского. Вполне вероятно, что крымскотатарский язык естественным образом развился бы на базе местных, огузо-кыпчакских говоров, свойственных Крыму и сегодня. Но в XIII в. земли Дешт-и Кыпчак и собственно Крымский полуостров были завоеваны монголо-татарами и стали частью Золотой Орды. С этого времени в Крыму в качестве официального письменного языка начинает функционировать золотоордынский *тюрки*². Татары принесли с собой собственную разговорную традицию, которая впоследствии смешалась с западно-кыпчакскими (куманскими) говорами.

В результате смешения кыпчакский язык победил, а собственно татарский язык привнес в новый сложившийся диалект много субстратных явлений. Однако официальный язык Золотой Орды, сложившийся на базе литературного уйгурского языка, долгое время, вплоть до конца XVII столетия, активно использовался в канцелярии Крымского ханства для написания писем и ярлыков [4; 7].

Язык *тюрки*, появившийся в XI веке, в зависимости от времени и территории употребления, был неоднороден [6, с. 126]. Среди прочих разновидностей этого языка различают *тюрки* Крыма, претерпевший, как было указано, значительное влияние кыпчакских и огузских языков. В первую очередь это видно по письмам и ярлыкам крымских ханов. Несмотря на это влияние, крымское *тюрки* обнаруживает общие черты с поволжским (золотоордынским) и среднеазиатским *тюрки*, ставшим основой для оформившегося в XV веке чагатайского языка. Будучи развитыми из уйгурско-караханидского литературного языка, все эти разновидности *тюрки* принадлежат к карлуко-чигиле-уйгурской ветви тюркской языковой семьи. По многим показателям – это язык государства Караханидов, зафиксированный в словаре Махмуда Кашгари, на который наложились грамматические, фонологические и лексические особенности диалектов тех ареалов, где он был распространён.

Примером крымского *тюрки* может служить ярлык (шарт-наме)³ известного хана, поэта и воина Бора Гази Гирея (1554–1607) польскому королю Сигизмунду, который в письме именуется как Зигмут.

¹ Копии сиджилей крымских кадиев, хранящиеся в библиотеке имени И. Гаспринского в Симферополе. Архивный фонд: 67 А90.

² О языке *тюрки* и его разновидностях см. статью Э.Н. Наджиба, Г.Ф. Благовой «Тюрки язык», размещенную в томе «Тюркские языки» в серии «Языки мира» [6, с. 126–138]. В частности, авторы пишут о существовании в разное время и на разных территориях расселения тюрков различных видов единого языка – *тюрки*. Так, например, в Средней Азии это был среднеазиатский *тюрки*, в Золотой Орде – золотоордынский, в Крыму – крымский *тюрки* [6, с. 126].

³ Документ взят из источника: Вельяминов-Зернов В. Материалы для истории Крымского ханства... [2, с. 9, 11–12]. Для сравнения: Документы Крымского ханства из собрания Хусейна Фейзханова... [5, с. 21–23].

Hu

Bi'l-kuvvet'ül-ehadiye-u ve'l-mûcizat'ül-Muhammediye

Uluğ Ordu Uluğ Hanı Gazi Giray sözü.

Allah ve Huday İzim ve İzzet ve Uğan Tengri Taalâ Hazretlerinin ve Vahdaniyet-i ve Azamat-i birlâ başlansun.

Oñ qolning ve Sol qolning Uluğ ulusning Tümen bilgân ming, yüz, on bilgân oğlanlaringa ve bekleringe ve mirzalaringa ve Rus ve Prus knyazlaringa ve Aqbaşlı ve Qara toñlaringa, mesçanlaringa ve barça uluğ keñeş panlaringa, içki ve tışqılarına ve köplük qara ilge barça tuzunca bilgânlaringâ basa Min ki, sansuz ve köplük Deşt-i Qıpçaqning Uluğ Padişahı Gazi Giray Han. Min Haq Subhaneh-u ve Taalâning Ulüvv İnayetleri Şan-ı Şerifimüzgâ mukarin ve muavin bolub Uluğ atalarımızning orunlaringa Taht-ı Haqanıgâ cülus müesser ve nasib boldı. İrse işbu Yarlıg-ı Şerif-i Haqanıamız birlâ beyan aşikâre qılamız. Kim o eldin Uluğ Atamız uçmaqlıq Hacı Giray Han ve önge Havagin'ül-izam ve Selatin'ül-kiram Rahmatulla aleyhim ecmain zamanlarında vilâyet İlâh memleket-i Qıralları olan Qazimir qıral ve Zigmüt Qıral ve Ahust qıral ve sair qırallar çağlarında biri birisi birlâ dost muhabbet ve barış ve yarış bolub, iki curt arasında öksüz oğul ve tul hatun ve yarlı yayrıncı başlaringa Altun Tac urub yürür bolsalar ve İslamçı tacir ve bazirgân varub kelür bolsalar, zarar ve ziyan körmey, emin barub aman kelür irdiler. Ama Ahust qıral fevt olduqta İlâh memleketige qıral bolur oğul qalmay. İlâh memleketi on iki yıl qıralsız bolub, memleket içinde olan hırsuz ve haramileri İlâh memleketning voyvodaları ve panları ve kermen bekleri tergemey ve zabt qılmay. Zahire azuq verüb kemi verüb Özü suyuna kelüb, tatarıng tuvarcısing alub ve tuvar ve yılısıng sürüb song Macar qıralları uruğundıng İştefân qıral İlâh memleketige qıral bolub Özü suyunda olan kristiyanıng hırsuz harami qazaqlarınğa rüayet itkân için Özü suyunda harami ve hırsuz qazaqlar köplük bolub Özü suyundıng inüb devletlüg ve saadetlük Padişah Hünkâr Hazretlerning Özü suyu boyunda olan Cankermen ve Aqkermen ve Bender kermening arasında olan qoycu ve tuvarcı ve bazirgân fakirlerigâ zarar ve ziyan körgizgânleri için Rahmetlik Babamız Devlet Giray Han ve Ağacalarımız Hanlar ve Özümüz ve Sultanlar ve Beşbaş tatar qazaqları İlâh memleketini her qış çapub iki curt bir birigâ düşman olurğa Özü Suyu içinde olan Harami hırsuz kristiyan qazaqları sebep olunmışlardır. Halâ İlâh memleketi qıralı bolğan Asoşqa qıral oğlu qarındaşımız Zigmüt qıral Devlet Eşigimizgâ Uluğ elçisi Baronevskiyanı bölek hazinesi birlâ yiberüb burunğı barış ve yarış ve dost ve muhabbet yosunca iki curtumuz barış ve yarış bolub bazirgân emin varub ve aman kelüb kim kimsenedin zarar ve ziyan olmasın dediler. İrse yibergen Bölek hazinesiñ hoş görüb alub qabul qılındı. Qarındaşımız Zigmüt birlâ dost ve muhabbet ve barış ve yarışımızni dahi şul şart üzerine qılamız ki, Özü suyu içinde olan harami ve hırsuz kristian qazaqları barcasın sürüb, Özü suyundan çıkarub tergep zabt itqâylar. Ve ta ki yibere turğan bölek hazinesin her yıl yibergeyler ve defterimiz üzre kişilarımızning tiyişlerin bölek hazinesi ile bilga yibergeyler. Ve ta ki Qağılğa (qalğay) sultan olan qarındaşımız Fetih Girey sultanğa dahi altmış postaf çekmen bölek hazinesi ile bilga yibergeyler. Ve on iki kişigâ dahi tiyiş yibergeyler. Bu uslub üzere bölek hazinesin verüb ve tiyişlerin bilga yiberür bolsalar ve Özü suyu içindin kristian qazaqlarıñ bir qoymay barcasıñ çıkarur bolsalar barış ve yarış ve dost ve mühabbet bolub eğer, min özüm Gazi Giray han bolay ve Uluğ Kiçik Qağılğa sultan başlıg barça sultanlar bolğaylar ve bekler ve mirzalar bolsun Tatar çerümüz birla çaparğa ve yaqub yıqarğa ve zarar ve ziyan qılarğa bir kimsene barmasın. Eğer sin qarındaşımız Zigmüt bu ahd ve şart üzerine turar bolsalar, vallahi ve billâh ve Tallahi dostuñuzğa dost ve düşmanıñuzğa düşman bolurmız. Ve ta ki beş baş qazaqlar barub il astındıñ salanız

çapub esir keltürür bolsalar Min qarındaşñız Ğazi Giray han keltürgân esirlerni qayta alub yiberürmiz. Ve beş baş qazaqlarñın ta ki haqlarındın kelürmiz. Özü suyu içinde turğan kristian qazaqlarñızñı çıqarmaz bolsañız Tatar tuvarcısığa ve tuvar qarağa zarar ve ziyan qılar bolsalar, Siz qarındaşımız Zigmüt bilmiş bolsuñ kim dostluq ve mühabbet ve barış ve yarış olmay. İki curt emin aman bolmaslar. Ve ta ki Siz Zigmüt qarındaşımız Özü Suyu içinden ktistian qazaqlarñızñı çıqarır bolsañız Özü suyu boyunda bolğan qara rayyet il kişilerñiz kelüb, Çorqa tuzumızding aqçaları birlâ eminizding tuz satun alub ketsün. Sin Zigmüt qarındaşımızning memleketige ve bizim memleketimizge bazirgânlar qorqmay ve usanmay emin varub aman kilgeyler.

Halâ uluğ elçñiz Baronevskiyning közünce bu ant ve şart ve ahd idub ve ahd-name yarlıĝ-ı Şerif-i haqanımuzağta altun nişanlıĝ mührini basub Özümüzning Uluğ elçimiz olan İçki bekmiz olub vezirimüz olan Qasımñı bu ant ve şart ve ahdımızñı Siz qarındaşımız Zigmüt bildirir için yiberdik. Ve ta ki Siz Zigmüt qarındaşımız Moskov düşmanıñızğa atlañğanıñızda Min Gazi Giray han qarındaşınızđın yardım için Tatar çerüĝin tilâr bolsañız harclıq flori yibergeysiz ki, çerümüzğâ verüb düşmaningiz üstüne cibergeymiz. Ve ta ki biz Gazi Giray han qarındaşınızđın varan Uluğ elçimizni iki ayding artuq tutqar qılmay bölek hazinesi ve tiyişler birlâ qayta tezoq biz qarındaşınızğa yibergeysiz. Ve Siz Zigmüt qıral qarındaşımızding bizğâ kilgen Uluğ elçinizni ta ki iki aydın artuq tutqar qılmay, sin Zigmüt qıral qarındaşımızğa tezok ciberirmiz. İmdi sin Zigmüt qıral qarındaşımız bilmiş bolsunlar kim Özü suyunu içinding qazaqlarñızñı çıqarmay ve tergemey zabt qılmaz bolursañız biz qandaşınızning tuvarcılarına ve tuvar qarağa zarar qılub ve Padişah Hünkâr Hazretlerning kermenlerine ve ruayasığa zarar ve ziyan qılar bolsalar dostluq ve muhabbetlik ve yarış ve barış bolmay. İki curtnıñ rüayası ve berayası zahmet körüb devletlüĝ Padişah Hünkâr Hazretlerindiñ dahi uyat bolursız. Bu ahd ve şart ve ant üzerine turulmaq kerekdir deyü, ahd-name yarlıĝ-ü Şerif-i Hakani bitildi. Fi Şehr-i Cümadi-ül- evvel. Min Şuhuri sene Elf.

Bi makam-i Almasaray, Dar-ül-Hakani. Han Ğazi Giray bin Han Devlet Giray.

Ниже мы представляем перевод ярлыка крымского хана Бора Гази Гирея, впервые осуществлённый на русский язык, ввиду его определённой исторической ценности.

«ОН! (упование на Единственного Бога)
Могуществом Единого и Чудом Мухаммеда
Великой Орды Великого Хана Гази Гирея слово моё!
С Аллахом и с Божественными Могуществом и Величием, и каждой вещи
достигающей Силы Хазрета Небесного, Единственного
и Могущественного да начнётся.

Правой руки илевой руки улусов туменами, тысячами, сотнями и десятками командующим огланам, бекам и мирзам, и князьям русским и прусским, и белоголовым (одетым) в чёрные шубы, и мешанам, и всем панам Великого Собрания (*сейма*), внутренним и внешним, и множеством чёрного люда по закону управляющим – от меня, того, кто бескрайних и многочисленных земель Дешт-и Кыпчака Великий Падишах Гази Гирей Хан (есть). Я милостью Истинного Творца и почитаемого Всевышнего, будучи Нашей Чести и Достоинству оказанным благодеянием и помощью, воссел на место наших великих предков – Хаканский престол. А посему этим Высоким хаканским ярлыком ясно объявляем, что издавна ещё во времена великого Нашего предка, пребывающего в раю, Хаджи Гирей хана и по-

следующих за ним, принадлежащих к роду могущественных правителей, да пребудет с ними со всеми милость Аллаха, с польскими (*ляшскими*) королями, королём Казимиром, королём Зигмутом (*Сигизмундом*), королём Ахустом (*Августом*) и прочими королями была взаимоприемность и дружба, мир и покой. А между двух стран дети сироты и вдовы жёны, и бедняки, одев на голову золотой венец⁴, беспрепятственно ходили. И мусульманские купцы и торговцы приезжали, не зная вреда и убытков, без опаски отправлялись в путь и возвращались в здравии.

Но после смерти короля Ахуста (*Августа*) в Польше не осталось наследного короля. Оставаясь двенадцать лет без правителя, в Ляшской стране расплодились разбойники и воры, которых воеводы и паны, и крепостные коменданты не загоняли и не хватали, но давали им пропитание и корабли. И приплыв на воды Озю (*Днепра*), и схватив там татарских скотников, угоняли они стада и табуны. А потом из маджарского (*Маджар – Венгрия*) урука (*рода*) король Истефан⁵, став королём в ляшской стороне, чтобы управлять находящимися на Озю реке (*Днепр*) разбойными ворами, христианскими казаками, во множестве бывших на Днепре этих разбойников и воров христианских казаков спустил по воде. И нанесли они много вреда и причинили убытков ягнятникам и скотникам, и торговцам, и бедному люду, что находились между крепостями Джанкерман и Аккерман и Бендер, которые принадлежат Счастливейшему и Могущественному Падишаху – Хазрету хункяру (*султану*). И за это наш покойный отец Девлет Гирей хан и старшие наши братья ханские, и сами мы, и султаны, и бешбашские⁶ казаки татарские устраивали каждую зиму походы и набеги в ляшскую сторону, ибо стали причиной раздора и вражды между двумя странами христианские разбойные казаки и воры, живущие по берегам Днепра.

Ныне же, ставший королём Польши наш брат Зигмут⁷, сын короля Асошки⁸, послал к Порогу Нашего Государства великого посла Броневского⁹ вместе с долговой¹⁰ казной (*долги за налоги, которые крымские ханы требовали от прежних, подчинённых Орде со времён Бату-хана, территорий – О.Р.*). И сказали: Подобно прежнему миру и покою, дружбе и любви по обычаю между двумя странами, установивши мир и спокойствие, уверенно пусть отправляются в путь торговцы и возвращаются в здравии, и чтобы никто не наносил им вреда и ущерба.

И пришлась нам по нраву посланная долговая казна, и была она принята. Посему с нашим братом Зигмутом (*Сигизмундом*) восстановим мы мир и спокойствие, прежнюю любовь и дружбу на таких условиях: находящиеся вдоль реки Озю (*Днепр*) разбойников и воров, казаков христианских, всех согнать и с реки Озю убрать, а, собрав их вместе, пусть схватят. И подобно той долговой казне, что ныне была доставлена, каждый год пусть присылают. А также по записям в

⁴ Метафора, означающая, что бедняки, даже одев на голову золотой венец, то есть открыто демонстрируя свои богатства, смогут ходить без боязни быть ограбленными (*О.Р.*)

⁵ Стефан Баторий (1533–1586) – польский полководец и король (1576–1586).

⁶ Беш баш «пять голов» – небольшой набег малым количеством воинов, имевший целью грабёж, либо разведку или причинение вреда вражеской армии (*О. Р.*).

⁷ Сигизмунд III король Польши, годы правления: 1587–1632.

⁸ Юхан III принц, а затем король Швеции, годы правления: 1568–1592.

⁹ Польский аристократ Мартин Броневский, в бытность свою посол к крымскому хану Гази Гирею (Бора), написал книгу с описанием Крыма и других посещённых им в ходе своей миссии земель, написанную в жанре путешествий «*Tartariae Descriptio*». См., например, [9].

¹⁰ В тексте – *bölek hazinesi*. *Bölek* означает: 1. Имущество, предназначенное к выплате за различные долги и поделённое соответственно. 2. Дар, нечто переданное в подарок (*О.Р.*).

тетрадах наших кому что нужно¹¹ будет из моих людей, также вместе с казной пусть присылают. А также присылают пусть с казной шестьдесят шерстянных тулупов¹² для калгай султана – брата нашего Фетих Гирея. И на двенадцать человек требуемое также пусть присылают.

Таким чином, если будут давать казну вместе с требуемыми вещами, и выведут всех до последнего христианских казаков с берегов Днепра, и будет между нами мир и спокойствие, дружба и любовь, то ни я сам, будучи ханом, не великий младший калгай султан, ни под нашим началом находящиеся все – будь то султаны, а будь то беки и мирзы – с войском татарским в набеги, чтоб жечь и разрушать, и убыток и ущерб чинить – никто ходить не станем.

Если ты, наш брат Зигмут, будете стоять на договоре и условиях наших, то клянёмся воистину, во имя Аллаха, другу вашему другом, а врагу вашему – врагом будем. А также бешбашские казаки если вдруг уйдут в набег в сёла вашего иля (края) и приведут оттуда пленных, я ваш брат Гази Гирей хан, приведённых пленников возьмём и обратно к вам вышлем. И казаков бешбашевских по заслугам накажем. А если не выведете вы стоящих на реке Озю христианских казаков, а они татарским скотникам и пастухам будут наносить вред и ущерб, вы, наш брат Зигмут, знайте так: дружбы и любви, мира и спокойствия не будет. Двум странам в безопасности и спасении от войны не быть.

Но если вы, наш брат Зигмут, выведете с реки Озю христианских казаков, живущие вдоль реки податные вам чёрные люди, придя к нам с деньгами, пусть покупают и перепродают соль из Чорки, и, доверившись нам, не боятся за вырученные деньги, а, продавши, пусть спокойно уходят. В твою страну, наш брат Зигмут, и в нашу страну пусть ходят купцы, без боязни и не терпя лишений, смело идут и в здравии возвращаются.

Ныне же на глазах вашего великого посла Броневского мы приняли сию клятву и сии условия, и договор этот в нашем высоком хаканском ярлыке, скрепив его золотой печатью, и великого нашего посла, дворцового бека, нашего везира Касыма отправили к вам, дабы сообщил он вам, нашему брату Зигмуту, о нашей клятве, условиях и договоре.

А также, если вы, наш брат Зигмут, ополчась на врагов из Московии, на коня встанете, и если меня, Гази Гирей хана, вашего брата, ради помощи с татарским войском призовёте, и если на нужды и расходы для нашего войска дадите флорины, мы, передав флорины войску на пропитание, на врага его направим.

А также, едущего от нас, вашего брата, Гази Гирей хана, великого нашего посла более двух месяцев держать не надо. Быстрее отправляйте его вместе с долговой казной и необходимым (*tiyiş*) имуществом назад к вашему брату. И вашего великого посла, король Зигмут, посланного к нам нашим братом, мы также более двух месяцев держать не станем, и побыстрее отправим его к тебе, к нашему брату, королю Зигмуту.

Теперь ты, король Зигмут, наш брат, знай же, если вы с реки Озю ваших казаков не выведете, и, собрав их, не схватите, а нашим, вашего брата, скотникам и пастухам будет принесён убыток, а крепостям и поддатным людям Хазрета Падишаха Хюнкара будет нанесён вред и причинён ущерб – дружбы и взаимоприемности, мира и покоя не будет. Люди податные двух стран будут испытывать трудности и терпеть нужду, а Хазретом Падишахом Хюнкаром будете вы посрамлены.

¹¹ В тексте употреблено слово *tiyiş*, что означает – необходимые, нужные вещи.

¹² В оригинале *çekmen*, что обычно означает: плащ, дождевик из плотной шерсти (О.Р.).

Договорной высокий хаканский ярлык сей был написан с тем, чтобы стоять на этих условиях, договорах и клятве. Месяца Джумадие-уль-эввелл по лунному календарю, года тысячного.

В местечке Алма, в ханском дворце. Гази Гирей хан б. Девлет Гирей хан».

Текст ярлыка демонстрирует языковые процессы как в самом Крыму, так и вообще по всей территории тюркских земель, вошедших в империю Чингиз-хана, которая затем распалась на отдельные улусы-государства. Как указывалось выше, эти процессы можно охарактеризовать как смешение золотоордынского *тюрки* с местными диалектами.

Такие лексемы и форманты, как: *ong* – правый (сторона), *barça* – все, всё, *uyat* – стыд, *köp* – много, *tiyiş (tiyişli)* – необходимые (вещи), дорогой [12, с. 278] (здесь – одна из разновидностей добровольно-принудительных налогов), *burungi* – прежний, предыдущий, *orun* – место, *bit-* – писать; вспомогательная роль глагола *tur-* в перефрестических глагольных словосочетаниях: *yibere turğan* (посылаемый) – сближают язык письма со среднеазитским *Тюрки* – Чагатайским языком. К подобным же элементам относятся суффикс исходного падежа (*ayrılma hâli*) – *-din* с окончанием на сонорный дифтонг *ng*: *yeminimüzding* (от нашей клятвы), *içinding* – (изнутри, из чего-либо); суффикс направительного падежа – *ğa / ge* (вместо огузировавшегося *-a/-e* либо *-na /-ne* от основ на гласный) – *bir birigâ düşman olurğa* – (чтобы) один другому врагами быть, *tışqılarına ve köplük qara ilge* – внешнему и во множестве чёрному люду; употребление собирательного, с семантикой наличия признака в абстрактном понятии суффикса *-lig / -lıq*, там где по смыслу требуется суффикс, образующий адъектив от существительного: *-li / -lı*. Например, *nişanlığ* вместо *nişanlı* (имеющий печать, знак); *uçmaqlıq* вместо *uçmaklı* – пребывающий в раю; *devletlülük ve saadetlülük Padişah* – благополучный и счастливый падишах.

Из синтаксических особенностей следует выделить сочинительные конструкции с союзом *ta ki / taqı* – также, выражающим повторные явления [3, с. 174], тогда как в Кодексе Куманикусе, а, следовательно, в кыпчакском, этот союз звучит как *dağı* [8, с. 81] или *dahi*. Другой особенностью является начало предложения с сочинительного союза арабского происхождения *ve* - и (*Ve Siz Zigmüt qural qarındaşımızdıñ bizgâ kilgen Uluğ elçiñizni ta ki iki aydın artuq tutqar qılmaı...* – И от вас, король Зигмüt, нашего брата, прибывшего великого посла более двух месяцев удерживать не станем...), что не совсем соответствует синтаксису тюркских языков.

В свою очередь, к элементам западно-кыпчакского, а в реалиях Крыма – огузо-кыпчакского или куманского языка, – явно относится, например, глагол *yiber-* (посылать), образованный от основы древнего глагола *ıy-* (посылать, отправлять в путь), также зафиксированного в словаре Codex Cumanicus [8, с. 483], и вспомогательного глагола *ber-* (давать, дать). Суффикс будущего времени: *-gay / -ge*¹³: *yibergeyler* – они будут посылать. Чередование форм глагола «быть» в одном тексте: *olmaq* и его вариант с начальной ‘b’ – *bolmaq*,

¹³ Суффикс -гай/-гей определяется нами как суффикс будущего времени вслед за современными исследователями Кодекса Куманикуса Мустафой Аргуншахом и Галип Гюннером (см. [8, с. 104]). Однако вполне допустима трансформация этого суффикса в признак желательного наклонения. (О.Р.)

что можно соотнести с османской или даже местной крымской традицией (в случае с *olmaq*), так и с золотоордынской (*bolmaq*).

Чередование начальных согласных звуков *y-* (*ü*) с *c-* (*дж*) в глаголе *yiber-* / *ciber-* (посылать), как и употребление слова *yurt* (*йурт* – *юрт*) через звук *c* (*дж*) – *curt* (*джурт*), также говорит о кыпчакском влиянии: «Огузы и кыпчаки звук *y* (*ü*), находящийся в начале имени или глагола, всегда переиначивают на *e-* (*э-*) / *i-* (*ы-*) или *c-* (*дж-*)... Когда другие говорят *yıncı* (*йинджю* – девушка, наложница), огузы и кыпчаки говорят «*cıncı*» [11, Т. 1, с. 31].

Обращает на себя внимание употребление глаголов в настоящем-будущем времени на *-ar* / *-ur* в отрицательной форме. Во всех тюркских языках отрицательная форма в этом времени образуется путём присоединения суффикса с отрицательным значением *-maz* / *-mez*, в чагатайском варианте – *mas* / *-mes*. В тексте ярлыка же употреблена разговорная форма на *-may*, свойственная как кыпчакскому, так и чагатайскому языку, и не употребляемая в огузских языках данного периода: *zarar ve ziyan qılar bolsalar dostluq ve muhabbetlik ve yarış ve barış bolmay* (если же будут они вредить и причинять убытки, так дружбе и взаимоприемности, миру и покою не быть).

К исключительно крымским относится также и заимствование из славянских языков слова *sala* – село¹⁴, употреблённое в тексте. Это слово, помимо исторических документов, присутствует также в исконных крымских топонимических названиях: *Fotisala* (*Фотисала*), *Büyükşala* (*Буюкşала*), *Yaşısala* (*Яньысала* – *Янсала*), но больше ни в одном тюркском языке его нет.

Влияние османского языка и, наверное, собственно крымских огузских диалектов – употребление звонких согласных вместо глухих, как это происходит в языках карлукской группы. Например, деепричастие *görüb* (видя) от глагола *gör-* (видеть). При этом этот же корень в другом форманте (или «трансформе» по выражению Н.З. Гадижевой [3]) начинается с глухой *k-*: *zarar ve ziyan körgizgenleri* (творящих нам вред и приносящих убыток). Глагол *körgiz-* означает «показывать», а в сочетании с существительными может означать «устраивать». В любом случае этот глагол с суффиксом понудительного залога *-guz-* / *-giz-* образован от корня *gör-* (видеть), а данный суффикс упоминается в Кодексе; таким образом, он присущ кыпчакскому языку.

В тексте часто присутствуют два варианта произношения слов: *var-* и *bar-* (пойти) или *ver-* и *ber-* (дать, давать), причастия на *-an* / *-en* (*olan*; *varan*) вместе с причастиями кыпчакского типа: на *-ğan* / *-qan* / *-gen* / *-ken* (*turğan*), уже упоминаемое нами чередование *ol-* / *bol-* (быть), а также южно-тюркский причастный послелог *deyü*, вместо *deb*, *teb* в значении: «чтобы», «для того чтобы». Все эти факты говорят о достаточно сильном и устойчивом влиянии османского языка в канцелярии крымских ханов.

Описанные явления на примере ярлыка конца XVI века характеризуют борьбу литературных традиций в Крыму, возникшую в результате самого кочевого уклада жизни тюркских народов, когда на смену уже осевшим на определённой территории племенам появлялись другие, иногда полностью

¹⁴ Попытка вывести этимологию русского «село» как производное от тюркского корня *sal-* (класть, строить, устанавливать) не выдерживает критики в виду широкой распространённости этого слова в других славянских языках: Болг. – село; Мак. – село; Серб. – село; Босн. – selo; Хорват – selo, naselje; Чеш. – vesnice (совпадает с русским «весь», «веси», как и Польск. wieś); Укр. – село; Белорус. – сяло. (О.Р.)

вытеснявшие предыдущие, а иногда сожительствуя с ними в одном ареале. В результате появились различные негомогенные или многосоставные языковые структуры, каким, например, является крымскотатарский язык, в ядре которого, тем не менее, прослеживается устойчивое огузо-кыпчакское влияние. Это наречие оказалось победителем в конкурентной борьбе, хотя в текстах ярлыков и ханских писем европейским и российским правителям времён Крымского ханства оно было на уровне субстрата по отношению к золотоордынскому тюрки и к османскому языку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бартольд В.В.* Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Восточная литература, 2002. 757 с.
2. *Вельяминов-Зернов В.* Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные, по распоряжению Императорской Академии Наук, из Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел. СПб., 1864. 941 с.
3. *Гаджиева Н.З., Серебряков В.А.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис. М.: Наука, 1986. 284 с.
4. *Григорьев А.Р.* Официальный язык Золотой Орды XIII–XIV вв. // Тюркологический сборник. 1977 / Отв. ред. А.Н. Кононов. М., 1981. С. 81–89.
5. Документы Крымского ханства из собрания Хусейна Фейзханова / Сост. и транслит. Р.Р. Абдужемилев; науч. ред. И. Миргалеев. Симферополь: ООО «Константа», 2017. 816 с.
6. *Наджиш Е.Д., Благова Г.Ф.* Тюрки язык // Языки мира / Тюркские языки / Отв. ред. Тенишев Э.Р. Бишкек: Кыргызстан, 1997. С. 126–138.
7. *Зайцев И.В.* Крымская историческая традиция XV–XIX вв.: пути развития: тексты и источники. М.: Восточная Литература, 2009. 304 с.
8. *Argunşah, Mustafa; Güner, Galip.* Codex Cumanicus. İstanbul: Kesit, 2015. 1079 s.
9. *Bronevskiy, Martin* “Kırım”. Çeviren: Kemal Ortaylı. Ankara: EGE Matbaası, 1970. 34 s.
10. *Codex Cumanicus* / Komanisches wörterbuch / Edidit K. Grönbech. Kopenhagen : Einar Munksgaard, 1942. 289 с.
11. *Kaşgari Mahmud.* Divanü Lûgat-it-Türk Tercümesi. Çeviren Besim Atalay / Перевод Дивану Лугат-ит-Тюрк /. Dört cilt. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1992.
12. *Toparlı R., Vural H., Karaatlı R.* Kıpçak Türkçesi Sözlüğü / Recep Toparlı, Hanifi Vural, Recep Karaatlı. Ankara: TDK Yayınları, 2007. 338 s.

Сведения об авторе: Олег Диляверович Рустемов – кандидат филологических наук, доцент Ардаханского университета, **ORCID ID: 0000-0001-6444-2885** (75000, Ардахан, Турция). E-mail: biblos@ukr.net

Поступила 14.12.2017 Принята к публикации 02.03.2018
Опубликована 29.03.2018

REFERENCES

1. Bartol'd V.V. *Raboty po istorii i filologii tyurkskikh i mongol'skikh na-rodov* [Works on the history and philology of the Turkic and Mongolian peoples]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2002. 757 p. (In Russian)
2. Vel'yaminov-Zernov V. *Materialy dlya istorii Krymskogo khanstva, izvlechnyye, po rasporyazheniyu Imperatorskoy Akademii Nauk, iz Moskovskogo Glavnogo Arkhiva Ministerstva Inostrannykh Del* [Materials for the history of the Crimean Khanate extracted from the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs by order of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg, 1864. 941 p. (In Russian)
3. Gadizheva N.Z., Serebryakov V.A. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Sintaksis* [Comparative-historical grammar of Turkic languages. Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 284 p. (In Russian)
4. Grigor'ev A.R. Ofitsial'nyy yazyk Zolotoy Ordy XIII–XIV vv. [The official language of the Golden Horde in the 13th–14th century] *Tyurkologicheskyy sbornik. 1977* [Studia Turcologica. 1977]. Otv. red. A.N. Kononov. Moscow, 1981, pp. 81–89. (In Russian)
5. *Dokumenty Krymskogo khanstva iz sobraniya Khuseyna Feyzkhanova* [Documents of the Crimean Khanate from the collection of Husein Feizkhanov]. Sost. i translit. R.R. Abduzhemilev; nach. red. I. Mirgaleev. Simferopol, OOO «Konstanta». 2017. 816 p.
6. Nadzhip E.D., Blagova G.F. Tyurki yazyk [The Türki language]. *Yazyki mira. Tyurkskie yazyki* [Languages of the world. Türkic languages]. Otv. red. Tenishev E.R. Bishkek, Kyrgyzstan, 1997, pp. 126–138. (In Russian)
7. Zaytsev I. *Krymskaya istoricheskaya traditsiya XV–XIX vv.: puti razvitiya: teksty i istochniki* [The Crimean historical tradition of the 15th–19th century: ways of development: texts and sources]. Moscow, Vostochnaya Literatura, 2009. 304 p. (In Russian)
8. Argunşah M., Güner G. *Codex Cumanicus*. İstanbul, Kesit, 2015. 1079 p. (In Turkish)
9. Bronevskiy, Martin “Kırım”. *Çeviren: Kemal Ortaylı*. Ankara, EGE Matbaası, 1970. 34 p. (In Turkish)
10. *Codex Cumanicus / Komanisches wörterbuch*. Edidit K. Grönbech. Kopenhagen, Einar Munksgaard, 1942. 289 p. (In Turkish)
11. Kaşgari, Mahmud. *Divanü Lûgat-it-Türk Tercümesi. Çeviren Besim Atalay*. Dört cilt. Ankara, Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1992. (In Turkish)
12. Toparlı R., Vural H., Karaatlı R. *Kıpçak Türkçesi Sözlüğü*. Recep Toparlı, Hanifi Vural, Recep Karaatlı. Ankara, TDK Yayınları, 2007. 338 p. (In Turkish)

About the author: Oleg D. Rustemov – Cand. Sci. (Philology), Docent, Ardahan University, **ORCID ID: 0000-0001-6444-2885** (Ardahan 75000, Turkey). E-mail: biblos@ukr.net

*Received December 14, 2017 Accepted for publication March 02, 2018
Published March 29, 2018*

КУЧУМОВИЧИ В ТАРСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ И ШТУРМ ГОРОДА ТАРЫ В 1634 ГОДУ

С.Ф. Татауров

*Омский филиал Института археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской Академии наук
Омск, Российская Федерация
TatSF2008@rambler.ru*

Цель: на основе комплексного археолого-исторического подхода показать один из ключевых эпизодов деятельности Кучумовичей по восстановлению Сибирского ханства – штурм города Тары в 1634 году.

Материалы исследования: в основе работы – комплексное использование письменных и археологических источников. В данном случае – воссоздание штурма города в 1634 года, на основе археологических коллекций и материалов, полученных в ходе раскопок острожной части города Тары, которые можно трактовать как свидетельства этого события, с одной стороны; и докладов тарских воевод и других документов с другой.

Результаты и научная новизна: статья посвящена событиям первой трети XVII в., имевшим место в Тарском Прииртышье и связанным с действиями сыновей и внуков хана Кучума по восстановлению Сибирского ханства. Письменные и археологические источники демонстрируют всю сложность процесса присоединения Западной Сибири к Российскому государству, которое выразилось в военном противостоянии местных элит и местной русской администрации. Апогеем событий стал двойной штурм города 12 сентября и 12 октября 1634 г. города Тары, когда город устоял только благодаря героизму защитников и своевременной военной помощи из Тобольска. Археологические исследования позволили воссоздать детали штурма, место и размеры прорыва острожной стены, последующий отход нападавших, места сражений во время вылазок гарнизона. Показателем сражения стали найденные в ходе раскопок костяные и железные наконечники стрел, свинцовые пули, а также следы пожара, который частично уничтожил город осенью этого года. После 1634 г. Кучумовичи продолжали активно вести свою борьбу, но больше штурмов и осад Тары не было. Фактически это был последний штурм русского города в Западной Сибири.

Ключевые слова: Сибирь, Кучумовичи, Тара, государство, противостояние, набеги, штурм, история

Для цитирования: Татауров С.Ф. Кучумовичи в Тарском Прииртышье и штурм города Тары в 1634 году // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 1. С. 134–144. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.134-144

THE KUCHUMOVICHI IN TARA'S CIS-IRTYSH REGION
AND STORMING THE CITY OF TARA IN 1634

S.F. Tataurov

*Omsk branch of Institute of archaeology and ethnography
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Omsk, Russian Federation
TatSF2008@rambler.ru*

Research objectives: To discuss one of the key episodes of Kuchumovichi's activity aimed at restoring the Khanate of Siberia – the assault on the city of Tara in 1634 – on the basis of a comprehensive archaeological-historical approach.

Research materials: The work is based on the integrated use of written and archaeological sources. On the one hand, a reconstruction of the assaults of the city in 1634 is made on the basis of archaeological collections and materials obtained during the excavation of the burg part of the city of Tara, which can be interpreted as evidence of this event. On the other hand, the reports of the Tara's voivods and other documents are used.

Results and novelty of the research: Archaeological research has made it possible to reconstruct the details of the assaults (on September 12 and October 12, 1634), the location and size of the breach in the burg wall, the subsequent retreat of the attackers, and the location of battles during the sorties of the garrison. Bone and iron arrowheads, lead bullets found during the excavations, as well as traces of the fire that partially destroyed the city in the autumn of 1634, represent the traces of these battles. After that year, the Kuchumovichi continued their active struggle, but there were no further storms and sieges of Tara. In fact, this was the last assault on a Russian city in Western Siberia.

Keywords: Siberia, Kuchumovichi, Tara, state, opposition, attacks, storm, history

For citation: Tataurov S.F. The Kuchumovichi in Tara's Cis-Irtysh Region and Storming the City of Tara in 1634. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018. Vol. 6, no. 1, pp. 134–144. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.134-144

Введение

Город Тара был основан в 1594 году – это событие преследовало несколько целей, но в первую очередь как организацию центра для окончательного разгрома хана Кучума и приведению в русское подданство поддерживающего его местного населения. Следующей задачей был контроль над торговыми путями из Средней Азии и оборона южной границы русских земель. Удобное географическое положение предполагало, что Тара станет центром нового земледельческого района, основным поставщиком для сибирских городов соли с богатых прииртышских месторождений. Следует отметить, что все предположения относительно расположения и роли города оказались правильными и полностью оправдались. Однако следует отметить, что цена за выполнение этих задач оказалась достаточно высока. Население города в течение всего XVII века испытывало все тяготы полуосадного положения города, еще хуже было положение русских деревень, которые многожды подвергались налетам со стороны южных кочевников. Далеко не всегда они успевали укрыться за крепостными стенами и, попав в полон, пополняли собой невольничьи рынки в Средней Азии.

Роль Тары в разгроме хана Кучума достаточно хорошо описана в научной литературе, детально описаны походы тарских воевод от города вверх по Иртышу и в Барабинскую лесостепь, финальный поход и разгром хана на Ирменском лугу в Приобье [4; 10]. На этом фоне гораздо меньшее внимание уделено последующему противостоянию в первой половине XVII века города и его гарнизона с сыновьями и внуками хана Кучума и поддерживающими их калмыками и татарами.

Методика

В основу данной публикации легли материалы раскопок исторического центра города Тары, которые начались в 2007 году и продолжаются до настоящего времени экспедицией омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН при поддержке университетов городов Омска и Томска. За этот период накоплен значительный материал, позволяющий восстановить многие моменты в истории города, особенно на время его основания и первоначального развития. Дендрохронологические определения, выполненные коллективом под руководством В.С. Мыглана, позволили нам максимально сузить датировку горизонтов культурного слоя и выйти на реконструкцию конкретных событий. Без всякого сомнения, этот факт является одним из самых значимых моментов в археологических исследованиях городских комплексов.

Археологические материалы позволили дополнить известные исторические документы – записки тарских воевод, документы Сибирского приказа и др. об этих событиях и, тем самым, наполнить фактическим содержанием некоторые моменты этих источников, показать непосредственно на местности развитие конкретных эпизодов событий осени 1634 года.

Обсуждение

Анализ деятельности потомков хана позволяет утверждать, что история сибирского ханства не закончилась с разгромом хана Кучума в 1698 году, а продлилась практически до середины века. Вопрос о сыновьях и внуках хана Кучума неоднократно поднимался в отечественной литературе, к одним из последних фундаментальных исследований можно отнести монографию В.В. Трепавлова [12]. Автор показывает особенность их деятельности как лидеров сопротивления русской администрации и их стремление к возрождению Сибирского ханства: «Длительность этого явления удивительна... и является уникальным случаем в геополитическом развитии России на фоне других татарских государств» [12, с. 4–5]. Однако, тезис автора о том, что «Жизнь потомков Кучума в степях Южного Урала, Юго-Западной Сибири и современного Северного Казахстана можно в целом охарактеризовать как прозябание в окружении немногочисленных верных подданных и постоянно меняющихся, приходящих и уходящих временных сторонников» [12, с. 4–5], на наш взгляд не совсем верен для всего процесса противостояния и не для всех территорий, и в данной работе мы рассмотрим ситуацию в Прииртышье и в Барабе в первой трети XVII в..

В этот период Кучумовичи периодически фигурируют в записках тарских воевод при описаниях набегов на русские территории, которые они совершали, опираясь на достаточно многочисленное население с сохранившимися под их управлением земель. Фактически весь бассейн р. Оми на восток от

Иртыша и земли вдоль Камышловского лога (древнее русло Иртыша) до системы Крутинских озер и далее до Чановских озер на запад находились под управлением сыновей и внуков хана Кучума. В данной работе мы рассматриваем Прииртышье и сопредельные территории, поэтому мы не берем в данном случае территорию Южного Урала и Зауралья, где у Кучумовичей также были весьма сильные позиции. Численность населения на этих землях была довольно значительной. Например, Ю.С. Худяков пишет, что в 1603 г. войско татар и нагайцев под руководством сына Кучума, Али, насчитывало 1100 воинов [14, с. 87]. Это больше, чем было у него во время набега на строгановские земли в Предуралья в 80-е годы XVI в.!

Анализ передвижений татарских отрядов показывает, что их центром стало несколько укрепленных поселений на островах и берегах системы Чановских озер. По описаниям путешественников и на материалах археологических исследований выделяется несколько объектов. В первую очередь это Воскресенское городище. И.П. Фальк, в частности, пишет: «Бараба имеет много остатков древних жителей, из коих мне известны следующие. Следы Тонтуры при деревне сего названия, занимают полуостров, образуемой южной дугою Ома, около возвышенной площади в перечнике в одну версту, татарское название означает город Тора. Сказывают, что она была столицею некоего хана» [13, с. 336]. К комплексам, которые служили ставками Кучумовичей, следует отнести городища: Тюменска и Чиняиха на соответственно одноименных островах на озере Чаны и Большой Чуланкуль на одноименном озере. В силу особенностей своего расположения городища были практически неприступными. Судя по материалам археологических исследований – это значительные по площади поселения, а не временные стоянки, и можно говорить о том, что Кучумовичи могли здесь останавливаться всю первую половину XVII в.

Наличие городов и городков, принадлежавших Кучумовичам на контролируемых ими землях, показывало легитимность их власти, как место для обращения по каким-либо вопросам, для решения споров, поиска защиты и т.д. Именно по этой причине русские отряды после взятия таких городков просто стирали их с лица земли, уничтожая тем самым признаки государственности Сибирского ханства. Это мы видим по судьбе Черного и Тунуского городков в Прииртышье.

Эти земли не входили в состав российского государства, но и на территориях, находившихся под властью русской администрации, влияние потомков хана Кучума было очень велико – что привело к сложению системы двоеданничества, когда население платило ясак как русской администрации, так и ее противникам. Как писал телеуцкий князец Шала Табунов русским властям: «Бел конь промеж двух царей живет на середине» [1, с. 3]. Одной из задач воевод г. Тары было несение сторожевой службы в пограничных со степью районах, расширение подвластных русскому царю территорий и увеличение при этом количества ясачного населения. За достаточно короткое время, в 1596–1598 гг. прииртышские и частично барабинские татары были обясачены, но практически сразу они вновь попали под влияние Кучумовичей и были вынуждены платить ясак сразу двум властям.

В отношении двоеданничества следует отметить, что это ни в коем случае нельзя рассматривать как грабеж или разовое действие. В данном случае мы имеем дело с определенным порядком, который был оформлен в период

Сибирского ханства. Было регламентировано количество и ассортимент собираемого ясака, его время и сборщики среди местной знати. Наличие Кучумовичей на территории, относившейся к ханству, означало правомерность сбора этого налога и определенную подчиненность. Ясак собирался и хранился до приезда представителей потомков хана Кучума или их самих, нередко он (ясак) отдавался сразу за два-три года. Только регулярными поступлениями ясака объясняется возможность Кучумовичей длительное время противостоять Российскому государству, так как других средств на содержание своих отрядов, порой довольно многочисленных, у них не было. Следует заметить, что реализацию своих налоговых поступлений они наладили благодаря сохранившейся и даже несколько увеличившейся караванной торговле между Средней Азией и русскими городами (прежде всего Тарой) в XVII в. Через бухарских купцов они получали оружие, в том числе и русское, военное снаряжение и другие припасы для ведения военных действий

Помимо опоры на собственно татарское население, где мы выделяем аялыньских татар, Кучумовичи в свои походы привлекали самые разнообразные группы степного населения. С элитой кочевых племен они заключили ряд соглашений, в том числе и брачных, взяв их дочерей в жены. Так, после похода 1607 года, когда был взят Киньрский городок, Кучумовичи потерпели поражение от отряда Казария Изъетдинова и отправились в разные стороны – «Алей в Нагаи, а Озим в Казатцкую орду, а Ишим в Колмаки к тестю своему к Урлюку-тайши» [9, с. 115].

Всю первую треть XVII в. Прииртышье было ареной столкновений между потомками хана Кучума и отрядами тарских воевод. Если в открытых столкновениях побеждали русские, то во время внезапных налетов на русские и татарские деревни верх оставался за их противниками. Рынки Средней Азии были заполнены пленниками русского и татарского происхождения на протяжении XVII – первой половины XIX вв. В.В. Григорьев в комментариях к запискам майора Бланкеннагеля пишет: «Хивинские невольники суть российские и персидские подданные; российских обоюга пола число простирается до двух, а персидских более двадцати тысяч. Киргизцы пленных Россиян продают на хивинских и бухарских базарах: мужчин – от 40 до 50, а женщин – от 50 до 100 червонных тамошних» [3, с. 96].

В 20-х годах ситуация вокруг г. Тары обостряется, но отсутствие продовольственной базы не давало возможность Кучумовичам содержать длительное время большие отряды и переломить ситуацию в свою пользу. О событиях этого периода и о походах Кучумовичей в Прииртышье написано достаточно много работ [2; 16; 6; 7 и др.]; мы остановимся только на тех, где роль Кучумовичей была наиболее очевидна, и на обороне Тары 1634 года.

В 1618 г. Кучумович Ишим повторил набег на Тарский уезд совместно с двумя калмыцкими тайшами. В ответ был совершен поход под руководством Алексея Вильяминова-Воронцова, в результате которого улус царевича Ишима и тайшей «повоевали и многих колмацких людей побили и жон их и детей взяли, и верблюды и лошади поймали многие, и на Тару тот полон и лошади и верблюды привели». В Тобольск было отправлено 17 верблюдов, а в Тару – 58 [5, с. 43].

В 1627 году тарский воевода Степан Исленьев в январе 1627 г. сообщал в Москву, что «пришли колмацкие люди войною на верхние волости в Тунус, в Любу, в Тураши, в Барабу, в Чой, в Тереню, а иные колмацкие люди пришли близко Тарского города в ясашные волостные места... и ясашным людям в промыслах учинили тесноту» [8, с. 438–440].

В 1628 г., после того, как тарские воеводы Ю.И. Шаховской и М.Ф. Кайсаров провели экзекуцию (выпоролы и били по пяткам татарских князьков), восстало все татарское население Барабы и Прииртышья. Аялынский татары во главе с князьком Кочашем Танатаровым и юртовским служилым татаринном Неврусом Евгаштиным осадили Тару, разорили подгородные русские деревни, где «жен и детей побивали и в полон имали» [2, с. 119]. Восстание продолжалось на протяжении трех лет, но его окончание стало лишь небольшой передышкой, и в 1634 году Тара оказалась буквально на волосок от гибели. Осенью 1634 года Тара дважды подверглась штурму, и только ценой невероятных усилий защитников и помощи из Тобольска город устоял.

Из описаний Г.Ф. Миллера становится очевидным, что к нападению на г. Тару причастны кучумовичи. За год до этих событий, в октябре 1633 г. на реку Исеть пришел Давлеткирей и разорил катаяскую волость и татарскую деревню Баишевы юрты Тюменского уезда, и вождем у него был татарин Тарского уезда Кончашка Танатаров. На следующий год Давлеткирей повторил свой поход, но уже под г. Тару. Но перед этим в Тюмень 12 сентября пришел тюменский татарин, который сообщил, что на царевичей Аблая и Давлеткирея напала Казахская орда, и набега на русские земли с их стороны не будет. Царевичи нарочно распускали слухи, чтобы русские не опасались и не ожидали нападения [5, с. 124]. Их замыслы оправдались, и, когда 12 сентября калмыки подступили к городу, их не ждали. Поэтому практически все русские и татарские деревни вокруг города были разорены и сожжены дотла. Сам город при этих событиях не пострадал, калмыки ограничились тем, что контролировали городские ворота. Историк В.Д. Пузанов пишет, что «русские не только не смогли защитить территорию уезда, но и фактически потерпели поражение под стенами самой Тары, так как после разорения ее округи, нападавшие с добычей смогли уйти в степь» [7, с. 73].

Через месяц калмыки вновь подошли к Таре и, ограбив в округе деревни, подступили к стенам Тары. Судя по выписке в доклад, составленной в Сибирском приказе по результатам событий 1634 г., ситуация сложилась очень сложная: «Да во 143 ж году октября и 13 день пришли под Тарской город Куйшины-тайшины дети, Онбо дя Янзы, да зять Куйшин Онбо, а с ними многие колмацкие воинские люди. И которые де служилые люди и пашенные крестьяне и юртовские татаровя выехали из города по сена и по дрова, и тех людей от города отхватили и побили, а иных в полон поймали и к городу и к острогу приступали. А вож де у них был под Тарской город государев изменник Аялынской волости ясачной татарин Сабанко. ... И был с теми колмацкими людьми под городом бой с утра и до вечера, и колмацкие де люди, отошед от города, стали в 10 верстах. ...И государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси тарские служилые люди бьют челом, чтоб их государь пожаловал за те их службы своим государевым жалованьем, как ему, государю, бог известит...» [9, с. 64].

Тринадцатого октября из Тобольска прибыла военная помощь, оказавшаяся очень кстати. Вновь подступившие к городу калмыки были остановлены и обращены в бегство. Тарские и тобольские служилые люди настигли их в 10 верстах от города и частично уничтожили. В бою удалось отбить пленных и захватить 300 лошадей [5, с. 124].

Археологические исследования в историческом центре г. Тары и на прилегающих к городу территориях позволили дополнить письменные источники. В 2016 году была раскопана часть острожной части города, примыкающая к крепостной стене. В ходе работ была исследована изба, которая, исходя из дендрохронологических данных, сгорела примерно в 1629–1636 гг. В печи сохранилась большая корчага, полная репы, что позволяет говорить о том, что пожар произошел осенью. И, наконец, в этом культурном горизонте найдено несколько пуль (рис. 1–8) и костяных и железных наконечников стрел (рис. 1–2–7).

В этом же хронологическом горизонте зафиксировано еще несколько сгоревших изб, в одной из которых был погреб, после пожара обустроенный под жилье. Все эти факты позволяют несколько по-новому взглянуть на события сентября–октября 1634 года. Сентябрьские события привели к тому, что часть острожной части города была подожжена, потушить ее не удалось. Сгорели и острожные укрепления, но поскольку у калмыков не было цели и возможностей штурмовать Тару, то они ограничились полоном и награбленным в окружающих город деревнях. Зная, что крепостные стены сильно повреждены, калмыки вернулись через месяц и попытались взять город, и только стойкость тарских воинов и горожан не позволили им это сделать.

События в октябре 1634 г. развивались следующим образом (рис. 1–1). 12 октября калмыки подошли к городу и взяли его в осаду. Тарчане не ожидали повторного прихода калмыков, поэтому население окружающих деревень вновь сильно пострадало и лишь немногие их жители укрылись в городе. Штурм калмыки предприняли со стороны р. Аркарки – об этом свидетельствует большое количество пуль (более 100), собранных у подножья крепостных стен на этом участке. С одной стороны, это один из самых неудобных для штурма участков крепостной стены, так как она стояла на краю первой надпойменной террасы р. Иртыш – высотой около 8 метров. Но если с напольной стороны город был защищен двойной линией укреплений – острожной стеной и рогатками перед ней и крепостной, – то с береговой стороны была только одна стена. К тому же стена была повреждена сентябрьским пожаром. На данный момент это было самое слабое место в обороне города, поэтому именно сюда и пришелся основной удар калмыков.

Непосредственно атаке предшествовал интенсивный обстрел защитников стены из луков. Стрелять приходилось снизу через крепостную стену, поэтому использовались удлиненные плоские наконечники, применявшиеся для стрельбы на максимальное расстояние. Подобные наконечники стрел достаточно хорошо представлены на татарских памятниках Прииртышья и Барабы этого времени. Обращает внимание, что почти у всех стрел повреждены острия наконечников от ударов в деревянные конструкции. После этого был предпринят штурм, и нападающие преодолели укрепления в районе береговой линии острога. Об этом свидетельствуют находки пуль (15 экземпляров) непосредст-

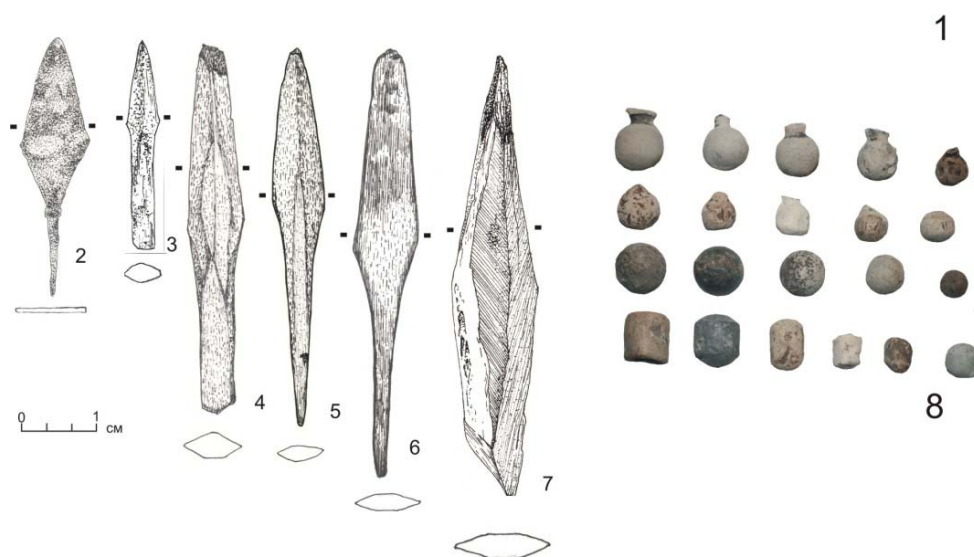
венно в межжилищном пространстве острога (многие деформированы от ударов о стены изб) и один небольшой трехгранный костяной наконечник стрелы для стрельбы на небольшие расстояния (рис. 1–3). Находки пуль локализуются на небольшом участке острога между Тобольской острожной и Княжней крепостной башнями – менее 70 метров, и, очевидно, что дальше осаждающие не продвинулись; так, ни одну из башен им взять не удалось. Вследствие того, что к защитникам города подошло подкрепление из Тобольска, калмыки отошли на ручей Ржавец (приток р. Аркарки) примерно в 700 метрах от крепости, но на них была совершена вылазка. Об этом свидетельствуют находки трех десятков пуль на месте, где располагался их лагерь [11, с. 401].

Калмыки отступили от города, как мы уже писали, на 10 верст – нами установлено, что они поставили лагерь в устье р. Ибейки, – здесь и в настоящее время хорошие пастбища, и на этом стане они были разгромлены отрядом тарских служилых людей (вероятнее всего, название речка получила после этого события). Археологические исследования этого места в настоящее время ограничились только разведкой, но в Тарском краеведческом музее хранятся наконечники стрел, металлические бляшки от конской сбруи, собранные на месте калмыкской стоянки.

Заключение

После событий 1634 года русские потеряли свои земли по рекам Оми и Иртышу до самой Тары и проживавшее на них татарское население. Но больше штурмов города не было, так как калмыки вынуждены были в этот период воевать с монголами. В последующие годы набеги калмыков и других групп кочевников продолжались, но напряженность постепенно ослабевала. Последний серьезный поход Кучумовича к стенам Тары состоялся в 1667 г., когда «Кучок царевич со своими с воровскими с воинскими людьми з башкиры» вторгся в Тарский уезд и подошел к городу [12, с. 112–113]. Ослабление напряженности в Тарском уезде было связано и со значительным ростом количества русских поселений – Бергамакского острога и слободы, Такмыкской слободы, Логиновского погоста и др., которые выполняли роль укрепленных волостных центров, способных в случае появления неприятеля самостоятельно организовать оборону или встречный поход. Изменилось настроение татарского населения – испытав на себе неоднократно грабежи калмыкских отрядов и угон своих родственников на рабовладельческие рынки в Среднюю Азию, они все больше склонялись к Российской администрации. Они либо переселялись под защиту крепостных стен Тары (что привело к быстрому росту Бухарской слободы), либо соглашались к основанию русских поселений на своих землях – как произошло с основанием Бергамакского острога. Но следует отметить, что только с постройкой сибирских укрепленных линий Тарский уезд получил настоящую защиту от набегов, а Тара стала превращаться из города-крепости в обычный сибирский город.

В завершение отметим, что археологические исследования комплексов XVI–XVIII вв. позволяют воссоздать многие моменты сибирской истории, не отраженные в письменных документах, дополнить наши представления о судьбе сибирских народов и конкретных исторических персонажах.

Рис. 1. 1 – схема осады и штурма г. Тары в 1634 г.
2–7 – наконечники стрел (2 – железо, 3–7 – кость); 8 – пули (свинец)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Боронин О.В.* Двоеданнычество в Сибири XVII – 60-е гг. XIX в. Научная монография / Под ред. В.А. Моисеева. Барнаул: Изд-во «Азбука», 2002. 220 с.
2. *Волкова К.В.* Восстание татар Тарского уезда 1628–1631 гг. // *Сибирь периода феодализма.* Новосибирск, 1965. Вып. 2. С. 112–127.
3. *Григорьев В.В.* Путевые заметки майора Бланкеннагеля о Хиве в 1793–1794 гг. // *Вестник Императорского Русского Географического Общества.* СПб., 1858. Т. XXII, № 3, отдел II.

4. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 630 с.
5. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 796 с.
6. Почекаев Р.Ю. Сибирские шибаниды XVII в.: претензии, статус, призвание // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств в Западной Сибири: материалы II Всероссийской научной конференции (Курган, 17–18 апреля 2014 г.) Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011. С. 100–104.
7. Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири. Конец XVI–XVII вв. СПб.: Алетейя, 2010. 432 с.
8. Русская историческая библиотека. Т. 8. СПб., 1884. 668 с.
9. Русско-монгольские отношения 1607–1636. Сборник документов. М.: Главная редакция восточной литературы, 1959. 350 с.
10. Синяев В.С. Окончательный разгром Кучума на Оби в 1598 г. // Вопросы географии Сибири. Томск, 1951. № 2. С. 141–156.
11. Татауров С.Ф., Фаустов Т.Н. Коллекция пуль XVII века в городе Таре // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. Омск: Издательский дом «Наука», 2017. С. 398–402.
12. Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М.: Восточная Литература, 2012. 231 с.
13. Фальк И.П. Записки путешествия от С.-Петербурга до Томска // Полн. Собр. Ученых путешествий по России. СПб., 1824. 446 с.
14. Худяков Ю.С. Взаимодействие российских властей в Сибири с телеутами в борьбе со сторонниками восстановления Сибирского ханства // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств в Западной Сибири: материалы II Всероссийской научной конференции (Курган, 17–18 апреля 2014 г.) Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. С. 86–88.

Сведения об авторе: Сергей Филиппович Татауров – кандидат исторических наук, заведующий сектором археологии Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (644024, пр. К. Маркса, 15, корп. 1, Омск, Российская Федерация). E-mail: TatSF2008@rambler.ru

Поступила 06.11.2017 Принята к публикации 15.02.2018
Опубликована 29.03.2018

REFERENCES

1. Boronin O.V. *Dvoedannichestvo v Sibiri XVII – 60-e gg. XIX v. Nauchnaya monografiya* [The dual tributaryness in Siberia in the 17th century – the 1860s. Research monograph] Pod red. V.A. Moiseeva. Barnaul, Azbuka Publ., 2002. 220 p. (In Russian)
2. Volkova K.V. Vosstanie tatar Tarskogo uезда 1628–1631 gg. [The Revolt of the Tatars of the Tara County in 1628–1631]. *Sibir' perioda feodalizma. Novosibirsk – Siberia of the period of feudalism*. 1965. Is. 2, pp. 112–127. (In Russian)
3. Grigor'ev V. V. Putevye zametki mayora Blankennagelya o Khive v 1793–1794 gg. [Traveling notes of the major Blankennagel about Khiva in 1793–1794]. *Vestnik Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva – Bulletin of the Imperial Russian Geographical Society*. St. Petersburg, 1858. Vol. XXII, no. 3, otdel II. (In Russian)
4. Miller G.F. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. I. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1999. 630 p. (In Russian)

5. Miller G.F. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. II. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2000. 796 p. (In Russian)

6. Pochekaev R.Yu. Sibirskie shibanidy XVII v.: pretenzii, status, prizvanie [The Siberian Shibanids of the 17th century: claims, status, vocation]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv v Zapadnoy Sibiri: materialy II Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Kurgan, 17–18 aprelya 2014g.) – History, economics and culture of the medieval Turko-Tatar states in Western Siberia: materials of the Second All-Russian research conference (Kurgan, on April 17–18, 2014)*. Kurgan, Kurgan State University Publ., 2011, pp. 100–104. (In Russian)

7. Puzanov V.D. *Voennye faktory russkoy kolonizatsii Zapadnoy Sibiri. Konets XVI–XVII vv.* [Military factors of the Russian colonization of Western Siberia. The end of the 16th–17th century]. St. Petersburg, Aleteya, 2010. 432 p. (In Russian)

8. *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian historical library]. Vol. 8. St. Petersburg, 1884. 668 p. (In Russian)

9. *Russko-mongol'skie otnosheniya 1607–1636. Sbornik dokumentov* [Russian-Mongolian relations in 1607–1636. Collection of documents]. Moscow, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1959. 350 p. (In Russian)

10. Sinyaev V.S. Okonchatel'nyy razгром Kuchuma na Obi v 1598 g. [The final defeat of Kuchum on the Obi in 1598]. *Voprosy geografii Sibiri – Questions of geography of Siberia*. Tomsk, 1951, no. 2, pp. 141–156. (In Russian)

11. Tataurov S.F., Faistov T.N. Kolleksiya pul' XVII veka v gorode Tare [Collection of bullets of the 17th century in the city of Tara]. *Kul'tura russkikh v arheologicheskikh issledovaniyakh: sb. nauch. st. – The culture of Russians in archaeological researches: collection of research articles*. Omsk, Nauka Publ., 2017, pp. 398–402. (In Russian)

12. Trepavlov V.V. *Sibirskiy yurt posle Ermaka: Kuchum i Kuchumovichi v bor'be za revansh* [The Siberian yurt after Yermak: Kuchum and the Kuchumovichi in the struggle for a revenge]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2012. 231 p. (In Russian)

13. Fal'k I.P. Zapiski puteshestviya ot S.-Peterburga do Tomsk [Notes on the travel from St.-Petersburg to Tomsk]. *Poln. Sobr. Uchenykh puteshestviy po Rossii – Complete collection of scientific travels across Russia*. St. Petersburg, 1824. 446 p. (In Russian)

14. Khudyakov Yu.S. Vzaimodeystvie rossiyskikh vlastey v Sibiri s teleutami v bor'be so storonnikami vosstanovleniya Sibirskogo khanstva [Interaction of the Russian authorities in Siberia with the Teleuts in the struggle against the supporters of restoration of the Siberian khanate]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv v Zapadnoy Sibiri: materialy II Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Kurgan, 17–18 aprelya 2014g.) – History, economics and culture of the medieval Turko-Tatar states in Western Siberia: materials of the Second All-Russian research conference (Kurgan, on April 17–18, 2014)*. Kurgan, Kurgan State University Publ., 2014, pp. 86–88. (In Russian)

About the author: Sergey F. Tataurov – Cand. Sci. (History), Head of the Department of Archaeology, Omsk Branch of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (15, korp. 1, K. Marks Ave., Omsk 644024, Russian Federation). E-mail: TatSF2008@rambler.ru

*Received November 6, 2017 Accepted for publication February 15, 2018
Published March 29, 2018*

ДИСКУССИИ

УДК 737(470.4)"12"

DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.145-158

МОНЕТЫ САРАЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 660-Х ГГ.Х. / 1260-Х ГГ.

П.Н. Петров¹, К.В. Кравцов², С.В. Гумаюнов³

¹ *Центральный Государственный музей РК
Алматы, Республика Казахстан
ppn@zmail.ru*

² *Государственный Эрмитаж
Санкт-Петербург, Российская Федерация
konstantin-kra@hermitage.ru*

³ *Министерство промышленности и энергетики Саратовской области
Саратов, Российская Федерация
GumayunovSV@saratov.gov.ru*

Целью публикации является введение в научный оборот самых ранних на сегодняшний день серебряных монет Берке, битых на монетном дворе Сарай (т.е. во Дворце). В результате длительного отслеживания находок в районе г. Саратова необычных серебряных анонимных джучидских дирхамов авторами статьи была собрана информация, позволяющая атрибутировать необычные монеты. На одном экземпляре обнаружен год выпуска – 663/1264–1265 гг., т.е. год управления Берке улусом Джучидов. На другом, относящемся к выпускам этого же типологического ряда, указано место чеканки – Сарай. Всего зафиксировано 19 монет. Дирхамы представлены в 3-х номиналах, ни один из которых не несет тамг. Никогда ранее подобные монеты в научной литературе не изучались.

Новизна в первую очередь заключается в информации, которая заключена в этих монетах. На большинстве экземпляров стоит лакаб эмитента: *Призывающий к правильному пути, помощь мира и веры*, что однозначно указывает на властителя, принявшего ислам, и на отсутствие у него титула *хан*. Анализ собранной информации, а также учет того обстоятельства, что в улусе Джучидов в XIII веке монетное обращение носило исключительно региональный характер, ставят весьма актуальные вопросы не только о месте расположения Сараев Берке и Бату, но и о том, что следует понимать под топонимом *Сарай*, помещенным на монеты в ранний период существования улуса Джучидов (во второй трети XIII века). Не исключено, что наши современные представления о Сарае как о конкретном городе – ошибочны. Впервые, благодаря проведенному исследованию, начало монетного производства в Сарае оказалось вплотную приближено к 650-м гг.х./1250-м гг.

Ключевые слова: Джучиды, Сарай, Укек, город Саратов, монеты, дирхамы, лакаб и титул, Берке, исма‘илиты

Для цитирования: Петров П.Н., Кравцов К.В., Гумаюнов С.В. Монеты Сарая первой половины 660-х гг.х. / 1260-х гг. // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 1. С. 145–158. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.145-158

THE COINS OF SARAY IN THE FIRST HALF OF THE 660S AH / 1260S AD

*P.N. Petrov*¹, *K.V. Kravtsov*^{2, 3}, *S.V. Gumayunov*³

¹ *Central State Museum of the Republic of Kazakhstan
Almaty, Republic Kazakhstan
ppn@zmail.ru*

² *The State Hermitage Museum
St. Petersburg, Russian Federation
konstantin-kra@hermitage.ru*

³ *Ministry of industry and energy of Saratov region
Saratov, Russian Federation
GumayunovSV@saratov.gov.ru*

After having long scrutinized the finds of 19 unusual, anonymous Juchid dirhams discovered in the vicinity of Saratov, the authors of this article are finally able to attribute these coins. One specimen bears the year of minting 663 AH/1264–1265 AD, i.e. the year when Berke reigned in the Juchid ulus. Another coin, connected with the issues of the same typological series, has the mint name of Saray, but lacks any tamgha. While tamghas are also absent on all the other dirhams, judging by their weights, the 19 coins represent three different denominations. The authors have no information regarding the finds of such coins in other regions of the Juchid ulus. The coins' legends contain the issuer's laqab – *al-da'i ila'l-huda nusrat al-dunya wa'l-din*, which unequivocally confirms that this is a laqab of a ruler who converted to Islam.

An analysis of these Saray dirhams from the vicinity of Saratov, struck during the reign of Berke, as well as the fact that the monetary circulation in the Juchid ulus in the thirteenth century was predominantly local, raised important questions not only concerning the location of Batu's Saray and Berke's Saray respectively, but also regarding how we should understand the toponym "Saray" in the second third of the thirteenth century. In this connection, it is not improbable that our current understanding of Saray as a particular city is incorrect or at least not uncontroversial. At the moment, in light of current research, it is clear that the mint of Saray was operating already in the 650s AH / 1250s AD.

Keywords: Juchids, Saray, Ukek, city of Saratov, coins, dirhams, laqab and title Berke, Isma'ilis

For citation: Petrov P.N., Kravtsov K.V., Gumayunov S.V. The Coins of Saray in the first half of the 660s AH / 1260s AD. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018. Vol. 6, no. 1, pp. 145–158. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.145-158

Одним из принципиально важных вопросов джучидской нумизматики является выяснение времени начала работы монетных дворов в разных регионах в XIII веке. Связано это с необходимостью осуществления оценки развития денежного обращения в этих областях, денежной политики властей и той роли, которая отводилась, в частности, монетному делу в развитии экономики государства. До настоящего момента монетная продукция Сарая была известна, только начиная со времени правления хана Менгу-Тимура (см., например, [6, табл. 3]). Поэтому любая новая информация о более ранних выпусках этого двора представляется крайне важной и значимой.

В настоящем исследовании приводится нумизматический материал, происходящий из округа г. Саратова. Всего 19 монет – серебряные дирхамы, анонимные, без изображений тамг. Семь экземпляров из них являются кладом. Младшая и единственная датированная монета помечена 663/1264–1265 гг. На

одном экземпляре указано название монетного двора – *Сарай*, и еще на двух чтение аналогичного топонима можно предполагать. Целью данного исследования является не только введение в научный оборот нового нумизматического материала, но и попытка оценить значимость этого источника для решения как внутридисциплинарных, так и общеисторических проблем.

Начнем с описания монет. Все изображения дирхамов приведены в фототаблицах, а их номера соответствуют номерам описаний и сведений в таблице 1. Монеты формально разбиты по группам. За дифференцирующий критерий принято содержание и структура легенд на каждой стороне дирхама. Если на одной стороне двух монет легенды одинаковые, а на оборотной – разные, то эти экземпляры относятся к дирхамам разных групп. Критерием варианта является иное расположение слов легенды на любой строке хотя бы на одной стороне монеты. Номера монет в каталоге соответствуют номерам в таблице 1 и в фототаблицах 1, 2.

Каталог монет

Группа I.

№ 1–2. МД¹ не указан, анонимный, год не указан.

Л.с. Круговой ободок. В поле калима *тавхид*:

لا اله الا / الله وحده / لا شريك له

О.с. Картуш фигурный. В поле:

الدعى (!) / الى الهدى / نصره الدين [؟] / و الد [نيا؟]

Призывающий к правильному пути, помощь мира и веры

Слово *ал-худа* легенды встречается в том числе и на монетах исма‘илитов Аламута в составе айата 28 Сурь 48.

Группа I.2.

№ 3. МД не указан, анонимный, год не указан.

Л.с. Виден двойной ободок (внешний – точечный, внутренний – линейный).

Возможно, ободок виден не весь, и он такой же, как на л.с. у монет группы II.

В поле калима *тавхид*:

لا اله الا / الله وحده / لا شريك له

О.с. Картуш фигурный. В поле:

الدعى... / نصره .؟. / الدين / و الد (!)

Легенда видна частично, но ясно, что расположение слов отличается от структуры легенды на монетах группы I.

¹ МД – монетный двор (здесь и далее по тексту).

Группа II.

Типологически схожую монету удалось найти в составе нумизматического собрания Саратовского музея, инв. № СМК 70936 (см. фототабл. 1/4) [по каталогу Юрия Ефремовича Пырсова (инв. №С-020-1) – см. № 37], серебро, в=1,35 г [9, с. 9]. Автор не приводит атрибуцию монеты, поскольку легенды на дирхаме сохранились не полностью.

№ 4. Каталог Ю.Е. Пырсова.

МД не указан, анонимный, год не указан.

Л.с. Картуш – тройной ободок (внешний и внутренний – линейные, средний – точечный). В поле калима *таййиба*:

لا اله الا / الله محمد / رسول الله

О.с. Картуш – тройной ободок (внешний и внутренний – линейные, средний – точечный). В поле:

الداعى / الى الهدى / نصره الدين [ن] / [و الدنيا]

Легенда о.с. на этом экземпляре видна не полностью.

По толщине линий букв на монете можно утверждать, что она бита новой, еще только начавшей работу штемпельной парой. Надписи выполнены аккуратно профессиональным резчиком штемпелей.

Группа II.2.

№ 5–12. МД не указан, анонимный, год не указан.

Л.с. Картуш – тройной ободок (внешний и внутренний – линейные, средний – точечный). В поле калима *таййиба*:

|| (!) اله الا الله / محمد رسول / الله

Над словом *Аллах* в последней строке, возможно, знак *ташди* (знак удвоения согласного).

О.с. Картуш фигурный. В поле:

الداعى الى / الهدى نصر [ة] / الدين و الدنيا

У № 7 окончание слова *الدنيا* размещено на четвертой строке.

Группа III.

№ 13. Сарай, анонимный, год не указан.

Л.с. Картуш – двойной(?) ободок (внешний – точечный, внутренний – линейный). В поле калима *таййиба*:

لا اله الا الله / محمد رسول [الله] / .? / ضرب سراى

О.с. Картуш фигурный. В поле:

الداعى الى / لى الهدى / نصره الدين / و الدنيا

Основной отличительной чертой монеты этой группы от дирхамов группы II является присутствие названия монетного двора.

Группа IV.

№ 14. МД не указан, анонимный, 663 г.х.

Л.с. Картуш фигурный. В поле калима *таййиба*:

لا اله الا لا الله محمد / لله رسول ا (!) / ٦٦٣

О.с. Виден однолинейный ободок. В поле легенда плохо выбита и видна фрагментарно:

٦٦٣ / ... / نصر[ة] الد / ين و الد .? / نيا ٦٦٣

Не исключено, что монета перечеканена, из-за чего не все надписи могут быть прочтены.

Группа V.

№ 15–17. Сарай (?), анонимный, год не указан.

Л.с. Ободок круговой зубчатый. В поле часть калимы *таййиба*:

محمد / رسول / الله

О.с. Ободок не виден. В поле часть калимы *тавхид*:

ه و حد (!) / لا شريك / سار (?) له اى / ضرب

Название монетного двора написано искаженно.

Группа V.2.

№ 18–19. МД не указан, анонимный, год не указан.

Л.с. Ободок круговой зубчатый. В поле часть калимы *таййиба*:

محمد / رسول / الله

О.с. Двойной линейный ободок. В поле часть калимы *тавхид*:

وحد [ه] / لا شريك / له

Ошибочно вместо харфа *ra* во втором слове вырезан харф *vav*.

Для наглядности метрологические параметры монет, которые нам удалось зафиксировать, приведены в таблице 1 (см. ниже).

Клад был найден в конце 1990-х гг. совершенно случайно на территории, не имеющей культурного слоя. Остальные монеты также представляют собой случайные находки в основном конца XX века.

На разных интернет-сайтах постепенно появляются новые сведения о находках монет изученных нами типов. Авторы не стремились использовать весь известный им нумизматический материал, но в первую очередь поставили перед собой задачу описать все зафиксированные типы дирхамов и ввести в оборот самый ранний клад сарайских монет.

Рассмотрим особенности монет, которые обращают на себя внимание. *Во-первых*, отметим присутствие дирхамов нескольких весовых стандартов: 0,66–0,74 г; 1,12–1,19 г и 1,5–1,6 г, – то есть нескольких номиналов. Самый мелкий из них существенно отличается оформлением и размерами монетного кружка. *Во-вторых*, анонимность выпусков и отсутствие тамг указывают на время чеканки этих дирхамов – перед нами продукция монетного двора, работавшего до прихода к власти хана Менгу-Тимура. Наличие же года на одном из экземпляров клада лишь подтверждает их принадлежность ко времени Берке. Кроме того, эти монеты позволяют сравнить выпуски времен Берке без тамги до 663 г.х. включительно и недатированные эмиссии с его же тамгой в Крыму и в Присырдарьинском регионе. Если в 663 г.х. тамги Берке на моне-

тах еще нет, то это означает только одно – тамга появилась позднее в 664/1265–1266 гг. Это косвенно подтверждает наше предположение о том, что Берке мог успеть до своей смерти в 664 г.х. взойти на ханский престол [7, с. 71–72; 8, с. 621–622]. В-третьих, далеко не на всех типах дирхамов указано название монетного двора. Лишь на двух из них удалось прочесть *Сарай*, причем, на фракциях с большой натяжкой. Судя по такому отношению к выпускным сведениям, эти данные не считались обязательными и важными.

Таблица 1

Информация о находках монет

№	Метрологические параметры		Характер находки	Место находки в Саратовской области	Примечание
	Вес, г	Диаметр, мм			
1	1,59	18,6–21,0	кладовая	Саратовский р-он, пос. Красный Октябрь	группа I
2	1,19	18,2–18,4			
3	1,05	15–18	единичная	Вольский район, в районе Рыбного	обломана группа I.2
5	–	–	единичная	Саратовский р-он, Хмелевка	группа II.2
6	–	17–17,5	единичная	Лысогорский р-он, Бол. Каменка	
7	1,53	19,5	единичная	–	группа II.2 Z/175779
8	1,51	17–18,3	единичная	Лысогорский р-он, свх. 15 лет Октября	группа II.2
9	1,56	18,0–20,6	кладовая	Саратовский р-он, пос. Красный Октябрь	группа II.2
10	1,50	18,8–19,1	кладовая		
11	1,56	18,8	кладовая		
12	1,57	18,0–19,0	кладовая		
13	1,12	16,4–18,2	единичная	Вольский район, в районе Рыбного	группа III
14	1,47	18,4–19,5	кладовая	Саратовский р-он, пос. Красный Октябрь	группа IV
15	0,74	14–15	единичная	Вольский район, в районе Рыбного	группа V Z/1760
16	0,66	14–15	единичная	Вольский район, в районе Рыбного	группа V
17	0,74	13–15	единичная	Вольский район, в районе Рыбного	группа V
18	–	~15	единичная	Вольский район, в районе Рыбного	группа V.2
19	0,66	13,4–13,9	единичная	Хмелевское I селище	группа V.2

Фототаблица 1

Фототаблица 2

В-четвертых, существенным моментом является активное использование в легендах дирхамов Сарая калимы. Не всегда текст калимы приведен полностью, но важен сам факт его постоянного употребления, поскольку в данном случае это свидетельствует о религиозных предпочтениях владельца и хозяина Сарая (=Дворца), т.е. самого Берке. Кроме калимы на большинстве монет (на 14 экз.) присутствует мусульманский комплексный лакаб *ад-да'у ила-л-худа* (=призывающий к правильному пути) и *нусрат ад-дин ва-д-дунья* (=помощь веры и мира). Вторая часть данного титула *нусрат ад-дунья ва-д-дин*, без инверсии слов, помещена на крымских дирхамах со «стремявидной» тамгой, при этом первый компонент лакаба иной, чем на выпусках Сарая – *падишах ислама*. Если наличие калимы на монетах Чингизидов не является критерием для установления исповедания ханом ислама², то лакаб достоверно свидетельствует об этом. В частности, термин *ад-да'у* был титулом, использовавшимся несколькими мусульманскими религиозными группами для обозначения верховных миссионеров³. Его применяли в среде му'тазилитов, зайдитов, приверженцев Абу-л-

² В Каракоруме при каане Мӧнгке также чеканилась монета с символом веры, хотя каан мусульманином не был.

³ В контексте исламской истории термин *ад-да'у ила-р-рида* связан с событиями, приведшими к 'аббасидской революции, когда анти-омайядская пропаганда велась под лозунгом *ар-рида мин ал Мухаммад*, т.е. *благогодный* [общине верующих] *из рода Мухаммада*. Но и после установления власти «благословенной» династии этот лозунг про-

Хаттаба и, главным образом, исма‘илитов (см., например, фототабл. 2/20 – дирхам ‘Алидов Табаристана⁴) [12, р. 355–374; 13, р. 97–98]. Берке принял ислам ханафитского мазхаба (кубравийского тариката) под влиянием известного суфийского шейха Сайф ад-Дина ал-Бахарзи [10, с. 399–400] и получил *иджаза* – разрешение обучать или проповедовать, т.е. призывать. Пожалуй, самый «фантастический» рассказ об обращении Берке в ислам приводит персидский историк ал-Джужджани: «Когда мать родила Берка-хана, отец его сказал: «Этого сына я сделаю мусульманином, добудьте ему мусульманскую кормилицу, чтобы она его пуповину обрезала по-мусульмански и чтобы он пил мусульманское молоко, ибо этот сын мой будет мусульманином». Согласно этому указанию, пуповину его обрезала кормилица по мусульманскому обряду, и он (Берка) пил мусульманское молоко. По достижении им срока обучения и наставления собрали несколько мусульманских имамов и выбрали одного из них для обучения его (Берка) Корану. Некоторые заслуживающие доверия люди рассказывали, что обучение его Корану происходило в Ходженде, у одного из ученых благочестивцев этого города. По наступлении срока обрезания над ним (Берка) совершили этот обряд, а по достижении им возмужалости в войско его были назначены все мусульмане, находившиеся в стане Туши-хана» [4, с. 16]. В XIII веке суфизм как форма народного ислама начинает активно вливаться в жизнь ханского домена Поволжья и Крыма. Именно с именем Берке связано переселение из Средней Азии около 1800 ученых-проповедников. Нижнее Поволжье и Крым становятся домом и местом пропаганды для нескольких суфийских братств: бабаи, йасавиййа, вафаи, хайдари и, конечно же, каландари [1, с. 143–145; 5, с. 69]. Естественно, все это совершалось по воле и с одобрения Берке. Таким образом, если Берке использовал мусульманский лакаб *нусрат ад-дунйа ва-д-дин*, то он вполне мог иметь и титул *ад-да‘и ила-л-худа надшах ал-ислам*, т.е. являться главой ислама [в своей стране], верховным проповедником, призывающим встать на правильный путь – путь принятия ислама. Собственно, это напрямую и зафиксировано в монетных легендах как Сарая, так и Крыма. Таким образом, нумизматический источник документально подтверждает, что Берке был мусульманином. Следует отметить также отсутствие у этого эмитента титула *хан*, что является однозначным показателем статуса Берке.

В настоящее время мы предполагаем, что дирхамы № 15–19 (см. фототабл. 2) являются фракциями полновесных серебряных выпусков, обращавшимися если не одновременно с монетами № 1–14, то, по крайней мере, при Берке. Эта гипотеза зиждется на представлении об отсутствии чеканки в Сарае Бату и возможности использования калимы на монетах Сарая (=Дворца) в период управления Берке. В этой связи следует учитывать и тот факт, что Бату не был

должал существовать опять-таки в своем оппозиционном значении, однако теперь уже он был выдвинут ‘Алидами как призыв к анти-‘аббасидским действиям. В ши‘итской среде этот девиз получил несколько иное толкование. Как известно, ‘Алиды создали религиозно-политическую теорию имамата. Согласно этой теории, руководство общиной должно осуществляться потомками ‘Али и Фатимы, которых Аллах избрал непосредственными выразителями своей воли. Таким образом, право потомков на власть имеет божественное происхождение и не нуждается в одобрении всей общиной, а только Аллахом. В их истолковании данный лозунг нужно понимать как *благосудный [Аллаху]*, иначе – имам, из рода Мухаммада – потомок ‘Али и Фатимы [2, с. 161–174].

⁴ Эмитент ал-Хасан б. Зайд, Амул, 254/868 г. Серебро. В= 2,73 г. Частная коллекция [14, lot nr 674]. На л.с. титул *ад-да‘и ила-л-хакк* = *Призывающий к истине*.

мусульманином. Естественно, что этих сведений не достаточно для однозначного решения вопроса о периоде выпуска упомянутых фракций. Поэтому окончательное заключение о времени их чеканки еще только предстоит сделать в будущем. Не исключено, что будут обнаружены монеты, относящиеся и к эпохе владычества Бату, помимо уже известных медных и серебряных эмиссий без выпускных сведений, бившихся в Булгаре и помеченных теофорным именем покойного багдадского халифа *ан-Насира ли-дини лаха*.

Как уже упоминалось выше, регион, где встречаются находки описанных монет – округа современного города Саратова или средневекового Укека. Это явно не случайное совпадение. По сути, мы фиксируем локальную территорию обращения этих эмиссий, что может свидетельствовать о функционировании монетного производства с наименованием *Сарай* именно в этом районе. В XIII веке, особенно во второй и третьей четверти, каждый регион (где это было необходимо) обеспечивал себя собственной монетой, за пределы которого она практически не выходила. Это касалось, в том числе, и серебряных выпусков. Владетельным Чингизидам хан указывал области сезонной кочевки в их юртах для организации успешного почтового сообщения. Поэтому ни Бату, ни Берке не были вольны кочевать там, где им захочется даже в пределах своего юрта. Надо полагать, и Сарай каждого из властителей не мог возникнуть там, где данный потомок Джучи не кочевал. Находки сарайских дирхамов времен Берке в округе Саратова ставят весьма актуальные вопросы не только о месте расположения Сараев Берке и Бату, но и о том, что следует понимать под этим топонимом в ранний период существования улуса Джучидов (во второй трети XIII века). Не исключено, что наши современные представления о Сарае как о конкретном городе – ошибочны или как минимум должны быть не столь однозначны. Но не следует забывать, что на монете стоит не название города, а лишь название монетного двора (слова *город* перед ним отсутствует).

Саратовская округа богата находками джучидских дирхамов XIII века необычных типов. Так, на Хмелевском I селище была обнаружена серебряная монета с китайскими иероглифами на одной стороне и тамгой Менгу-Тимура на другой. Второй однотипный экземпляр был найден в Вольском районе между г. Вольском и Рыбным – то есть там же, где дирхамы № 3, 13, 15–18 [11, р. 5–22; с. 153–155]. Мнение авторов о том, что выпуски с китайскими иероглифами появились как следствие получения Менгу-Тимуром печати от Хубилая вскоре после восхождения на ханский престол – далеко не бесспорно. Менгу-Тимур рассматривается этими исследователями лишь как Чингизид-владелец улуса. И печать, присланная Хубилаем, не могла быть какой-то иной. Статус же джучидского властителя реально изменился – он стал ханом, нареченным при избрании *кааном*, независимым правителем с неограниченной властью, что однозначно подтверждают легенды и его тамга на продукции разных (практически всех) монетных дворов нового государственного объединения. Причина появления подобных дирхамов может быть связана с проведением курултая и восшествием на ханский престол Менгу-Тимура, а год выпуска в этом случае должен быть 665 г.х. Монетные легенды с китайскими иероглифами и их содержание лишь указывают на законность такого акта и сопоставимость (если не равнозначность) власти хана Золотой Орды и Хубилая. По-

добная трактовка тоже вполне возможна. Монеты эти так же, как и изучаемые нами в статье, биты, видимо, в Сарае. Об этом свидетельствует не только район находки, но и их типология. Без сомнения, выпуск донативных дирхамов с китайскими иероглифами был краткосрочным (не исключено, что даже разовым), поскольку эти монеты крайне редки, и в настоящий момент их известно менее 5 экземпляров. Изучаемые же дирхамы времени Берке чеканились относительно продолжительное время и, видимо, регулярно.

Теперь обратимся к самому раннему из известных на сегодняшний день кладов серебряных дирхамов Сарая, монеты которого помечены нами в таблице 1 и на фототаблицах буквой «к». Клад небольшой – всего 7 экземпляров, отнесенных к трем условным группам. Одна из них датирована 663 г.х. Скорее всего, дирхам этой группы и является младшей монетой клада, а наиболее распространенными были выпуски группы П.2 – их 4 экз. (более 50% от всего состава). Такая датировка тезаврации клада, как нам представляется, имеет право на существование по причине отсутствия в комплексе монет с тамгой Берке, которая появилась на нумизматических памятниках Крыма и Присырдарьинского региона улуса Джучидов не ранее 664 г.х. Эта же тамга должна была присутствовать и на сарайских выпусках, если бы их чеканка велась в 664 г.х. Не исключено, что в будущем такие дирхамы будут обнаружены. Клад, скорее всего, представляет собой содержимое кошелька.

Подводя итоги проделанной работы, и обобщая полученные результаты, хотелось бы обратить внимание на следующие ключевые моменты. В научный оборот введен целый комплекс нумизматических памятников монетного двора Сарай, битых при Берке. Все выпуски, условно отнесенные к нескольким типологическим группам, – анонимные, не несут тамг и чеканены по трем весовым нормам (то есть 3-х номиналов). На монетах этого эмитента нет титула *хан*, но присутствует его мусульманский лакаб. Рассматриваемый комплекс скорее ставит больше вопросов перед исследователями, чем дает ответов. Он заставляет по-новому взглянуть на некоторые моменты, казавшиеся ранее однозначно решенными, в том числе – где находился Сарай (=Дворец) Берке и что называли в те времена Сараем Берке. Следует ожидать новых находок ранних эмиссий серебряных дирхамов монетного двора Сарай, которые позволят не только увеличить их статистику, но и глубже проникнуть в суть выявленных проблем. В настоящее время, благодаря проведенному исследованию, начало монетного производства в Сарае оказалось вплотную приближено к 650-м гг.х.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдульвапов Н.* Суфизм и начальный этап активного распространения ислама в Крыму // *Культура народов Причерноморья*. 2006. № 79. С. 140–149.
2. *Грязневич П.А.* К вопросу о праве на верховную власть в мусульманской общине в раннем исламе // *Ислам: Религия, общество, государство*. М., 1984. С. 161–174.
3. *Дафтари Ф.* Краткая история исма'илизма: Традиции мусульманской общины / пер. с англ. Додыхудоевой Л.Р., Додхудоевой Л.Н. М., 2004. 273 с.
4. *Джусуджани.* Насировы разряды // *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды*. [Т.] 2: Извлечения из персидских сочинений, собранные

В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.; Л., 1941. С. 13–19.

5. *Крамаровский М.Г.* Ибн Баттута о тюркском исламе // Золотоордынское обозрение. 2014. № 1(3). С. 64–74.

6. *Петров П.Н.* Клад из Дев-кескен-кала и вопросы начала чеканки серебряных монет в Джучидском улусе // Золотоордынская цивилизация. 2010. Вып. 3. С. 121–149.

7. *Петров П.Н., Байпаков К.М., Воякин Д.А., Ересенов Д.С.* Средневековый город, обнаруженный в долине реки Или (нумизматический аспект) // Нумизматика Золотой Орды. 2014. №4. С. 61–76.

8. *Петров П.Н.* Деньги и денежная политика Джучидов в XIII–XV вв. // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 616–633.

9. *Пырсов Ю.Е.* Каталог джучидских монет Саратовского областного музея краеведения. Казань: изд. Казанского унив., 2002. 64 с.

10. *ар-Рамзи М.* Талфик ал-ахбар ва талфик ал-асар фи вакаи‘ Казан ва Булгар ва мулук ат-татар / каддама лаху ва ‘аллака ‘алайхи ва вада‘а фахарисаху Ибрахим Шамс ад-Дин. ал-джоз ал-аввал. Байрут, 1423/2002. 736 с.

11. *Belyaev V.A., Sidorovich S.V.* Juchid coin with Chinese legend // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 2014. [Vol.] 20 (2013). P. 5–22; *Беляев В.А., Сидорович С.В.* Джучидская монета с китайской легендой // Труды Государственного Эрмитажа. [Т.] LXXXI: Материалы и исследования Отдела нумизматики. СПб.: изд-во ГЭ, 2017. С. 153–167.

12. *Vardanyan A.* Numismatic Evidence for the Presence of Zaydī ‘Alids in the Northern Jibāl, Gīlān and Khurāsān from AH 250 to 350 (AD 864–961) // The Numismatic Chronicle. 2010. [Vol.] 170. P. 355–374.

13. *Hodgson M.G.S.* Dā‘ī // The Encyclopedia of Islam. New edition. Vol. II. Leiden, 1991. P. 97–98.

14. *Morton & Eden Ltd.* Auction Catalogue nr 66: Ancient, British, Islamic and World Coins, Historical Medals and Plaquettes. Thursday, 7 November 2013. London.

Сведения об авторах: Павел Николаевич Петров – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центрального Государственного музея Республики Казахстан (050059, микрорайон «Самал-1», д. 44, Алматы, Казахстан). E-mail: ppn@zmail.ru

Константин Валерьевич Кравцов – зав. сектором монет Античного мира и стран Азии и Африки Государственного Эрмитажа (190000, Дворцовая набережная, 34, Санкт-Петербург, Российская Федерация). E-mail: konstantin-kra@hermitage.ru

Сергей Валентинович Гумаюнов – историк, начальник отдела нефтегазового комплекса Министерства промышленности и энергетики Саратовской области (410042, ул. Московская, д. 72, Саратов, Российская Федерация). E-mail: GumayunovSV@saratov.gov.ru

*Поступила 29.11.2017 Принята к публикации 02.03.2018
Опубликована 29.03.2018*

REFERENCES

1. Abdul'vapov N. Sufizm i nachal'nyy etap aktivnogo rasprostraneniya islama v Krymu [Sufism and the initial stage of the active proliferation of Islam in Crimea]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* [Culture of the peoples of the Black Sea]. 2006, no. 79, pp. 140–149. (In Russian)
2. Gryaznevich P.A. K voprosu o prave na verkhovnyuyu vlast' v musul'manskoj obshchine v rannem islame [On the issue of the right to supreme power in the Muslim community in early Islam]. *Islam: Religiya, obshchestvo, gosudarstvo* [Islam: Religion, society, state]. Moscow, 1984, pp. 161–174. (In Russian)
3. Daftari F. Kratkaya istoriya isma'ilizma: Traditsii musul'manskoj obshchiny [A Brief History of Isma'ilism: Traditions of the Muslim Community]. Per. s angl. Dodykhudoevoy L.R., Dodkhudoevoy L.N. Moscow, 2004. 273 p. (In Russian)
4. Juzjani. Nasirovy razryady [Tabaqat-i Nasiri]. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k isto-rii Zolotoy Ordyy*. [Vol.] 2: *Zvlecheniya iz persidskikh sochineniy*, sobrannye V.G. Tizengauzenom i obrabotannye A.A. Romaskevichem i S.L. Volinym [Collection of materials related to the Golden Horde's history. Vol. 2: Excerpts from the Persian writings]. Moscow, Leningrad, 1941, pp. 13–19. (In Russian)
5. Kramarovskiy M.G. Ibn Battuta o tyurkskom islame [Ibn Battuta on the Turkic Islam] *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2014, no. 1(3), pp. 64–74. (In Russian)
6. Petrov P.N. Klad iz Dev-kesken-kala i voprosy nachala chekanki serebryanykh monet v Dzhuchidskom uluse [A hoard from Dev-kesken-kala and questions of the beginning of silver coins' minting in the Juchid ulus]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya=Golden Horde Civilization*. 2010. Is. 3, pp. 121–149. (In Russian)
7. Petrov P.N., Baypakov K.M., Voyakin D.A., Eresenov D.S. Srednevekovyy gorod, obnaruzhenny v doline reki Ili (numizmaticheskiy aspekt) [A medieval town found in the valley of the river Ili (numismatic aspect)]. *Numizmatika Zolotoy Ordyy=Golden Horde Numismatics*. 2014, no. 4, pp. 61–76. (In Russian)
8. Petrov P.N. Den'gi i denezhnaya politika Dzhuchidov v XIII–XV vv. [Money and monetary policy of the Juchids in the 13th–15th century]. *Zolotaya Orda v mirovoy istorii* [The Golden Horde in World history]. Kollektivnaya monografiya. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016, pp. 616–633. (In Russian)
9. Pyrsov Yu.E. *Katalog dzhuchidskikh monet Saratovskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya* [Catalog of Juchid coins of the Saratov regional museum of local lore]. Kazan, Kazan State University Publ., 2002. 64 p. (In Russian)
10. ar-Ramzi M. *Talfik al-akhbar va talfik al-asar fi vakai' Kazan va Bulgar va muluk at-tatar / kaddama lakhu va 'allaka 'alaykhi va vada'a fakharisakhu Ibrakhim Shams ad-Din. al-joz al-avval*. Bayrut, 1423/2002. 736 p. (In Arabic)
11. Belyaev V.A., Sidorovich S.V. Juchid coin with Chinese legend. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 2014. [Vol.] 20 (2013), pp. 5–22; Belyaev V.A., Sidorovich S.V. Dzhuchidskaya moneta s kitayskoy legendoy [A Juchid coin with Chinese legend]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*. [Vol.] LXXXI: *Materialy i issledovaniya Otdela numizmatiki* [Proceedings of the State Hermitage Museum. Vol. LXXXI: Materials and studies of the Department of Numismatics]. St. Petersburg, 2017, pp. 153–167. (In Russian)
12. Vardanyan A. Numismatic Evidence for the Presence of Zaydī 'Alids in the Northern Jibāl, Gilān and Khurāsān from AH 250 to 350 (AD 864–961). *The Numismatic Chronicle*. 2010. [Vol.] 170, pp. 355–374.
13. Hodgson M.G.S. Da'ī. *The Encyclopedia of Islam. New edition*. Vol. II. Leiden, 1991, pp. 97–98.
14. Morton & Eden Ltd. *Auction Catalogue nr 66: Ancient, British, Islamic and World Coins, Historical Medals and Plaquettes*. Thursday, 7 November 2013. London.

About the authors: Pavel N. Petrov – Ph.D. (history), Leading Researcher of the Central State Museum of the Republic of Kazakhstan (44, Samal-1, Almaty 050059, Kazakhstan). E-mail: ppn@zmail.ru

Konstantin V. Kravtsov – Head of the Section of Ancient and Oriental Numismatics, Numismatic Department of the State Hermitage Museum (34, Dvortsovaya embankment, Saint Petersburg 190000, Russian Federation). E-mail: konstantin-kra@hermitage.ru

Sergey V. Gumayunov – historian, head of the Oil and Gas Department of the Ministry of industry and energy of Saratov region (72, Moscow Str., Saratov 410042, Russian Federation). E-mail: GumayunovSV@saratov.gov.ru

*Received November 29, 2017 Accepted for publication March 2, 2018
Published March 29, 2018*

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(57)+94(574)"15/16"

DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.159-167

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ТРЕПАВЛОВ В.В., БЕЛЯКОВ А.В. СИБИРСКИЕ ЦАРЕВИЧИ В ИСТОРИИ РОССИИ

Д.Н. Маслюженко

*Курганский государственный университет
Курган, Российская Федерация
denmas13@yandex.ru*

Статья посвящена анализу новой книги российских историков В.В. Трепавлова и А.В. Белякова, посвященной сибирским царевичам и их месту в отечественной истории. Первый раздел книги посвящен борьбе хана Кучума и его потомков за реванш в Сибири и восстановление Сибирского ханства, а вторая – условиям попадания Кучумовичей в Московское государство, их проживания там, роль в политических процессах и дальнейшее исчезновение династии. Книга написана на основе большого количества архивных документов, в основном из РГАДА. Это позволило на основе методов и традиций политической истории, исследований повседневности, просопографии, микроистории и генеалогии воссоздать богатую палитру жизни Кучумовичей в Сибири и Московском государстве. С одной стороны, книга будет важна для сибиреведения, поскольку сибирские цари и царевичи в Московском государстве долгое время стремились сохранить, по возможности, привычный для них круг общения, что консервировало некоторые характерные черты их жизни предшествующего периода, которые не могут быть напрямую реконструированы по местным материалам. С другой стороны, многие нюансы повседневности этих династий и их придворного окружения могут характеризовать не только сибирскую аристократию, но и соответствующие слои московского общества в целом, для которого восточные традиции также были не чужды. В этом отношении мы получаем интересный срез московского общества XVI–XVII вв., причем постепенная утрата положения и статуса царевичами напрямую совпадает с исчерпанием постордынских и восточных традиций в России в целом. Несмотря на некоторые небольшие недочеты, материалы рассматриваемой монографии настолько многообразны, что каждый читатель найдет в ней какие-то свои, интересующие именно его аспекты, и получит представление об интересном срезе российской истории XVI–XVII вв.

Ключевые слова: Московское государство, Сибирское ханство, Шибаниды, Кучумовичи, постордынский мир

Для цитирования: Маслюженко Д.Н. Рецензия на книгу: Трепавлов В.В., Беляков А.В. Сибирские царевичи в истории России // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 1. С. 159–167. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.159-167

**REVIEW OF THE BOOK: TREPAVLOV V.V., BELYAKOV A.V.
SIBIRSKIE TSAREVICH I V ISTORII ROSSII
[THE SIBERIAN PRINCES IN THE HISTORY OF RUSSIA]**

D.N. Maslyuzhenko

*Kurgan State University
Kurgan, Russian Federation
denmas13@yandex.ru*

This article analyzes the new book by Russian historians V.V. Trepavlov and A.V. Belyakov dedicated to the Siberian princes and their role in national history. The first part of the book is dedicated to the struggle of Kuchum Khan and his descendants for revenge in Siberia and the restoration of the Siberian Khanate, and the second one – to the conditions of the Kuchumovichi's appearances in the Moscow state, their inhabitancy, the role in political processes and the further disappearance of the dynasty. The book is written on the basis of a large number of archival documents, mainly from the Russian State Archives of Ancient Acts (RGADA). It allowed reconstructing the rich tapestry of the Kuchumovichi's life in Siberia and the Moscow state based on the methods and traditions of political history, studies of everyday life, prosopography, microhistory and genealogy. On the one hand, the book will be important for studies of Siberia, because the Siberian kings and princes in the Moscow state tried, if possible, to keep their familiar surroundings for a long time that preserved some distinctive features of their prior life's period, which cannot be directly reconstructed with local materials. On the other hand, many nuances of the everyday life of these dynasts and their entourage can characterize not only the Siberian aristocracy but also the relevant layers of Moscow society as a whole, for which the Eastern traditions were also not immune to. Therein, we get an interesting slice of the Moscow society of the 16th–17th centuries: notably, the gradual forfeiture of the princes directly coincided with the exhaustion of the post-Horde and Eastern traditions in Russia as a whole. Despite some minor shortcomings, the materials of the monograph are so manifold so each reader will find in it some of his or her own interesting aspects, and will get an idea of an interesting slice of the Russian history of the 16th–17th centuries.

Keywords: Muscovy, Siberian khanate, Shibanids, Kuchumovichi, post-Horde world

For citation: Maslyuzhenko D.N. Review of the Book: Trepavlov V.V., Belyakov A.V. Sibirskie tsarevichi v istorii Rossii [The Siberian Princes in the History of Russia]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018. Vol. 6, no. 1, pp. 159–167. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.159-167

В последние 10 лет количество книг, посвященных истории сибирской государственности Шибанидов, значительно увеличилось. К сожалению, произошло это не столько благодаря самим сибирским исследователям, в частности археологам, сколько коллегам из европейской части РФ, имеющим доступ к интереснейшим материалам из РГАДА. Выход любой новой книги, основанной на их анализе, является событием в российском сибириведении, тем более, если ее авторами стали такие известные историки, как В.В. Тrepавлов и А.В. Беляков. Несомненно, отдельные части этого издания покажутся читателям уже знакомыми по предшествующим работам исследователей, но здесь была важна именно сама идея собрать воедино имеющуюся на дан-

ный момент информацию именно по сибирским царевичам, за которыми закрепилось условное наименование «Кучумовичи».

Книга делится на два раздела. Первый из них создан В.В. Трепавловым и посвящен борьбе хана Кучума и его потомков за реванш в Сибири, а второй – А.В. Беляковым, который проанализировал условия попадания представителей этой династии в Московское государство, их проживание на данной территории, историческую роль и судьбу.

Уже во введении авторы пишут о том, что «движение Кучумовичей является уникальный случай в геополитическом развитии России на фоне других татарских государств, вошедших в ее состав в XVI–XVIII вв.», объясняя это сохранением правящей династии и борьбой ее представителей с Москвой на протяжении нескольких поколений [3, с. 6]. Столь длительное сопротивление явно заметно на фоне довольно быстрого подчинения Казанского и Астраханского ханств, при этом в первом из них периодически возникающие восстания организовывались только выходцами из нединастических кругов. При этом нельзя не согласиться с выводом авторов о том, что Кучумовичи часто думали не о сопротивлении, а о выживании [3, с. 7].

В первом разделе книги весьма интересны размышления В.В. Трепавлова о ханском «казачестве» Кучума и отношению к потере им Сибирского юрта со стороны как Москвы, так и, например, хивинского хана Хаджи-Мухаммеда [3, с. 14–15]. Автор собрал буквально по крупицам весь имеющийся в источниках и литературе материал по пребыванию Кучума в Сибири между 1582 г., то есть потерей Искера, и 1599–1600 гг., то есть датой предположительной смерти хана. Сомнительно, что в ближайшее время на этом фоне могут появиться новые работы на этом направлении, которые принципиально изменят сложившуюся концепцию, хотя и могут откорректировать отдельные нюансы. При этом автором проведена доскональная реконструкция не только событийной части, но и специфических моментов истории ханского окружения, сохранившихся при дворе хана институтов управления, функционировавших хозяйственных структур и многого другого. Единственное, с чем мы здесь позволим себе не согласиться, так это с реконструкцией сибирского карачи-бека как принадлежавшего к элю джалаир [3, с. 24–25], что основывается на интерпретации Кадыр Али-бека именно как искомого карачи. Нам со ссылкой на соответствующую работу другого автора этой монографии А.В. Белякова уже приходилось писать о том, что Кадыр Али, судя по всему, не был сибирским карачей. Его появление в Сибирском юрте следует связывать с приходом сюда казахского царевича Ураз-Мухаммеда, при этом среди казахов джалаиры действительно занимали важное место. В какой-то момент Кадыр Али-бек, попавший в русский плен и оказавшийся в Касимове участником церемонии интронизации Ураз-Мухаммеда, просто заместил собой в исторической литературе фигуру реального сибирского карачи-бека. Несомненно, этот вопрос требует более тщательного анализа, который, в том числе, был предложен А.В.Беляковым в рассматриваемой нами монографии [3, с. 366–368].

Важное место в рассуждениях В.В. Трепавлова занимает вопрос о том, как русские дипломаты обосновывали права московских царей на территорию Сибирского юрта, который воспринимался как «вотчина» царя [3, с. 38–40]. Кучум в таком случае становился «изменником», что давало права и на

военный захват. Традиционно для работ этого автора большое значение при дается сибирским-ногайским связям, следует лишь посетовать на то, что им осталась незамеченной наша с А.В. Беляковым попытка обосновать возможность заключения реального военного союза между Кучумом и алтульским мирзой Аулией между 1595–1598 годами [1]. Мне уже приходилось отмечать и важную мысль автора о том, что в татарской исторической традиции Кучум явно не рассматривался в качестве ставленника или вассала бухарского хана Абдуллы II [3, с. 49], что принципиально важно для понимания истории Сибирского ханства. Несомненно, оно было частью большого политического пространства династии Шибанидов, но вот отношения между ханами этой династии не были столь простыми и прямолинейными, как об этом иногда пишут в российской историографии.

В.В. Трепавлов провел доскональную реконструкцию не только деятельности Кучума, но и большинства его потомков, в том числе старших сыновей и наследников Али и Ишима [3, с. 72–73, 89]. Он обратил внимание на то, что в отдельных документах за первым, безусловно, а за вторым однократно закреплялся титул «сибирского царя». В конечном итоге автор прав, что для Чингизидов сам факт принадлежности к династии делал их претензии на ханский титул неоспоримыми и независящими от внешнего признания [3, с. 89]. Хотя, добавим от себя, что в любом случае он требовал определенного внутреннего признания от некоего числа подданных. Эти указания позволяют по иному взглянуть на саму хронологию и периодизации сибирской государственности Шибанидов, не пытаясь найти дату ее окончательного краха и исчезновения, а скорее рассматривая как процесс постепенного затухания. Автор абсолютно верно связывает кризис сибирской государственности с возникшими в это же время проблемами в Ногайской Орде и Бухарском ханстве, которые могли бы выступать наиболее сильными союзниками потомков Кучума. Однако, произошедшие в них катастрофические изменения на фоне появления в степях калмыков привели к тому, что Кучумовичи становились малозначительными в глазах узбекских политиков и торговцев [3, с. 87]. Предложенный внешнеполитический контекст истории потомков Кучума чрезвычайно важен для понимания сибирской истории XVII века. Представляется, что обращение царевичей к калмыкам в этих условиях было вполне логичным, однако, именно оно коренным образом изменило их отношение с традиционными союзниками, в том числе и из сибирских тюркских племен. На фоне растущего могущества калмыков сами потомки Кучума постепенно полностью бы потерялись, если бы не периодические переходы к ним ясачных групп, которые в том числе пополняли казну тайшей [3, с. 104], а также участие во всех более или менее значимых восстаниях местного населения. В таких случаях Кучумовичи становились своеобразными политическими символами и даже «лозунгами», особенно для традиционных союзников из племени табын [3, с. 120]. В этом отношении В.В. Трепавлов абсолютно верно обратил внимание на деятельность последнего видного политика из числа Кучумовичей – Кучука, который даже восстановил выдачу ярлыков как «поздний пережиток джучидской канцелярской и инвеститурной практики» [3, с. 121]. Любопытным аспектом деятельности этого потомка Кучума является и то, что его признавала в качестве хана не только группа татар и баш-

кир, но и калмыки, как это явствует из письма хошоутского тайши Цагана [3, с. 125]. Поражение восстания 1660-х гг. и последовавший вскоре уход значительных сил калмыков на запад показал тщетность усилий Кучумовичей по возвращению сибирского престола.

Отрадно то, что отдельное внимание В.В. Трепавлов уделил весьма сложному процессу реконструкции повседневной жизни Кучумовичей. Обращение к этому аспекту соответствует трендам исторической науки. Весьма интересны размышления автора о времени и причинах военных набегов царевичей и различных аспектах военного дела, организации хозяйственной и придворной жизни степных ставок, роли ислама.

Абсолютно новой является глава о судьбе столицы, где, в том числе, рассматривается вопрос о соотношении Чимги-туры и Искера, причинах и времени переноса столичного центра и многих других аспектах. Поскольку мы подробнее останавливались на этом аспекте в нашей совместной с омским археологом С.Ф. Татауровым рецензии на монографию Зыкова А.П., Косинцева П.А., Трепавлова В.В. «Город Сибир – городище Искер (историко-археологическое исследование)», то позволим себе еще раз об этом не писать.

В 2014 году Е.В. Вершинин в своей рецензии на другую книгу В.В. Трепавлова «Сибирский юрт после Ермака. Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш» критически отнесся к легитимности прав Кучума и его потомков на Сибирское царство, о «чем якобы хорошо знало тюркское (и не только) население Западной Сибири». Он подчеркнул, что «историческая память местных народов... не сохранила даже имён его детей и внуков, что также свидетельствует о степени «популярности» царевичей...» [2, с. 187]. Приведенный им пример с исторической памятью действительно любопытен. Отчасти проблема могла быть в том, что непосредственные предшественники Кучума, например его дед Ибрахим, правили именно Тюменским ханством, формальная граница которого, видимо, не уходила восточнее и севернее Тавды. При этом тюменские правители большее внимание уделяли степной политике, в том числе борьбе за многочисленные узбекские племена, а присоединение к этому ханству Сибирской земли произошло уже в период его кризиса во второй половине 1490-х годов. По сути, занявшие искерский престол после 1563 г. Ахмад-Гирей и Кучум были первыми представителями династии, которые стали непосредственно управлять этой территорией, при этом значительно и быстро ее расширив. Понятно, что новые группы подданных в результате этого процесса стали частью Сибирского ханства на крайне непродолжительный период времени, ждать от них верности и лояльности в этих условиях просто не приходилось. Именно по этой причине и в окружении Кучумовичей мы видим именно племена самого юга Западной Сибири, которые имели давние и традиционные связи с династиями.

Второй раздел книги – о сибирских царевичах как подданных московского царя – был написан А.В. Беляковым. Как и В.В. Трепавлов, автор большое внимание уделяет тщательной реконструкции запутанной генеалогии потомков хана Кучума и их многочисленных родственников, без чего невозможно понимание многих исторических нюансов. Отчасти главы первой и второй частей пересекаются и хронологически, поскольку многие авторы сибирской истории в результате различных обстоятельств, в том числе и добровольного выезда, оказались именно в Московском государстве. Число отъехавших в

казалось бы более культурно близкую среду исламских государств Центральной Азии исчисляется единицами, что, кстати, ставит перед исследователями новую проблему разъяснения причин этому. В рамках данного вопроса весьма любопытна попытка автора отнести к Кучумовичам и казахского царевича Ураз-Мухаммеда как пасынка хана Кучума. А.В. Белякову удалось выявить просто ошеломительное число членов этой семьи – 91 человек [3, с. 178].

Оба раздела сближает и тщательная реконструкция повседневной жизни потомков Кучума. Если у В.В. Трепавлова при этом возникала довольно сложная проблема с источниковой базой, то А.В. Белякову при помощи архивных документов успешно удалось реконструировать довольно много аспектов повседневности, учтя при этом фактор религиозной принадлежности династов. В результате автор:

- исследовал процесс и причины крещения Кучумовичей и изменения в связи с этим отношений между родственниками;

- большое внимание уделил вопросу брачных отношений, причем этот раздел, особенно по некрещеным Чингизидам, чрезвычайно важен для сибиристов, поскольку позволяет реконструировать ближайшее придворное окружение потомков Кучума, представители которого выехали вместе с ними, а, следовательно, и уточнить состав политической элиты Сибирского ханства;

- отдельно выделил сферу частной жизни Кучумовичей в России, где, в том числе, поднял вопрос об уровне образования представителей династии, составе их библиотек, религиозной обрядности, причем, например, в культе мусульманских святых в Касимове прослеживается значительное сходство с сибирскими традициями [3, с. 208]; бытовании предметов материальной культуры и восприятию части из них, например фляг (сулея), как статусных предметов, что опять же характеризует и политическую культуру сибирской аристократии, и многое другое.

Глава о частной жизни – одна из самых насыщенных по объему и разнообразию информации. Представляется, что потенциально она дает возможность взглянуть на неизвестные страницы истории Сибирского ханства, хотя автор в одном из рассуждений пишет, что «было бы интересно установить, когда подобная практика могла попасть в Мещеру – с приходом сибирских Шибанидов или же значительно раньше» [3, с. 209]. Это замечание касается именно отдельных нюансов исламских обрядов и практик, но на самом деле верно и для иных аспектов повседневности и частной жизни Кучумовичей. Чингизиды явно стремились сохранить некоторые наиболее типичные традиции своего образа жизни, перенеся их из степной зоны. Недаром А.В. Беляков отмечает и сходство Касимова как центра сосредоточения родовых гробниц этой династии в России с известным куруком Сарайчука [3, с. 240]. Понятно, что определенные нюансы архитектуры домов, предпочтения в одежде и еде и многого другого могут характеризовать не только сибирскую аристократию, оказавшуюся в Московском государстве, но и соответствующие слои московского общества в целом, для которого восточные традиции также были не чужды.

Автор большое внимание уделяет вопросу придворных служб Кучумовичей московским царям (присутствие при приеме иностранных послов, участие в церемониях государственных свадеб, торжества по случаю рождения детей, венчания на царство, религиозные церемонии и прочее). При этом ав-

тор выделяет этапы активизации этой деятельности, в том числе обращает внимание на своеобразный «эксперимент» Алексея Михайловича по интенсификации присутствия Кучумовичей при царском дворе, который в том числе был связан и с ролью отдельных потомков Кучума в событиях московских бунтов [3, с. 256]. При этом понятно, что статус царевичей должен был подтверждаться соответствующими видами государева жалования, вариантами которого выступали ясак, военная добыча, доходы с городов и условия проживания с них, земельные владения, регулярные и единовременные денежные выплаты и натуральные дачи, поместный оклад и годовое денежное жалование, поденный корм и питье, и многое другое.

Кстати, обсуждая вопрос о доходах с Касимова, А.В. Беляков еще раз обращает внимание на то, что в документах есть указания на касимовских царей и царевичей, но нет на само Касимовское царство (ханство). Данное наблюдение позволило ему предположить, что это было «эфемерное образование, параллельное общегосударственному административно-территориальному делению». По его мнению, данные выводы полностью соответствуют реалиям XVII века, но с некоторыми поправками могут быть экстраполированы и на более ранний период [3, с. 267]. В данном случае остается не ясным то, насколько «более ранний период» это можно сделать. Только гораздо позднее автор уточняет, что считает Касимовское царство эфемерным, по сути, с момента его создания, то есть со второй половины XV века [3, с. 350–351].

Чрезвычайно важной, на наш взгляд, является глава 5, посвященная окружению царевичей и их взаимоотношениям. Традиционные документы по истории Сибирского ханства в целом позволяют реконструировать состав двора хана и султанов, куда входили те же лица, что присутствовали затем при дворах выезжих царевичей: аталыки, имелдешы, кормилицы, князья, мирзы, казаки, толмачи, сеиды, абызы. Однако большинство этих категорий, кроме представителей двух последних, в самой Сибири чаще всего абсолютно обезличены, в то время как в Московском государстве они могут быть привязаны к конкретным именам. Еще раз повторю уже высказанную ранее мысль о том, что это чрезвычайно важно в целом для уточнения состава социальной и политической элиты Сибирского ханства. А.В. Беляков недаром указывает, что «сибирские цари и царевичи долгое время стремились сохранить, по возможности, привычный для них круг общения, собирая вокруг себя тех, кого они знали еще по Сибири, или же их потомков» [3, с. 399].

Лично для меня как рецензента интересными оказались рассуждения о роли сибирских династов в событиях Смутного времени. А.В. Беляков неоднократно писал об этом в отдельных статьях, но в данной монографии свел материал в единую схему. По его мнению, все Шибаниды поддерживали по очередности Лжедмитрия I, Василия Шуйского и второе ополчение, хотя и не ясно то, насколько это единство было согласовано. По всей видимости, имеющаяся у нас источниковая база уже не позволит найти ответ на этот вопрос. Исключением была лишь деятельность Ураз-Мухаммеда, что, на взгляд автора, может «свидетельствовать о сложных отношениях между усыновленным казахским царевичем и остальными детьми и внуками хана Кучума» [3, с. 364].

В конечном итоге Кучумовичи в России оказались «лишними людьми», исчерпав свой военный, символический и политический капитал. Попытки сделать их марионеточными правителями за Уралом наталкивалось на неже-

ление «сменить вольницу на достаток и почет при дворе «белого царя»» [3, с. 400]. Чтобы понять причины, приведшие Кучумовичей к краху, А.В. Беляков пытается разобраться с постепенной трансформацией их места в иерархии московской аристократии, а также в том, как различных Чингизидов русские дипломаты пытались использовать во внешней политике (например, в создании антиосманской лиги или ранних попытках подтверждения подданства Казахского ханства). Несмотря на это, Кучумовичи «большой частью оставались ненужными людьми», о которых можно было забыть после выполнения поставленной перед ними задачи и которые раздражали самим фактом своего царского происхождения, что не давало их логично вписать в среду служилого сословия.

В целом, материалы рассматриваемой монографии настолько многообразны, что каждый специалист найдет в ней какие-то свои, интересующие именно его аспекты книги, а читатель, не знакомый со всеми нюансами темы, получит представление об интересном срезе российской истории XVI–XVII вв. и истинное удовольствие от чтения. К замечаниям можно было бы отнести то, что авторы не до конца отредактировали список литературы, работы одного исследователя могут быть не выставлены в хронологическом порядке, не всегда можно найти ту книгу или статью, на которую сделана ссылка. Однако сама колоссальность поднятого материала позволяет не обращать внимание на этот недочет. Представляется, что данное исследование, вобравшее в себя традиции политической истории, исследования повседневности, просопографии и микроистории, займет достойное место в истории изучения постордынского мира Джучидов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляков А.В., Маслюженко Д.Н. Сибирско-бухарско-ногайские отношения в свете переписки бухарского хана Абдаллаха с сибирским ханом Кучумом // *Stratum plus*. 2016. № 6. С. 229–243.
2. Вершинин Е.В. Рецензия на: В.В.Трепавлов. Сибирский юрт после Ермака. Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш // *Российская история*. 2014. № 3. С. 184–187.
3. Трепавлов В.В., Беляков А.В. Сибирские царевичи в истории России. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2018. 496 с.

Сведения об авторе: Денис Николаевич Маслюженко – кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета, Курганский государственный университет, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0001-8302-1277>, **ResearcherID:** J-9551-2017 (640020, ул. Советская, 63, корпус 4, Курган, Российская Федерация). E-mail: denmas13@yandex.ru

*Поступила 11.01.2018 Принята к публикации 01.03.2018
Опубликована 29.03.2018*

REFERENCES

1. Belyakov A.V., Maslyuzhenko D.N. Sibirsko-bukharsko-nogayskie otnosheniya v svete perepiski bukharskogo khana Abdallakha s sibirskim khanom Kuchumom [Siberian-Bukharan-Nogai relations in the light of the correspondence between Abdallah, the khan of Bukhara, and Kuchum, the khan of Siberia]. *Stratum plus*. 2016, no. 6, pp. 229–243 (in Russian).

2. Vershinin E.V. Retsenziya na: V.V.Trepavlov. Sibirskiy yurt posle Ermaka. Kuchum i Kuchumovichi v bor'be za revansh [Review of V.V. Trepavlov: "Siberian Yurt after Ermak. Kuchum and Kuchumovichi in the struggle for revenge"]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history]. 2014, no. 3, pp. 184–187 (in Russian).

3. Trepavlov V.V., Belyakov A.V. *Sibirskie tsarevichi v istorii Rossii* [The Siberian Tsareviches in the history of Russia]. St. Petersburg, Publishing House of Oleg Abyshko, 2018. 496 p. (in Russian).

About the author: Denis N. Maslyuzhenko – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Dean of the Historical Faculty, Kurgan State University, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0001-8302-1277>, **ResearcherID:** J-9551-2017 (63, building 4, Sovetskaya Str., Kurgan 640020, Russian Federation). E-mail: denmas13@yandex.ru

*Received January 11, 2018 Accepted for publication March 1, 2018
Published March 29, 2018*

НАСЛЕДИЕ

УДК 929.522(470)"1238/1480"(093)

DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.168-180

РАШИД АД-ДИН. ШУАБ-И ПАНДЖГАНА. 2. МОНГОЛЫ И ТЮРКИ (4)*

Ч.И. Хамидова

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
zahragizza@gmail.com*

Цель: представить результаты перевода средневековой персидской рукописи.

Материалы исследования: Отрывок из генеалогического сочинения средневекового персидского придворного историка Рашид ад-дина. В статье приводятся данные рукописи, касающиеся генеалогий Кубилай каана, Тимур каана, Арик Буки, Хулагу, Ахмада (всего 20 листов) и их потомков, известных Рашид ад-дину.

Результаты и научная новизна: «Шуаб-и панджгана», являясь приложением к основному историческому труду средневекового персидского историка Рашид ад-дина, во многом повторяет данные «Джами ат-таварих», однако назвать эти генеалогические данные полностью идентичными нельзя. Судя по сравнительному анализу данных двух сочинений историка, Рашид ад-дин для составления «Шуаб-и панджгана» проводил отдельные исследования, стараясь привлекать обновленные данные. Результаты перевода и анализа текста рукописи могут быть применены в различных сферах научных изысканий: исследование наследия Рашид ад-дина, политическая история Золотой Орды, генеалогическая история чингизидских правителей и их потомков. Перевод данной части «Шуаб-и панджгана» публикуется впервые.

Ключевые слова: Рашид ад-дин, Шуаб-и панджгана, Джами ат-таварих, Сборник летописей, наследие Рашид ад-Дина, Кубилай, Тимур каан, Арик Бука, Хулагу, Ахмад хан

Для цитирования: Хамидова Ч.И. Рашид ад-дин, Шуаб-и панджгана. 2. Монголы и тюрки (4) // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 1. С. 168–180. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.168-180

---

* Продолжение статьи. Начало см.: Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 3. С. 668–680; 2016. Т. 4, № 4. С. 868–880; 2017. Т. 5, № 4. С. 846–865. Перевод с персидского языка, предисловие и комментарии Ч.И. Хамидовой.

**RASHID AL-DIN. SHU'AB-I PANJGANAH.
2. THE MONGOLS AND TURKS (4)***

Ch.I. Khamidova

*Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
zahragizza@gmail.com*

Research objectives and materials: The article presents a section of the translation from Persian of the 2nd chapter of the manuscript. This part contains a genealogical tree of Kubilai, Timur Khan, Arik Buka, Hulagu, Ahmad Khan, containing also those of their descendants who were known to Rashid al-Din.

Research results and novelty: The results of translation and analyses of the manuscript text could serve in various purposes: the study of Rashid al-Din's heritage, Golden Horde history, the genealogical history of the Chinggisid rulers and their descendants, etc. The translation of the manuscript has heretofore never been published in part or fully.

Keywords: Rashid al-Din, Shu'ab-i Panjganah, Jami al-tawarikh, Compendium of Chronicles, Rashid al-Din's heritage, Kubilai, Timur kaan, Arik Buka, Hulagu, Ahmad Khan

For citation: Khamidova Ch.I. Rashid al-Din. Shu'ab-i Panjganah. 2. The Mongols and Turks (4). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018. Vol. 6, no. 1, pp. 168–180. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.168-180

**Генеалогии Кубилай каана, Тимур каана,
Арик Буки, Хулагу, Ахмад хана**

Приводится перевод третьей части генеалогии монголов и тюрков в рукописи Рашид ад-дина «Шуаб-и панджгана» – Кубилай каана, Тимур каана, Арик Буки, Хулагу, Ахмад хана (всего 20 листов).

Курсивом выделен текст, отсутствующий в рукописи, но необходимый для более адекватного отображения информации в оригинале.

С частью данных, полученных при изучении рукописи, можно познакомиться в статьях Миргалеева И.М. и Хамидовой Ч.И. [1; 2; 4]. С оригинальным текстом рукописи можно ознакомиться в Музее Топкапы (Стамбул)¹, либо посредством факсимиле [3].

Описание Кубилай каана и ветвей его потомков

Пояснение о его женах:

Чабун хатун из племени кунгират, мать Дженгима, Бумакана, Менликлан.

Бамауджин из племени хедин мамаут.

Усджин – дочь Бугун нойона из племени хушин, мать Абаджи.

Тайгу хатун из племени кунгират, мать Улджайту каана.

---

* Continuation of the article. See the beginning in: *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 3, pp. 668–680; 2016. Vol. 4, no. 4, pp. 868–880; 2017. Vol. 5, no. 4, pp. 846–865. The translation from Persian, foreword and comments by Ch.I. Khamidova.

¹ Şu'ab-i pençgâne. Topkapı. Ahmet III. (A.2937) Nesebname-i Mülük, Reşidüddin, Acem, Talik, 227 sayfa. Topkapı Sarayı Müzesi Kitaphanesi, şifir A.III 2937.

Дурмаджин хатун, также ее звали Дириджи, из племени дурнан, мать Угрукджи. Бана хатун – из племени мамаут, мать Нумала.

Хесуй хатун – племянница Чабун хатун. Когда Чабун хатун не стало, Кубилай каан взял ее вместо нее.

Буруфаджин хатун, ее также звали Турукджин, она также имела большое влияние, но со временем потеряла его.

У Кубилай каана было много жен и наложниц, но самые важные те, что были здесь упомянуты.

Пояснение о его наложницах:

У Кубилай каана было много наложниц, но поскольку их имена неизвестны, они не были записаны.

Пояснение об эмирах, бывших в его время:

Туртака нойон из племени курлаут утмакут. Во времена Арик Буки был очень почитаемым за свою праведность. Во времена Кубилай каана был очень могущественным везирем, амир-ул-умара. Ни один эмир не достиг большей высоты.

Байан – внук Алак нойона из племени барин, который находился в землях Ирана, но вернулся оттуда, был очень великим и ведал туманом.

Хентун нойон из джалаир, был великим эмиром.

Ухаджар – был очень почитаемым эмиром, после Хейтун дженгсанга должность дженгсанга стала его.

Улджай тархан – был великим эмиром. После Ухаджар дженгсанга должность дженгсанга отдали ему.

Дашман – был великим эмиром. После Улджай-тархан дженгсанга должность дженгсанга получил он, он же ведал ярлыками, доходами и расходами.

Ахай нойон – очень великий и почитаемый эмир, командовал всеми войсками.

Мукбел кипчак – великий эмир и бакавул всего войска Кубилай каана.

Буралдай – сын Иркемиша, был почитаемым эмиром, после Илтимура место Баргуджи нойона отдали ему.

Бумак – из числа великих и почитаемых эмиров, был эмиром войска.

Урлуке дженгсанг – был очень почитаемым эмиром.

Хекутай – был почитаемым эмиром, был эмиром четырех кешик.

Исмаиль – великий эмир и шукурджи.

Мухаммад шах – из числа приближенных эмиров и шукурджи.

Акаджи – из числа приближенных эмиров и шукурджи.

Барке – из числа приближенных эмиров и шукурджи.

Бермес – из числа приближенных эмиров и шукурджи.

Мегмес – из числа приближенных эмиров и шукурджи.

Илтимур – сын Бугурджи нойона из племени арлат, стал очень почитаемым, занять место отца уполномочили его.

Бакуй – сын Бала-нойона из джалаир, из эмиров тысячи правой руки.

Черкамиш – сын Буралтайа из кунгтан, был почитаемым эмиром. Он ведал туманом своего отца Буралтая.

Сукджи куркан из племени хушин, был почитаемым эмиром, туманом Баргул нойона после Уждурлур-Кумла владел он.

Таджу – сын Седун нойона из племени сулдус, был почитаемым эмиром, занял место отца.

- Сармак нойон из сулдус, сын Сейдун нойона, был великим эмиром и приближенным.
- Мекгудай – сын Джадай нойона из манкагут, был великим эмиром, место отца Джадай нойона отдали ему.
- Турджи Курка – был почитаемым эмиром, после Хубулура Кубилай каан назначил его йаргуджи.
- Пулад дженг-санг – из племени дурбан, был очень почитаемым и умным эмиром, также стал баурджи дженг-сангом.
- Баман – из племени нарин, из великих эмиров, чего достиг во Время Кубилай каана. Со своей тысячей был отправлен в Иран к Хулагу хану, но был вызван обратно. После возвращения добился больших почестей. Часто упоминается в летописях.
- Уджу, внук Субатай-бахадур, из племени уриангут, эмир тумана, командовал авангардом войск моголов, направленных для завоевания области Нангас.
- Бука нойон – из племени улкунут, почтенный эмир. Передают, что он занял место своего деда – Катумана, эмир тысячника правого крыла.
- Маду нойон – из числа эмиров тысячи правой руки.
- Сертай нойон из племени кунграт, был очень почитаемым эмиром, также стал курканом (зятем).
- Курумиши – был почтенным эмиром, так же был из эмиров войска.
- Баджин-куркан – почтенный эмир, эмир войска.
- Дарки-куркан – из племени илмирас, был почтенным эмиром, а также эмиром войска.
- Турдже – сын Сейдун нойона, был из эмиров тумана.
- Ахсел нойон – сын Бугурджи нойона, из числа великих эмиров и эмиров тумана.
- Тури – из эмиров тумана.
- Хулакур – из великих эмиров и эмиров тумана.
- Урудай – из великих эмиров и эмиров войска.
- Тудак – из великих эмиров и эмиров войска.
- Селамиш – из числа великих почитаемых эмиров, эмир тумана.
- Дурмакай нойон – из числа великих почитаемых эмиров, эмир йаргу.
- Хемку бахадер – из кости хетай, был очень почитаемым, уважаемым и великим эмиром, настолько, что со ста десятью туманами войск мугулов и хитаев был направлен для завоевания страны Нангас.
- Махмуд Йалавадж – был великим почитаемым везирем, возглавлял везират Кубилай-каана.
- Эмир Ахмад – после Йалаваджа возглавил везират каана, стал очень почитаемым эмиром. Из-за этого у него появилось много завистников, в итоге был убит.
- Беркан – из племени кипчак, великий эмир, из числа приближенных Его величества, также из числа эмиров дивана.
- Каумджан – великий эмир, завоевал страну Марси. Вместе с эмиром Ахмадом-балакти в течение почти 30 лет они являлись пин-джанами. В конце концов он убил Ахмада, но и сам тоже был убит.
- Керай-баурджи – из числа приближенных эмиров, очень старый человек.
- Салигу – великий эмир, кушджи. Вместе с Сертуманом был туткавулом.
- Хиркилан – великий эмир, кушджи. Был туткавулом вместе с Сердйуном и его братом Налику.
- Бадам нойон – кушджи, был великим эмиром.
- Хирику – великий эмир, кушджи. Был туткавулом вместе с Сердйуном, его братом Налику и Хиркиланом.

Ладжин-финджан – великий эмир, битикчи.

Байан-финджан – прозванный Саййид-и Аджл. Имя его – Абу Бакр. Кубилай-каан пожаловал ему титул Байан финджан, состоятельный, справедливый, знавший свое дело, обаятельный человек. Постепенно он поднялся до такой степени, что каан назначил его церемонимейстером при одаривании одеж-дами, украшенными драгоценными камнями.

Теке финджан – великий эмир, битикчи. После Ладжина его место отдали ему.

Потомки Кубилай хана:

Пустой квадрат

Тукукан – Буджане

Кутуктимур (Его так же звали Кутлуг тимур) – Тукумаджи, Абаанукан, Тимур-бука

Кукджу – Кунджешкаб

Айаджи

Угерукджи – Пуладбука, Алхилбука, Тимурбука

Сыновья Тимурбука: Чушбал, Саскийа

Хукджи – Исантимур – Булад, Туклук, Тусбука

Куридай

Нумукан

Манкегалан – Арсланбука, Алтун бука, Ин Ананде

Сын Ин Ананде: Уруктимур

Джинким

Дурджи – 2 пустых квадрата, Аненес

Потомки Джинкима:

Мекбед – Йесунтимур, Джунекшай, Улкербука (Его также звали Тимурбука)

Теребала – Качубаре, Аманек, Хишанек, Тамуркан

Сыновья Теребала: Хушила, Туктимур

Описание Тамур каана и ветвей его потомков

Этот Тамур каан в нынешнее время – каан эпохи, его зовут Олджейту.

Пояснение о его женах:

Булукан хатун – самая старшая жена, дочь Байге куркана.

У Тамуркана были и другие жены, из-за некоторого расстояния их имена также неизвестны и не записаны.

Пояснение о его наложницах:

Имена наложниц из-за некоторого расстояния неизвестны и потому не записаны.

Пояснение об эмирах, бывших в его время:

Ухджар-тайши нойон – сначала был на службе у Кубилай каана, был очень почтен. Ныне также пользуется уважением.

Тукджи.

Текудер.

Тимур бука.

Джирнагу нойон.

Туклук.

Аргасун терхан джинг-санг – был великим эмиром.

- Амси нойон – из манкгут. При Кубилай каане пользовался уважением, так же и ныне.
- Тухне-гехак – из числа приближенных великих и почитаемых эмиров, заведовал делами дивана. Обвиненный в деле о драгоценных камнях, но освобожденный благодаря вмешательству Тамбу-бахши и восстановленный в должности.
- Теке-пинджан – из уйгур, ставший после ‘Умара старшим всех пин-джанов, был обвинен впоследствии в деле о драгоценных камнях, но освобожденный благодаря вмешательству Тамбу-бахши и восстановленный в должности.
- Агути дженгсанг.
- Теркай.
- Буке.
- Байан пинджанг – сын сеййида Насир ад-дина, сына Саййид Аджалла, глава всех пин-джанов, очень почтенный эмир.
- Батмасин.
- Дженкшуйу-фахинг.
- Мекбел-финджан – из числа эмиров дивана.
- Кункиртай.
- Хекту-сарбан – из числа эмиров дивана. Однако в деле о драгоценностях был обвинен в преступлении, но благодаря вмешательству Бахши был освобожден и восстановлен в должности.
- Нингкитай.
- Тукутимур.
- Байан-дженгсанг – был очень почитаемым эмиром, эмир-ул-умара. Во время Кубилай каана был очень почитаем, так же и сейчас.
- Тукак – во время Кубилай каана был очень почитаем, так же и сейчас.
- Урлуке – великий эмир. Во время Кубилай каана был очень почитаем, так же и сейчас.
- Куркур-куркан – был почитаемым эмиром, но это не тот Куркур, что был отправлен в Иран.
- Буртака нойон – из племени урлаут-уймаут. Это тот эмир, что при Кубилай каане был великим почитаемым везирем и эмир-ул-умара.
- Умар-финджан – из монголов. После Байан-финджана стал главным среди финджанов.
- Абдулла-финджан – тоже был почитаемым эмиром, занимался делами дивана.
- Эмир-ходже – из числа почитаемых эмиров, эмир дивана.
- Кутб-ад-дин Мухаммад – тоже был почитаемым эмиром, занимался делами дивана.
- Иса-битикчи – из числа приближенных, обвиненный в деле о драгоценных камнях, по заступничеству Тамба-бахши освобожден и возвращен на прежнее место.
- Сазбан – из числа эмиров дивана, обвиненный в деле о драгоценных камнях, по заступничеству Тамба-бахши освобожден и возвращен на прежнее место.
- Улджай-тархан, джинг-сянг, почтенный эмир при Кубилай каане и в последующий период.
- Алтун джинг-сянг – почтенный эмир в эпоху Кубилай каана и в последующий период.
- Налику эмир – кушджи, почтенный эмир в эпоху Кубилай каана и в последующий период.
- Хукулан кушджи – почтенный эмир в эпоху Кубилай каана и в последующий период.

Керйабе-финджан – после Теке-финджана был главой всех финджанов.
Хегмес-финджан – из уйгур, почтенный эмир, после Керйабе финджана был главой всех финджанов. Был обвинен в деле о драгоценных камнях. Освобожден после решительного вмешательства Танба-бахши.

Баруке нойон – из рода ишке, был почитаемым эмиром.

Куртуку дженг-сянг – из племени татар, был очень почитаемым эмиром.

Масгуд-инджун – был также почитаем, из числа эмиров дивана.

Дашман дженг-сянг – во время Кубилай каана был почитаемым эмиром. Заведовал делами финджанов. Был обвинен в деле о драгоценных камнях. Освобожден после вмешательства Танба-бахши.

Баманха – брат Байан-финджана, обвиненный в деле о тех же драгоценных камнях, по заступничеству Тамба-бахши был освобожден и возвращен на свое прежнее место.

Потомки Тамур каана:

Мекабилан

Кунек тайши (также его звали Виши)

Описание Арикбука и ветвей его потомков

Пояснение о его женах:

Куткуне хатун из племени куджукур из найман.

Алчекмиш хатун из племени ойрат – самая старшая и любимая жена Арик Буки.

Кутлу хатун из племени кунгират, находилась в йурте (ставке) Суйур-биги.

Пояснение о его наложницах:

Иругу из племени барлас, мать Бераву-бука.

Иштай из племени кунгират, мать Темаджи.

Пояснение об эмирах, бывших в его время:

Бурмака нойон – из племени курлаут или хемакут, был почтенным эмиром.

Харан баурджи – из племени сулдус был при Мунка-каане почтенным эмиром, так же и в нынешнее время. Но когда он научил Арик-бука плохому, Кубилай казил его по законам ясы.

У него были и другие эмиры, однако большинство из них совершили предательство, поэтому их имена полностью неизвестны и не упомянуты.

Потомки Арик Бука:

дочери – Илкутлук, Фатиме Ширин, Нумукан, Джаалун

сыновья –

Найракубука – Байхин, Сашика, Байан Абукаан, Аратимур, Куртке

Таджи – *пустой квадрат*, Байан

Кутука

Малек – тимур – *дочери Малек-тимура*: Йами кутлук – отдала Тудан-мелеку из племени байавут, Илкутлук – отдала Хасану из племени сулдус, Илхай кутлук – у нее мужа нет, Нектай – у нее мужа нет, Адуда – у нее мужа нет, Улджатай – эту дочь отдала сыну Таксе по имени Мингли из племени байавут, Кийамет – эту дочь отдала человеку по имени Сункур из племени ойрат, Абукаан – ее муж Туктимур, сын Барс-бука из племени ойрат.

сыновья Тектимура: Махмуд, Уйрадай, Бакаритай, Йесун туа, Аджиги, Синкган
сын Синкгана: Сусе

Йубукур – Хуладжу, Алтайбука – эти двое в данный момент в Монголии, Улджай, Улхату – в Монголии, Урке – в данное время состоит при Малек-тимуре, Бехин, Булукан, Тамаджи, *дочери*: Ширбике – отдали за Тукан-мелека из племени байавут, Иктай – отдали Хеду-кули из племени хушин, Алджимак – пока не отдали замуж.

Описание Хулаку хана и ветвей его потомков

Пояснение о его женах:

Туксувар хатун – дочь Алгу, сына Унк хана из племени кераит, была первой женой Тулуй хана. После него ее взял Хулагу-хан. Была старшей женой Хулагу хана.

Кунке хатун из ойрат, сосватана в Монголии, была любимее других жен.

Кутуй хатун из кунграт, Некудар, известный под именем султан Ахмад, родился от нее. Эта жена пришла на место Кунке хатун.

Улхай хатун – дочь Буралджи куркана из ойрат.

Хесунджин хатун – из племени сулдус. Она и Кутуй хатун прибыли с этих территорий в земли Ирана.

Пояснение о его наложницах:

Тукитай из племени кераит, сестра Дукур хатун – жены Хулагу хана.

Бумахин акаджи из людей Китая, мать Йушумута.

Буралхин акаджи, мать Теракая, из орды Кутуй-хатун.

Арика акаджи – дочь Селкир куркана, мать Аджая.

Ахухе акаджи – из людей Китая, мать Кункиз-абаджи.

Йешхин акаджи из племени курлаву, мать Йесудара.

Ансел акаджи, мать Хулаку.

Мангликач акаджи, Кутлукан родилась от нее.

Пояснение об эмирах, бывших в его время:

Идекай нойон – из джалаир, был великим эмиром, прибыл вместе с Хулагу в эти земли.

Тука-тимур – был очень почитаем и уважаем, брат Улджай-хатун. Прибыл в Иран вместе с Хулагу ханом.

Китбука нойон – из племени *найман*, эмир войск, почтенный эмир, покоривший Шам, Дамаск, погиб на войне с египтянами.

Тенкиз – из ойрат, был почтенным эмиром, также был курканом.

Алинак – сын *Булур-битикчи*, из племени *керайит*, Хулагу хан назначил его эмиром тысячи.

Кукаджи-илмика – был почтенным эмиром, йаргуджи, Прибыл в Иран вместе с Хулагу ханом. Он был более почитаем, нежели упомянутый Сукаг.

Байджу нойон – из племени *хесут*, ставший при Укедай-каане эмиром *тумана*. Поэтому он был упомянут в разделе об эмирах Укедай-каана. Был направлен в эти края, где показал неимоверные геройства при взятии Багдада Хулагу-ханом, и Хулагу хан утвердил его на должности эмира тумана.

Куту-Бука, из племени *суганут*, эмир *тумана*.

Шимгар, из племени *луги-татар*, был почитаемым эмиром, эмир *ахтаджиив*.

Туракай, из племени *уйрат*, эмир *тысячи*, куркан.

Абатай-нойон, из племени *кунграт*, почтенный эмир, командовал *туманом*.

- Сунджак, один из внуков Сурган-шере, из племени *сулдус*, прибыл в Иран в качестве *йаргучи вместе с Хулагу ханом*, почтенный эмир, эмир правого крыла, также эмир *кезика*.
- Йеке-Йисур – из племени *куралас*, собеседник Чингиз-хана, при нем эмир *тумана*. Прибыл вместе с Хулагу-ханом в наши края, некоторое время командовал своим *туманом*. Когда скончался, командование его *туманом* передали сыну – Ходже-нойону.
- Кера-нойон – из племени *курлаурут*, эмир всех *курчиев*, отец Мазука, прибыл сюда также вместе с Хулаку-ханом.
- Аргун-ака – из *ойрат*, был очень почитаемым эмиром. Он был направлен Менгу-кааном с Джеку в Иран, во время Хулагу хана остался там же.
- Сенду-битикчи – из племени икдукин-сулдус, был почитаемым эмиром. Эмир *тумана караунасов* в области Хурасан.
- Сендукур – из джалаир – кат, был почитаемым эмиром. Менгу-каан дал ему туман Йуса-миши, отправив с ним к Хулагу хану. Он из числа потомков Минкар нойона.
- Айдур-бука – сын упомянутого Кера-йурджи, почитаемый эмир, сулурджи.
- Селуки нойон – из племени куркаут, почитаемый эмир, йаргуджи.
- Куркур – из племени уйгур, из числа почитаемых эмиров, *битикчи*, прибывший в Иран вместе с Хулагу-ханом.
- Букур-битикчи – из племени кераит, прибыл в эту страну вместе с Хулагу ханом, эмир сотни.
- Кехитай нойон – брат упомянутого Сунджака, из племени сулдус, великий эмир.
- Хедур-тука – брат Сунджака из племени сулдус, великий эмир.
- Ала-Тимур, брат Сунджака, из племени *сулдус*, старший эмир, *удачи*.
- Хеккудай – из племени манкгут, эмир тысячи.
- Хекгун – из суганут, великий эмир, эмир йасавулов.
- Текне – из суганут, великий и почитаемый эмир.
- Зенки – из племени йесут, великий эмир, эмир ставки Улджай – хатун.
- Ширамун – сын Джармагуна, из племени сунит, почтенный эмир, получивший место Улджай-нойона, из числа эмиров, покоривших Багдад.
- Сали нойон – из племени *татар*, как и Тайир, после смерти последнего его войска были переданы ему. Завоевал Кашмир, привез Хулагу-хану много богатств и пленных.
- Кермай – был почитаемым эмиром.
- Салджедай нойон – из числа эмиров, покоривших Халаб.
- Дукуз нойон – из числа эмиров, разбивших войска турок.
- Эмир Алмату – из числа приближенных эмиров.
- Салмар – сын Меша, ему было отдано место его брата Хенду, которого Маликшах за какую-то вину казнил. Вместе с Кит-Бука его отправляли на войну с египтянами, однако он вернулся, за что по законам *йаса* его казнил Хулагу-хан.
- Будан-бахадер – брат Сунджака из племени сулдус, великий эмир.
- Халифа, из племени *манкгут*, почтенный эмир, эмир войск.
- Куту-бука – из племени суганут, великий и почитаемый эмир.
- Хуладжу нойон – великий эмир, направленный перед началом выступления в Иран к каану.
- Укали-турджи – из числа эмиров тысячи правого крыла, прибыл в Иран вместе с Хулагу ханом. Отцом Урук-бука был он.
- Йесу-бука – куркан, из племени дурбан, великий эмир.

Тулке-бахадер – был почитаемым эмиром.
 Сарук эмир – был великим эмиром.
 Мегай эмир – был великим эмиром.
 Сайф ад-дин – битикчи, отец Мамалика.
 Аху-сулурджи – из числа эмиров, взявших Алеппо.
 Седагу нойон – почитаемый эмир. Захватил Маусил и убил Малика Салиха, сына Бадр ад-дина, который поднял мятеж.
 Туркан нойон – из числа эмиров, взявших Алеппо.
 Кера-йурджи – из племени курлаут, почитаемый эмир. Эмир всех курджиян, отец Марука. В эту страну прибыл вместе с Хулагу ханом.
Кука-битикчи, из племени *байавут*, почтенный эмир, прибывший вместе с Хулагу в Иран. Предводитель всех битикчиев.
 Байан, из племени *барин*, почтенный эмир Кубилай-каана, вместе Хулагу-ханом направлен в эти края.
 Сектур – сын Илмика нойона из джалаир, был великим эмиром.
 Хуке куркан – почитаемый эмир, прибыл в Иран вместе с Хулагу ханом. Сын Джудже, брат Тукдан хатун.
 Таир – его вместе с войском отправили в Кашмир. Когда Хулагу-хан прибыл в Иран, войска Таира были по приказу переданы Хулагу-хану.
 Джурмагун нойон – прибыл вместе со своими войсками и Хулагу-ханом в Иран. Затем эти войска были переданы Хулагу-хану.
 Кедсун – почитаемый эмир, из числа эмиров, взявших Багдад.
 Арку нойон – почитаемый эмир, взял крепость Эрбиль.
 Сунтай нойон – был почитаемым эмиром, из числа эмиров, взявших Багдад.
 Турджи куркан – из числа эмиров, взявших Алеппо.
 Селхитай нойон – был почитаемым эмиром, из числа эмиров, взявших Алеппо.
 Бату нойон – из числа тех эмиров, что разбили войско турок.
 Джеган нойон – из числа тех эмиров, что разбили войско турок.
 Тукай-йаргуджи – из племени хедин мамаут, был почитаемым эмиром, йаргуджи.
 Урус – сын Мулдусаура, из племени *йисут*, из числа эмиров *кезика*, *курчи*, прибыл вместе с Хулагу-ханом в Иран.
 Курджан-ака – почтенный эмир, из числа эмиров, которые покорили Алеппо.
 Муса куркан – был почитаемым эмиром, из кунграт, брат Мерти хатун.
 Кетак нойон – почитаемый эмир, когда Хулагу-хан решил покорить Багдад, он оставил его командующим армией.
 Бука – из числа эмиров, взявших Багдад.
 Кутай нойон – из числа эмиров, которые покорили Алеппо.
 Бурункай нойон – из числа эмиров, которые покорили Алеппо.
 Салджедай нойон – из числа тех эмиров, что разбили войско турок.
 Саларгу нойон – из числа тех эмиров, что разбили войско турок.
 Бури нойон – великий эмир, участвовавший в завоеваниях стран.

Потомки Хулагу хана

Дочери:

Пайба – ее мужем был Лекзи-куркан, сын Аргун-ага из племени ойрат.
 Кутлукан – ее мужем был Йесу-бука-куркан, сын Даргиту-нойона из племени дурбан, когда его не стало, на ней женился его сын Тукел.
 Таракай – ее мужем был Муса-куркан из племени кунграт, внук Чингиз хана от дочери, брат Мерти хатун.

Тудакадж – ее мужем был Тингиз-куркан из племени ойрат, когда его не стало, на ней женился его сын Суламиш, после него на ней женился Чечек-куркан, внук Тингиза.

Мунклукан – ее мужем был Джаку-куркан, сын Бука-тимур, брата Улджай хатун из племени ойрат.

Джамай – когда Тулукан не стало, ее отдали за Джуме-куркана на место вместо ее сестры.

Тулукан Ага – ее муж – Джуме-куркан, сын Джуджи из племени татар.

Сыновья:

Тагайтимур

Сыновья Тагайтимура: Хаджи, Курумши

Сыновья Курумши: Хасан, Хусейн, Исан, Мухаммад, Баир-сейид

Джукдай

Шибавджи

Хуладжу –

Мункатимур

Сыновья Мункатимура: Керай, Тайджу, Абарджи, Исантимур

Сын Тайджу: Пулад

Сын Абарджи: Кунджи

Хесудер – про этого Хесудера говорят, что когда он умер, через год и восемь месяцев его наложница родила сына. Его назвали Хабашем и приписали ему, считая его из рода Чингиз хана.

Куктемирдай –

Аджай, *его сын* Илдар

Тушин, *его сын* Саки

Теркай, *сын Теркая* – Байду

Сыновья Байду: Кунчак, Али, Мухаммад

Такши, *его сын* Тубат

Йушумут, *его сыновья* Суке, Зенбу, Каранукай

Чумгар – *сыновья:* Чушкаб, Кинкшу, *дочь* Тукуджак

Сын Кинкшу: Ширамун

Абака хан

Ахмад хан

Потомки Хуладжу: Кучуке, Сулейман, Худже, *дочери* Кутлукбука, Тукта, Меркуз, Улджай кутлук

Потомки Куктемирдая:

Исантимур, *его сын* Пулад

Илдай, *его сыновья* Ахтимур + *два квадрата*

Джариктимур

Таш тимур

Ашик тимур

Описание Ахмад хана и ветвей его потомков

Пояснение о его женах:

Бунур хатун – из племени кунгират.

Архени хатун из племени кунгират.

Илкутлук хатун

Саслин – дочь Хусейн ака

Суралу хатун – дочь Муса куркана

Пояснение о его наложницах:

Судай – из числа наложниц Абака хана, после смерти Абака хана на ней женился он (Ахмад хан).

Курфуджин – мать Буканджи.

Пояснение об эмирах, бывших в его время:

Шиктур – из племени джалаир, почитаем при Абака-хане и Ахмаде, однако последний не прислушивался к его словам.

Сунджак-ака – из числа почтенных эмиров при Абака-хане и Ахмаде. Хотя он одобрил воцарение Ахмада, однако, заняв престол, последний не внимал его словам.

Алинак – сын Инсур-битикчи, из племени керайит, почтенный эмир, эмир войск, доверенное лицо Ахмад-хана.

Бураджу – сын Дуртайа, великий эмир, куркан, эмир области Дийар-Бакр.

Шадай – сын Кирайа, почтенный эмир свиты, куркан.

Хендан – сын Кирай-баварджи, из числа приближенных баварджиев, курган.

Араб – великий эмир из числа тех, которые одобрили воцарение Ахмад-хана.

Асбек – великий эмир, из числа эмиров, поднявших Ахмада на трон.

Кара-Бука – почтенный эмир из числа одобивших воцарение Ахмада.

Йису-Бука – сын Алйаху-ака, старший эмир из числа свиты Ахмада.

Ак-Бука – из племени джалаир, старший эмир. Позднее был близок к Кихату-хану, хотя состоял в свите Ахмад-хана.

Байду нойон – великий эмир, командующий туманом охраны.

Куджуке – ункуджи, великий эмир, командующий войсками. Казнен по подозрению в сговоре с Аргуном.

Шади-ахтаджи – почтенный эмир, эмир войск. Казнен за сговор с Аргуном.

Аджуй-шукурджи – из числа эмиров войск.

Такай – молочный брат Ахмад-хана, почтенный эмир.

Шади – сын Сунджака, старший эмир, курган.

Абукан – великий эмир, командовавший войсками в ходе подготовки войны против Аргуна.

Аркшун – великий эмир, командовавший туманом.

Бука – из племени джалаир, великий эмир, из числа поклонников Аргун-хана, вынужден был служить Ахмад-хану после его воцарения.

Чамак – великий, почтенный эмир.

Бугдай-йаргучи – великий эмир, глава йаргучиев.

Казан-ака – сын Ашик-Бука, великий эмир, эмир войска.

Марук-кушчи, великий эмир.

Туладай йаргуджи – великий эмир, эмир йаргуджиев.

Потомки Ахмад хана:

Кабланджи

Нуханджи, его сын – Абубак-шах

Арсланджи

Дочери: Куджук – ее мужем был Алинак, Майну – ее мужем был Хазан из племени татар, Калтурмиш – ее мужем был Шади-куркан, Кунджак – ее муж эмир Иринджин, Сайилун, Чечак.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Миргалеев И.М.* «Шуаб-и панджгана» Рашид ад-Дина: перспективы изучения // Золотоордынское обозрение. 2013. № 1. С. 57–64.
2. *Миргалеев И.М., Хамидова Ч.И.* Генеалогия предков Узбек-хана по данным «Шуаб-и панджгана» Рашид ад-дина // Золотоордынская цивилизация. 2013. № 6. С. 22–26.
3. *Рашид ад-дин.* «Шуаб-и панджгана». Факсимиле / Подготовка к изданию к.и.н. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 460 с.
4. *Хамидова Ч.И.* Генеалогии Джучидов в сочинениях Рашид ад-дина и Хафиза Аbru // Золотоордынская цивилизация. 2016. № 9. С. 79–84.

Сведения об авторе: Чулпан Ильдаровна Хамидова – аспирант Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420014, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация). E-mail: zahragizza@gmail.com

*Поступила 23.12.2017 Принята к публикации 02.03.2018
Опубликована 29.03.2018*

REFERENCES

1. Mirgaleev I.M. «Shuab-i pandzhgana» Rashid ad-Dina: perspektivy izucheniya [Rashid al-Din's "Shuab-i pahjganah": Research Perspectives]. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2013, no. 1, pp. 57–64. (In Russian)
2. Mirgaleev I.M., Khamidova Ch.I. Genealogiya predkov Uzbek-khana po dannym «Shuab-i pandzhgana» Rashid ad-dina [The Genealogy of Uzbek Khan's Ancestors according to the Rashid al-Din's "Shuab-i pandzhgana"]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya = Golden Horde Civilization*. 2013, no. 6, pp. 22–26. (In Russian)
3. Rashid al-Din. «Shuab-i pandzhgana». *Faksimile* ["Shuab-i pahjganah". Facsimile]. Podgotovka k izdaniyu k.i.n. I.M. Mirgaleev. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences Publ., 2016. 460 p. (In Russian)
4. Khamidova Ch.I. Genealogii Dzhuchidov v sochineniyakh Rashid ad-dina i Khafiza Abru [Juchids' Genealogy in the Writings of Rashid al-Din and Hafiz Abru]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya = Golden Horde Civilization*. 2016, no. 9, pp. 79–84. (In Russian)

About the author: Chulpan I. Khamidova – Post-graduate, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420014, Russian Federation). E-mail: zahragizza@gmail.com

*Received December 23, 2017 Accepted for publication March 2, 2018
Published March 29, 2018*

УДК 930.2

DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.181-198

ШИХАБЕТДИН МАРДЖАНИ О ЗОЛОТОЙ ОРДЕ**И.М. Миргалеев¹, Р.Р. Абызова²**^{1,2} *Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*¹ *dilmur1976@mail.ru*, ² *arezeda22@rambler.ru*

Цель: публикация перевода на русский язык раздела об истории Золотой Орды из сочинения Шихабетдина Марджани «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Болгар» («Сведения, привлеченные для истории Казани и Булгара»).

Материалы исследования: Вниманию специалистов предлагается перевод на русский язык раздела по золотоордынской истории из известного сочинения Ш. Марджани «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Болгар». По идеологическим соображениям этот раздел был исключен из издания 1989 года. Представленный в русском издании 2005 года перевод первого тома этой книги оказался некачественным. На современном татарском языке данный раздел был опубликован еще в 2008 году. Учитывая, что в этом году будет отмечаться двухсотлетний юбилей Ш. Марджани, авторы решили опубликовать этот труд.

Ш. Марджани является автором более тридцати сочинений по истории, мусульманскому праву, теологии, этнографии, археологии, педагогике и т.д. Он – основоположник татарской академической историографии. Его работы были высоко оценены на всем мусульманском Востоке, а также известными учеными Казанского университета. В своем труде «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Болгар» Ш. Марджани использовал многие письменные источники таких авторов, как Рашид ад-дин, Ибн Халдун, Ибн Баттута, Мирхонд, Абулгази, Ибн Арабшах и др. Также он обращался к данным нумизматики, эпиграфики, письменным документам и историческим преданиям. По мнению Ш. Марджани, золотоордынское государство стало одним из величайших государств средневековья, а в качестве основных причин распада Золотой Орды он указал на упадок образования и культуры, внутренние раздоры и междоусобицы, нашествия внешних врагов.

Результат и научная новизна: Введен в научный оборот труд основателя татарской историографии Ш. Марджани, посвященный золотоордынской истории.

Ключевые слова: Ш. Марджани, Золотая Орда, татарская история, татарские ханства, Болгар

Для цитирования: Миргалеев И.М., Абызова Р.Р. Шихабетдин Марджани о Золотой Орде // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6. № 1. С. 181–198. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.181-198

SHIHABUTDIN MARJANI ON THE GOLDEN HORDE

*I.M. Mirgaleev*¹, *R.R. Abyzova*²^{1,2} *Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*¹ *dilnur1976@mail.ru*, ² *arezeda22@rambler.ru*

Research objectives: The publication of the Russian translation of the section on the history of the Golden Horde from the work of Shihabutdin Marjani, “Mustafad al-akhbar fi akhvali Kazan va Bulgar” (Information Related to the History of Kazan and Bulgar).

Research materials: This Russian translation of the section on the Golden Horde history from the well-known work of Sh. Marjani “Mustafad al-akhbar fi akhvali Kazan va Bulgar” is presented to the attention of specialists. This section was earlier excluded from the 1989 edition for ideological reasons. A translation of the first volume of this book in the Russian edition of 2005 turned out to be substandard. This section was also published in 2008 in the modern Tatar language. The authors decided to publish this work now in consideration of the fact that the 200th anniversary of Sh. Marjani’s birth will be celebrated this year.

In his work, Sh. Marjani used many written sources by such authors as Rashid al-Din, Ibn Khaldun, Ibn Battuta, Mirkhond, Abu al-Ghazi, Ibn Arabshah, and others. He also used numismatics and epigraphic data, written documents, and historical legends. According to Sh. Marjani, the Golden Horde state became one of the greatest states of the Middle Ages. He pointed to the decline of education and culture, internal strife and feuds, and invasions of external enemies as the main causes for the dissolution of the Golden Horde.

Research results and novelty: This work which the founder of Tatar historiography, Sh.Marjani, dedicated to the Golden Horde history will now be introduced into the present scholarly discussions.

Keywords: Sh. Marjani, Golden Horde, Tatar history, Tatar khanates, Bolgar

For citation: Mirgaleev I.M., Abyzova R.R. Shihabutdin Marjani on the Golden Horde. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018. Vol. 6, no. 1, pp. 181–198. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.181-198

16 января 2018 года исполнилось 200 лет со дня рождения великого ученого, религиозного деятеля, историка, философа и просветителя Шихабетдина Марджани (1818–1889). Он является автором более тридцати трудов, в которых освещены его научные взгляды, касающиеся вопросов истории, мусульманского права, теологии, этнографии, археологии, педагогики и т.д. Среди наиболее значимых произведений Ш. Марджани, принесших ему известность не только на его родине, но и на всем мусульманском Востоке и высоко оцененных известными учеными того времени, можно назвать такие его труды, как «Вафийат ал-аслаф ва тахият ал-ахлаф» («Подробное о предшественниках и приветствие потомкам»), «Хакк ал-марифа ва хусн ал-идрак» («Истина познания и красота ее постижения»), «Китаб ал-хикма ал-балига ал-джанния фи шарх ал-акаид ал-ханафия» («Книга о зрелой философии, помогающей объяснить учения ханафитов»), «Би-ттарикат ал-мусла ва-л-акидат ал-хусна» («Достоинством подражания путем и наилучшим убеждением») и др. [10, с. 93–94]. И, конечно, главным историческим сочинением Шихабетдина Марджани является его двухтомный труд «Мустафад

ал-ахбар фи ахвали Казан ва Болгар» («Сведения, привлеченные для истории Казани и Булгара»).

Первый том данной книги был издан в 1897 году в Казани в типографии Б.Л. Домбровского [4], второй том – в 1900 году в издательстве Казанского университета [5]. В этом произведении Ш. Марджани описывает историю Булгара, Золотой Орды, а также татарских ханств. Воссоздавая историю татарских государств, он представляет свой труд как некую программу для последующих поколений историков, которые в дальнейшем смогут проследовать в том числе и по пути, проложенному этим ученым.

В своем труде Ш. Марджани не ограничивается цитированием отрывков из источников: он сравнивает и анализирует их. Наряду с письменными памятниками ученый приводит информацию, которая содержится на старых татарских монетах, надгробных эпитафиях, а также исторические сведения, сохранившиеся среди народа. Данный труд свидетельствует и о том, что Ш. Марджани был знаком с русскими источниками. К примеру, ученый описывает Куликовскую битву, стояние на реке Угре и другие события, которые непосредственно касались татарско-русских отношений. Однако эти данные были заимствованы исследователем не из русских летописей, а из трудов русских историков. Здесь чувствуется влияние Х. Фаезханова и В.В. Радлова, которое было оказано на формирование исторических взглядов и методов Ш. Марджани.

Ранее источники, использованные в труде «Мустафад ал-ахбар», были изучены исследователями, также был составлен их перечень [1, с. 17]. Среди работ, освещающих историю Золотой Орды, можно назвать сочинения Ибн Халдуна, Ибн Баттуты, Ибн Арабшаха. По сей день их труды остаются одними из самых важных и ценных источников, поскольку эти авторы жили в ту эпоху, а, кроме того, Ибн Баттута и Ибн Арабшах еще и лично посетили Золотую Орду.

Следует отметить, что Ш. Марджани в своем труде использует множество источников. Однако ученый не всегда озвучивает их названия. К примеру, иной раз при обозначении отдельных источников он может лишь упомянуть, что они взяты из «некоторых сборников». Ш. Марджани использует и татарские источники, например, он полностью приводит тексты ярлыков, которые относятся к периоду Золотой Орды: это ярлык Токтамыш-хана к Ягайлу и ярлык Тимур-Кутлука. Ш. Марджани отмечает, что они написаны на татарском языке уйгурской письменностью. Кроме этого, Ш. Марджани в своем труде искусно связывает события с реальной жизнью, используя пословицы и поговорки, широко распространенные среди народа. Так, в его труде можно встретить такие изречения, как «среди ордынского народа пал и Бердибек» или «у ногайского народа вера распространилась от хана Узбека». Ш. Марджани упоминает также о существовании пословицы «если Волгу покроет лед, всякий замерзшую перейдет, а от Идегея никто не уйдет». Эти же предания приведены и в труде Утемиша-хаджи [9], что может указывать на знакомство Ш. Марджани с данным сочинением.

Ш. Марджани в своем труде называет имена многих ученых той эпохи, среди которых Котбеддин ар-Рази, Ахмед бин Махмуд ал-Джунди, ас-Саид Джалаледдин, Гали бин Мухаммад бин Дихкан ал-Байканди, Тафтазани и многие другие. Ученый отзывается о них с большим уважением. Среди ученых, которые особо часто упоминаются среди его источников, можно перечислить следующих авторов: Мирхонд, Ибн ал-Варди, Набакти, Абулгази, Ибн Арабшах, Рашид аддин, Ибн Халдун, Ибн Баттута, Мухаммад Риза-эфенди, Мухаммад Шибанкараи, Гатаулла бин Яхья Нугайзаде-эфенди и др.

Ш. Марджани, очень часто, обращаясь в своем труде к материалам нумизматики, рассказывает о ханских монетах. Ученый ведет речь о тех из них, которые чеканились в таких городах, как Сарай, Болгар, Крым, Орда, Гулистан, Хаджи-Тархан, Азак, Маджар, Хорезм. При описании двадцати трех ханов ученый говорит, что они чеканили свои собственные деньги, отмечает «нахождение множества монет». Вот имена золотоордынских ханов, которые приведены в его труде: Менгу Тимур, Туда Менгу, Токта, Кульна, Наурузбек, Килдебек, Хизр, Орда Мелик, Мюрид, Тулунбек, Токтамыш, Кадир Бирде, Борак, Дервиш, Чокре, П(Ф)улад Тимур, Тимур, Гияседдин Булек, Алыпхан Ходжа, Черкесбек, Гияседдин Агабек, Базарчы. О последних четырех Ш. Марджани справедливо замечает, что они «не были ханами всего Джучиева Улуса».

В те времена, когда только шел процесс становления нумизматики как науки, Шихабетдин Марджани весьма точно оперировал понятиями этой дисциплины; к примеру, в одном из его описаний говорится: «Фулад Тимур хан бин Тукан. Есть монета, отчеканенная в 768 году, на одной из сторон которой надпись – покойный Джанибек хан». Ученый сумел верно изложить свои мысли в этом вопросе, который в дальнейшем ввел в заблуждение многих исследователей. Здесь следует также заметить, что его слова, в которых говорится о хане Мамае и его монетах, отчеканенных в 763 году в Актубе и Азаке, нужно принимать лишь как повторение предшествующей историографической ошибки. На самом деле в городе Актубе не чеканились золотоордынские монеты, так же, как и Мамай не выпускал монеты со своим именем. Хотя до сих пор информация об этом появляется, и есть попытки все же приписать Мамаю чеканку монет.

Первый том произведения Ш. Марджани «Мустафад ал-ахбар» освещает историю татарского народа до XVI века. Второй том посвящен XVI–XIX вв. Основные труды Ш. Марджани были написаны на арабском языке, а «Мустафад ал-ахбар» – на татарском. И тем не менее, при создании своего труда Ш. Марджани использовал очень много арабских и персидских слов, а некоторые места и вовсе были написаны им на османском тюрки. Поскольку основные источники, процитированные в этом труде, были написаны на данных языках, и к тому же большие отрывки из них были даны без перевода, то в результате труд Ш. Марджани, и особенно первый том, получился на татарско-арабско-персидско-турецком языке.

Над изданием «Мустафад ал-ахбар», увидевшим свет в 1989 году и подготовленным к печати А.Н. Хайруллиним [3], была проделана большая работа, однако в соответствии с господствующей идеологией того времени труд Ш. Марджани претерпел значительные и серьезные сокращения. К примеру, если глава, посвященная Болгару, была приведена полностью, то период истории, который относился к Золотой Орде, был исключен. Несмотря на то что широким кругом исследователей высказывались мнения о том, что труд Ш. Марджани должен быть издан в полном объеме, тем не менее был подготовлен и издан лишь сокращенный вариант этой книги. К слову, следует заметить, все татарские ханства, помимо Казанского, также попали под ошибочные воззрения «инородной истории» и не были включены в данное издание.

Вышедший в 2005 году русский перевод первого тома «Мустафад ал-ахбар» [2] также изобилует ошибками. К подготовке перевода не были привлечены татарские филологи, историки, знатоки арабского, персидского и турецкого языков. Именно поэтому многие источники, приведенные в труде Ш. Марджани на языке оригинала, в большинстве своем (а особенно персидские) были попросту исключены. Кроме этого, по каким-то причинам перевод не был сопровожден комментариями. В данном переводе неправильно определены многие даты, приведенные

по летоисчислению по хиджре, а в иных случаях они и вовсе не указаны. Длинные и содержательные предложения первоисточника переведены кратко и односложно. Среди самого малого можно указать неправильное написание имен и понятий, наличие в переведенном тексте имен, которые отсутствуют в тексте Марджани; неправильно указаны годы по хиджре (вместо 708 года дали 758 год) [6, с. 239–241].

Ш. Марджани еще в самом начале первого тома «Мустафад ал-ахбар», на четвертой странице, пишет об этнониме *татар*; он объясняет, что нашему народу нельзя отказываться и отречься от этого имени, наоборот, необходимо гордиться им. После этого ученый повествует о происхождении современного татарского народа, указывая при этом на его корни: кыпчаков, булгар и непосредственно самих татар. Исследователь отмечает, что данные племена стали называться татарами в период Золотой Орды. А когда речь заходит о Чингиз-хане и его сыновьях, Ш. Марджани замечает, что «род их не татарский, а монгольский». Исследователь говорит о величии Золотой Орды, о ее покорении многих земель. Также Ш. Марджани ведет речь об известных ученых, ханах, а также других знаменитых личностях.

В произведении «Мустафад ал-ахбар» Ш. Марджани посвятил Золотой Орде 24 страницы [4, с. 93–117]¹. По его мнению, это средневековое татарское государство стало одним из величайших государств в истории. Заслуживает и его оценка упадка Золотой Орды. Основными причинами разлада государственности он считал упадок образования и культуры, внутренние раздоры и междоусобицы, нашествия внешних врагов.

Ниже приводится перевод на русский язык отрывка о Золотой Орде из книги «Мустафад ал-ахбар» Ш. Марджани. Текст разделен на четыре раздела: «Раздел о саинских правителях», «Раздел о правителях Джучиева улуса из числа Шейбанидов и других», «Раздел об Урусханидах» и «Раздел о потомках Токтамышша».

Шихабетдин Марджани. «Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Болгар» («Сведения, привлеченные для истории Казани и Булгара»)²

*Да пусть вознаградит их Всевышний
верой, достатком и властью.*

Раздел о саинских правителях

Один из них Джучи хан бин Чингизхан бин Есугей бин Бортай бин Кабил бин Тумна бин Бай *С.нт(к?)*.³ – самый знатный и последний из этого рода. После смерти Джучи хана, который умер раньше своего отца, в 627 году, Чингизхан назначил его второго сына – Бату, правителем Улуса Джучи, однако он, приступивший к возведению столицы государства – города Сарая, скончался незадолго до окончания строительства, и тогда власть перешла его брату Берке. При правлении Берке завершилось становление Сарая. Он первым из Чингизидов принял ислам. Улус Джучи стал именоваться Орда Бату или Степь Берке.

Бату, или, как еще его называли, Саин-хан, приступил к отстройке своей ставки – города Сарая, однако умер в 651 году... После него Менгу хан назначил ханом сына Бату – Сартака, однако тот скончался перед тем, как сесть на ханский престол.

¹ В 2008 г. данный текст был опубликован на адаптированном татарском языке [7].

² Раздел, посвященный Золотой Орде.

³ Слово неразборчиво.

Князь Руси сын Ярославля, Александр Невский, прибыл к нему для принесения клятвы. Есть поверие, что город Казань был основан ханом Сартаком.

Вслед за ним ханом стал его родственник Улакчи⁴, однако спустя некоторое время он умер. Затем ханский престол занял его брат⁵ Насреддин Абу ал-Мугали Берке. По свидетельству Абу ал-Музаффара Гумара бин ал-Варди, Набакти и других, Берке хан был сыном Бату, однако Ибн Арабшах и Абулгази, а также авторы трудов «Равзат ас-сафа», «Миръат ал-алям» и «Джами ат-тарих» утверждают, что он являлся сыном Джучи. Всевышний, указав Берке истинный путь, облагородил его сердце благочестием и вознаградил его верой. Берке принял ислам, после него мусульманином стал и его брат – Тукай Тимур. Настоящее имя Берке – Бурка, став мусульманином, он изменил свое имя.

Берке хан отправил войско под предводительством Букая против иранского правителя Абага хана, сына Хулагу. Оно прошло через Дербент, но потерпело поражение. Абага хан смог переправиться через реку Куру, однако вынужден был развернуться, услышав о приближении Берке хана с трехсоттысячным войском. По указанию Абага хана были разрушены переправы, на протяжении четырех дней две армии отстреливались друг против друга, после чего Берке направился в Тифлис, однако в пути был сражен недугом. Как говорится в труде «Равзат ас-сафа», Берке хан был мусульманским правителем, он прислушивался к советам ученых и духовных лиц. Из всех Джучидов и Чингизидов, так же, как из всех татарских ханов, Берке был первым человеком, кто принял ислам.

Составитель комментария к сочинению «Ал-Кудури» и автор труда «Ал-Куная» Наджмеддин Абу ар-Раджа Мухтар бин Махмуд аз-Захиди написал книгу о мусульманской религии, сопроводив ее восхвалениями пророка Мухаммада и, назвав «Рисалия Насырия», он подарил свое творение Берке хану. Берке правил на протяжении 25 лет, в 664 году после болезни он скончался и был похоронен в Сарае.

Сколько раз он сражался против правителя Азербайджана и Ирана – Хулагу бин Тулуя бин Чингизхана, который приходился ему родственником со стороны отца, и всегда оставался победителем, а Хулагу хан – побежденным. А после этого одерживал победу и над сыном Хулагу – Абагой-ханом. Впоследствии на ханский престол сел племянник Берке – Менгу Тимур бин Тукай бин Джучи. На монете, отчеканенной в городе Болгаре, написано: «Великий Менгу Тимур хан. Этот дирхем отчеканен в Болгаре в 673 году. В 678 году в месяц Мухаррам был предан вечному и славному Аллаху. Хвала Аллаху, нет божества, кроме Аллаха, Он один и нет у него соварищей».

По утверждению Ибн ал-Варди, в 665 году одно из татарских войск, достигнув Константинополя, заняло близлежащие территории, добравшись до крепости, где находился пленный сельджукский правитель румского султаната Кей-Кавус бин Кей-Хосроф бин Кей-Кубад, освободило его из заключения и доставило, вместе с близкими и детьми, ко двору хана Менгу Тимура. Кей-Кавус бин Кей-Хосроф бин Кей-Кубад находился в плену с 620 года, Менгу Тимур хан принял его с большой честью и уважением и даже выдал за него замуж свою дочь. Кей-Кавус прожил здесь до своей смерти в 677 году и был похоронен в Сарае. После смерти Кей-Кавуса Менгу Тимур, следуя языческим обычаям, пожелал отдать в жены свою дочь, оставшуюся вдовой, его сыну – Султану Масгуту. Султан Масгут бежал и поселился на румских землях, однако вскоре был пойман и

⁴ В действительности Улакчи приходился сыном Сартаку.

⁵ То есть родной дядя со стороны отца.

доставлен к Абаге хану, сыну Хулагу. Абага хан проявил к нему уважение, отдав ему в дар города Сивас, Арзан ар-Рум и Эрзинджан, а также даровав ему титул султана. Султан Масгут, который прожил примерно до 708 года, стал последним султаном из сельджуков.

В 681 году Менгу Тимур хан отправляет против Аргун хана, сына Абаги, восьмидесятитысячное войско во главе с Ногаем и Тукаем, однако армия Менгу Тимура, столкнувшись с сераскиром⁶ Аргун хана – Тугачаром, близ Карабагды, терпит поражение. В этом же году умирает и сам Менгу Тимур.

После него ханом стал его брат – Туда Менгу хан бин Тукан. На монете, отчеканенной в Сарае, написано: «Туда Менгу хан ал-Адел. Отчеканена в 681 году в городе Сарае. Хвала Аллаху и его посланнику». Абулгази в своей истории пишет про него: «Совершил много злодеяний и несправедливостей. Туктагу хан бин Менгу Тимур хан бежал от его жестокости». Ибн ал-Варди в своей истории повествует: «В 686 году Менгу хан бин Тукан, будучи из правоверных, покинул ханский престол, оставив вместо себя своего племянника – Тула-Буга хана бин Менгу Тимура».

История Набакти гласит: «Сыновья Тарбу – Алгу и Тугрул, сыновья Туклан Тулабуги и Кунчек свергли с престола Туда Менгу под предлогом того, что он безумный и на протяжении пяти лет правили самостоятельно. Туктай бин Менгу Тимур при помощи Багизкая бин Татара бин Хардала убил его».

Затем ханский престол Сарая, после Туда Менгу хана, занял Тулабуга хан бин Менгу Тимур хан. По утверждению Ибн ал-Варди, в 690 году он был убит Нагбатов бин Моголом бин Татаром бин Джучи ханом. В дальнейшем ханом стал Туктуга бин Менгу Тимур хан, который взял себе в соратники своих братьев – Берлека и Сарая.

Далее – Казан хан. Есть предание, что город Казань был назван так по имени этого хана. Это имя среди потомков Джучи хана встречается у трех личностей. Первый – упомянутый выше Казан хан бин Туган бин Джучи хан; второй – Казан бин Баян бин Байтимур бин Туктимур бин Джучи хан; и, наконец, третий – Казан бин Аячи бин Тули бин Урда бин Джучи хан. Это имя носил и сын Чагатай хана в Мавераннахре – Казан Султан хан бин Ясур бин Урк-Тимур бин Тугайтимур бин Кудгай бин Бузай Мутукен бин Чагатай хан бин Чингизхан. И, кроме того, сын Тули хана бин Чингизхана – Казан хан бин Аргун хан бин Абага хан бин Хулагу хан бин Тули хан. Из числа потомков Тули хана этот правитель первым принял ислам.

Затем на ханский престол сел Гияседдин Туктагу хан бин Менгу Тимур хан бин Туган. Абулгази в своей истории пишет: «Он бежал от Туда Менгу хана, через некоторое время, прибыв с войском, победил его и стал ханом, следовал советам своего отца и брата, спустя шесть лет своего правления скончался и был похоронен в Сарае».

Ибн ал-Варди повествует: «В 712 году скончался кыпчакский правитель Туктагу в возрасте тридцати лет, ханский престол занял его семилетний сын. Умер неверный, поклонявшийся идолам, который был благосклонен к мудрецам и ученым разных народностей, он особо благоволил мусульманам, пожелал править на территориях, где проживали тюрки-мусульмане, скончался в возрасте, в котором умер его отец, своим наследником оставил сына, однако вскоре власть перешла сыну его брата Узбеку. У него была огромная армия. Между ним и его

⁶ Сераскир – главнокомандующий войсками.

врагами завязалась война. Он призвал каждого десятого, и таким образом численность его войска достигла 250 000 всадников».

По мнению же скромного автора данного труда⁷, сведение о том, что Туктагу хан поклонялся идолам, должно быть ошибочным. Набакти про него сообщает: «Банукай бин Татар бин Хардал и Нугай бин Татар бин Буал бин Джучи хан просили помощи, он их убил, затем Банукай снова победил». В труде «Равзат ас-сафа» говорится: «В 703 году на границе Саксина и Болгара между Тукаем и Нугаем состоялось кровопролитное сражение. Тукай одержал победу, убив своего предшественника, стал правителем, подчинил себе территории Азербайджана и Ирана. Он отправил Казан хану вестника с извещением о том, что эти области были наследованы им Чингизханом, а Хулагу и его сыновья когда-то незаконно завладели этими землями».

Помимо этого, «Равзат ас-сафа» гласит: «Он отправил посланников Казан хану. Суть послания заключалась в следующем: по решению Чингизхана Иран и Азербайджан должны были принадлежать Джучи хану и его сыновьям. На протяжении уже многих лет Хулагу и его сыновья вопреки Ясе пользуются благами этих земель. Казан хан уже на следующий день должен передать нам эти территории, иначе пусть готовится к войне, и пусть знает: начиная от границ Каракорума до Дербента выставлены наши непобедимые стражники, возведены десять тысяч шатров, воины находятся в состоянии готовности, такое же состояние должна принять и остальная часть войска».

Для того чтобы показать всё возрастающую мощь своей армии, посланники раскрыли небольшой мешок, который был полон просовых зернышек. А для того, чтобы донести ту жесткость, которая присутствовала в содержании письма Тукая, они старались быть как можно вежливой. От многочисленности послов Казан хан был вне себя от ярости, он заявил: «Власть этого правителя бесконечна, а выдвигаемые им требования – безумны. Поскольку начиная со времен Хулагу хана и до сегодняшнего дня Иран и Азербайджан являются завоеванными нами территориями, которые были присоединены к нашим обширным землям. И думается, что ваши настоящие требования возможно разрешить лишь с помощью меча. Этот спор не может быть решен без силы оружия. С такими вестями вам надо было прибыть не только с полным мешком проса, но и захватить с собой несколько куриц, они моментально бы это зерно склевали». И повелел он отбыть посланникам Тукая. Известно, что начиная с 690 года по 713 год с именем Тукай хана чеканились монеты.

Затем на престол взошел его племянник Гияседдин Узбек хан бин Тугрул бин Менгу Тимур хан. Это самый великий, гуманный и религиозный из всех татарских ханов. Ибн ал-Варди говорит: «Стал правителем после своего брата. Молодой, мусульманин, мужественный. Необходимо шесть месяцев, чтобы пройти его владения, но города там маленькие». Этот правитель знатный и мудрый человек, особое усердие и внимание он приложил для распространения ислама, при его правлении большинство татар спокойным и мирным путем перешли в мусульманство, облагородившись исламом, они стали тверды в своей вере. Раньше некоторые татары, приняв ислам при мусульманском правителе, в дальнейшем отрекались от своей веры, если к власти приходил язычник.

Именно поэтому среди ногайцев широко распространено выражение, что «вера распространилась от хана Узбека». К нему с самых разных стран прибывали ученые, среди них были такие знаменитые, как автор комментария к труду

⁷ Т.е. сам Ш. Марджани.

«Ал-маталиг аш-Шамсия» Котбеддин ар-Рази, Ахмед бин Махмуд ал-Джунди, ас-Саид Джалаледдин – автор комментария к сочинению «Ал-Хаджибия», и многие другие ханафитские и шафиитские ученые. Гали бин Мухаммад бин Дихкан ал-Байканди, прокомментировав третью часть труда «Мифтах ал-гулум» и закончив свою книгу в 719 году в Хорезме в месяц Шагбан, подарил ее Узбек хану. Об этом упоминается в вводной части самой книги. Абулгази в своей истории пишет: «После смерти Туктагу хана на престол взошел тринадцатилетний Узбек хан, он правил по законам своих предков, оказывал уважение всем, кто заслуживал этого, при нем весь Улус принял ислам, благодаря этому великодушному человеку все население озарилось светом мусульманства, а Джучиев улус стал называться страной Узбека, он два раза выходил с войной против иранского правителя Абу Саид хана, однако не смог победить его».

Абу Абдулла бин Баттута в своей книге «Тухфат ан-назар» повествует: «Я прошел от Синопа до Крыма. В это время там правил эмир Телек-Тимур, назначенный султаном Мухаммад Узбек ханом. Эмир прислал мне коня вместе с имамом Сагъдедином. Шейха государства звали Зада ал-Хорасани. Вместе с великим кади Шамседдином ас-Саили ал-Ханафи, кади аш-Шафигый Хизыром, хатипом мечети «Малик Насир» Абу Бакром, хакимом Музаффаредином, шейхом Музаффаредином ал-Факихом я посетил Телек-Тимура, в это время эмир был болен. Однако принял нас с великодушием. Я хотел посетить султана Мухаммад Узбек хана в городе Сарае. В этом путешествии моими спутниками стали Гайса, Котлу Дамир, Сарубек, имам Сагъдедин, хатип Абу Бакр, кади Шамседдин, факих Шарафеддин Муса и Галяведдин ал-Муарраф. Муарраф должен был громким голосом стоя приветствовать кадиев, факихов и других знатных людей, которые прибывали ко двору эмира... После чего кто-то из присутствующих должен был встать и уступить ему место».

Как повествует Ибн Халдун, сыновья Джучи хана и его братьев всегда находились в состоянии войн и конфликтов с сыновьями Хулагу хана, и были весьма дружелюбны с тюркскими правителями Египта, каждый раз отправляя к ним послов и одаривая подарками. В 713 году, после того как Узбек стал ханом, к нему с поздравлениями прибыло посольство от мамлюкских правителей, а в 720 году в Египет было отправлено посольство во главе имама Узбек хана – Борханеддина, и татарских эмиров, где при свидетельстве кадиев, факихов и других знатных людей был официально заключен брачный союз мамлюкского султана ал-Малика ан-Насира с дочерью Тугачи бин Хинду бин Бакр бин Джучи хана – Толынбаш. Этот двусторонний союз стал очень значимым событием. С давних времен между Узбек ханом и иранским правителем Абу Саидом, в связи с победой эмира Чупана, существовала вражда и ненависть. Узбек хан смог подчинить себе многие города Хорасана, он обратился к Малику Насиру с просьбой объединения и взаимопомощи против Абу Саида и Чупана, и хотя Малик Насир вынял просьбе Узбека, в это же время к нему в Египет от имени иранского правителя Абу Саида прибыл Итмеш ал-Мухаммади, и в 722 году между ними в качестве перемирия был заключен союз, который предусматривал исполнение предписаний мусульманской религии и борьбу против иноверцев. Узбек хан, услышав эту новость, был крайне возмущен и высказал египетским послам свое негодование действиями Малика Насира. На что последовал ответ мамлюкского султана: «Они призывают нас к единению и исполнению обычаев ислама, а это дозволено и не противоречит законам шариата». После этого Узбек хан и Абу Саид заключили перемирие, и Узбек вернул иранскому правителю завоеванные прежде хорасанские города. Узбек хан скончался в 741 году в Сарае. В 718 году он посетил

через Дербент Азербайджан, а в 736 году совершил поездку в Иран. В 718 году князь Руси Юрий Данилович прибыл к Узбек хану для принесения клятвы и поздравления с его восшествием на престол.

После него ханом стал его сын Тинебек, но правление его, должно быть, было недолгим. Вслед за ним в 743 году ханский престол в Сарае занял его брат ас-султан Джалаледдин Абу ал-Музаффар Махмуд Джанибек. Московский князь Семен Иванович и митрополит явились к нему с клятвой и поздравлением. Великий ученый Сад ад-дин ат-Тафтазани, снабдив комментариями, подарил свою книгу Джанибек хану. Имя этого хана упоминается в этой книге, он предстает в ней как очень набожный, гуманный, справедливый, красивый и доброжелательный человек. Кади Мухеддин ал-Бардаги прибыл в город Сарай, он подробно описал самовластие и деспотизм правителя Ашрафа бин Тимурташа бин Чупана, своими жалобами расстрогал до слез всех людей, собравшихся в мечети. Впоследствии Джанибек хан с огромным войском двинулся на Азербайджан, ему удалось победить и убить Ашрафа, завладеть его землями и вместе с завоеванным добром и плененным сыном Ашрафа – Тимурташем, вернуться в Сарай. По этому поводу были даже сочинены стихотворные строки на фарси:

*Знай, что творил мерзавец Ашраф,
Его злодеяния остановил Джанибек.*

В Тебризе с пятидесятитысячным войском Джанибек поставил наместником сына Бердибека. В 758 году Джанибек хан скончался в городе Сарае. «Равзат ас-сафа» гласит: «Ашраф бин Тимурташ, крепко взяв власть в свои руки, учинял безграничные злодеяния. Кади Мухеддин ал-Бардаги от его бесконечной жестокости и деспотизма, как и другие, был вынужден отправиться в Сарай, где поведал о творящихся бесчинствах, на его проповеди присутствовал сам хан, Мухеддин ал-Бардаги склонил его к войне против Ашрафа, и Джанибек хан одержал победу над ним, по наставлению кадия Ашраф был убит и обезглавлен, а голова его была доставлена в Тебриз и повешена над входом в мечеть «Мурагин», и были вознесены благодарности Аллаху.

Хан прибыл в Тебриз с двумя тысячами всадниками, поселился в государственном дворце, утреннюю молитву совершил в мечети «Галишах», а войско его дислоцировалось вдоль реки, хан был закрыт для всех, и никто из простого люда не мог переступить порог его жилища. Хан жаждал его⁸ крови и с пятидесятитысячным войском оставил наместником в Тебризе сына Бердибека, сам вернулся в Сарай, а через несколько дней из ставки Джанибека пришло известие о том, что хан сильно болен.

Узнав о болезни отца, Бердибек поспешно выехал в Сарай, Ахичук, услышав об этом, со своими многочисленными соратниками прибыл в Тебриз, где к нему на службу примкнули и сподвижники Ашрафа; таким образом, Ахичук, пришедший к власти, продолжил жестокость и деспотизм, присущие правлению Малика Ашрафа.

Абулгази хан в своей истории пишет: «Кади Мухеддин сказал Джанибек хану: «Если ты не восстановишь справедливость над Ашрафом, в Судный день наши руки будут у твоих ног». Эти слова оказали влияние на Джанибек хана, он разбил Ашрафа и завладел его землями, а все драгоценности его раздал своим воинам. Джанибек вернулся домой с победой, однако вскоре был сражен недугом, так и не излечившись, решил оставить вместо себя сына Бердибека, с напут-

---

⁸ Ашрафа.

ствиями и наставлениями вызвал его из Азербайджана, однако, не дождавшись, его душа отошла к Всевышнему, он был похоронен в Сарае, правил 17 лет. После смерти отца Бердибек вернулся в Сарай, по прошествии трехдневного траура был торжественно возведен на престол».

Абулгази хан повествует: «Бердибек был крайне бесчеловечным, грозным и безнравственным. Он не считался со старшими, решился на убийство братьев, его правление продолжалось менее двух лет, и в 762 году он скончался. После этого никому из потомков Саин хана не суждено было прийти к власти, по этому поводу среди узбеков было широко распространено изречение, что именно на Бердибеке прервалась династия правителей».

В 760 году разбойники с русских земель взяли болгарский город Жукотин, болгарский эмир донес об этом событии хану, который в свою очередь отправил великому князю Дмитрию Константиновичу своих послов, и лишь суд над грабителями позволил избежать последствий для русской стороны. Затем ханом стал малолетний сын⁹ Кульна, которому суждено было носить титул хана шесть месяцев. Есть монеты с его именем, отчеканенные в Сарае и других городах, датированы они 761 годом. Затем брат по отцовской линии – Наурузбек хан бин Джанибек хан, пришел к власти, убив своего предшественника – хана Кульна, правил больше одного года, монеты его датированы (7)60, (7)61, (7)62 годами. Сначала жил на востоке от реки Яик, затем, объявив себя сыном Джанибека, прибыл в Сарай и провозгласил себя ханом.

Русские князья, понимая, что среди татар возникли разногласия, а государство их начало приходить в упадок, стали выражать свое желание о выходе из татарского подданства. Наурузбека убил Хизр хан. Затем ханом стал его брат – Килдебек. Есть монеты, отчеканенные в (7)60 и (7)62 году в Сарае, он тоже, как и Наурузбек, самозванец, говорят, что в действительности Килдебек не являлся сыном Джанибека. В итоге в скором времени был убит в Сарае. Таким образом, представители династии Бату хана потеряли контроль над государством, и к власти стали приходить совершенно другие люди.

В некоторых источниках отмечается, что после Казан хана к власти пришел сын его брата Кунжек бин Тарбу бин Тукан, затем – Алгу бин Менгу Тимур хан, а после – его брат Тугрул хан. Возможно, они правили во времена Туда Менгу хана, сменяя друг друга. Ибн ал-Варди повествует: «В 700 году Джака убил своего брата Таку бин Бугну, и между ним и его наместником Тайфуром случилась война. Тайфур одержал победу, затем примкнул к Туктаге, а Джака, чтобы выиграть время, бежал в Улак. Правитель Улака обманом переманил Джаку в крепость Тарбу, где убил, а голову отправил его эмиру, и земли Бугны отошли Туктаге. В 709 году Баян бин Кайчы завоевал владения своего брата Кутлука, который вскоре скончался. Баян, полностью захватив власть Кутлука, изгнал с отцовских земель и его сына – Каштимера, а также убил своего сородича Мангутая бин Кайчы».

Кем были они? Быть может, правителями Белой или Синей Орды?

Раздел о правителях Джучиева улуса из числа Шейбанидов и других

После того как прервалась правящая династия Саин хана, к власти пришел, после убийства им Наурузбек хана, Хизр хан бин Ибрагим бин Фулад бин Минтимур бин Бадакол бин Джучи Бука бин Бахадир хан бин Шейбан хан бин Джучи хан – наследник пятого сына Джучи хана – Шейбана. Он стал правителем всего Джучиева улуса и находился у власти с 760 по 762 год. Есть многочисленные монеты, отчеканенные в Булгаре и Сарае. После него ханом стал его сын – Тимур

⁹ Бердибека.

Ходжа хан. Убив своего отца, он пришел к власти в 762 году и находился на ханском престоле на протяжении всего пяти недель.

Отцеубийца не достоин власти,

А если скажешь достоин: не пробудет он там и шести месяцев.

Мирзу Мамай пленили, вывезли из Сарая и убили. Затем ханом стал Урда Малик хан, есть монеты, датированные 762 годом и отчеканенные в Сарае, Хорезме и Гулистане. Вслед за ним ханский престол занял Мамай хан, его монеты датированы 763 годом, отчеканены в Актубе и Азаке. Далее – Мурид хан бин Хизр хан, монеты датированы 763 годом. В 763–764 годах – Мирфулад хан. Затем в 765 году – Фулад Ходжа хан. После – Джанибек хан, умер в 767 году. С 766 по 772 год – Газиз Шаех хан. Затем – Фулад Тимур хан бин Тукан. Есть монета, отчеканенная в 768 году, на обороте написано «Покойный Джанибек хан». Вслед за ним Тулунбек хан. Он племянник Мирзы Мамай, монеты датированы 773 годом. Далее Гияседдин Булек хан, который был везиром Мирзы Мамай, монеты с его именем чеканились с 770–771 по 787 год в Сарае, Хаджи-Тархане, Хорезме, Орде и Маджаре.

Во времена Булек хана в 780 году Московский князь Дмитрий Иванович Донской, объединившись с русскими князьями и сплотив огромную армию, в решающем сражении на берегу Дона разгромил войска Орды. Беклярбек Булек хана – Мамай Мирза, после поражения бежал с поля боя в Крым, где был убит. С этих времен русские князья вышли из подчинения мусульманского государства. Власть над Русью вновь была восстановлена во времена Токтамыш хана.

Затем в 775 году ханом стал Алыпхан Ходжа хан. В 776 году – Чиркесбек хан. Далее в 777 году – Гияседдин Агабек хан. Примерно в 779 году – Базарчы хан. Однако все они не были правителями всего Джучиева улуса, одни возглавляли лишь отдельную часть государства, другие в междоусобной борьбе за власть чеканили монеты.

Кроме того, наряду с этими ханами еще несколько татарских ханов считались правителями этого государства, и если даже одни из них были болгарскими эмирами, другие – ханами Белой или Синей Орды, тем не менее, мы сочли необходимым упомянуть их имена, например, Султан Мухаммад, эмир Хасан и эмир Абдулла – болгарские эмиры. Саэт Раким и некоторые другие авторы считали, что Тимур хан бин Исан Буга хан и его сын Ильяс Ходжа хан являлись ханами Дешт-и-Кыпчака. Они, являясь потомками сыновей Чагатай хана, были правителями Кашгара и Мавераннахра.

Туклук (Кутлук) Тимур хан, воспользовавшись смутой и беспорядками в Мавераннахре, в 762 году в результате походов завоевал территории этого региона, а своего сына Ильяса Ходжу оставил наместником в Самарканде, назначив ему на службу Тамерлана. После смерти Туклук Тимур хана в 764 году Аксак Тимур обманом убил Ильяс Ходжу хана и захватил земли Мавераннахра. Мухаммад Риза в труде «Сабгъ Саяр» считает, что Казан хан бин Аргун хан, сын его брата Абу Саид хан, Каганбек хан, его сын Махмут Ходжа хан, а также Абулхаир хан являются ханами Дешт-и-Кыпчака. И это неверно, поскольку Казан хан и Абу Саид хан – правители Ирана. У них нет никакого отношения к Сараю, Булгару и другим кыпчакским городам. Напротив, они пребывали в страхе от наступлений Туктагу хана и Узбек хана на иранские города.

Каганбек хан и его сын Абулхаир хан были правителями Белой Орды. Гатаулла бин Яхъя Нугайзаде в своем труде «Хадаик ал-хакаикъ фи зайли аш-шикакъ» говорит: «В начале 970-х годов правитель города Кафы Касым паша

вместе с крымским ханом Мухаммад-Гиреем предполагали близ крепости Астрахань прорыть канал шириною в две мили вдоль великой реки, впадающей в Черное море, чтобы заставить две реки слиться, организовать здесь судоходство, и, словно великий завоеватель Искандер, покорить новые земли и озарить их светом ислама».

Раздел об Урусханидах

Многие потомки Урус хана были правителями в Сарае, именно поэтому мы сочли необходимым написать этот раздел. Согласно Абулгази хану, первый из них – Урусхан бин Бада Кул бин Туккол Ходжа бин Кунжек бин Сариджа бин Узтимур бин Тукайтимур бин Джучи хан. Об этом свидетельствует и труд «Сабгъ Саяр». Однако в некоторых источниках приводится имя хана Урусхан бин Джимтай бин Абисан бин Сашыйбуга бин Баян бин Кубенче бин Сартак бин Урда бин Джучи хан. Истину же знает лишь один Всевышний, а мне сожаления ни к чему. Он был правителем Белой Орды. В 763 году стал ханом всего Джучиева улуса, пробыл им до 781 года.

Затем ханом стал его сын Туктагу. Вслед за ним – его родственник Тимур Малик хан. После с 797 года по 799 год – его брат Куерджык хан, в это время русский князь Василий Дмитриевич возглавил поход на Казань, это было уже после эпохи Токтамыш хана. Далее престол занял сын брата Куерджык хана – Тимур Кутлуг хан бин Тимур Малик хан. Затем – его брат Бикбулат хан. Правил с 797 года по 802 год, когда он и скончался.

Сочли необходимым привести один его ярлык, написанный на тюркском языке уйгурской письменностью.

«Я, Темир-Кутлуг, говорю:

Огламам правого и левого крыла, бесчисленным добрым начальникам: тысячным, сотским и десятникам, казиям и муфтиям внутренних городов, их шайхам и суфиям, писцам палат, сборщикам и таможникам, разбегжим и дорожникам, букавулам и туткавулам, почтовым и станционным, сокольникам, барсникам, ладейщикам, мостовщикам и базарным надзирателям. Так как предки Мехмета, владеющего этим ярлыком, жили со времен прежнего, уже умершего Саин-Хана один после другого на правах истинного тарханства, основанного на ярлыке, а отца его, Хаджи Байрам Ходжу, пожаловал Хан, наш старший брат, и так как он (Мехмет) просил нас объявить об утверждении его тарханом, то мы принимаем благосклонно просьбу пожалованного нами Мехмета и объявляем ему быть тарханом. Отныне и впредь сыновья этого Мехмета, старший, Хаджи Мехмет, и Махмуд из деревни и из известной крепости Индирчи, находящейся в окрестностях города, называемого Судаком, в области Крыма и Кырк-ера, в которой с давних времен были многочисленные тарханы, пусть будет, как это требуется законным обязательством, вместе с землями и водами своими вольными тарханами. Их землям и водам, виноградникам и садам, баням и мельницам, владеемым местам, свободным местам, которые им остались от прежних времен, их деревням, их земледельцам и паевщикам, кто бы ни был да не причиняет насилия, незаконным образом да не отнимает у них их имущества. Повинность с виноградников, амбарной пошлины, плату за гумно, ясак с арыков, собираемый с подданных по раскладке, и подать и расходы, называемые каланом, да не взимают; если они приедут в Крым и в Каффу или опять выедут, и если они там что бы ни было купят или продадут, да не берут с них ни (гербовых) пошлин ни весовых, не требуют с них ни дорожной платы, должной от Тарханов и служителей, ни платы в караулы. Пусть со скота их не берут подвод, не назначают постоа и не требуют с них ни поила, ни корма, да будут они свободны и защищены от всяко-

го притеснения, поборов и чрезвычайных налогов. Пусть живут они спокойно и в тишине пусть воссылают молитвы и благословения в их священное время утром и вечером за Нас и Наше потомство. Для того, чтобы это было исполнено, дан им этот ярлык с золотым знаком и красной печатью. По летосчислению в восьмисотый год, в год барса, в шестой день месяца Шабана, когда мы были в Маджаваране, на берегу Днепра, это написано»¹⁰.

Затем ханом стал его брат Шадибек, правил с 803 года по 810 год в Булгаре и других землях. После него – сын его брата Фулад Тимур хан бин Тимур Кутлуг хан, есть монеты, которые чеканились с 810 года по 814 год в Булгаре, и в 810 году – в Крыму. Вслед за ним с 813 года по 815 год у власти был Тимур хан, имеются многочисленные монеты, отчеканенные в Булгаре, умер в 816 году.

После эпохи Токтамыш хана Куерджык хан, так же, как все последующие ханы из династии Урус-хана, взойдя на трон при помощи Мирзы Идегея и его сыновей, довольствовались тем, что все государственные дела находились в управлении мурз, а сами они обладали номинальной властью, и от их имени чеканились монеты. Тем не менее известно, что Тимур хан, не желая подчиняться Мирзе Идегею, говорил: «лучше быть упрямым быком на привязи, чем покорной овцой». Поэтому между ними часто случались междоусобные войны и конфликты. Что наносило вред обеим сторонам. Поступки Тимур хана отличались доброжелательностью, смелостью, проницательностью и мудростью. Он не желал уступать власть Идегею. В дальнейшем престол занял его двоюродный брат Борак хан бин Куерджык хан – предок казахских ханов. Затем – его сын Дервиш хан. После – его сын Чекре хан, есть монеты, отчеканенные в 817 году в Булгаре, Большой Орде, Хаджи-Тархане.

Вслед за ним к власти пришел его троюродный брат Мухаммад хан бин Тимур хан бин Тимур Кутлуг хан ал-Кабир. Более известный как Улуг Мухаммад. Сел на престол Саинидов в Сарае в 822 году, в 835 году после кончины русского князя Василия Дмитриевича, по причине юного возраста его сына Василия, на престол Руси претендовал дядя маленького Василия – Юрий Дмитриевич, для решения этого вопроса оба прибыли в Сарай к Улуг Мухаммаду, в результате спор решился в пользу Василия, сына Софии, происходившего из рода византийских правителей. Мухаммад хан ал-Кабир (Великий) отправил в Москву своего посла, который зачитал указ хана о княжении Василия, и тот был возведен на престол. А народ Руси закрепил свое обязательство о своевременной выплате дани ордынским ханам.

После Улуг Мухаммада престол занял Мухаммад хан ас-Сагир, более известный под именем Кичи Мухаммад хан. При помощи правителя Белой Орды – Ядкар хана бин Тимур Шаех хана аш-Шайбани напал на ставку хана – Сарай, одержав победу над Мухаммадом ал-Кабиром, изгнал его в 839 году и вплоть до 877 года пребывал на ханском престоле в Сарае.

Затем ханом стал его сын – Кече Ахмат. Правитель Хорасана Султан Хусейн Мирза бин Байкура выдал за него свою дочь Бика Бигем, у них было девять сыновей. В 877 году Ахмат выступает на Русь, совершает набег на крепость Алексин, однако, узнав, с одной стороны, что навстречу ему движутся многочисленные русские войска, а с другой – испугавшись нападения в свое отсутствие касимовского правителя Данияла бин Касим хана и родственника Муртазы на ханскую ставку – Сарай, вынужден был отступить и возвратиться обратно.

¹⁰ Приведен перевод В.В. Радлова [8].

Правление Саега Ахмата, который пришел к власти после отца Ахмата, было тревожным из-за распрей между его братьями. Ахмат хан был убит сибирским ханом Ибаком бин Махмуд ханом в 889 году.

Затем ханом стал Саег Мухаммад. После – его брат Шейх Ахмат хан бин Кече Ахмат хан. Он стал последним татарским правителем в Сарае. В дальнейшем татарское государство со столицей в Сарае окончательно распалось, а ханские ставки пришли в упадок. Упомянутый нами Ахмат хан в период правления государя всея Руси Ивана III отправил в Москву послов просить дань. Русский государь в порыве ярости растоптал ханскую грамоту, бросив ее наземь, казнил послов, оставив в живых и отправив обратно лишь одного из них. Впоследствии хан со своим войском, чтобы проучить непокорного князя, отправился с походами на Русь, он, разоряя и опустошая города, убивая и пленя население, дошел до реки Угры. Однако по воле Всевышнего, сюда стянулась многочисленная русская армия, и войска хана были побеждены, а сам Ахмат, которому и удалось обратиться в бегство, вскоре был нагнан и убит. Утратившее свою независимость государство со столицей в Сарае распалось на три части. Одна часть осталась в Казани, вторая – в Хаджи-Тархане, и третья – в Крыму. Это случилось в 908 году.

Наследники Урус-хана, начиная с Тимур Кутлуг хана, находились в контактах с потомками Токтамыш хана. Однако мы, разделив их, посвятили им отдельные главы. Все правители Руси начиная с 620 года и до этого времени находились под властью татарских ханов, а их государство считалось зависимой частью ордынского государства. Они были покорны и подневольны сарайским ханам в уплате дани. А если от ордынского хана в Москву прибывал посол, великий князь пешком выходил ему навстречу.

Раздел о потомках Токтамыша

Первый из них – Насреддин Токтамыш Бахадирхан бин Туйхуджа бин Тукколхуджа бин Кунжек бин Сарайджа бин Узтимур бин Тукайтимур бин Джучи хан. Некоторые упоминают родословную Токтамыш хана: Токтамыш хан бин Туйхуджа бин Джимтай бин Абисан. Стало быть, он является потомком Урды бин Джучи хана. Однако истину знает только один Всевышний.

Токтамыш хан – самый знатный, могущественный и достославный из всех татарских ханов. В 778 году после завоевания Сыгнака стал правителем Белой Орды и стал именоваться как Насреддин Бахадир хан. Следуя повествованиям Ибн Арабшаха, в 771 году, после того как Тимуром был убит правитель Мавераннахра – эмир Хусейн бин Фулад бин Кызгын ат-Тюрки, между Тимуром и Токтамышем случилось столкновение в Сыгнаке и Отраре. Об этом Аллах ведает лучше. Во времена правления Тимур Мелика, после гибели Урус-хана, Токтамыш при поддержке Тимура взшел на ханский престол в Сарае и стал правителем всего Джучиева улуса. В 782 году начал чеканить монеты, он был очень деятельным, смелым, достославным правителем.

Совершив походы в Азербайджан и захватив Тебриз и его окрестности, вернулся в Сарай вместе с ученым Камаледдином ат-Тебризи. Покорив русские земли, подчинил их татарам, а во время походов Тимура взял Самарканд. Однажды, припомнив обиды от мирзы Идегея из племени кунгурат, за дружественной встречей сказал ему: «В один из дней, совершив несправедливость по отношению ко мне и тебе, он заманил тебя на другую сторону и отвернул от столов полных явств, а очи твои, обращенные в вечность, покрыл мраком тленности». На что Идегей ответил хану: «Защити, наш великий хакан, раба своего, который не предавал тебя, от ненависти». А сам, быстро покинув хана, вскочил на коня и бежал к Тимурю.

Идегей склонил Тимура совершить поход на земли Токтамышша. Тимур спешно подготовился к захвату земель Берке. Перед битвой один из эмиров Токтамышша из правого крыла хотел отомстить другому эмиру. Несмотря на уговоры Токтамышша о том, что сейчас не время для мести, когда пришел враг, этот эмир не уступал в своем требовании и со своим племенем отделился и ушел. Этот эмир и Идегей в нужный момент «сломали крылья»¹¹ Токтамышу. И так между Токтамышем и Тимуром случилась война. Токтамыш был разгромлен и бежал в Польшу. Мусульмане, проживающие сейчас в этом государстве, это татары из войска Токтамышша. Данное событие случилось в 793 году.

Идегей, обманув Тимура, бежал от него. Тимура также предал шейх Валиддин Габдерахман бин Халдун ал-Магъриби ал-Малики ал-Казый. Тимур вконец разорил и сжег ордынские земли, пленил и истребил население, и татарское государство, окончательно прийдя в упадок, распалось на части. А мирза Идегей, объединив все племена и сформировав из них войско, воцарив на престол потомка Урус-хана – Тимур Кутлуг хана бин Тимур Малик хана, сражался с Токтамышем, каждый раз оказываясь побежденным, лишь на шестнадцатый раз он одержал над ним победу. В течение двух лет не знали вестей о Токтамышше, не было известно – жив ли он, либо мертвый, и лишь спустя два года, в течение которых Токтамыш считался умершим, он, пребывавший все это время в затишье, был убит. Идегей стал полновластным хозяином ордынских земель, а ханы, обладая лишь титулом, имели право только на речь и чеканку монеты. Так продолжалось до времен Тимур хана. Токтамыш хан умер в 798 году.

Вот ярлык, написанный Токтамыш ханом польскому правителю Ягайлу на тюркском языке и уйгурской письменностью:

Я, Токтамыш, говорю Ягайлу.

Для извещения о том, как Мы воссели на великое место, Мы посылали прежде послов под предводительством Кутлу Буги и Хасана, и ты тогда же посылаи к Нам своих челобитников. Третьего года послали некоторые огланы, во главе которых стояли Бекбулат и Коджамедин, и беки, во главе которых стояли Бекиш, Турдучак-берди и Давуд, человека по имени Эдугу к Темиру, чтобы призвать его тайным образом. Он пришел на этот призыв и согласно их злонамерению послал им весть. Мы узнали об этом (только) тогда, когда он дошел до пределов (нашего) народа, собрались, и в то время, когда Мы хотели вступить в сражение, те злые люди с самого начала пошатнулись и вследствие этого в народе произошло смятение. Все это дело случилось таким образом. Но Бог милостив был и наказал враждебных нам огланов и беков, во главе которых стояли Бекбулат, Коджамедин, Бекиш, Турдучак-берди и Давуд.

Для извещения об этих делах мы теперь посылаем послов под предводительством Хасана и Туулу Ходжи. Теперь еще другое дело: Ты собирай дань с подвластных Нам народов и передай ее пришедшим к тебе послам; пусть они доставят ее в казну. Пусть по-прежнему опять твои купеческие артели разъезжают; это будет лучше для состояния великого народа.

Такой ярлык с золотым знаком мы издали.

В год курицы, по летосчислению в 795-й, в 8 день месяца Реджеба.

Когда орда была в Тане, мы (это) написали¹².

¹¹ Т.е. оставили без поддержки.

¹² Приведен перевод В.В. Радлова [8].

У Токтамыша было восемь сыновей: Джалаледдин, Джаббар Бирде, Кибек, Керим Бирде, Искандер, Абу Саит, Кучек, Кадир Бирде Туккол Ходжа. Затем ханом стал его сын Джалаледдин. Все сыновья Токтамыша, пребывая в смятении после событий отца, покинули свою родину, разъехавшись в разные стороны. Джалаледдин бежал в русские земли. Он стал ханом в 815 году и был им 14 месяцев, после того как между мирзой Идегеем и Тимуром разгорелась война, и сыновья Токтамыша, воспользовавшись случаем, предъявили право на престол.

Затем ханом стал его брат Керим Бирде. После пяти месяцев правления был убит своим братом Джаббар Бирде, который после него стал ханом. Далее, примерно в 827 году, на престол взошел его брат – Кибек хан. Считался ханом на русских землях. Вслед за ним ханом стал его брат Кадир Бирде. Был правителем Крыма, Булгара и некоторых других областей. Есть монеты, отчеканенные в Булгаре и Крыму. В этой связи есть пословица: «Если Волгу покроет лед, всякий замерзшую перейдет, а от Идегея никто не уйдет». Крымские ханы являются потомками брата Токтамыш хана – Тулек Тимура.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Госманов М.А.* Шихабетдин Мәржани һәм тарихи чыганаclarны өйрәнү // Мәржани: тарих һәм хәзерге заман. Мәкаләләр жыентыгы. Казан: Мастер Лайн, 1998. 17 б.
2. *Марджани Ш.* Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар). Ч. I. Казань: «Фән» АН РТ, 2005. 255 с.
3. *Мәрҗани Ш.* Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр). Кыскартылып төзелде / Төз. Ә.Н.Хәйруллин. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. 415 бит.
4. *Мәрҗани Ш.* Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. Т. 1. Казан: Домбровский табгыханәсе, 1897. 264 б.
5. *Мәрҗани Ш.* Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. Т. 2. Казан: Университет табгыханәсе, 1900. 368 б.
6. *Миргалеев И.М.* К вопросу о достоверности перевода на русский язык книги Ш. Марджани «Мустафад ал-ахбар» // Золотоордынская цивилизация. 2009. Вып. 2. С. 239–241.
7. *Миргалеев И.М.* Шихабетдин Мәржани мирасыннан // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2008. № 1. С. 179–195.
8. *Радлов В.В.* Ярлыки Токтамыша и Темир-Кутлуга // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. 1888. Т. 3. С. 1–40.
9. Утемиш-хаджи. Кара таварих / Транскрипция И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой, З.Т.Хафизова; перевод на русский язык И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой; общ. и науч. ред. И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.
10. *Юзеев А.Н.* Философская мысль татарского народа. Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. 214 с.

Сведения об авторах: Ильнур Мидхатович Миргалеев – кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, **ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6013-6944>, Researcher ID: J-9533-2017** (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация). E-mail: dilnur1976@mail.ru

Резеда Равиловна Абызова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра истории и теории национального образования им. Х.Фазеханова Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация). E-mail: arezeda22@rambler.ru

Поступила 05.12.2017 Принята к публикации 06.03.2018
Опубликована 29.03.2018

REFERENCES

1. Gosmanov M.A. Shihabetdin Mardzhani ham tarikhi chyganaklarny iyrenu [Sh. Marjani and the study of historical sources]. *Mardzhani: tarikh h m kh zerge zaman* [Sh. Marjani: Heritage and Modernity]. Kazan, Master Layn, 1998. 196 p. (In Tatar)
2. Marjani Sh. *Iz vlechenie vestey o sostoyanii Kazani i Bulgara (Mustafad al-akhbar fi akhvali Kazan va Bulgar)* [Extracting news on the status of Kazan and Bulgar]. Kazan, Fan Publ., 2005. 255 p. (In Russian)
3. Marjani Sh. *M stafadel- khbar fi  khvali Kazan v  Bolgar (Kazan h m Bolgar kh ll re turynda faydalanylgan kh b rl r)* [Extracting news on the status of Kazan and Bulgar]. Kazan, Tatar Book Publ., 1989. 415 p. (In Tatar)
4. Marjani Sh. *Mostafadel-akhbar fi akhvali Kazan va Bolgar* [Extracting news on the status of Kazan and Bulgar]. Vol. I. Kazan, Dombrowski Publ., 1897. 264 p. (In Tatar)
5. Marjani Sh. *Mostafadel-akhbar fi akhvali Kazan va Bolgar* [Extracting news on the status of Kazan and Bulgar]. Vol. II. Kazan, Kazan State University Publ., 1900. 368 p. (In Tatar)
6. Mirgaleev I.M. K voprosu o dostovernosti perevoda na russkiy yazyk knigi Sh. Mardzhani "Mustafad al-akhbar" [To the question of the reliability of the translation into Russian of the book by Sh. Marjani "Mustafad al-akhbar"]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya=Golden Horde Civilization*. 2009. Is. 2, pp. 239–241. (In Russian)
7. Mirgaleev I.M. Shihabetdin Mardzhani mirasynnan [From the heritage of Shihabetdin Marjani]. *The Echo of the Ages*. 2008, no. 1, pp. 179–195. (In Tatar)
8. Radlov V.V. Yarlyki Toktamyshta i Temir-Kutluga [The Yarliks of Toktamysht and Temir-Kutlug]. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Rossiyskogo arkheologicheskogo obshchestva* [Notes of the Eastern Branch of the Russian Archaeological Society]. 1888. Vol. III, pp. 1–40. (In Russian)
9.  temish Hajji. *Qara tavarikh* [The Black History]. Kazan, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 312 p.
10. Yuzeev A.N. *Filosofskaya mysl' tatarskogo naroda* [Philosophical Thought of the Tatar People]. Kazan, Tatar Book Publ., 2007. 214 p. (In Russian)

About the author: Il'nur M. Mirgaleev – Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0001-6013-6944>, **Researcher ID:** **J-9533-2017** (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: dilnur1976@mail.ru

Rezeda R. Abyzova – Cand. Sci. (Philology), Senior Research Fellow, Faezhanov Center of History and Theory of National Education, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420014, Russian Federation). E-mail: arezeda22@rambler.ru

Received December 5, 2017 Accepted for publication March 6, 2018
Published March 29, 2018

УДК 94(438).03

DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.199-211

МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ИСТОЧНИК О ПОСОЛЬСТВЕ СИГИЗМУНДА ЛЮКСЕМБУРГСКОГО В КАФФУ 1412 Г.

В.П. Гулевич¹, Р. Хаутала^{2,3}

*¹ Аппарат Верховной Рады Украины
Киев, Украина
gulevych_v@ukr.net*

*² Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

*³ Университет Оулу
Оулу, Финляндия
romanhautala@gmail.com*

Настоящая статья содержит текст послания венгерского короля Сигизмунда Люксембургского коммуне города Каффа, генуэзской колонии в Крыму. В своей борьбе с Венецией король надеялся на помощь Генуи, которая конкурировала с Республикой Святого Марка в левантийской торговле. Для подрыва венецианских торговых путей Сигизмунд рассчитывал наладить контакт с ордынским ханом Джелал ад-Дином при посредничестве администрации Каффы и восстановить транзитную торговлю дорогами восточными товарами от Китая до Дуная и далее вглубь Венгрии и Германии. С этой целью в 1412 г. в Каффу было выслано официальное венгерское посольство.

Само послание короля содержит довольно скромное представление о его взглядах на далекую Орду и ее правителей, но обстоятельства вокруг посольства позволяют раскрыть более широкий европейский контекст восточной политики Сигизмунда в целом, затрагивавшей в той или иной степени Геную, Османскую империю и Польское королевство. Поскольку известий о венгерско-татарских отношениях в начале XV в. дошло до нашего времени совсем мало, и учитывая, что Сигизмунд пытался воплотить свой антивенецианский план в 1418 г., а также, возможно, еще раз между 1419 и 1428 гг., публикуемый источник представляет собой значительный интерес для исследователей истории Орды, Крыма и генуэзской колонии в Каффе.

Данная статья, таким образом, содержит латинский текст послания и его русский перевод, и предисловие с объяснением контекста событий как в Венгрии, так и в далекой от нее венецианской колонии города Тана (татарский Азак), находившейся в устье Дона.

Ключевые слова: Сигизмунд Люксембургский, Венеция, Орда, Каффа, Тана

Для цитирования: Гулевич В.П., Хаутала Р. Малоизвестный источник о посольстве Сигизмунда Люксембургского в Каффу 1412 г. // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 1. С. 199–211. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.199-211

**A LITTLE-KNOWN SOURCE ON THE EMBASSY
OF SIGISMUND OF LUXEMBURG TO CAFFA IN 1412**

V.P. Gulevich¹, R. Hautala^{2,3}

¹ *Verkhovna Rada of Ukraine
Kiev, Ukraine
gulevych_v@ukr.net*

² *Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

³ *University of Oulu
Oulu, Finland
romanhautala@gmail.com*

This article contains the text of a letter from the Hungarian and German king, Sigismund of Luxemburg, to the commune of Caffa, a Genoese colony in Crimea. In his struggle against Venice, the king hoped for the help of Genoa, which competed with the Republic of Venice in the Levantine trade. To undermine Venetian trade routes, Sigismund hoped to both establish contact with the Horde's khan, Jalal ad-Din, with the mediation of Caffa's administration, and to restore the transit trade of expensive Oriental goods from China to the Danube and further into Hungary and Germany. To this end, an official Hungarian embassy was sent to Caffa in 1412.

The letter rather meagerly reflects the opinion of the king regarding the distant Horde and its rulers. However, the circumstances of the embassy make it possible to understand the broader European context of Sigismund's eastern policy, which in one way or another affected Genoa, the Ottoman Empire, and the Polish Kingdom. The published source is of considerable interest to researchers of the history of the Horde, the Crimea, and the Genoese colony of Caffa, taking into account the fact that Sigismund tried to implement his anti-Venetian plan in 1418 and possibly once again between 1419 and 1428, and given the scarcity of information on the Hungarian-Tatar relations in the early fifteenth century. Thus, this article contains the Latin text of the letter and its Russian translation as well as an introduction which highlights the context of events both in Hungary and the distant Venetian colony of Tana (Tatar: Azaq), located at the mouth of the Don.

Keywords: Hungarian and German king Sigismund of Luxemburg, Venice, Horde, Caffa, Tana

For citation: Gulevich V.P., Hautala R. A Little-known Source on the Embassy of Sigismund of Luxemburg to Caffa in 1412. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018. Vol. 6, no. 1, pp. 199–211. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.199-211

Отношения между Венгерским королевством и кочевниками были довольно тесными и разнообразными еще в домонгольский период [11, с. 111–139; 12, с. 22–46]. Появление монголов в Северном Причерноморье и их поход против европейских государств [14, с. 272–313] не прервали их, а языковая близость европейских венгров с их сородичами, оставшимися в Азии, и прозелитическая деятельность католической церкви только подталкивали первых к контактам с кочевым миром [113, с. 156–177].

Обоснование монголов на Балканах [10] означало постоянно угрозу для Венгерского королевства и препятствовало венгерской экспансии, направленной не только в сторону современной Молдовы, но и украинского Подолья. Последние

значительные военные столкновения между Венгерским королевством и Ордой относятся к середине XIV в. [3, с. 22–30; 15, с. 506–515] и уже к концу этого столетия татарские кочевья отодвинулись далеко на восток от венгерских земель. Но и отсутствие общей границы не привело к разрыву контактов между ними. В Орде по-прежнему проповедовали венгерские миссионеры, а в самой Венгрии были знакомы с татарами, хотя о контактах между правителями в этот период не известно. Так, в «*Описании конгресса в Буде*» летом 1412 г. во время встречи венгерского короля Сигизмунда Люксембургского и польского короля Ягайла среди переводчиков с языков семнадцати различных народов были и знатоки татарского¹. Тогда же в Буду к польскому монарху прибыло посольство ордынского хана Джелал ад-Дина. Там по просьбе Ягайла послы обещали Сигизмунду помощь против всех его врагов и это событие очень взволновало Венецианскую республику [24, s. 131].

По мнению Лайоша Гарди и Ильи Зайцева, Сигизмунд Люксембургский, для которого главным врагом после поражения в битве 1396 г. у г. Никополь стала Османская империя, видел в Орде возможного союзника против турок. Именно это якобы и стало причиной того, что в 1411 г. венгерские дипломаты при дворе Иоанна XXIII блокировали просьбу поляков объявить крестовый поход против татар [33, s. 30 (со ссылкой на 18, s. 67); 4, с. 53]. На самом деле, если бы понтифик согласился на него, то это помещало бы другому крестовому походу, объявленному против неаполитанского короля, с которым сам Сигизмунд находился в непримиримой вражде [24, s. 115]. Также и публикуемый здесь источник о венгерском посольстве в Каффу 1412 г. описывает иную ситуацию.

Трения между Венгрией и Венецией из-за Далмации имели место еще в XIV в., но открытый конфликт вспыхнул после того, как в 1407 г. и 1408 г. Республика Святого Марка отказалась стать союзником венгерского короля в войне с турками и предоставить ему свой флот [26, no. 105, p. 99–100, no. 140, p. 136–138]. После того как в 1410 г. Сигизмунд стал германским королем, он попытался организовать блокаду Венеции, стараясь втянуть в конфликт не только европейские, но и азиатские государства. Война между ними с перерывами длилась с 1412 по 1433 год [31, s. 145–189].

Слабым местом Венеции была ее далекая торговая фактория Тана, расположенная в устье Дона и приносившая ей немалую прибыль [5, с. 82–97]. Согласно венецианского хрониста Марино Сануто, в 1410 г. какой-то татарский хан захватил в Тане консула Даниэлло Лоредано, убил многих венецианцев и разрушил немало зданий поселения. Убытки тогда составили 100 тыс. дукатов [30, col. 854]. Кроме того, часть венецианцев была уведена татарами: «*15 октября [1410 г.] прибыло известие в Венецию о том, как тартары разграбили в Тане все имущество, которое имели венецианцы. Там было много убитых, раненых и уведенных прочь венецианцев*»². Кроме того, Сануто упомянул, что «*и это [нападение] последовало 12 августа 1409 г. Татар на лошадях [тогда] было только 1800 с луками и саблями*»³. Очередное нападение произошло между 13 апреля и 23 июня 1411 г., когда «*новый император татар, захватив Тану, взял наших [венецианских] купцов в плен, среди которых был Стефано Контарини. И так генуэз-*

¹ «*Item von XVII landen sprache und lüte alz ... Dattern*» [21, p. 247].

² «*di 15 otubr. vene nuova in Venexia come Tartari aveano robado Latana de tutu l'aver che Veneziano aveano. La fo morti a feridi o menadi via assai Veneziani*» [29, p. 536].

³ «*E questo seguì a' 12 di Agosto del 1409. I'Tartari erano a cavallo solum 1800 con archi e scimitarre*» [30, col. 854].

ские купцы оказались там. И он [император татар] удерживал тот город»⁴. В последнем случае, по всей видимости, «императором» татар был Джелал ад-Дин бен Токтамыш, который именно в это время захватил Крым и продолжил наступление на восток. Уже в конце июня – в начале июля 1411 г. он захватил столицу, о чем свидетельствует запись в массарии г. Каффа от 9 июля о выплате ему денег, когда «*господин султан сын Токтамыша взял [город] Сарай*»⁵.

О тяжелых последствиях нападений на Тану, несомненно, знали и в окружении Сигизмунда. Для короля, который вынашивал планы покорения Венеция путем удушения ее торговли, прибытие татарского посольства в Буду в 1412 г. было отличным шансом насолить своим врагам. В планы Сигизмунда не входило подбивать татар на очередное нападение на далекую торговую факторию Венеции. Его замысел состоял в том, чтобы с помощью генуэзской Каффы, конкурировавшей с Венецией на тогдашних мировых морских торговых путях, и утвердившегося на правлении Джелал ад-Дина возобновить транзитную торговлю дефицитными и дорогими восточными товарами от Китая до дунайской Килии, откуда уже речным путем они бы попадали в Венгрию и Германию и тем самым подорвали финансовое состояние Республики Святого Марка. С этой целью в Крым были посланы королевские «*слуги и домочадцы*» Николай (Миклош) из Гереца (Гереци / Герещи), Ладислав из Сальмовара и Якоб из Хаугара.

Николай Гереци, по всей видимости, был дипломатом со стажем. В битве под Никополем он попал в турецкий плен [25, р. 504], где и пробыл двенадцать лет. Получив свободу в 1408 г., он вернулся в Венгрию и поступил на службу к королю. Вероятно, из-за своего пребывания в плену и знания турецкого языка Гереци получил прозвище «Сарацин» (Nicolaus Sarachenus) [16, р. 273]. На дипломатической службе он пребывал еще много лет и ездил с поручениями к правителям Востока.

Исследователи датируют посольство во главе с Гереци весной 1412 г. На самом деле, поскольку публикуемый источник не содержит даты, точно пока неизвестно, когда именно оно было отправлено в Крым. Не исключено, что венгерские послы отправились в дорогу вместе с возвращавшимся из Буды ордынским посольством, то есть летом 1412 г. Каким был его путь, также неизвестно. Поскольку в польских источниках нет упоминаний о возвращении татар и проезде венгров, скорее всего, он пролегал через Валахию и Молдавию по давнему торговому пути от Тягини на Днестре до Тавани на Днепре и далее в Крым, либо морским путем на судах генуэзцев, шедших напрямиком из Генуи в Каффу.

По мнению И. Зайцева, посольство было успешным, и венгры получили согласие татарского хана присоединиться к антитурецкой лиге [4, с. 53]. Но для подобного утверждения нет оснований. Сам первый публикатор источника Г. Хаймпель [22, s. 145–154], а вслед за ним В.Ф. Штрмель фон Райхенбах [31, s. 591] и Ж. Пах [28, о. 21], верно указали, что целью посольства было именно восстановление транзитного восточного торгового пути.

О результатах посольства нам ничего не известно. Неизвестно даже, имели ли послы аудиенцию у самого хана. Если они выехали из Венгрии летом, то ко времени их прибытия в Крым хан Джелал ад-Дин уже мог быть мертв, поскольку приблизительно в сентябре 1412 г. его убил родной брат Керим-Берди [8, с. 219]. По-

⁴ «*L' Imperadore nuovo de' Tartari, presa la Tana, lasciò i nostri mercatanti prigionii, tra' quali fu Stefano Contarini e altri assai, e così i mercatanti Genovesi erano ivi. E tenne quella Città*» [30, col. 856].

⁵ «*dominus soltanus filius Toctamis aceperat Serray*» (9 июля 1411 г.) [9, с. 166, прим. 14].

сле смерти этого неординарного сына Токтамыша Орду вновь охватил хаос, и родные младшие братья покойного хана убивали друг друга в борьбе за власть, не задерживаясь на правлении более чем на год. Л. Тарди считал, что в 1413 г. в Венгрии побывало еще одно татарское посольство [33, s. 31, 190, Fußnote 58]. В труде Самюэля Тимона, на который он ссылался, действительно сказано, что такое посольство прибыло в Буду⁶, но поскольку это событие упомянуто рядом с визитом в Венгрию польского короля Ягайла, то его следует датировать 1412 годом.

Задуманный с размахом смелый план короля потерпел крушение, но история с венгерским посольством в Крым имела продолжение. Конфликт между Сигизмундом и Венецией не прекращался. В январе 1414 г. Республика отклонила предложенное Византией посредничество, передав право решить его папе [27, p. 217; 34, no. 1514, II, p. 119–120 = 19, no. 3335, s. 99]. Лишь в феврале 1416 г. Сенат согласился с предложением ехавшего на Собор в немецкий г. Констанц византийского посла Николая Евдемона примириться на почетных и выгодных для себя условиях [27, p. 243]. На Соборе византиец не застал Сигизмунда, который к тому времени отбыл во Францию. Венецианцы несколько раз пытались отравить Сигизмунда, поэтому еще до окончания работы Собора (апрель 1418 г.) стала понятна неизбежность нарушения заключенного между ними пятилетнего перемирия, истекавшего в 1418 г., и неминуемого возобновления войны. Для удешевления морской торговли Венеции король вновь актуализировал свои давнишние планы перерезать ее торговые пути, в том числе и черноморские [32, s. 161–167]. В этом ему могла помочь, в частности, Орда.

Татарская делегация присутствовала на упомянутом выше Соборе, но время прибытия, цель и обстоятельство ее пребывания в Констанце неясны [2]. Известно, что Сигизмунд вернулся на Собор из длительного европейского турне лишь в начале февраля 1417 г., а без малого через год, 18 января, король отправил в Каффу очередное посольство во главе с братьями Иоганном и Конрадом Фишерами. Братья Фишеры представляли крупные торговые круги Германии [33, s. 193–194, Fußnote 90]. Цель Сигизмунда была прежней – восстановить транзитную восточную торговлю до Килии и далее по Дунаю в Венгрию и Германию [17, s. 203, no. 2857 = Haus-, Hof- und Staatsarchiv, Reichsregister (RR) F, fol. 86^v–87^r].

Состоялось ли, как проходило и чем закончилось второе посольство в Крым, нам также пока не известно. Но если Фишеры все же добрались до Каффы, то события 1418 г. позволяют предположить, что они могли сыграть трагическую для Таны роль. 18 мая 1418 г. «сто тысяч татар» во главе с «императором Личебардо» (Lichebardo Imperadore de Tartaro) напали на Тану, захватили город и нанесли убиток более чем на 200 тыс. дукатов [30, col. 923]. По мнению В. Гейда, С.П. Карпова и др., «Lichebardo» – это хан Керим-Берди [23, p. 378; 6, с. 32], но на самом деле он к тому времени уже был мертв. Скорее всего, под этим искаженным хронистом именем следует понимать очередного тогдашнего претендента на власть в Сарае, хана Кадыр-Берди, который в это время с помощью крымской знати выступил против эмира Едигея. На восстановление и строительство каменных укреплений Таны в 1420–1432 гг. Сенат вынужден был выделять значительные суммы [6, с. 32–34, 43; 20, p. 7; 7, с. 158–161] и это был чувствительный удар по финансам Республики.

Не исключено, что Сигизмунд предпринял и третью дипломатическую попытку воплотить свои планы в жизнь. В одном из источников, опубликованных Стефаном Катоней, сказано, что императорский посланник Йоза Тёрёк побывал с

⁶ «Tartarorum Legatio venit Budam, qua ferocior factum Imperator territat Venetos: at illi serio Dalmatiam eripere contendum» [35, p. 64].

посольством у некоего «*правителя Мухаммада, господина Татар Орды*»⁷. Г. Агостон и вслед за ним И. Зайцев склонны видеть в этом правителе хана Улуг Мухаммада, а саму поездку помещать между 1419 и 1428 гг. [16, p. 273–274; 4, с. 53–54]. Но так ли это было на самом деле, пока твердо ответить невозможно.

**Письмо Сигизмунда,
адресованное генуэзской коммуне Каффы в 1412 году**

Текст письма воспроизводится по изданию Германна Геймпеля [22, s. 154–156], основывавшемуся на копии в ватиканском кодексе *Cod. Pal. 701 f. 269^v–270^v* (вместе с дополнительным фрагментом на листе f. 303).

Латинский текст

Honorabiles, fideles, dilecti. Multa sunt, que insigni Januensi communitati libenter placere nos ammonent, dum multipliciter hactenus ipsam sacro Romano imperio ac imperatoribus prothavis progenitoribus ac predecessoribus nostris placuisse recolimus ... Non patientes igitur concepte voluntatis et publice utilitatis commoda diucius prorogari, sed ad decus et decorum rei publice in actum reducere, pariter ponere et in esse, contigit equidem nos ad instigationem prelibatorum nunciorum quendam, ut credimus, ordinatum modum concepissemus, quo mediante vestraque industria propensiori studio accedente, ut arbitramur, eidem communitati et consequenter rei publice multarumque regionum christianitatis profectus et utilitas resultaret perhenniter ampliari ac in eisdem mercimoniorum seu mercanciarum genera solito fecundius et copiosius iugiter habundare, potissime dum provideretur et disponeretur, prout in diebus antiquis revera fuisse asseritur, qualiter a regione Chatan mercimonia in Caffam et ad portum Kylie et demum ab illinc versus partes istas deferri et transvehi possint et debeant, dum isto modo aperiretur via deferendi mercimonia versus has partes et per hoc clauderetur et impediretur transitus et deportancia mercimoniorum in Egiptum, a quo Veneti hostes communes vendicant sibi ferre merces universas et consequenter per hoc antique astucie ipsorum Venetorum obviaretur et vergeret nimirum in eorum detrimentum. Et ecce nobiles Nicolaum de Geretz, Ladislaum de Zalmaway et Jacobum de Haugen aule nostre familiares, domesticos et nuncios speciales baiulos presencium versus dictas partes, eciam in presenciam illustris principis Gelebe Dinheim domini Thartarorum in hac materia de nostra intencione satis instructos propterea duximus destinandos, mittentes sibi per eosdem quedam iocalium genera simul et exteriorum. Ad cuius eciam aggressionem negocii promovendum vestre prudencie perita consilia et de rerum qualitate ex vicinitate propinquius, magis et perfectius edocta super hoc vestra suffragia dinoscuntur admodum oportuna. Et tanto libencius invitantur, quanto per id publico bono populi christiani consulitur, quantaque regionum ipsius multitudo et commodum nos pre ceteris orbis terre principibus quasi quadam specialitate sollicitat et eciam super hos nostrum et vestrum in teresse versari et non minus utrobique commodum prospicimus procurari pariter et augeri. Universitatem itaque vestram monemus, sollicitamus et attentius hortamur volentes, quatenus prelibatis nunciis nostris ad tam utilis et perfecti propositi prosecutionem celeriore et laudabiliorem vestros homines adiungere et cum eisdem ad presenciam prefati domini Thartarorum dirigere ipsosque nuncios nostros [instruere velitis],

⁷ «*in nostra ambasiata ad principem Mahometham, dominum Tartarorum de Ahorda*» [25, p. 506].

qualiter procedere et quales modos tenere ad aperiendum vias pro apportandis mercanciis instare apud eundem et petere debeant, informationes et ubicumque fuerit eis oportunum, consilium dantes ipsis, auxilium et favorem, de salvo nichilominus et securo conductu, ubi fuerit expediens, eisdem ob reverenciam nostre maiestatis liberaliter providentes, ita ut commissum sibi legacionis nostre officium in prosecutione tam optati communis boni celeriter et efficaciter exsequi valeant et vos possitis de studiosa diligencia promocionis status rei publice per effectum operis apud nostram clemenciam laudabiliter commendari. Datum etc.

Fiat mentio de multiplicibus et variis complacentiis ac devotionum affectionibus, quibus insignis Januensis communitas erga sacrum Romanum imperium ... claruerunt, pro quibus tanta cordis aviditate eidem communitati tamquam precipuo et nimis caro membro imperii afficimur eandemque amplectimur, ut quitquam favoris, promotionis, utilitatis quoque, commodi et profectus ex nostra sollicitudine et diligentia studiosa promovere posset, nobis ipsis utique reputaremus facta, et inter ceteras sollicitudines mentis nostre desideria moventes quodam recte affectionis zelo inducti contigit nos concepisse et excogitasse quandam viam et modum, quibus mediantibus, ut arbitramur, posset eidem communitati et consequenter rei publice multarum regionum profectus et utilitas insurgere et consequi, providentes, qualiter de regione Hathan mercimonia cuiuscumque speciei in Kaffan et ad portum Kylie – et propter hoc impediretur transitus mercimoniorum Venetorum negotiantium in Egiptum, et consequenter hoc vergeret in dampnum et detrimentum Venetorum communium hostium – versus partes istas deferri possent, et propterea dirigimus nobiles Nicolaum de Geretz, Ladislaum de Salmawar et Jacobum de Haugar aule nostre familiares, domesticos et nuntios baiulos presentium ad presentiam illustris principis Gebeledin Haan, dominum Tartarorum⁸.

Inducantur et ipsi de Chaffa, ut, quia ipsi sunt peritiores, informent de prosecutione negotii, ymmo et ipsi mittant nuntios speciales ad prosequendum, et quod provideant ipsis nuntiis de salvo conductu.

Перевод

Почтенные, верные, любезные. Много есть того, что побуждает нас охотно угождать выдающейся генуэзской коммуне, когда мы вспоминаем, как она до сих пор многократно угождала Святой Римской империи и императорам – нашими прадедам, родоначальникам и предшественникам ... Итак, не терпя более пренебрежения выгодами назревшего желания и общественной пользы, и для приведения в действие и равным образом осуществления во славу и целесообразность общественной пользы нам подлинно довелось по побуждению упомянутых выше послов найти один, как мы верим, упорядоченный способ присокупить также и ваше усердие с более предрасположенным старанием, дабы его следствием, как мы считаем, для этой же коммуны и, следовательно, общественных интересов, как и многих регионов христианства, было бы постоянное увеличение выгоды и пользы, и чтобы немедленно разжиться сортами товаров, более обильными и изобилующими, чем обычно, в то время как они смогли бы поставляться и быть в распоряжении в самой высшей мере, подобно тому, как утверждают, это действительно было в старые времена, дабы товары могли и должны были привозиться из региона Китая в Каффу и порт Килии и наконец оттуда перевозиться в сторону этих краев, чем оказались бы одновременно закрытыми и воспрепятствованными перевозка и отвоз товаров в Египет, из

---

⁸ Далее следует, как выше, после: *propterea duximus destinandum* etc.

которого, согласно притязаниям общих венецианских врагов, они привозят всевозможные товары, и, следовательно, посредством этого было бы оказано противодействие древним козням этих венецианцев, что обратилось бы им в несомненный ущерб. И вот мы направили с этой целью вельмож Николая из Геретца, Ладислава из Сальмавара и Якоба из Хаугара, слуг и домочадцев нашего двора и особых посланников, носителей настоящего письма, в упомянутые края, как и к прославленному правителю Гелебе Динхаиму⁹, господину тартар, достаточно осведомленных в отношении нашего намерения по этому поводу, послав ему в то же время через них же некоторые разновидности драгоценностей и прочего. И также для того, чтобы приступить к продвижению этого предприятия, весьма благоприятными считаются опытные советы вашей осмотрительности и в наибольшей и совершенной степени сведущее мнение, знакомое с природой дел из-за ближайшего соседства. И к ним обращаются тем охотнее, чем большее при этом подразумевается общественное благо для христианского народа, и чем больше нас, прежде прочих правителей земного круга, заботит выгода всего множества этих регионов, словно некая характерная обязанность, и мы также заботимся в связи с этим о продвижении наших и ваших интересов и не меньше о достижении взаимной выгоды, как и в равной степени о ее увеличении. Поэтому мы увещеваем всех вас, побуждаем и обращаемся с самым настойчивым призывом, желая, чтобы вы соизволили присовокупить ваших людей к нашим вышеназванным посланникам для скорейшего и похвальнейшего продвижения столь полезного и совершенного намерения и направить их вместе с ними к упомянутому господину тартар, как и научить этих наших посланников, как они должны предстать перед ним же и какой формы придерживаться, настаивая и прося об открытии дорог для привоза товаров, предоставив им сведения и любой для них благоприятный совет, помощь и услугу, и, кроме того, охотно предусмотрев для них же верное и надежное сопровождение, где оно понадобится, из почтения к нашему величеству, так чтобы они смогли как можно быстрее и эффективнее исполнить возложенную на них обязанность нашего поручения в достижении столь желанного общего блага, и дабы вы смогли похвально зарекомендовать себя у нашей милости приложением трудов старательного усердия к продвижению состояния общественного блага. Дано и т.д.

Да вспомнятся многие и различные услуги и преданное расположение, которыми выдающаяся генуэзская коммуна отличилась по отношению к Священной Римской империи, из-за которых мы радуемся этой же коммуне с такой страстью в сердце как особому и крайне дорогому члену империи, и ее же принимаем с объятиями, чтобы любую возможную услугу, повышение и также пользу, преимущество и выгоду, которым могли бы способствовать наши забота и усердное старание, мы могли бы непременно посчитать исполненными, и среди прочих забот, порождающих желания наших помыслов, нам, непосредственно побуждаемым неким страстным рвением, довелось задумать и изобрести некий путь и способ, посредством которых, как мы считаем, для этой же коммуны и, соответственно, для общественного блага и многих регионов могли бы быть почерпнуты и последовать выгода и польза, если они позаботятся о том, чтобы некоторые виды товаров из Китая можно было бы привезти через Каффу и порт Килии в сторону этих краев, чем была бы воспрепятствована перевозка товаров венецианцев, торгующих в Египте, и, следовательно, это обратилось бы в ущерб и

⁹ Хан Джелал ад-Дин бен Токтамыш (1411–1412 гг.).

убыль для общих венецианских врагов. И мы направили с этой целью вельмож Николая из Геретца, Ладислава из Сальмавара и Якоба из Хаугара, слуг и домо-чадцев нашего двора и посланников, носителей настоящего письма, к прославленному правителю Гебеледин Хаану¹⁰, господину тартар и т.д.

Эти из Каффы призываются научить, как способствовать продвижению предприятия, поскольку они являются более сведущими, или, лучше, направить специальных посланников для его продвижения, как и к тому, чтобы снабдить этих посланников надежным сопровождением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ваиари И.* Татарские походы венгерского короля Лайоша Великого // Золотоордынская цивилизация. 2010. Вып. 3. С. 22–30.
2. *Гулевич В.П.* Татары в кругу высокой европейской политики на церковном Соборе в Констанце // *Studia Historica Europae Orientalis*. Исследования по истории Восточной Европы. Вып. 10. Минск, 2017. С. 22–30.
3. *Дашкевич Я.* Угорська експансія на золотоординське Поділля 40-х – 50-х рр. XIV ст. // *Україна в минулому*. Київ–Львів, 1994. Вип. V. С. 32–65.
4. *Зайцев И.* Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV – пер. пол. XVI в.). Очерки. М.: «Рудомино», 2004. 216 с.
5. *Карпов С.П.* Маршруты черноморской навигации венецианских галей «линии» в XIV–XV вв. // *Византия. Средиземноморье. Славянский мир*. М., 1991. С. 82–97.
6. *Карпов С.П.* Преступление и наказание в венецианской Тане. Дело консула Эрмолао Валарессо // *Византийский временник*. Новая серия. М., 2010. № 69 (94). С. 32–43.
7. *Ковалевский М.М.* К ранней истории Азова // *Труды XII Археологического съезда в Харькове*. 1902. М., 1905. Т. II. С. 109–174.
8. Полное собрание русских летописей. Т. 11: VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1897. 254 с.
9. *Пономарев А.Л.* Первые ханы Крыма: Хронология смуты 1420-х годов в счетах генуэзского казначейства Кафы // *Золотоордынское обозрение*. 2013. № 2. С. 158–190.
10. *Узелац А.* Под сенком пса. Татары и јужнословенске земље у другој половини XIII века. Београд: Утопија, 2015. 321 с.
11. *Хаутала Р.* Исторический контекст основания католической епархии Кумании 1227 года // *Золотоордынская цивилизация*. 2014. № 7. С. 111–139.
12. *Хаутала Р.* От “Давида, царя Индий” до “ненавистного племса сатаны”. Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage». Вып. 2. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 496 с.
13. *Хаутала Р.* Сведения о заволжских мадьярах в латинских источниках XIII–XV вв. // *История татар Западного Приуралья*. Том I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 156–177.
14. *Хаутала Р.* От Бату до Джанибека: военные конфликты Улуса Джучи с Польшей и Венгрией (1) // *Золотоордынское обозрение*. 2016. Т. 4. № 2. С. 272–313.
15. *Хаутала Р.* От Бату до Джанибека: Военные конфликты Улуса Джучи с Польшей и Венгрией (2) // *Золотоордынское обозрение*. 2016. Т. 4. № 3. С. 485–528.

---

¹⁰ Хан Джелал ад-Дин.

16. *Ágoston G.* Karamania: The Anti-Ottoman Christian Diplomacy and the Non-existing Hungarian-Karamanid Diplomatic Relations of 1428 // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1995. Vol. XLVIII. No 3. P. 267–274.
17. *Altmann W.* Die Urkunden Kaiser Sigmunds (1410–1437). Bd. I: (1410–1424) // *Regesta imperii XI*. Innsbruck, 1896–1897. VII, 427 s.
18. *Beckmann G.* Der Kampf Kaiser Sigmund gegen die werdende Welmacht der Osmanen 1392–1437. Eine historische Grundlegung. Gotha: Friedrich Andreas Pethes, 1902. XII, 118 s.
19. *Dögler F.* Regesten der Kaiserkunden des Oströmischen Reich. 5. Teil: Regesten von 1341–1453 unter verantwortlicher Mitarbeit von Peter Wirth. München und Berlin, 1965. XXXII, 138 s.
20. *Doumerc B.* Les Vénitiens à La Tana (Azov) au XVe siècle // *Cahiers du monde russe et soviétique*. Paris, 1987. Vol. 28. No 1. P. 5–19.
21. *Fejér G.* Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis. T. X. Vol. 5. Budae, 1842.
22. *Heimpel H.* Zur Handelspolitik Kaiser Sigismund // *Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*. Stuttgart, 1930. Band 23. S. 145–156.
23. *Heyd W.* Histoire du commerce du Levant au Moyen Âge. T. 2. Leipzig, 1886.
24. *Jana Długosza* Dziejów Polskich księę dwanaście. T. IV. Ks. XI–XII / Przekł. K. Mecherzyńskiego. Kraków, 1869. 678, XXIII s.
25. *Katona S.* Historia critica regum Hungariae stirpis mixtae. Ex fide domesticorum et exterorum scriptorum concinnata. Tomus V. Ordine XII: Ad anno Christi 1410 ad annum usque 1439. Budae: Tipis Regiae Universitatis, 1790. 932, 10 p.
26. *Monumenta spectantia Slavorum meridionalium*. Vol. 5. Zagreb, 1875. XVIII, 353 p.
27. *Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle / Publiés par N. Jorga*. T. I. Paris, 1899.
28. *Pach Z.P.* A Levante-kereskedelem erdélyi útvonala I. Lajos és Zsigmond korában // *Századok*. 1. Szám. Budapest, 1975. Old. 3–32.
29. *Prost M.A.* Les Chroniques vénitiennes // *Revue des questions historiques*. Paris, 1882. T. XXXI. P. 512–555.
30. *Sanuto M.* Vitae ducum venetorum // *Rerum Italicarum scriptores ab anno aerae christianae quingentesimo ad millesimum quingentesimum*. T. 22. Mediolani, 1733. Cols. 399–1252
31. *Stromer von Reichenbach W.F.* König Sigmunds Gesandte in den Orient // *Festschrift für Hermann Heimpel zum 70. Geburtstag am 19. September 1971*. Zweiter Band. Göttingen, 1972. S. 591–609.
32. *Štefánik M.* Die Beschlüsse des venezianischen *Consiglio dei Dieci* zu den Attentatsversuchen auf Sigismund aus den Jahren 1413–1420 // *Kaiser Sigismund (1368–1437). Zur Herrschaftspraxis eines europäischen Monarchen / Herausgegeben von Karel Hruza und Alexandra Kaar*. Wien–Köln–Weimar, 2011. S. 161–173.
33. *Tardy L.* Sklavenhandel in der Tartarei. Die frag der mandscharen. Szeged, 1983. 258 s.
34. *Thiriet F.* Régestes des délibérations du sénat de Venise concernat la Roumanie. Vol. II. Paris–La Haye: Mouton et Co, 1959. 299 p.
35. *Timon S.* Epitome Chronologica rerum Hungaricarum et Transilvanicarum a nativitate divi Stephani primi regis apostolici. Claudiopoli, 1764. 336 p.

Сведения об авторах: Владислав Петрович Гулевич – магистр истории, главный консультант Управления по связям с местными органами власти и органами местного самоуправления Аппарата Верховной Рады Украины (01008, ул. М. Грушевского, 5, Киев, Украина). E-mail: gulevych_v@ukr.net

Роман Хаутала – Ph.D. (история), старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А.Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); доцент исторического отделения гуманитарного факультета университета Оулу, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0003-3898-0107>, **ResearcherID:** H-9114-2016 (90570, ул. Пентти Кайтера, 1, История, почтовый ящик 1000, университет Оулу, Оулу, Финляндия). E-mail: romanhautala@gmail.com

Поступила 05.12.2017 Принята к публикации 06.03.2018
Опубликована 29.03.2018

REFERENCES

1. Vásáry I. Tatarskie pokhody vengerskogo korolya Layosha Velikogo [Tatar Campaigns of the Hungarian King Lajos the Great]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya=Golden Horde Civilization*. 2010, Iss 3, pp. 22–30. (In Russian)
2. Gulevich V.P. Tatory v krugu vysokoy evropeyskoy politiki na tserkovnom Sobore v Konstantse [Tatars in the Circle of High European Politics at the Church Council in Konstantz]. *Studia Historica Europae Orientalis. Issledovaniya po istorii Vostochnoy Evropy*. [Studies on the history of Eastern Europe]. Iss. 10. Minsk, 2017, pp. 22–30. (In Russian)
3. Dashkevich Ya. Ugors'ka ekspansiya na zolotoordins'ke Podillya 40-kh – 50-kh rr. XIV st. [Hungarian Expansion in the Golden Horde Podilia in the 1340–50s]. *Ukraina v minulomu* [Ukraine in the Past]. Kyiv–Lviv, 1994, Iss. V, pp. 32–65. (In Ukrainian)
4. Zaytsev I. *Mezhdru Moskvoy i Stambulom. Dzhuchidskie gosudarstva, Moskva i Osmanskaya imperiya (nach. XV – per. pol. XVI v.). Ocherki* [Between Moscow and Istanbul. The Jochid States, Moscow and the Ottoman Empire (early 15th – first half of the 16th centuries). Sketches]. Moscow, «Rudomino», 2004. 216 p. (In Russian)
5. Karpov S.P. Marshruty chernomorskoj navigatsii venetsianskikh galey «linii» v XIV–XV vv. [Routes of the Black Sea Navigation of the Venetian “Lignie” in the 14th–15th centuries.] *Vizantiya. Sredizemnomor'e. Slavyanskiy mir* [Byzantium. The Mediterranean. Slavic World]. Moscow, 1991, pp. 82–97. (In Russian)
6. Karpov S.P. Prestuplenie i nakazanie v venetsianskoy Tane. Delo konsula Ermolao Valaresso [Crime and Punishment in the Venetian Tana. The Case of Consul Ermolao Valaresso]. *Vizantiyskiy vremennik. Novaya seriya* [Bizantina Xronika. New Series]. Moscow, 2010, no. 69 (94), pp. 32–43. (In Russian)
7. Kovalevskiy M.M. K ranney istorii Azova [To the Early History of Azaq]. *Trudy XII Arkheologicheskogo s'ezda v Khar'kove, 1902* [Proceedings of the XII Archaeological Congress in Kharkov, 1902]. Moscow, 1905, Vol. II, pp. 109–174. (In Russian)
8. *Polnoe sobranie russkikh letopisey*. Vol. 11: VIII. *Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 11: VIII. A Chronicle Collection Called the Patriarchal or Nikon Chronicle]. St. Petersburg, Tipografiya I.N. Skorokhodova, 1897. 254 p. (In Russian)
9. Ponomarev A.L. Pervye khany Kryma: Khronologiya smuty 1420-kh godov v schetakh genuezskogo kaznacheystva Kafy [The Early Khans of Crimea: The Chronology of the Turmoil in the Accounts of the Genoese Treasury of Caffa, the 1420s]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2013, no. 2, pp. 158–190. (In Russian)

10. Uzelats A. *Pod senkom psa. Tatari i juzhnoslovenske zemlje u drugoj polovini XIII veka* [Under the Shadow of the Dog: Tatars and South Slavic Lands in the Second Half of the Thirteenth Century]. Beograd, Utopija, 2015. 321 p. (In Serbian)

11. Hautala R. Istoricheskiy kontekst osnovaniya katolicheskoy eparkhii Kumanii 1227 goda [Historical Context of the Cuman Catholic Bishopric's Foundation in 1227]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya=Golden Horde Civilization*. 2014, no. 7, pp. 111–139. (In Russian)

12. Hautala R. *Ot "Davida, tsarya Indiy" do "nenavistnogo plebsa satany"*. *Antologiya rannikh latinskikh svedeniy o tataro-mongolakh* [From "David, King of the Indies" to "Detestable Plebs of Satan": An Anthology of Early Latin Information about the Tatar-Mongols]. Seriya «Yazma Miras. Pis'mennoe Nasledie. Textual Heritage». Iss. 2. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2015. 496 p. (In Russian)

13. Hautala R. Svedeniya o zavolzhskikh mad'yarakh v latinskikh istochnikakh XIII–XV vv. [Latin Sources of the 13th–15th centuries on the Trans-Volga Magyars]. *Istoriya tatar Zapadnogo Priural'ya*. Vol. I: *Kochevniki Velikoy stepi v Priural'e. Tatarskie srednevekovye gosudarstva* [History of the Tatars of the Western Cis-Ural Region. Vol. I: The Nomads of the Great Steppe in the Western Cis-Ural Region. The Tatar Medieval States]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016, pp. 156–177. (In Russian)

14. Hautala R. Ot Batu do Dzhaniybeka: voennye konflikty Ulusa Dzhuchi s Pol'shey i Vengriey (1) [From Batu to Janybek: Military Conflicts of the Ulus of Jochi with Poland and Hungary (1)]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, no. 2, pp. 272–313. (In Russian)

15. Hautala R. Ot Batu do Dzhaniybeka: Voennye konflikty Ulusa Dzhuchi s Pol'shey i Vengriey (2) [From Batu to Janybek: Military Conflicts of the Ulus of Jochi with Poland and Hungary (2)]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2016, Vol. 4, no. 3, pp. 485–528. (In Russian)

16. Ágoston G. Karamania: The Anti-Ottoman Christian Diplomacy and the Non-existing Hungarian-Karamanid Diplomatic Relations of 1428. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1995, Vol. XLVIII, no. 3, pp. 267–274.

17. Altmann W. *Die Urkunden Kaiser Sigmunds (1410–1437)*. Bd. I: (1410–1424). Regesta imperii XI. Innsbruck, 1896–1897. VII, 427 p. (In German, Latin)

18. Beckmann G. *Der Kampf Kaiser Sigmund gegen die werdende Weltmacht der Osmanen 1392–1437. Eine historische Grundlegung*. Gotha, Friedrich Andreas Pethes, 1902. XII, 118 p. (In German)

19. Dögler F. *Regesten der Kaiserkunden des Oströmischen Reich*. 5. Teil: *Regesten von 1341–1453 unter verantwortlicher Mitarbeit von Peter Wirth*. München und Berlin, 1965. XXXII, 138 p. (In German, Latin)

20. Doumerc B. Les Vénitiens à La Tana (Azov) au XVe siècle. *Cahiers du monde russe et soviétique*. Paris, 1987, Vol. 28, No 1, pp. 5–19. (In French)

21. Fejér G. *Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticus ac civilis*, Vol. 5, Buda, 1842. (In Latin)

22. Heimpel H. Zur Handelspolitik Kaiser Sigismund. *Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*. Stuttgart, 1930, Vol. 23, pp. 145–156. (In German)

23. Heyd W. *Histoire du commerce du Levant au Moyen Âge*, Vol. 2. Leipzig, 1886. (In French)

24. *Jana Długosza Dziejów Polskich ksiąg dwanaście*, Vol. IV, Ks. XI–XII. Przekł. K. Mecherzyńskiego. Kraków, 1869. 678, XXIII p. (In Polish, Latin)

25. Katona S. *Historia critica regum Hungariae stirpis mixtae. Ex fide domesticorum et exterorum scriptorum concinnata*. Tomus V. Ordine XII: *Ad anno Christi 1410 ad annum usque 1439*. Budae: Tipis Regiae Universitatis, 1790. 932, 10 p. (In Latin)
26. *Monumenta spectantia Slavorum meridionalium*, Vol. 5. Zagreb, 1875. XVIII, 353 p. (In Latin)
27. *Notes et extraits pour servir à l'histoire des Croisades au XVe siècle*. Publiés par N. Jorga, Vol. I. Paris, 1899. (In French, Latin)
28. Pach Z.P. A Levante-kereskedelem erdélyi útvonala I. Lajos és Zsigmond korában. *Századok*. 1. Szám. Budapest, 1975, pp. 3–32. (In Hungarian)
29. Prost M.A. Les Chroniques vénitiennes. *Revue des questions historiques*. Paris, 1882, Vol. XXXI, pp. 512–555.
30. Sanuto M. *Vitae ducum venetorum. Rerum Italicarum scriptores ab anno aerae christianaee quingentesimo ad millesimum quingentesimum*, Vol. 22. Mediolani, 1733, cols. 399–1252. (In Latin)
31. Stromer von Reichenbach W.F. König Sigmunds Gesandte in den Orient. *Festschrift für Hermann Heimpel zum 70. Geburtstag am 19. September 1971*, Zweiter Band. Göttingen, 1972, pp. 591–609. (In German)
32. Štefánik M. Die Beschlüsse des venezianischen Consiglio dei Dieci zu den Attentatsversuchen auf Sigismund aus den Jahren 1413–1420. *Kaiser Sigismund (1368–1437). Zur Herrschaftspraxis eines europäischen Monarchen*. Herausgegeben von Karel Hruza und Alexandra Kaar. Wien–Köln–Weimar, 2011, pp. 161–173. (In German)
33. Tardy L. *Sklavenhandel in der Tartarei. Die frag der mandscharen*. Szeged, 1983. 258 p. (In German)
34. Thiriet F. *Régestes des délibérations du sénat de Venise concernat la Roumanie*, Vol. II. Paris–La Haye, Mouton et Co, 1959. 299 p. (In French, Latin)
35. Timon S. *Epitome Chronologica rerum Hungaricarum et Transilvanicarum a natiuitate divi Stephani primi regis apostolici*. Claudiopoli, 1764. 336 p. (In Latin)

About the authors: Vladislav P. Gulevich – MA (History), Chief Adviser, Office for Relations with the Local Government and the Local Authorities to the Staff of the Verkhovna Rada of Ukraine (5, M. Grushevsky str., Kiev 01008, Ukraine). E-mail: gulevych_v@ukr.net

Roman Hautala – Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); Docent, Historical branch at the Faculty of Humanities, University of Oulu, **ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3898-0107>**, **ResearcherID: H-9114-2016** (1, Pentti Kaiteran Str., Historia, PL 1000, 90570, University of Oulu, Oulu, Finland). E-mail: romanhautala@gmail.com

*Received December 5, 2017 Accepted for publication March 6, 2018
Published March 29, 2018*

ХРОНИКА

УДК 94

DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.212-214

НАУЧНЫЙ СЕМИНАР «НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТЮРКО-ТАТАРСКОЙ ИСТОРИИ: НОВЫЕ НАХОДКИ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ» (КАЗАНЬ, 6 ДЕКАБРЯ 2017 Г.)

Л.С. Гиниятуллина

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
lusiia@mail.ru*

6 декабря 2017 г. в рамках Международной научно-практической конференции «Эпоха сквозь призму личности: 130-летие Газиза Губайдуллина» в Институте истории им. Ш.Марджани АН РТ прошел научный семинар «Новые источники по средневековой тюрко-татарской истории: новые находки, интерпретация, перспективы исследований». Координатором семинара был заведующий Центром исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, к.и.н. И.М. Миргалеев, который рассказал о важности изучения новых источников по средневековой тюрко-татарской истории и включении их в научный оборот.

В работе семинара участвовали ученые из научных академических центров России, Великобритании и Финляндии. Основным докладчиком выступил доктор исторических наук Илья Владимирович Зайцев.

Его доклад был посвящен недавно найденному источнику «История Чингиз-хана» Мансура ибн Абдаррахмана (1741 г.). И.В. Зайцев рассказал биографию автора и историю создания этого сочинения. Вниманию слушателей была представлена и история изучения книги Мансура ибн Абдаррахмана. Ученый показал, что это сочинение было известно многим татарским богословам и исследователям XVIII–XIX вв. Но впоследствии «История Чингиз-хана» Мансура ибн Абдаррахмана выпала из научного оборота и не была обстоятельно изучена исследователями советского и постсоветского периода. Работа И.В. Зайцева по изучению и изданию данного сочинения призвана восполнить столь существенный пробел в историографии.

В этот же день состоялось очередное заседание редакционной коллегии научного журнала «Золотоордынское обозрение», в котором приняли участие сотрудники редакции журнала (И.М. Миргалеев, А.В. Аксанов, Э.Г. Сайфетдинова) и известные ученые: доктор исторических наук, и.о. директора ИНИОН РАН И.В. Зайцев (Москва, Российская Федерация); доктор исторических наук, научный сотрудник исторического факультета Оксфордского университета Мари Фаверо (Marie Favereau) (Оксфорд, Великобритания); кандидат исторических наук, начальник отдела Государственного комитета Республики Татарстан по архивному делу И.А. Мустакимов (Казань, Российская Федерация).

На заседании обсуждались проблемы, связанные с развитием деятельности, которые сегодня встают перед редакцией журнала. На обсуждение были вынесены следующие вопросы:

- работа редакционной коллегии;
- проблемы института рецензирования;
- увеличение доли англоязычных статей;
- унифицирование библиографического описания.

Главный редактор журнала И.М. Миргалеев кратко ознакомил коллег с деятельностью редакции журнала, рассказал о включении журнала в международные базы цитирования Scopus, WoS и в список ВАК МОиН РФ.

Представитель редакционной коллегии И.В. Зайцев отметил высокий уровень работы редакции, подчеркнул важность сотрудничества редакции с ведущими учеными-историками научных центров и вузов России и зарубежья. Мари Фаверо отметила высокий научный уровень всех номеров журнала, а также важность электронной версии журнала, и высказала свои предложения по распространению журнала, прежде всего, в европейских научных центрах. Ильяс Мустакимов рекомендовал активнее публиковать архивные материалы, призвал увеличить долю англоязычных статей.

Ключевые слова: международный научный семинар, источники, международное научное сотрудничество, редакция журнала, авторы

Для цитирования: Гиниятуллина Л.С. Научный семинар «Новые источники по средневековой тюрко-татарской истории: новые находки, интерпретация, перспективы исследований» (Казань, 6 декабря 2017 г.) // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 1. С. 212–214. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.212-214

THE RESEARCH SEMINAR “NEW SOURCES ON THE MEDIEVAL TURKIC-TATAR HISTORY: NEW FINDINGS, INTERPRETATION, PROSPECTS FOR RESEARCH” (KAZAN, DECEMBER 6, 2017)

L.S. Giniyatullina

*Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
lusiia@mail.ru*

The research seminar “New Sources on the Medieval Turkic-Tatar History: New Findings, Interpretation, Prospects for Research” was held at the Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences on December 6, 2017 in the framework of the International Scientific and Practical Conference, “The Epoch through the Person’s Prism: 130th Anniversary of Gaziz Gubaidullin”. The head of the M.A. Usmanov Center for Research of the Golden Horde and the Tatar Khanate (Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences), I.M. Mirgalееv, acted as the coordinator of the seminar and spoke about the importance of studying new sources on medieval Turkic-Tatar history and introducing them into current scholarly discussions.

Scholars from academic centers of Russia, Great Britain, and Finland took part in the seminar. Doctor of Historical Studies, Ilya Vladimirovich Zaitsev, acted as its main speaker. His speech was devoted to the recently discovery of the “History of Chinggis Khan” by

Mansur ibn Abdarrakhman (1741). I.V. Zaitsev described the biography of the author, the history of the creation, and the present study of this work.

The next meeting of the editorial board of the research journal, “Golden Horde Review”, was held on the same day, where the following issues related to the development of the journal’s activities were discussed:

- the work of the editorial board;
- peer review problems;
- increasing the proportion of English articles;
- unification of bibliographic format.

The editor-in-chief, I.M. Mirgaleev, briefly acquainted colleagues with activities of the journal’s editorial board and discussed the successful inclusion of the journal in the citation databases Scopus and WoS, as well as in the list of the Higher Attestation Commission.

Keywords: international research seminar, sources, international academic cooperation, editorial board of the journal, authors

For citation: Giniyatullina L.S. The Research Seminar “New Sources on the Medieval Turkic-Tatar History: New Findings, Interpretation, Prospects for Research” (Kazan, December 6, 2017). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018. Vol. 6, no. 1, pp. 212–214. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-1.212-214

Сведения об авторе: Люция Сулеймановна Гиниятуллина – младший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0002-3904-6079> (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация). E-mail: lusiia@mail.ru

*Поступила 20.12.2017 Принята к публикации 27.02.2018
Опубликована 29.03.2018*

About the author: Lyutsiya S. Giniyatullina – Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0002-3904-6079> (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: lusiia@mail.ru

*Received December 20, 2017 Accepted for publication February 27, 2018
Published March 29, 2018*

Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках
Государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности татарского народа
(2014–2019 годы)»

The preparation and publication of the journal were carried out
within the framework of the State program of the Republic of Tatarstan
“Preservation of the National Identity of the Tatar People (2014–2019)”

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.
Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете,
перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

The Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences is a holder
of exclusive property rights of its own publications. Any use of the material
of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole or in part,
without permission of the rights holder is prohibited.

На обложке: Караван на Великом Шелковом пути.
Фрагмент из Каталонского атласа Абрахама Креска. 1375 г.

On the cover: Caravan on the Great Silk Road.
Fragment from the Catalan Atlas of Abraham Cresques. 1375

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution”
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

All the materials of the “Golden Horde Review” are available under
the Creative Commons License “Attribution” 4.0 International (CC BY 4.0)

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. 2018. Т. 6, № 1

GOLDEN HORDE REVIEW. 2018. Vol. 6, no. 1

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны.
Distributed in Russian Federation and foreign countries.

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ

420111, г. Казань, ул. Батурина, 7

Подписано в печать 20.03.2018 г. Формат 70×108¹/₁₆

Усл. печ. л. 13,5 Тираж 500 экз.

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а
Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71, 231-04-19
E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru

Сайт
Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф

ЦИЗОТХ ИИ АН РТ и его издания:
<http://татаровед.рф/departments/6>

Сайт журнала: <http://goldhorde.ru>